

ТИХОН
СЕМУШКИН

АЛИЕТ
УХОДИТ В ГОРЫ

ТИХОН
СЕМУШКИН

CII

М.С.Чечуляев

ТИХОН СЕМУШКИН

АЛИТЕТ
УХОДИТ В ГОРЫ

*РОМАН
В ДВУХ КНИГАХ*

Советский Писатель
1949

*Решением Совета Министров Союза ССР
Семушкину Тихону Захаровичу
за роман „Алимет уходит в горы“ присуждена
Сталинская премия второй степени
за 1948 год*

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С утра было тихо, и голос человека слышался далеко, далеко. Море было спокойно и чуть-чуть дышало.

К вечеру сорвался буйный северный ветер. Море заволновалось, закипело. Волны росли, шум и грохот их отдавался в горах. Люди стойбища Энмакай вышли на морской берег встречать охотников с моржового промысла.

Пристально всматриваясь в закипавшее море, они громко и беспокойно перекликались. Их фигуры в широких меховых одеждах резко выделялись на белом фоне еще не растаявшего здесь снега. Ветер крепчал. Огромные валы обрушивались на берег и, разбиваясь, тут же исчезали.

— Алитет! Алитет! Али́тет-ет! — вдруг пронзительно закричал мальчик, стоявший на скале.

Показывая рукой в море, он беспрерывно кричал, гордясь тем, что первый заметил Алитета.

На горизонте показался парусный вельбот. Его то вскидывало высоко на гребень волны, то швыряло в черную пучину. Говор стих. В толпу женщин ковыляющей походкой пробрался великий ловец — старик Бааль. Он был одет в истертую оленью кухлянку, аккуратно подпоясанную тюленым ремешком. Его строгое, с глубокими складками горечи лицо выражало спокойствие и житейскую мудрость. Вся жизнь

старика прошла на море. Не один раз он встречался со смертью. Море сделало его суровым, настороженным. Старик слыл опытным охотником, и люди дорожили его мнением.

Посматривая часто мигающими глазами в разбушевавшееся море, он важно и со знанием дела сказал:

— На вельботе не опасно ходить в волну: он деревянный, и киль у него.

И, сложив сухие руки лодочкой, старик изобразил киль.

— А вот на плоскодонных кожаных байдарках плохо в волну. Опрокинуть может...

Старик рассказывал о том, что всем было хорошо известно. Но из уважения к нему люди слушали его внимательно и с особой почтительностью. Изредка женщины украдкой поглядывали в море. Все они знали, что в такую погоду охотники для предосторожности привязывают к бортам байдары тюлены мешки, надутые воздухом, но беспокойство за мужей все же отражалось на их встревоженных лицах.

Вдали темными, еле заметными пятнами показались и байдары. Они то исчезали, то вновь появлялись на гребне волн.

Вельбот шел полным ходом. Разрезая килем волны, он подходил все ближе и ближе. Огромный парусловил каждый порыв ветра.

Когда вельбот подошел к берегу совсем близко, парус свалился, закрыв убитых моржей.

На носу вельбота стоял коренастый охотник Туматуге. В руке он держал смотанный в круг тонкий длинный ремешок и настороженно следил за волной, готовясь бросить его на берег. Вельбот высоко занесило на волнах, и Туматуге, расставив ноги и пружиня ими, крепко держался, балансируя всем корпусом. Голова его была обнажена. От ударов волн летели брызги, и по одежде Туматуге стекала вода. Охотники сидели в вельботе и также напряженно следили за волной.

Когда вельбот занесло на гребень большой волны, Туматуге, сильно взмахнув рукой, бросил ремень на берег, но отступающая волна унесла его обратно.

Долго держался вельбот на волне, управляемый веслами. Много раз Туматуге бросал ремень, не достигая берега.

Старик Вааль сидел на берегу и следил за вельботом, попыхивая большой деревянной трубкой. Вдруг он поспешил снял торбаза, засучил штаны и, выхватив у подростка такой же, как у Туматуге, круг тонкого ремня, побежал к линии прибоя. И когда большая волна отступила, он стремительно, с необычайной проворностью бросился за ней. Взмахнув ремнем, старик ловко забросил его прямо на шею Туматуге, круто повернулся и, не оглядываясь, еще быстрее побежал от настигающей очередной волны. Запыхавшись, он упал на снег. Женщины бросились обувать его.

— Силы много, а ловкости нехватает,— сказал Вааль про молодых охотников.

Стоявшие на берегу люди вытянули с вельбота канат. Старик встал. Внимательно и спокойно глядя на волны, он считал их.

Люди взялись за канат, посматривая на старика, ожидая его команды.

Охотники неустанно работали веслами, не допуская вельбот раньше времени подняться на гребень большого вала.

Несколько раз старик пропускал большую волну и кричал людям, чтобы они хорошенъко взялись за канат. Но вдруг старик Вааль подпрыгнул и во весь голос крикнул:

— То-гок!

Люди мгновенно натянули канат и бегом с шумом и криком потащили вельбот, подгоняемый волной. Волна грохнулась на берег и ушла обратно, оставив вельбот на снеговой площадке.

С вельбота порывисто соскочил невысокий, крепкий, с сильно развитой шеей средних лет мужчина. Скуластое обветренное лицо его было почти коричневым. Бегающие в узких щелках черные глаза проницательно выглядывали из-под американского целлюлозного козырька, предохраняющего глаза от солнца. Правда, солнце давно уже скрылось за тучами, но Алитет не расставался с козырьком,— он любил аме-

риканские вещи. Непокрытая голова его обрамлялась венчиком черных прямых и жестких, как китовый ус, волос. Они закрывали почти весь его лоб и уши. Выстриженная догола макушка блестела. Лицо и вся коренастая фигура Алитета выражали силу, упрямство, жестокость.

Он был одет в нерпичью куртку, подпоясанную вместо обычного тюльпяного ремешка длинным семилинейным фитилем. На его поясе висело множество амулетов: кусочки кожи, красная бусинка, миниатюрное изображение моржа, вырезанное из кости, и даже двадцатицентовая монета. Всевозможные амулеты были подвешены и к вельботу. Амулеты предохраняли от злых духов, несчастий, болезней, способствовали удаче в жизни и делах. Удачный промысел на моржа веселил сердце Алитета.

— Близко моржа нет! — сказал он обступившим его сородичам. — Моржи идут далеко от берега. Там, дале-екол! — и Алитет размашистым жестом показал в даль моря. Он повернулся к вельботу, строго и зычно крикнул людям: — Эй, вы! Надо подальше убрать вельбот от волны. Или вы ослепли: знак может смыть!

Этот знак — «1916 год» — на борту вельбота был выведен черной краской. Американец, продавший вельбот Алитету, собственноручно нарисовал его. И вот на протяжении четырех лет Алитет ежегодно сам подкрашивал знак. Цифра «1916» уже превратилась в «1016». Этот знак доброй силы, положившей начало крепкой жизни, Алитет тщательно и суеверно оберегал.

— Быстро, быстро убирайте вельбот! — орал он во весь голос.

Люди, облепив борта, волоком потащили вельбот по твердому снегу. В вельбите было много мяса: с трех моржей. На окровавленных тушах лежали одиннадцать моржовых голов с длинными изогнутыми бивнями.

Туматуге, взявшись за бивни самой большой головы, еле-еле вытащил ее через борт. Бивнями он втолкнул ее в снег. Вскоре вокруг вельбота снег покрылся кровью. Туматуге вытащил одиннадцатую голову и

поставил ее на снег рядом с другими. Усатые морды моржей с большими открытыми глазами стояли в один ряд, как живые.

Алитет знает, что нужно приятелю американу! Бивни! А мясо можно бросить в море. Да и вельбот не поднимет больше трех моржей.

Женщины с сидящими у них на плечах детьми стояли у самого берега. Они жевали морскую капусту и неотрывно, молча следили за байдарками.

Старик Вааль подошел к Алитету.

— Нет, моржи далеко! Байдарные охотники ни одного не убили,— самодовольно улыбаясь, говорил Алитет.— Мой вельбот крепкий, быстрый, как олень. Морж от меня не уйдет. Недаром же я отдал за него Чарли шесть шкур белого медведя, два мешка лисьих и песцовых шкурок! А сколько моржовых бивней он получил от меня в придачу! — Алитет пренебрежительно махнул рукой в сторону моря и добавил: — А на байдарах охотиться — все равно, что без ружья за лисицей бегать.

Старик Вааль подошел к моржовым головам, с грустью посмотрел на них и промолвил:

— Сколько пропало мяса! Сколько еды пропало! От восьми моржей! Хорошая еда брошена в море.

— Американ плохой вельбот не привезет,— сказал Алитет, не слушая старика, и направился к выгруженным трем тушам.

Сюда сбежались и собаки со всего стойбища. Они смирно сидели полукругом, уставив умные морды на мясо и облизываясь. Нетерпение свое они изредка выражали протяжным поскрипыванием и щелканьем клыков. Наиболее нетерпеливые хватали комки снега, залитые кровью, и тут же пожирали их.

Мяса давно не было. С прекращением нартового пути собак перестали кормить. Исхудальные, обlinявшие, с повисшими на боках клочьями шерсти, они бегали по стойбищу и злобно дрались из-за выброшенных костей. Собаки убегали в глубь тундры, дичали, питаясь евражками¹ и полевыми мышами. И только собаки

¹ Евражки — вид сурчиков.

Алитета были в теле. Алитет любил хороших собак.

Один пес не выдержал тяжкого испытания и бросился к мясу.

— Гыты! Успеешь! Я вот тоже терпеливо жду куска мяса,— крикнул Вааль и отогнал его костылем.

Пес вялым прыжком отскочил в сторону, недовольно поглядывая на старика.

Прищурив глаза, Алитет рассматривал большую морковную голову. Он вытащил бивни из снега, повернул голову моржа и измерил клык кистью правой руки.

— Хороший клык. Двадцать паунт¹ в каждом будет.

Никто из охотников не представлял себе этой «паунтовой» меры и вообще никаких мер веса. И только Алитет, постоянно общаясь с Чарли, отлично знал, что такое паунт.

Чарльз Томсон — владелец пушной фактории — избрал Алитета своим посредником и для забавы научил его взвешивать товар на английских весах.

И теперь Алитет говорил о паунтах исключительно для того, чтобы подчеркнуть свою осведомленность в таком важном деле и чтобы люди понимали, какой он, Алитет, знающий человек. Сощурив бегающие глаза, он сказал:

— Речь человека собакам не понять. Не понять и нашим людям паунта. А я знаю, что такое паунт! — и Алитет торжествующе засмеялся, оскалив белые прочные зубы.

— Нет, Алитет,— покачивая головой, сказал старик Вааль.— Смеешься ты зря. Собаки понимают разговор человека. Только разговаривать они не хотят с ним. Я думаю так,— серьезно закончил старик.

Алитет недружелюбно посмотрел на него.

— Что такое говоришь ты, старик? Не оставил ли ты в яранге² разум свой?

Вааль немного помолчал, замигал и наставительно ответил:

¹ Паунт — английская мера веса: фунт.

² Яранга — юрта.

— Каждая голова, Алитет,— источник понятия. И человек, и зверь, и даже маленькая птичка — все с понятием. Если бы наши люди продавали клык Чарли-Красному Носу сами, а не через тебя, они тоже знали бы, что такое паунт.

— Зачем ты зовешь его Красный Нос? Или ты не знаешь, что он не любит этого?

— Нельзя же называть белым песцом красную лицу. Такой он есть,— сказал старик и, не спеша, осторожно переступая, направился к женщинам.

Алитет зло посмотрел вслед старику, плунул на снег и пошел к охотникам. Они уже сложили головы моржей на нарту, впряженные в нее гуськом и повезли к яранге Алитета.

Не ожидая просьб изголодавшихся людей, Алитет крикнул:

— Пусть люди возьмут по куску мяса в каждую ярангу! Еда нужна всем. Все равно байдарные охотники не привезут мяса. Пусть я буду кормить людей,— и, обращаясь к старику Ваалю, крикнул ему вслед: — А ты говоришь, сами охотники должны продавать американу. Разве люди не видят помочь от меня? Если сами они будут торговать с американом, обманет он. А меня не обманет.

— Американ — твой давнишний приятель,— отозвался старики.

Взвалив на спины большие куски мяса, люди с радостью потащили их в свои яранги. Все были веселы. Еще бы! Мясо от первой добычи! Промысел только что начался.

К берегу приближались байдарки.

— Стой! — вдруг закричал Алитет.— Подождите! Бросьте мясо! Надо принять байдарки.

Люди послушно побросали мясо и подбежали к Алитету. Он был «хозяином земли» — хозяином стойбища, и люди привыкли беспрекословно подчиняться ему. Сила и могущество Алитета известны были по всему побережью. Известность его проникала и в глубь тундры, где жили кочевники-оленеводы — чаучу.

К берегу подошли байдарки с парусами, сшитыми из старой мешковины. Одна байдарка погрузилась в

воду по самые борта. Шесть тюленьих пузырей, наполненных воздухом, словно огромные неуклюжие лапы сказочного зверя, хлопали по воде, поддерживая байдарку на волнах. Охотники, в меховых одеждах, сидели по пояс в воде, заполнившей байдарку. Они спокойно и старательно работали веслами, согреваясь и не давая выбросить байдарку на берег, пока не подан конец. Четверо подростков стояло на берегу, готовые принять ремень.

Ваамчо, сын старика Вааля, три раза бросал ремень, и он не достигал берега. Мокрый Ваамчо стоял в байдарке по колено в воде. Под мягким дном кожаной байдары клокотало море. Старик Вааль начал разуваться. В этот момент Ваамчо вскочил на борта и сильным броском подал ремень.

Старик выждал момент и опять прокричал:

— То-о-гок!

Байдарка оказалась на берегу. Из нее выпрыгивали мокрые охотники. Сквозь лопнувшее дно выливалась вода, а пузыри с воздухом повисли вдоль бортов.

— Моржовая кожа старая,— со вздохом сказал старик Вааль.— Надо было этим летом сменить ее, а кожи не было.

Скоро все байдарки оказались на берегу. Алитет был прав. Охотники убили только одного тюленя. Неудачей начался моржовый промысел для них.

— Если бы не Алитет, так и не попробовать бы свежего мяса,— сказал Туматуге.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наргинаут, крупная женщина с татуировкой по всему лицу, суетливо развязывала мокрые ремни на торбазах мужа. Алитет лежал на спине, молча поглядывал на жену.

Наргинаут сняла с него торбаза, меховые чулки, стянула верхние тюленьи штаны, плотно облегавшие ноги, и засунула их за потолочную балку для просушки.

Алитет, полуголый, в одних тонких пыжиковых штанах мехом внутрь, сел на пушистую оленью шкуру. Широкая грудь, крепкая шея и развитые мускулистые руки указывали на его необыкновенную силу. И действительно, на всем побережье не было человека, который в схватке с Алитетом мог бы побороть его. Алитет любил бороться и часто силой заставлял принимать его вызов. На побережье были люди, искалеченные им. И теперь, сидя в пологе, он разглаживал свои мощные мускулы, точно готовясь к предстоящей борьбе.

Меховой полог¹ Алитета был вместителен. Три жирника давали много света и тепла. Над жирниками висели чайники и котел со свежей моржатиной. На перекладинах потолка были развесаны амулеты: морские звери, рыбы, человеческие фигурки. Одна фишка почернела от времени, и трудно было определить, что это: собака, песец, волк или медведь.

Амулеты охраняли ярангу от бед и несчастий.

У передней стенки на деревянном ящике стоял блестевший никелем американский будильник. Судя по времени, которое он показывал, будильник тоже был здесь на положении амулета, способствующего хорошим торговым отношениям с американцем.

На оленых шкурах, около жирника, сидел совершенно голый, с дряблым телом, древний старик, отец Алитета — шаман Корауге. Длинная редкая борода пепельного цвета лежала на его морщинистой впалой груди. На его острых коленях, словно на двух кольях, висела тонкая шкура пыжика. Шаман Корауге чинил бубен, привязывая к обручу высушенный звенящий мочевой пузырь моржа.

— Накануне я долго бил в бубен. Руки устали, и бубен разбрзлся. Зато умилостивил духов,— сказал дребезжащим голосом Корауге.— Поэтому так много моржей ты и встретил.

¹ В холодной части яранги устанавливается полог из оленевых шкур площадью в 6—12 квадратных метров, высотой в рост человека. Этот полог и служит жилем помещением для чукчей.

— Отец, ты правду говоришь. Ты зазвал моржей к моей лодке,— ответил Алитет.

Польщенный признанием, Кораяуге, не открывая рта, ухмыльнулся, взял палочку из пластины китового уса и почесал себе спину, покряхтывая от удовольствия. Потом шаман передал палочку внуку и сказал:

— Займись-ка ты, Гой-Гой, моей спиной, а я послушаю Алитета.

Мальчик ретиво принял чесать спину старика.

Распластавшись на мехах, как морж на льду, и заложив руки за голову, Алитет подробно рассказывал об охоте. Когда он кончил, Кораяуге заметил:

— Вот видишь, большая сила вложена в меня. Сила духа. Я могу повелевать морскими зверями.

— Отец, я расскажу о твоей силе охотникам. Пусть знают!..

Наргинаут поставила на середину пола корытце с моржатиной. От мяса шел пар. Запах его возбуждал аппетит. Все придвинулись к еде. Наргинаут проворно нарезала твердое мясо и китовое сало из прошлогодних запасов. Согнувшись над корытцем, она смахнула отрезала тонкие пластинки китового сала. Алитет хватал из-под ножа твердое сало и, не пережевывая, глотал.

Изредка Наргинаут брала кусочек и, торопливо бросив себе в рот, продолжала стучать ножом.

В полог влез сосед Тумагуге. Он торопливо снял кухлянку и, свернув ее комом, сел на нее. Не ожидая приглашения, он набросился на еду.

Закусив китовым салом, они с жадностью принялись за моржовое мясо. Это было мясо первого убоя, свежее, душистое. Вцепившись зубами в кусок твердого, жесткого мяса, они отрезали острым ножом около самых губ кусочки моржатины и проглатывали их. В пологе слышались только громкое чавканье да постукивание ножа хозяйки о корытце.

После еды каждый облизал жирные пальцы и сухой травой вытер рот.

— Теперь давай чай,— сказал Алитет жене.— С сахаром. Пусть Туматуге попьет чаю, как настоящий человек. Он хорошо стрелял в моржей. Из одиннадцати девять убил он.

Туматуге улыбнулся, провел рукой по вспотевшему лицу и, обращаясь к Кореуге, начал рассказ:

— Мы далеко ушли в море. Без отдыха мы работали веслами целый день: не было ветра. Там много было моржей.

— Ударами в бубен я привлек их туда,— перебил его шаман.

— Да, правду ты говоришь, Кореуге, много там было моржей. Байдарные охотники туда не дошли. Они встретили только одного. Когда они убили моржа и мясо сложили в байдару, от тяжести дно лопнуло. Мы проходили в это время мимо, но мы не остановились помочь. Мы видели, как они торопились поскорей выбросить убитого моржа в море.

— Помогать нельзя. Гнев духов мог перейти на вашу лодку. Духи всемогущи, и простой человек против них слаб, как слаба тундровая мышь против волка. Вы сделали так, как нужно,— наставительно сказал шаман.

— В этот раз я особенно метко стрелял,— с возбуждением продолжал рассказывать Туматуге.— Как только морж показывался, пуля из моего ружья попадала в то место, куда я посыпал ее...

— А ружье чье? — перебил его Алитет.— Разве не от меня получил ты это ружье? Такого ружья нет на всем берегу. Этот винчестер — самый лучший. Так мне сказал Чарли. Я заплатил за него восемь песцов, три лисицы и двадцать пестрых пыжиков.

— Пыжиков было десять, Алитет. Я их тогда укладывал в нарту,— робко поправил Туматуге.

— Нет, двадцать,— строго сказал Алитет.

— Наверное, Алитет, я плохо умею считать. Ведь не торговый я человек. Как я могу знать? — испугался Туматуге.

— Двадцать пестрых пыжиков дал я ему в придачу. Чарли мне сказал: такое ружье называется «савадж», и оно всегда бьет без промаха.

Огромный медный чайник был уже пуст. Шаман Кораяге внимательно выслушал рассказ охотников и сказал:

— О! Я большой шаман. Много мне приходится заботиться о людях. В большой дружбе я с духами. Все стойбище живет под моей защитой. Я лечу оленей, я лечу людей, я отгоняю злых духов от нашего стойбища. Один Бааль не хочет знать этого. Он дрянной старик. А ведь, зазывая моржей к нашим берегам, я забочусь и о нем. Алитет всегда дает кусок мяса и в его ярангу.

— Правда, правда, Кораяге! Каждой яранге на зиму нужно три моржа. А разве они набывают по три моржа на своей дырявой байдаре? Нет. Всем помогает Алитет,— заискивающе проговорил Туматуге.

— Вчера, когда я был в бубен, духи сказали мне: будут моржи. Я это слыхал так же, как слышу по вечерам завывание собак. И я сказал Алитету: готовь лодку, готовь людей. И вот вы поехали. И вот вы убили одиннадцать моржей за один день.

Склонив голову на колени, раскрыв рот, Туматуге робко посматривал на Кораяге. Сейчас он особенно верил в чудодейственную силу шамана.

Наргинаут вышла на улицу. Она принялась за обработку моржовых шкур. На них был толстый слой жира, и этот жир надо было немедленно снимать. Шкуры были с крупных зверей, и, наверное, Алитет захочет их продавать кочевникам — чаучу.

Наргинаут уставала от многочисленных домашних работ. Иногда она думала: зачем так много убивать моржей? На еду требовалось меньше. Не понимала она, когда Алитет говорил ей: больше шкур в яранге — больше веселого духа в человеке.

Руки Наргинаут не успевали отдохнуть, как снова нужно было скоблить эти огромные шкуры. А завтра, наверное, Алитет привезет еще.

— Работай, работай! — говорил ей Алитет.—Разве женщины других яранг пьют чай с сахаром? А ты пьешь. Потому что живешь в моей яранге. Я, Алитет, все равно как американ. Так мне и Чарли говорил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Зима. Ночь — круглые сутки. Месяц еще не народился. Мрак. Солнце в это время совсем не появлялось, и люди думали: солнце ходит где-то под землей, под океаном. И не скоро оно еще вернется.

Бушевала пурга. Яранги скрипели и дрожали. Пурга металась с ревом и стоном, как раненый обезумевший зверь.

Собаки, свернувшись в клубок, спрятали морды под брюхо и, казалось, не обращали никакого внимания на разыгравшуюся пургу.

В яранге старика Вааля кончились запасы жира. В светильнике слабо горел и коптил сухой мох, не смоченный жиром. В пологе было темно и холодно. Люди укрылись старенькими шкурами и жевали остатки мерзлого сырого тюленевого мяса.

Здесь же, в углу полога, лежал Чегыт — любимая собака. Чегыт шевелил хвостом и полуоткрытыми глазами следил, как люди грызли мясо.

Старик Вааль бросил ему небольшой кусочек. Чегыт вскочил и с жадностью проглотил его. Он широко раскрыл глаза и уставился на старика, ожидая еще куска.

Ваамчо, обгладывая кость, искося посматривал на Чегыта. Ему жалко стало голодную собаку. Он повертел кость в руке и после некоторого раздумья щвырнул ее Чегыту.

Пес на лету схватил кость и ушел в угол. Раздался хруст.

Старуха Илинеут — мать Ваамчо — убрала деревянное корытце и села около потухающего жирника. В полумраке Илинеут закурила. Высохшей рукой она поддерживала большую деревянную трубку и угрюмоспокойно пускала клубы табачного дыма, безучастно посматривая выцветшими глазами на огонек. Накурившись до головокружения, она передала трубку сыну, растянувшемуся на шкурах. Ваамчо привстал и, сидя на корточках, стал докуривать

Молчание нарушила старуха Илинеут.

— Плохо без жира.— Она опять замолчала и спустя немного сказала: — Сходи, Ваамчо, к Алитету. Он ведь всем дает. Пурга надолго затянется. А в пургу не пойдешь на охоту.

Старик Вааль откашлялся и медленно, как бы нехотя, стал чистить трубку от образовавшихся в ней нагара и пепла. Он молча набил ее табаком, перемешанным с мелко нарубленными древесными крошками, и, не глядя на сына, глухо сказал:

— Жена — источник беспокойства. Ступай, Ваамчо. Отдай ему песца. Он всегда добрый при виде песцовой шкурки. Пушистый мех зверька щекочет ему ноздри. Может быть, поймаем еще.— Старик вздохнул и добавил: — Только песцов надо бы поберечь на покупку ружья. Без хорошего ружья охотник — не человек. Но что поделаешь? Расслабленному человеку и ружье без пользы. Без света и тепла человек то же, что тюлень без воздуха.

— Мозг в костях сохнет: еды нет,— проговорила Илинеут.

Старик Вааль затянулся, пустил дым и, снова откашлявшись, продолжал:

— Много зим молчал я. Язык свой держал на аркане. Теперь язык рвется говорить. Разуму непослушным становится.

— Расскажи, отец. Сыну расскажи,— сказал Ваамчо, надевая торбаза.

Вааль молчал, обдумывая и колеблясь. Наконец, опустив голову, не глядя ни на кого, он тихо начал:

— Давно это было. Глазам моим не посчастливились тогда. Они увидели, как Алитет собирал песцов из чужих капканов. Это оче-ень худое дело! Народ наш не привычен к этому. Стало больно глазам. Сердце обжигало огнем. Из горла лезли безумные слова, но я... молчал тогда. Молчать было легче, чем говорить,— почти шепотом сказал старик.— Я спрятался за холмик, чтобы не увидел меня Алитет. Мне стыдно было, зачем мои глаза увидели это. А вскоре и Кораяге обманул всех охотников стойбища. Лисы и песцовые шкурки, принесенные в жертву, оказались у Алитета. Я узнал своего песца и песцов других охот-

ников, когда Алитет обменивал их на вельбот у Чарли. Черный носик песца был срезан, как срезаю только я. Это был мой песец. Я узнал бы его из множества песцов в складе Чарли-Красного Носа. На вельбот пошли наши песцы. Теперь вельбот стал помощником Алитета, а мы опять должны носить ему шкурки зверей. Вот такая новость,— тряся головой, говорил старик.— Но все равно, Ваамчо. Ступай к Алитету. Попроси у него моржового жира и мяса, которыми он кормит собак.

Ваамчо сорвал с себя торбаза и необычно резко сказал:

— Нет, отец! Я не пойду к нему. Ноги не пойдут. Я лучше сейчас оденусь и в пургу во льдах буду стражить тюленя.

Черные глаза Ваамчо сверкнули злобой.

— Ваамчо,—тихо сказал старик.— При этом ветре тюленей не бывает. Ты забыл? Твоя молодая кровь кипит и в холоде. А вот Илинеут замерзает. Ступай, Ваамчо! Забудь, что я рассказывал про Алитета. Не надо помнить плохое. И шамана Кореуге надо остерегаться. Ведь тебе еще долго придется жить. Они и так не любят нас. Не нужно часто вызывать у них гнев.

Ваамчо молча стал обуваться.

Старик проглотил дым и продолжал:

— И таньги¹ своими огненными ружьями распутили зверей. Угасают лежбища. Теперь все меньше и меньше зверя выходит на берег. Раньше моржи крепко спали на берегу. Мы ходили по их спинам, и они не слышали топота наших ног. Мы кололи только старых самцов. А теперь бьют зверя без разбора. Сколько мяса побросал за лето Алитет в море! Чарли-Красному Носу нужны только бивни. А ведь бивни — не еда,—старик затянулся трубкой.— Я ловко, бывало, колол моржей прямо в сердце! — и Вааль взмахнул трубкой, как копьем.

В складках глубоких морщин пробежала чуть-чуть заметная улыбка и тотчас угасла. За лето Алитет при-

¹ Таньги — белолицы.

вез с моря больше шестидесяти моржей. А сколько их брошено в море!

Пурга неистовствовала. О выходе на тюленью охоту нельзя было и думать. В эти дни многие охотники побывали у Алитета. Алитет каждому давал кусок мяса и жира. Он знал, что человек не должен умирать с голоду. Людям надо помогать. Без них тоже нельзя жить.

С жиром и мясом вернулся от него и Ваамчо.

Смоченный жиром мох загорелся широким языком пламени и осветил темный и холодный полог. Яранга ожила. Как приятно теплое и светлое жилище! Илинеут повеселела и торопливо принялась хозяйничать. Вскоре закипела вода. Старуха каждому налила горячего чаю. Но Ваамчо хмуро и недовольно посматривал на жирник, от которого исходило тепло.

— Зачем у тебя, Ваамчо, печаль в глазах? Вот видишь, и огонь завелся у нас,— сказала Илинеут.

— Алитет просил мою собаку, Чегыт. Слова его обожгли мне сердце. Я сказал: нет. Ведь я тоже охотник. Разозлился он. Пусть. И еще новость я узнал, отец...

Ваамчо помолчал и с большим волнением и тревогой начал опять говорить:

— Ты помнишь, отец, я поставил капканы на песцов у Трех Холмов? Это — очень хорошее место. Я много натаскал туда приманки. А песцов так и не поймал. Приманка пролежала нетронутой. От приманки шел дурной запах. Откуда такой запах в тундре, я не знал. А сейчас, когда Наргинаут давала мне жир и мясо, она уронила бутылку. Бутылка разбилась. Из нее потекла вонючая вода: вот понюхай, отец, я испачкал в ней руки.

Ваамчо поднес руку к носу отца, и старик с брезгливостью отвернулся.

— Это таныгинский светильный жир. Чарли-Красный Нос наливает его в железный светильник. Нежужели Алитет залил нашу приманку этим вонючим жиром? — удивленно спросил старик.— Тогда, пожалуй, он совсем негодный человек.

— Тот же запах. Этот противный запах нельзя забыть,— сказал Баамчо.

Старик тяжело вздохнул.

Этот мужской разговор проходил мимо ушей женщины. Илинеут занималась своими делами. Она понесла кадку с помоями. Но едва она приоткрыла наружную дверь, как порывистый, со свистом ветер вырвал кадку из ее рук. Кадка покатилась от яранги. Старуха бросилась догонять ее и скрылась в темноте.

В ярангу Илинеут не вернулась. А ветер гудел и рвал крышу. Весь снежный пласт поднялся. Он кружила в воздухе и с шумом проносился к морю. Со стоек сорвало крепко привязанную байдару и унесло из селения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Алитет лежал на пушистых оленевых шкурах после сытного завтрака. На его голом животе верхом сидел сын Гой-Гой. Мальчик звонко смеялся, изредка посматривая на мать. Наргинаут разливала крепкий душистый чай «Липтон». В пологе было душно. Голые темные тела обитателей этой яранги в ярком освещении трех жирников лоснились, словно кожа моржа.

Шаман Коряуге сидя дремал. Борясь со сном в ожидании чая, он то вздрогивал, пробуждаясь, то снова погружался в дремоту.

— Чарли быстро-быстро бегает... Чарли — во-жак,— говорил Алитет сыну про свою передовую собаку.

Алитет любил этого умного пса и из лучших чувств к приятелю американу назвал его именем мистера Томсона.

— Такой собаки ни у кого нет. Только у меня.

Алитет, надувая живот, приподнялся на локтях. Гой-Гой свалился со шкуры, рассмеялся и, как медвежонок, опять полез на отца.

В полог просунулась голова жены Туматуге.

— Ты пришла? — приветствовала ее Наргинаут.

— Да,— ответила женщина.— У нас вышел весь жир. Туматуге лежит больной, а в яранге холодно.

— Отец, надо призвать духов-исцелителей. Надо помочь Туматуге. Он лучший охотник,— сказал Алитет, но шаман сидя спал.— Наргинаут, дай ей кусок. Пусть засветит жирник и шьет торбаза и туфли. Придет вторая луна, я поеду к кочевникам-оленеводам и к американу,— сказал Алитет, придвигаясь вместе со шкурой к чашке горячего чая.— Только хорошие туфли шей. Сам американ будет носить их.

Женщина в знак согласия замотала головой и скрылась вслед за Наргинаут.

Шаман Кораяуге пробудился и также придинулся к столику.

— Сколько людей кормлю я!— воскликнул Алитет.

— Много,— хриплым голосом подтвердил Кораяуге; он протер оленевой шкурой глаза и попросил чаю.— Ты, Алитет, слишком щедро помогаешь людям. Запасы надо беречь. На побережье нехватка мяса, запасы большую силу имеют.

Вдруг налетел шквал, и яранга Алитета пышатнулась. Все насторожились.

— Очень сильный, большой ветер. Надо просить духов остановить его,— шаман посмотрел на бубен.— Пусть люди пойдут на охоту. Они жадны от безделья. Запасы твои съедят.

Вошла Наргинаут.

— Ты понемногу им давай,— распорядился Алитет.— Пусть чаще просят. Так я думаю. Так мне и Чарли говорил. А Ваамчо больше ни куска. Пусть образумится. Теперь, если и захочет отдать собаку, не возьму. Безумный человек. И зачем ему одна хорошая собака? Она лишь мучается среди дрянных его собачонок.

— Сорок три собаки у тебя, Алитет. Зачем тебе собака Ваамчо? У него совсем их мало,— сказала Наргинаут и испугалась.

— Что слышат мои уши?— прошипел шаман.— Или ты каюром¹ стала, что разговариваешь о соба-

¹ Каюр — погонщик собак.

ках? Или язык твой научился разговаривать о мужских делах?

— Корма много нужно для собак,—тихо проговорила Наргинаут.

— Корм — не твоих рук забота. Все равно мясо идет на сторону. Или тебе надоело кормить моих собак? А? — оскалив зубы, спросил Алитет. — Любая женщина с завистью смотрит на обилие твоей работы. Скажи, отец, если ум твой согласен, правильный разговор веду я или нет?

— Ты сын Корauge. Ты всегда ведешь правильный разговор.

Довольный похвалой, Алитет улыбнулся. Он провел пальцами по мускулам руки и вдруг неожиданно спросил отца:

— А почему мне не взять еще одну жену?

— Нельзя брать вторую жену тому, кто и одну не может снабдить едой. Ты можешь кормить много жен и всех их детей. Ведь ты не слабый человек. Ты кормишь четыре упряжки собак! — гордо сказал шаман, потрясая костлявой рукой.

Алитет торжествующе посмотрел на жену.

— А? Наргинаут? Понятный разговор?

— Твой ум,— покорно ответила она.

— Ты стала неповоротливой от старости. Ты не успеваешь смотреть за хозяйством.

И долго говорил Алитет с отцом об умножении богатства своего, о покупке большого стада оленей, о торговле с кочевниками и американами.

К ночи, когда все собрались спать, шаман взял бубен. Раскатистые звуки бубна зарокотали, зазвенели. Медленно затихал ветер. Шаман речитативом пел:

Мои люди много дней не выходили из яранг...

Моим людям надо итти за тюленем...

Алитет устал помогать им...

Ветер, остановись!..

Сам Корauge просит...

— Гыть, гыть! Кайва, кайва! — поощряя и возбуждая шамана, выкрикивал Алитет.

Корауге исступленно бил в бубен, истерически кричал, взвывая к духам.

Норд обессилел: он умчался в горы, в глубь чукотских хребтов, но с моря все еще слышался треск неуго-монившихся льдов.

Охотники вылезли из душных пологов и столпились около яранги Баала.

— Понесла кадку и... не вернулась,— разводя руками, говорил старик.— Искали ночью.

Старуху Илинеут нашли утром в торосах у самого обрыва. Она сидела около льдины, уткнув голову в колени. Баамчо дотронулся до ее плеч, и окоченевшее тело повалилось.

В стороне, шагах в десяти, из-под снега виднелся краешек кадки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из-за горных хребтов показался огненно-красный шар луны, быстро поднимаясь по небосводу все выше и выше. Порой мгла закрывала луну, и тогда ярче светили звезды.

Тишина. Лишь временами из тундры доносился шум от проходивших стад оленей. Они шли быстро, и пощелкивание копыт заглушало окрики пастухов. Стада прошли на запад, в тундру Рыркаляут, и опять наступил ничем не нарушающий великий покой.

Луна поднялась высоко. Яркий свет ее давал возможность охотиться за тюленями, за песцами, общаться с людьми соседних стойбищ. В этом лунном освещении мрачно стояли яранги стойбища Энмакай. Около крайней, самой большой, яранги Алитета толпились молодые охотники. Несмотря на жестокий мороз, все они были без шапок. Заинdevевшие волосы их блестели серебром. Смуглые лица раскраснелись. Они собирались сюда провожать Алитета. Из полога послышался его зычный оклик:

— Тумату-уге!

— Во-оой! — отозвался Туматуге и, несмотря на свою болезнь, сорвался с места и побежал на зов.

И если бы Алитет приказал ему прыгнуть со скалы, Туматуге, не задумываясь, выполнил бы и это приказание.

— Чарли передом запряги, а Капэра — в корень!

— Э-гей! — поспешно ответил Туматуге и бросился к нарте, лежавшей на козлах.

Парни побежали помогать ему. Это была замечательная нарта. Копылья ее сделаны лучшими мастерами из колымской березы. Нарта выкрашена в ярко-зеленый цвет. В ней не было ни одного гвоздика, ни одного болтика. Все было скреплено прочными, лучшими ремнями. Поэтому она и лежала на козлах, чтобы голодные собаки не вздумали обесть ремни. Каждая вещь в хозяйстве была на своем месте. Алитет любил порядок.

Нарта стояла уже у входа в ярангу. Туматуге разматывал длинный моржовый ремень — потяг с петлями через каждую маховую сажень. В петли попарно пристегивались собаки. Вожак Чарли бежал к нарте, увлекая за собой Туматуге. Крупный серый пес, с умной мордой, похожий на матерого волка, сам рвался в запряжку. Туматуге держал пса за алык¹ и еле спевал бежать за ним, не в силах сдержать его стремительного бега.

Чарли добежал до конца вытянутого ремня, сам остановился и присел на задние лапы. Длинный красный язык его высывался из пасти, глаза возбужденно горели. Собака знала свое место и, поскуливая, нетерпеливо смотрела на Туматуге.

Другие парни вели остальных собак. Псы рвались вперед. Сытые, они стремились в упряжку. Им хотелось пробежаться. Чарли лег на снег и, перевернувшись на спину, стал валяться, болтая в воздухе ногами. Словно по команде, и все другие собаки последовали его примеру.

Туматуге подбежал к пологу.

— Алитет! — крикнул он. — Собаки валяются в снегу. Пурга будет.

— Пускай будет, — недовольно пробурчал Алитет.

¹ Алык — собачья шлея.

Он, не торопясь, допивал последнюю кружку чая. И едва Алитет показался, псы вскочили, готовые ринуться в путь. Чарли завыл.

Алитет ответил на приветствие парней, тщательно осмотрел упряжку и недовольно поправил алыки трем собакам.

— Подбрюшник! — крикнул он жене.

Наргинаут побежала в ярангу и принесла оленью шкурку с завязками на концах.

— Шерсти мало на боках Чарли. Может обморозить. Придется в дороге подвязать,— сказал Алитет.

Собаки зорко следили за каждым его движением.

Алитет перевернул нарту вверх полозьями.

— Шероховатые. Поводить надо!

Чувствуя за собой большую провинность, Туматуге переменился в лице: как он сам не догадался поводить? Со всех ног он бросился в ярангу и мигом притащил чайник с водой. Торопливо смочив небольшой кусочек шкуры белого медведя, он протер полозья. На полозьях образовалась тончайшая ледяная корка.

Алитет глянул и сказал:

— Толсто. Тоньше надо. На ухабах осыплется.

Туматуге выхватил нож и быстро соскоблил ледяную корку до самого дерева.

Алитет взял кусочек медвежьей шкуры и сам пробежал вдоль опрокинутой нарты, на бегу протирая полозья.

— Вот как надо!

Туматуге вылил остатки воды в бутылку и передал ее Алитету.

Засунув ее за пазуху, Алитет сел на нарту. Собаки встрепенулись.

— Эгей! — крикнул Алитет, и упряжка, рванув нарту, помчалась вниз по склону.

Парни с завистью смотрели вслед быстро удалявшемуся Алитету.

Было на что посмотреть! Ради этого можно даже обморозить уши.

Алитет покупал собак у колымских каюров и платил за каждую по восемь и более песцов. На всем побережье не было лучшей упряжки. Кроме Алитета, никто не мог покупать таких собак. Он вел торговые дела с кочевниками, каждую зиму он возил им моржовые кожи, ремни, обувь, которой много нужно для пастухов. Он возил им товары из пушной фактории мистера Томсона и каждую зиму привозил из тундры множество лисьих и песцовых шкурок.

Когда же случалось охотнику вырастить хорошую собаку, она обязательно попадала к Алитету. Хорошую собаку нельзя было не уступить ему — все равно отнимет. Алитет любил отборных и рослых собак с крупным шагом. Собаки должны быть все ровные, чтобы они бежали след в след. На таких собаках не страшно ездить и в пургу.

Задрав морды, собаки ловили запахи зверей и мчались играя. Алитет был хорошо настроен. Всегда, когда он ехал к Чарли торговаться, он чувствовал себя по-праздничному.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Под склоном горы, на крутом, обрывистом берегу расположилось стойбище Лорен. Беспорядочно разместились здесь яранги. Одни — большие, куполообразные, крытые парусиной, другие — маленькие, с крышей из моржовых шкур. На окраине этого разбросанного стойбища стояли конусообразные яранги, заплатанные мешковиной, старой моржовой шкурой и кусками тюленей кожа. В них жили охотники, которые никогда не наедались так, чтобы чувствовать легкую усталость и приятную леность, располагающую ко сну.

Хороших шкур нехватало. Каждый раз после моржового промысла охотники отдавали шкуры хозяину, владельцу байдары. Часть шкур вместе с мясом шла на еду. «Зимой никакая одежда не согреет человека, если в желудок не положишь моржового мяса».

За обрывом начинался низкий берег, засыпанный морской галькой и снегом. Здесь, почти у самого берега моря, в стороне от яранг стояла совсем необычная для этих мест постройка. Крыша и стены ее были из гофрированного оцинкованного железа. Этот железный дом принадлежал Чарльзу Томсону.

Чарли, как велел называть себя туземцам мистер Томсон, прожил здесь безвыездно более двадцати лет. Странная судьба занесла его в этот отдаленный чужой край. Еще молодым человеком в погоне за золотом он прибыл на Аляску.

На Аляске золото кружило всем голову, вскружило оно и ему. Но очень скоро он принял решение оставить Аляску, так как здесь слишком много было конкурентов.

Чарльз Томсон перебрался через Берингов пролив в малоизвестную Чукотку. По слухам, здесь так же было много золота, как и на Аляске.

Когда Чарльз Томсон впервые вступил на чукотскую землю, все его имущество состояло из кайлы и некоторых карманных приборов, необходимых золотоискателю. Чарльз Томсон хорошо знал, что золото даст ему возможность выбиться в деловые люди.

Но кайлить и промывать породу в пустынных холодных тундрах одному было очень трудно. Жизнь одиночки-золотоискателя — сплошной риск. Завтра можно чертовски разбогатеть или сдохнуть с голода, уподобясь зверю.

Обосновавшись в стойбище Лорен, мистер Томсон очень скоро сделал одно чрезвычайно важное открытие, которое коренным образом изменило весь план его дальнейшей жизни.

Он увидел, как золото в виде дорогих мехов лилось в руки контрабандистов. Ничто не вызывало сомнений в выгодности этого благородного занятия.

Контрабандисты предложили ему быть их агентом. Без единого цента, на основе простого джентльменского соглашения, он получил от них много товаров. Вскоре мистер Томсон женился на чукчанке и начал оседлую деловую жизнь в стойбище Лорен.

В следующее лето контрабандная шхуна не при-

шла. По слухам, она налетела в тумане на банку¹, затонула, погибли и джентльмены, заключившие устный контракт с мистером Томсоном.

С этого счастливого времени мистер Томсон стал владельцем собственного счета в washingtonском Докстер Хоттон, национальном банке. Его первый солидный вклад за проданные меха остался памятным ему на всю жизнь.

С тех пор прошло много времени, и та кайла, с которой он прибыл на Чукотку, теперь хранится на полке его магазина, как талисман, приведший мистера Томсона в столь благодатный край.

Чарльз Томсон был уже достаточно богат и вел дела, по его собственному мнению, уже не с контрабандистами, а с настоящей безупречной торговой фирмой.

Каждое лето к нему из Америки приходила шхуна с товарами. Несколько дней подряд охотники, не разгибаясь, таскали с судна на берег разные грузы. Грузы долго лежали на берегу без охраны, и никогда еще не пропадал у мистера Томсона ни один кирпич чаю, ни один кусок сахара, ни одна плитка табаку. Здесь, на этих берегах, жил народ удивительной честности. Несмотря на огромную нужду в товарах, никому не приходила в голову мысль обворовать Чарли. А когда шхуна уходила, грузы перетаскивались в склады не под замок, а просто для того, чтобы на товары не лил дождь, не сыпал снег, не разевал их ветер.

Каждое лето капитан шхуны вручал мистеру Томсону извещение, что на его текущий счет за прошлогоднюю пушину зачислено десять — пятнадцать тысяч долларов. В долгие зимние ночи, под вой пурги, мистер Томсон с наслаждением пересматривал банковские бумаги.

Наглядевшись на них, он бережно укладывал бумаги в ящик с ценностями. Вклад был настолько велик, что одни проценты с него могли обеспечить дальнейшую жизнь. Двадцать лет назад он и не мечтал

¹ Банка — подводный камень.

о таком счете. Мистер Томсон уже думал покинуть эту страну. Но желание заработать еще лишний десяток тысяч долларов из года в год отодвигало эту поездку.

«И в самом деле, зачем мне уезжать отсюда? В этой стране,— думал мистер Томсон,— я, как представитель цивилизованного мира, на особом положении, как губернатор колонии. Уехать в Америку? Зачем? Чтобы потеряться в потоке миллионов не особенно счастливых людей? Нет! Я останусь еще на год».

Вокруг железного дома мистера Томсона стояли на приколе десятка полтора нарт. Псы лежали, развалившись после длительного пути. Охотники толпились около своих нарт и делились всевозможными новостями. Внимание всех охотников привлек парень Айе из Янракенота. В его тюленьем калаузе¹ лежала шкурка редкого зверя — чернобурой лисицы. Всех удивляло: почему Айе весел? Ведь по приметам добыча такого зверя предвещает близкое несчастье. Молод он еще. Не понимает.

Но Айе отлично знал все приметы. Он умышленно умолчал о второй чернобурке, которая также лежала в его калаузе, а пойманные сразу две чернобурые лисицы, наоборот, приносят счастье. Поэтому и не печалился Айе.

Да и вообще перед торгом не мешает иногда прикинуться простачком, мало что понимающим в жизни. Любопытно посмотреть, как люди жалеют человека.

Охотники ждали сегодня хорошей торговли. Торг откроет Айе. Чарли так обрадуется редкому зверьку, что у него будет дергаться красный нос.

Высокого роста, черноглазый, с пробивающимися усиками, Айе держался не по летам важно. Не всякий же может принести Чарли-Красному Носу чернобурую лисицу! Айе даже сел на видное место, когда перед торгом в сенках железного дома Чарли стал угождать людей.

К а л а у з — мешок из тюленьей кожи.

Гостеприимный, радушный американец никому не отказывал в чашке крепкого чая с содовой галетой. Он даже угождал и тех охотников, которые приезжали сюда ради любопытства: посмотреть, как торгуют люди. В этом был для мистера Томсона большой коммерческий смысл.

И часто за десятки, за сотни километров охотники приезжали в этот железный дом, чтобы попить чаю и посмотреть на товары.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Магазин мистера Томсона был примитивен, как примитивно и все здесь, на этом берегу. Стены магазина — оцинкованное гофрированное железо, полки для товаров — неоструганные доски, служившие проекладкой при загрузке трюмов. Из таких же досок, положенных на две большие бочки, был сооружен и прилавок.

Мистер Томсон был расчетливым человеком. Он не хотел кидать свои доллары на ветер. Ведь рано или поздно все это придется бросить. Его торговля в чужой стране была временной.

На полках лежали: табак, кумач, бусы, патроны, гребешки, наперстки и граненые иглы. На стене, как образцы, висели три винчестера разных калибров: 25 на 20, 30 на 30 и 44. Эти три калибра ружей американской фирмы «Винчестер» были единственными распространенными среди местных охотников.

Сам мистер Томсон сидел за прилавком. Это был тучный, с квадратным лицом человек лет пятидесяти пяти. Под его глазами и увесистым двойным подбородком проходили большие отвисшие складки. На чисто выбритом бледном лице торчал необычайной величины толстый, красноватый, с пятнами нос. С виду мистер Томсон был добродушным и спокойным человеком. Спокойствием дышала и вся его мощная фигура. Меховые штаны и теплая, толстая клетчатая рубашка, видневшаяся из-под распахнутой меховой канадки, делали его особенно грузным.

Мистер Томсон приветливо посмотрел на множество толпившихся по другую сторону прилавка охотников и сказал:

— О, вери гуд!¹ Большой торговый день будет!

Охотники проталкивали вперед Айе. Все они были очень озабочены настроением мистера Томсона. Как сегодня Чарли-Красный Нос будет торговать? Много он будет давать товаров или мало? Ведь день на день не приходится.

Охотник Айе неторопливо и важно подал чернобурью лисицу.

Как и следовало ожидать, мистер Томсон быстро приподнялся и схватил шкурку. Довольная улыбка пробежала по лицам охотников.

Сквозь окуляры роговых очков мистер Томсон тщательно рассматривал лисью шкурку. Он вытянул шкурку во всю длину и подул на нее. От самого хвоста до ушей лисицы прокатилась серебристая мягкая волна. Мистер Томсон, любуясь шкуркой, шумно дул на волнистый мех. У него даже появился блеск в глазах. Лисица была первосортная — экстра.

Охотники затаили дыхание. Не напрасно они выпустили Айе торговать первым. Глядя на такую шкурку, у каждого сердце станет добрым.

Между тем Айе, чувствуя себя великим ловцом, важно и в то же время как будто равнодушно смотрел на Чарли, в руках которого вертелась чернобурка. О, это был необычайный день и для Айе! Такую лисицу он поймал в первый раз за свою жизнь.

С огромным интересом ждали охотники, что скажет Чарли-Красный Нос. Страшное любопытство разбирало всех. Многие из охотников еще никогда не ловили такого зверя. Чернобурка стала гордостью не только Айе, но и всех присутствующих охотников.

Что даст за нее Чарли-Красный Нос?

С подчеркнутой небрежностью мистер Томсон бросил чернобурку в кучу меха.

— Хорошая лисица! — сказал он.

¹ О, очень хорошо!

Не обременяя голову охотника излишними размышлениями и зная до тонкости, что нужно в хозяйстве каждого из них, мистер Томсон молча и не торопясь стал выставлять на прилавок: эмалированный чайник, нож для выделки кожи, десяток плиток табаку, пять плиток кирпичного чая, четыре ярда¹ кумачу.

Охотники, толкаясь, полезли к прилавку взглянуть на это богатство. Но больше всего было удивительно равнодушное молчание Айе. Удивляло оно и мистера Томсона. Чарли в недоумении подумал: «Недоволен! Но что же еще нужно этому дикарю?» И мистер Томсон достал еще бусы, напильник, иголки, наперсток, гребешок.

По сияющему лицу мистера Томсона видно было, что и сам он поражен своей сегодняшней щедростью.

— Десять предметов за одного зверя, и из них половина железных! — воскликнул он.

— Ай, как много! — послышались голоса охотников.

И действительно, Чарли сегодня был необычайно добр. Правда, и зверь хороший, но все же такого обилия товаров нельзя было ожидать. Всем было отлично известно, что, когда Чарли бывал не в духе, он хуже знал, чего нехватало в хозяйстве охотников. И тогда охотники хитрили, сами обманывали Чарли, скрывая, что в их мешках есть еще песцы. Они увозили их обратно за сотню и более километров с расчетом притехать в другой раз. Может быть, тогда у Чарли будет хороший дух.

Мистер Томсон, зная все эти хитрости охотников, безразлично относился к ним. Не все ли равно: сейчас он заберет пушину или несколько позднее? Важно, чтобы пушнина поступила до прихода шхуны.

Сегодня охотники решили торговаться до конца: дух у Чарли хороший. Они толпились у прилавка, и каждый из них ждал своей очереди.

Но вдруг Айе поразил всех. Он молча стоял около своих десяти предметов и, вместо того, чтобы складывать их в мешок, медлительно набивал трубку таба-

¹ Ярд — мера длины: 0,914 метра.

ком с древесными крошками. Затянувшись, Айе поднял голову и сказал:

— Чарли, все, что ты положил здесь, мне не надо. Охотники замерли.

— Ка-ак не надо? Тебе не нужен этот настоящий американский табак, в то время, как ты куришь древесную дрянь?

— Ружье я хочу.

— Год дэм!¹ На ружье у тебя нехватает хвостов. За ружье надо по меньшей мере доложить песцовую шкурку,— возмутился мистер Томсон.

— Песцовую шкурку я принесу тебе в другой раз.

— О, ноу, ноу!² У меня мало винчестеров осталось. Все ружья запроданы Алитету. Он повезет их в горы кочевникам-оленеводам.

— Что поделаешь? — спокойно сказал Айе. — Обратно давай лисицу.

Мистер Томсон от неожиданности замолчал, словно утратив дар речи. Он снял лисий малахай, обнажив на рыжей голове полянки лысины, провел по ним красивым носовым платком, снял очки и, протирая их, понизив голос, наконец заговорил:

— Вы видели такого охотника? Где он научился такой торговле? Тебя кто-нибудь учил так торговать?

— Да.

— Кто же?

Айе не ответил. Он стоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Что же ты молчишь?

— Чарли,— начал Айе,— ты знаешь нашего старика Каменвата? У него есть дочь Тыгрена. Она предназначена мне в жены. Поэтому я всегда советуюсь с этим стариком. Это он мне указал место, где водятся чернобурые лисицы. Я уехал туда и шесть дней стоял капреком. Шесть дней жил в снегу. И когда я был в отлучке, в нашем стойбище проездом ночевал один русский. Партизан звали его.

Мистер Томсон насторожился. Он знал из прессы о русской революции, о том, что на Камчатке послед-

¹ Американское ругательство.

² О, нет, нет!

ние годы происходили частые смены правительств — то колчаковцев, то капелевцев, о том, что в горах Камчатки действовали советские партизаны. И появление партизана на чукотском берегу его неприятно поразило.

— Этот Партизан (Айе считал, что это имя русского) всю ночь говорил с нашим стариком. Тыгрена тоже слушала эти новости. Она мне сказала, что русский говорил про новый закон жизни, про новый закон торговли. Так она передавала. И когда я сидел на нарте, собираясь поехать к тебе, она подбежала и сказала: «Айе, попробуй торговать так, как говорил Партизан! Проси за лисицу товар сам. Ружье проси». Вот так, Чарли...

— Ха-ха-ха! Женщина учит торговать мужчину! Постыдное дело! Смотрите на этого охотника!

— Тыгрена — сама хороший охотник, она понимает толк в ружьях и метко стреляет,— с гордостью ответил Айе.

— Хорошо,— со злой усмешкой сказал мистер Томсон,— возьми обратно свою лисицу. Мне интересно будет услышать новость, как эта шкурка сгниет у тебя в яранге, не оплаченная товарами.

И когда Чарли-Красный Нос нагнулся за чернобуркой, Айе, усмехнувшись, сказал:

— Не сгниет. Я повезу ее к Питу.

— К Питу Брюханову? — Мистер Томсон задержал чернобурку и гневно сказал: — Безумный, ты совсем потерял рассудок! Да знаешь ли ты, тюленя голова, что мистер Пит живет за пятьсот миль отсюда?

— Ничего. Пусть потрачу двадцать дней.

— Мне жаль твоих собачонок. И только поэтому я отдаю тебе ружье.

Мистер Томсон достал новый винчестер калибра 25 на 20 и подал его Айе.

— Ружье хорошее,— сказал Айе,— но из него можно убить разве только нерпу. А ведь ты сам знаешь, Чарли, из какого ружья бьют моржей. Мне надо ружье тридцать на тридцать.

— Настоящий охотник не должен быть таким попрошайкой, как ты! — сердито проворчал мистер Том-

сон и все же, боясь, как бы Айе действительно не поехал к русскому купцу, подал требуемое ружье.

Удовлетворенный охотник поставил винчестер около своего мешка и вытащил вторую чернобурку, лучшую, чем первая.

— Какомэй!¹ — удивленно вскрикнули охотники.

Какой-то парень, изумленно тараща глаза, проговорил:

— Можно лопнуть от удивления!

— Олл рейт!² Из тебя вышел славный охотник. Наверное, ты в дружбе с духами, что они не мешают тебе ловить таких отличных зверей?

— Да, это правда. Я всегда стараюсь ублаготворить духов,— ответил Айе.

Мистер Томсон, рассматривая лисицу, впервые за двадцать лет спросил:

— За эту что ты хочешь?

Охотники оцепенели. Случилось невероятное: Чарли-Красный Нос спросил Айе, что ему надо. Это может быть или очень хорошо, или очень плохо. Разобраться в этом было трудно.

— Нас два человека безружейных,— сказал Айе.— Мы никогда не имели хороших ружей. Еще давай ружье. Для Тыгрены давай ружье.

— Год дэм санвабич!³ Ты с ума сошел! Первое ружье осталось не до конца оплаченным, а ты хочешь еще одно. Ты хочешь навести на себя гнев духов?

Охотники насторожились. Поступок Айе действительно был достоин возмущения. Айе словно намеренно портил настроение Чарли-Красному Носу, а ведь они еще не начинали торга. Ясно становилось всем, что дух Чарли основательно портится.

С криком: «Алитет! Алитет!» — вбежал мальчик.

Открылась дверь, и в магазин вошел сам Алитет в нарядной кухлянке из пестрых новых пижиков.

¹ К а ком эй — выражение удивления.

² Хорошо.

³ Американское ругательство.

— Алло, Алитет! — крикнул радостно мистер Томсон.

Алитет важно прошел мимо расступившихся охотников прямо к прилавку и неуклюже протянул руку мистеру Томсону. Встретившись взглядом с Айе, он насмешливо спросил:

— А ты зачем приехал сюда? Посмотреть, как торгуют охотники?

— О, он сам великий охотник! — сказал Чарли.— Смотри, какую чернобурую лисицу я у него купил. Но это — не все. Вот его вторая чернобурая лисица.

У Алитета завистливо блеснули глаза.

— А почему никто из людей не знал, что ты добыл этих лисиц? — испытующе спросил он.

— Теперь все знают, — ответил Айе.— Вот смотри и ты.

— В каком месте ты их поймал?

— В тундре.

— Тундра велика, как море.

Айе молчал. Он вспомнил рассказ Ваамчо, как Алитет залил керосином его приманку, и ему не приятно стало говорить с Алитетом об охотничьих делах.

— Молчишь? Может быть, ты их украл из чужого капкана? — допытывался Алитет.

Айе вспыхнул. Кровь прилила к лицу. Слишком велика обида. Что подумают о нем люди? Трудно было стерпеть, и Айе хотел было рассказать сейчас о проделках Алитета, но ведь Ваамчо просил никому не говорить об этом. Сдерживая волнение, Айе все же сказал, намекая на недостойный настоящего охотника поступок Алитета:

— Этих лисиц, Алитет, я поймал у Трех Холмов. Знаешь, там, где вместе с приманками Ваамчо лежали и мои. Только свои я облил таньгинским светильным жиром. Правда, песцы убегают от этого вонючего запаха, а вот чернобурые лисицы, должно быть, любят этот запах. Я совсем не знал этого!

Айе насмешливо смотрел на Алитета и ждал, что он скажет. Но Алитет отвернулся и, обращаясь к Чарли, сказал:

— Пустой разговор вести — все равно, что снег есть: не утолишь жажды. С дороги я чаю хочу.

— Олл райт! — воскликнул Томсон.— Сейчас мы прекратим торг, я и сам хочу закусить.

Мистер Томсон еще раз окинул взглядом чернобурку и бросил ее в общую кучу мехов.

— Торговать подождем. Сейчас — все на улицу. Товары получишь потом,— сказал он Аье.

— Может быть, и лисицу к себе положишь потом? — робко спросил Аье.

— Год дэм! — вспылил мистер Томсон.— Не правда ли, что голова этого парня мало чем отличается от головы тюленя? Он боится, что лисица останется без оплаты. Чарли ни у кого из вас не оставался в долг. Наоборот, почти каждый из вас должен мне.

— Правда, правда, Чарли! — закричали охотники.— Мы все тебе должны.

Охотники не понимали «год дэм» в английском его значении, но все они знали, что это нехороший признак в предстоящем торге.

Чарли нагнулся, взял лисицу и недовольно бросил ее в лицо Аье. Никто не пожалел Аье. Всем было ясно, что он виноват сам.

— Не надо, не надо. Оставь у себя лисицу. Аье подождет! — крикнул один охотник.

Аье растерянно держал в одной руке чернобурью лисицу, другой молча тер свой потный лоб. Ему стыдно было, что своим поступком он вызвал недовольство сородичей.

Алитет выдернул из его рук чернобурку и бросил за прилавок.

— Меркичин! ¹ — выругался он.

— Ну, ладно, пусть шкурка лежит у тебя,— покорился Аье.

— Как хочешь,— уже мягко сказал мистер Томсон.— Чарли хорошо знает вашу жизнь. Я всегда делал, чтобы всем вам было лучше.

Магазин быстро опустел.

¹ Чукотское ругательство.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Алитет вернулся домой с полной нартой разных товаров. Он был доволен торговлей и пообещал Чарли собрать много пушнины у кочевых охотников-оленеводов. Они жили далеко в горах и сами не выезжали на берег. Но, прежде чем ехать в горы, Алитет решил привезти вторую жену. Девушка, которую Алитет захотел взять, была с детства предназначена в жены Айе. Алитет знал об этом, но обострившаяся неприязнь к Айе во время торга лишь ускорила его намерение забрать к себе Тыгрену.

Алитет на другой же день выехал в стойбище Янракенот. На его нарте лежал свадебный пыжик. Конечно, старый Каменват не откажется принять этот пыжик и с радостью отдаст Тыгрену в жены Алитету, а если будет отказывать, Алитет заберет ее насильно.

Стояла тихая, хорошая погода. На небе ярко светила луна. Алитет ехал быстро. Когда он проскакал половину пути, собаки вынесли его на плоскогорье у горы Иргонэй. Алитет затормозил нарту, остановил собак и стал всматриваться в море, в ледовые поля. За ними виднелась черная полоса открытого моря. Над этой полосой чернело небо.

В другой стороне, где высались горные хребты, весь небосвод был усеян яркими звездами. Изредка звезды падали и мгновенно исчезали. Алитет глубже забил в снег остол¹ между копыльями нарты, достал из-за пазухи трубку и табак. Сидя на нарте, он закурил, не спеша встал и прошел к передовой собаке.

Чарли крутил хвостом, вставал на дыбы и назойливо добивался ласки хозяина. Когда Алитет подошел к нему ближе, Чарли смаху бросился, опустив сильные передние лапы ему на грудь. Пес лизнул щеку Алитета и мордой уткнулся в его теплую кухлянку. Алитет любил Чарли. Он взял его морду в руки, нос об нос потерся с ним и стал разговаривать:

¹ О стол — толстая палка с острым железным наконечником, служащая для торможения нарты.

— Быстрой, Чарли, беги! В Янракеноте нас ждет Тыгрена. Самая сильная, самая красивая девушка, дочь Каменвата. Старого, нищего Каменвата. Когда Тыгрена будет в моей яранге, я прикажу ей кормить тебя отборными моржовыми кусками.

Алитет провел рукой по голове умной собаки, и она, словно понимая речь хозяина, в сладкой истоме заскулила и опять лизнула его лицо. Потрепав Чарли по морде, Алитет подошел к другой собаке.

— А ты, Волчья Спина, что поджимаешь ногу? Разбил? Ну, покажи!

Большая черная собака с подвижными выразительными глазами свалилась на бок и протянула лапу. Из пятки сочилась кровь.

— Не скули!

Алитет взял меховой чулочек, подвязал его на разбитую лапу и прошел к Капэру.

Огромный старый пес сидел в корню у самой наряты. И хотя он не проявлял большой радости при приближении к нему хозяина, все же хитро блеснул глазами и пошевелил хвостом. Алитет не любил эту собаку и давно хотел расстаться с нею. Капэр мешал в упряжке, задерживая бег собак. И сегодня в пути он часто злил Алитета, нужно проучить негодную собаку.

Алитет с размаху ударили ногой в морду Капэра. Пес вскочил, поджал хвост, искося поглядывая на хозяина. Алитет взял его за морду. Капэр метнулся в сторону, но не вырвался из цепкой руки.

— Боишься? Скоро твоим хозяином будет старый Каменват. Вот у этого старика, моего тестя, ты можешь лениться всю жизнь.

Алитет одной рукой держал морду Капэра, другой гладил его. Собака дрожала от необычной ласки хозяина. Она чувствовала, что ее ожидает. Еще в пути хозяин так часто кричал на нее. Алитет взял остол. Капэр стремительно рванулся в сторону, но лямка не пустила его. Алитет взмахнул остолом. Капэр завизжал и уткнулся ему в ноги, пряча глаза. Алитет отступил и со всего размаха стукнул Капэра остолом по голове. Пес прилип к снегу. Алитет начал бить его

по бокам, по заду. Капэр сжался в комок, визжал и скрипел.

Находившаяся в паре с Капэром собака оскалила клыки. Вдруг она вцепилась в ногу Алитета и вырвала кусок камусовых штанов. Прыжком Алитет отскочил в сторону и, оглядев разорванные штаны, прошел к нарту. Он взял винчестер и в упор застрелил эту собаку.

Небо заиграло светом. Песчаная Река¹, проходящая поперек неба, ярко заблисталась. Алитет присел на нарту и стал рассматривать небесные огни.

— Я человек солнечного владыки. Меня знают люди всего побережья. Меня знают все чаучу. Я в большой дружбе с самим американом Чарли,— вслух размышлял Алитет.

Насторожившиеся собаки, приняв его голос за знак «трогать», рванули нарту, но тормоз не дал сдвинуть ее. Собаки оглянулись. Алитет глубже забил остол в снег и, глядя на небо, продолжал размышлять вслух:

— Должно быть, меня знают и жители вселенной — верхний народ. (Он на мгновенье задумался.) Вот совсем ярко горит Куча Зайцев². Там звезда Воткнутый Кол³. А это звезды, катающиеся с горы. Вон Прозрачные Ребра⁴. А Великаны, делающие ветер, где они?

От самой верхушки неба до Полярной звезды протянулись длинные световые полосы, как морковные ремни, натянутые от яранги к яранге. Эти полосы то удлинялись до самых Прозрачных Ребер, то разбегались в разные стороны, как пугливое стадо оленей. Самые разные оттенки цветов, каких нет на земле, пробегали по небу. Огненные полосы горели, содрогаясь, и быстро охватили все небо. Переливы света растекались и вниз, и вверх, и вширь. Среди горевших лент сияния даже луна показалась Алитету бледной, завистливой, как старая жена.

¹ Песчаная Река — Млечный путь.

² Куча Зайцев — Кассиопея.

³ Воткнутый Кол — Полярная звезда.

⁴ Прозрачные Ребра — Венера.

Алитет с возбужденным лицом тревожно смотрел в небо. Им овладел страх. Он переводил взгляд с одного места на другое и думал: «Верхний народ делает большой праздник. Он зажег много костров».

Но небесные огни горели недолго. Они потухли в судорогах, и вскоре на небе попрежнему засияла луна в окружении ярких звезд. Редко Алитет видел такие большие огни.

Быстро набив трубку, он чиркнул о нарту толстой американской спичкой и закурил.

Дальше путь лежал морем. Тишина. С неба падали звезды. И казалось Алитету, что это «верхние люди» бросают их на землю, как выбрасывают из яранг старые, негодные светильники.

Упряжка, как напуганная птица, понеслась по привычным торосам, то взбирайясь на льдину, то стремительно падая на другую. Алитет привскакивает, бежит рядом, поддерживая нарту. Нарта высоко поднимает нос и, на миг как бы повиснув в воздухе, падает, ударяясь о лед. Она скрипит, но не ломается. Нарта Алитета крепко связана выдержаными ремнями. Такой нарты нет ни у кого на берегу, и так ехать, как едет он, никто из его сородичей не может.

Торосы кончились, и Алитет выехал на ровный морской берег. На бегу он плашмя бросает изо всей силы остол в Капэра, ловко подхватывает его, собака визжит, упряжка несется во весь дух.

Наконец собаки с громким лаем влетели в стойбище Янракенот. В ответ протяжно завыли псы всего стойбища. Нарта остановилась около яранги старика Каменвата.

Из яранг показались наскоро одетые люди без шапок, в одних меховых чулках, с опущенными рукавами кухлянок. Вскоре люди окружили нарту Алитета. Подбежал к нарте и Аье. Горькое предчувствие охватило его. На нарте Алитета зачем-то лежал свадебный пыжик. И вдруг он вспомнил свои чернобурки, поверья... Зачем Алитет с пыжиком остановился у яранги Каменвата? Может быть, он остановился здесь проездом? Но зачем же у яранги Каменвата? Или в стойбище нет охотников побогаче этого старика?

Намерение Алитета было ясно всем. И только один Айе искал причину неожиданной, необычной остановки Алитета. Зачем Алитет заехал к Каменвату? Или он не знает, что Айе многие годы считается женихом Тыгрены? Ведь об этом знают все люди побережья.

Как птичка летом в тундре порхает с кочки на кочку, так и эта новость полетела из яранги в ярангу.

В глазах Айе потемнело, и он молча пошел к своей яранге.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тыгрена раскинулась на оленых шкурах и крепко спала, утомленная охотой. Ее длинные черные косы рассыпались на шкурах, смешались с оленьей белой шерстью и оттого казались еще черней. Она спала ровным, безмятежным сном. Во сне она улыбалась.

Около Тыгрены, разглядывая ее молодое лицо, сидела на корточках старуха-мать. Долго она сидела над ней, пока решилась разбудить ее. Тыгрена открыла глаза и, увидев мать, засмеялась тихо, почти беззвучно, обнажив ровные белоснежные зубы. Черные глаза светились.

— Сон видела я,— сказала Тыгрена.— Хороший сон. Будто мы живем с Айе в отдельной яранге. Много детей в пологе — не повернуться. Айе говорит мне: «Тыгрена, надо расширить ярангу, надо ехать в горы к оленеводам за шкурами».

И, поднимаясь с постели, Тыгрена звонко расхохоталась.

Вдруг она насторожилась, прислушиваясь к говору, доносившемуся с улицы.

— Почему шумно около нашей яранги?

— Тыгрена, у нашей яранги остановился Алитет. Люди говорят, на его нарте лежит свадебный пыжик. Это неслыханная радость для нас.

— А как же Айе? — с трудом проговорила Тыгрена.— Он мой жених по обещанию с детства. Наступает день, когда мы вместе должны с ним жить. Или люди на побережье забыли об этом? Забыли наш

закон? Зачем Алитет, этот старик, привез свой пыжик? Он хитрый и жадный! Он коварный! Айе хотел купить мне ружье за вторую чернобурую лисицу, но Алитет не велел Чарли-Красному Носу дать еще ружье. Я не хочу жить в его поганом жилище. Пусть Айе унесет этот пыжик и бросит его с грузом в полынью,— резко и непочтительно сказала Тыгрена.

— Дочь моя, непривычно такие слова вселять в мои уши. Беда случится от таких слов.

Тыгрена молча встала. Ей самой стало стыдно за свои слова. Сильно взъяренная, она забыла заплести вторую косу, и половина длинных волос закрыла ей правое плечо. Она отбросила волосы на спину и прошла в угол полога. Повернувшись к матери спиной, она стояла задумавшись. Сильное, крепкое тело ее, закаленное в мужском охотниччьем труде, казалось, состояло из одних мышц. Она как будто окаменела.

Отец Каменват состарился, и ей давно пришлось самой ходить на охоту вместе с мужчинами. Но она полюбила этот тяжелый мужской труд. В дни удачной охоты она возвращалась довольная, сияющая, радостная. Ее звонкий смех оглашал все стойбище. Она с огромным нетерпением ожидала, когда вместе с Айе заживет какой-то новой, счастливой и еще более радостной жизнью. Теперь в голову проникли страшные думы. В глазах стоял какой-то туман. Она не слышала, что говорила ей мать.

— Тыгрена, ты слышишь, надо чай приготовить. Возьми вон тот большой чайник.

Тыгрена вздрогнула, подошла к жирнику и палочкой стала разводить большой огонь. Она искоса и недовольно посматривала на мать, которая расстилала лучшие олены шкуры для гостя.

А на дворе по-стариковски сутился Каменват, устраивая собак Алитета. Изредка старик бросал беспокойный взгляд на ярангу Айе. Каменват любил его, как сына, и теперь он понимал, почему Айе не пришел помочь ему. Старику было тяжело думать о нем. Ведь сердце Айе бьется сейчас, как у оленя, загнанного волком. Но что поделаешь? Если бы кто другой взду-

мал посвататься, то старик и разговаривать не стал бы. Алитету не откажешь! Алитет — богач, сын большого шамана Корауге! Как отказать ему?

Тяжело взмахивая топором, старик рубил мерзлое мясо, но топор не слушался его. Алитет с важностью стоял, прислонившись к яранге, и ждал, когда будут накормлены собаки. Нельзя же доверить кормежку собак какому-то старику, который никогда не имел хороший упряжки.

Айе стоял у своей яранги. От волнения он отбивал ногой куски снега и отбрасывал их в сторону. Он смотрел то в море, то украдкой следил за Каменватом. Ему жаль было старика. Ведь он всегда помогал ему и Тыгрене рубить твердое, как камень, мясо.

«Теперь не пойду помогать,— думал Айе.— Все равно Алитет увезет Тыгрену... Нет, пожалуй, надо помочь. Жалко ведь старика. Вон как трудно ему рубить!»

Мысли совсем запутались. Но вдруг Айе сорвался с места и побежал к Каменвату. Молчаливым жестом он попросил у старика топор.

Каменват разогнул спину, взглянул на Айе и смущился. У старика выпал топор из рук. Айе поднял его и начал рубить. Топор со звоном отлетал от промерзшего мяса, но с каждым ударом врезался все глубже и глубже.

Каменват с грустью смотрел на Айе.

Махнув рукой в сторону своего жилища, старик сказал:

— Я пойду... в полог...

Айе быстро нарубил мясо, сложил мелкие куски в таз. Алитет сказал ему:

— Вон тот — Чарли. Ему надо кусок с жиром. Два приготовь ему.

Айе поднял таз с кормом, собаки вскочили, сбились в кучу и, подняв морды, насторожились, сверкая глазами.

— Чарли! — крикнул Алитет.

Айе бросил кусок мяса, и Чарли на лету схватил его.

— Утильхен! — позвал Алитет другую собаку.

Но вместо Утильхена кусок мяса на лету перехватил Капэр. Алитет бросился к собакам, схватил за горло Капэра, вырвал из его пасти мясо и бросил Утильхену.

Так, окликая собак, Алитет с разбором кормил их.

На побережье новостей немногого — люди держали все в памяти. Люди знали, кто умирал, где родился ребенок, кто на ком должен жениться. Знал это и Алитет. Когда зимой в пургу родилась Тыгрена и когда обтерли ее снегом и в стойбище стало известно, что родилась девочка, на другой же день люди узнали, что Тыгрена предназначена в жены Айе. Они вместе играли, ходили на охоту, привыкая друг к другу и ожидая времени, когда они будут настоящими мужем и женой.

Знал об этом и Алитет.

«Но когда в тундре песец найдет кусок мяса, разве волк не отнимет его? Ему и не надо отнимать. Песец сам убежит, как только приблизится волк», — думал Алитет, глядя на Айе.

Алитет взял свадебный пыжик и пошел в ярангу. Подойдя к пологу, он остановился, кашлянул, давая о себе знать.

— Ты пришел, Алитет? — послышался старческий голос Каменвата.

— Да, я, — ответил Алитет и подал старику пыжик.

Старик принял подарок.

Алитет, согнувшись, быстро влез в меховой полог. Самодовольное, улыбающееся лицо его раскраснелось. Алитет окинул взглядом жилище, и взор его остановился на Тыгрене. Она стояла спиной к нему и заплела вторую косу. В пологе было светло. Каменват сидел на мехах и держал в руках свадебный пыжик.

— Хорошая шкурка, — сказал он, болезненно улыбаясь, и передал ее старухе.

Женщина бережно свернула пыжик и подвесила его к верхней части полога, — судьба Тыгрены была решена.

Тыгрена молча поставила столик с маленькими ножками на середину полога и стала разливать чай, угрюмо отвернувшись от Алитета.

— Тыгрена, почему не видно радости на твоем лице? — спросила мать. — Смотри, какой знатный человек пришел в наш полог.

Тыгрена не подняла глаз. Как будто она и не слышала вопроса матери. Первый раз в жизни она не ответила ей. А может быть, и действительно, занятая своими мыслями, она не слышала ее.

Алитет, глядя на Тыгрену, оскалил зубы.

— Ничего. Радость — это снежинка. Подует ветер — она поднимется. Надо выждать попутного ветра.

Алитет разделся по пояс, придинулся к столу. Он пил чай и рассказывал о большой летней охоте на моржа, о небесных огнях, которые светили ему в дороге. За все время он не сказал ни слова Тыгрене. Время придет, все станет на свое место.

Когда Алитет вышел посмотреть собак, вслед за ним вылез из полога и Каменват.

— Дочь моя! — сказала старуха. — Теперь ты будешь настоящей женщиной. Дети твои не останутся без еды. У Алитета всегда много мяса. Но плохо, если у тебя не будет детей, тогда ты не станешь настоящей женщиной.

На другой день рано утром Алитет оставил Каменвату трех собак и выехал в стойбище Энмакай с молодой женой Тыгреной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тыгрена стала совсем другим человеком: молчаливая, угрюмая, точно загнанная в клетку лисица. Дома, в Янракеноте, обычно говорливая, постоянно веселая, в ярангे Алитета она умолкла.

Тыгрена взяла тюленью кожу, выкроила из нее подошву и стала медленно, как бы нехотя, загибать края ее. Подошва вываливалась из рук.

Тыгрена шила торбаза с детства. Но дома она с интересом бралась за работу, вышивая голенища разноцветными оленьими ворсинками. За долгую зиму она успевала сшить всего лишь несколько пар: себе, отцу и своему жениху Айе. Сколько радости доставляла ка-

ждая пара сшитых торбазов! О мастерстве Тыгрены говорили во всех ярангах.

Здесь же, у Алитета, она должна была шить простые торбаза для пастухов. Простая работа, работа наспех, изнуряла ее. Она сшила уже двадцать пар, и конца шитью не было.

Алитет торопил ее, и, когда собирались партия торбазов, он вместе с другими товарами отвозил их в глубины тундры кочевникам-оленеводам.

Из своего полога пришла к Тыгрене первая жена Алитета, Наргинаут.

Она присела рядом и заговорила с Тыгреной мягко, как мать.

— Ты все шьешь, работящая. Алитет такой жадный, что по две пары в день шить, и то будет мало. Ведь тундра велика. Людей там много.

— Наргинаут, зачем он взялся обшивать кочевых людей? — спросила Тыгрена.

— У них нет тюленьих кож, а пастухи все время бегают, им много нужно обуви.

— У нас тоже шили обувь кочевникам, но только родственникам. Разве у Алитета такое большое родство?

— Он меняет торбаза на песцовые шкурки. Все женщины стойбища шьют ему — и все мало, мало, мало.

Тыгрена, положив шитье, вслушивалась в ласковые слова Наргинаут. Эта пожилая женщина, казавшаяся злой, вдруг так хорошо заговорила.

— Наргинаут, и ты много шила? Я вижу твои поцарапанные руки.

— Нет. Сначала мы жили, как все люди. У меня было трое детей. У меня было много радости. Потом не стало. К Алитету пристала сильная болезнь. Корauge сказал, чтобы старший мальчик унес его болезнь. Алитет задушил мальчика и поправился. Так же умерла девочка. И теперь я живу без сердца. У меня, Тыгрена, нет сердца, — и Наргинаут шепотом добавила: — Оно, должно быть, оторвалось...

Женщины долго молчали.

— А когда Алитет сдружился с американом, — продолжала Наргинаут, — он испортился совсем. Он стал

мучить себя. Редко стал сидеть дома. Все ездит. То на одних собаках, то на других. Много упряжек завел. Беспокойства взял больше, чем нужно для жизни. И жены ему нужны совсем не для того, чтобы они рождили детей.

Тыгрена со страхом слушала эту женщину.

— Наргинаут,— печально сказала она.— У меня с рождения был жених Айе. Мне жалко его. Я не хотела приехать сюда. Ты не сердись на меня.

— Я знаю. Мне лучше с тобой. Ты станешь моей сестрой. Ты облегчишь мою жизнь.

Она помолчала, взяла у Тыгрены шитье и сказала:

— Ступай, Тыгрена, погуляй. Я пошью за тебя. Ведь даже старик Кораяге, и тот вылезает из полога. Ступай к Ваамчо. У них весело молодым. Старайся только, чтобы Кораяге не заметил тебя. Не любит он Ваамчо.

— Я на охоту хочу, Наргинаут! Во льды, на простор. Привыкла я, там хорошо!

— Когда вернется Алитет, я скажу ему. Он обрадуется. Сам давно перестал ходить на охоту, а шкур хочет все больше и больше. Вон Туматуге строит третий полог. Третью жену решил привезти,— и, глядя на изумленную Тыгрену, Наргинаут добавила: — Ничего, Тыгрена, нам будет легче. Видишь, как много работы придумал Алитет.

На улице свистел ветер. Домой Алитет не вернулся. Он разъезжал и часто оставался ночевать у невтумов — приятелей по жене.

На побережье существовал обычай, когда охотники-мужчины договаривались друг с другом и временно обменивались женами. Нередко можно было встретить семью, глава которой говорил: «Это вот мой сын, а это — сын от моего приятеля по сменному браку». Такой союз двух семей обязывал к взаимной помощи. И если один из приятелей погибал или умирал, другой брал на себя заботу о его семье. Двое мужчин, состоящих в сменном браке, и назывались «невтумами».

Но никто не пользовался этим старым обычаем так широко, как Алитет. Почти в каждом стойбище он имел таких приятелей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Жизнь стойбища Энмакай протекала обычным порядком. Как только прекращалась пурга, охотники выходили на море. Навесив ружья в тюленьих чехлах, они шли во льды, где под действием ветра и морских течений открывались полыньи.

Еще не выходя из стойбища, охотники определяли по отражению на небе величину полыньи и расстояние до нее. Большие полыньи, напоминающие громадные озера с ледовыми берегами, были неудобны для охоты: трудно достать убитого тюленя.

В белых, защитного цвета балахонах охотники садились где-нибудь за отрогом льдины, курили трубку и, не отрывая глаз от воды, сторожили тюленя. Он редко показывался. Но как только тюлень бесшумно вылезал на поверхность воды, обнажая усатую морду, сейчас же раздавался выстрел винчестера. Тюлень, взмахнув ластами, на минуту скрывался в море, а затем всплывал, окрасив воду своей кровью.

В этом промысле Тыгрена не уступала ни одному охотнику стойбища Энмакай. Она с радостью уходила на охоту, во льды, на простор, лишь бы не оставаться в яранге Алитета.

Три дня подряд охотники ходили во льды и каждый раз возвращались без добычи. На четвертый день неожиданно с берега подул сильный ветер. Оставаться во льдах было опасно. Охотники спешили покинуть льды. Возвратились все, кроме Ваамчо. Люди беспокоились.

— Особо коварный дух появился на побережье. Нужно большую жертву ему,— сказал Корауге.

Тыгрена подумала:

«Алитет уехал в тундру к богатому оленеводу Эчавто. Он-то приедет... А вот Ваамчо... он уехал на четырех собачках далеко во льды, туда, где должна быть хорошая охота. Надо бы Ваамчо быть в тундре, а Алитету на хорошей охоте!»

И в этот момент она встретилась с упорным, пронизывающим взглядом шамана Корауге. Тыгрена отвер-

нулась и без надобности стала перебирать шкуры. Ей показалось, что старик узнал ее плохие думы. Страх охватил ее. Ей стало так тяжело, что она оделась и вышла.

Ваамчо не выходил у нее из головы. Хорошего человека всегда жалко. Она знает, что Ваамчо сидит теперь где-нибудь во льдах, укрывшись от ветра.

«Куда пойду?» — спросила себя Тыгрена.

Ветер дул сильно, порывами, и яранги почти скрылись в поднявшейся пурге. С моря слышался шум уходящих льдов.

«Пойду к Ваалю», — решила Тыгрена.

В пологе было человек восемь охотников. Они сидели вокруг старика. Царило тягостное молчание. Никто не замечал, что жирник коптит. Всем было ясно, что Ваамчо оторван от земли.

Тыгрена палочкой поправила мох в светильнике. Она боялась спросить о Ваамчо и молча присела в сторонке.

Старик Вааль сидел, склонив голову. Он даже не курил. По морщинам его лица бежали крупные капли слез. Вааль рукой провел по лицу и, глядя в мокрую от слез ладонь, шепотом сказал:

— Никогда я не видел... этих слез. Стар я стал. Не могу удержать.

Он долго смотрел на свою руку с растопыренными пальцами.

— Где вторая одежда Ваамчо? — тихо спросила Тыгрена.

— Там... в сенках, — ответил старик.

Охотники принесли запасную одежду Ваамчо и стали набивать чучело. Они торопливо заталкивали в кухлянку, в штаны, в обувь разную домашнюю рухлядь. Скоро подобие человека из одежды Ваамчо было готово. От бедного хозяйства старика осталось только две шкурки — все ушло в чучело.

— Может быть, слабо набито? — спросил старик. — Возьмите и эти. Я спать не буду.

Чучело осторожно вынесли в сенки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Возвращаясь домой и не доходя еще до своей яранги, Тыгрена услышала рокочущие звуки бубна.

Она остановилась: ветер сбивал ее с ног. Тыгрена вбежала в сенки и с волнением стала прислушиваться к завываниям шамана и ударам в бубен.

Казалось, меховой полог был заполнен этими звуками и они, как живые, летали от стенки к стенке, от пола к потолку. Тыгрене представился никогда не улыбающийся Корауге.

В темноте кто-то подошел к ее ногам. Тыгрена затряслась от страха. Она хотела броситься скорей в полог и не могла. Ноги ее не шли. Но вдруг Тыгрена услышала знакомое поскуливание. У ног ее была старая сука. Тыгрена обрадовалась. Она присела на корточки, прижалась к теплой морде собаки и стала нежно гладить ее.

Под звуки бубна шаман кричал:

Ветер, остановись!..
Много дней в отлучке Алитет.
Духи, сделайте хорошую погоду!
Ваамчо в жертву вам...

Прислушиваясь к словам Корауге, затаив дыхание, Тыгрена прижалась к собаке, шептала ей:

— Хорошо тебе собакой быть! Собакой быть лучше. Не хочется итти в полог, опять встречаться с глазами старика. Я бы спала с тобой в сенках, в темноте, чтобы никого не видеть.

Бубен звенел и рокотал. И опять донеслись слова. Они с хрипом вырывались из горла Корауге:

— Его яранга — источник несчастья...
Илинеут замерзла... Ваамчо... духи...

Бубен заглушил слова.

Склонившись к собаке, долго сидела Тыгрена. Потом в пологе наступила тишина, изредка прерываемая хрипами шамана. Он довел себя до изнеможения и теперь хрипал, как загарпуненный морж.

От неподвижного сидения на корточках ноги Ты-

грены онемели, стали мерзнуть. Она осторожно поднялась и вползла в полог. При потущенных жирниках она бесшумно разделась и внезапно услышала охрипший голос Корауге:

— Звери в такую погоду не выходят из норы. Или тебе можно бродить, когда муж в отлучке?

Не упоминая имени Ваамчо, Тыгрена сказала:

— Корауге, человека оторвало со льдами. Великая печаль в стойбище... Чучело готовили. Ведь хочется узнать, жив ли человек. Слышишь, какой ветер?

— Все слышу и все знаю. Не там ищи печаль. Все может быть, Алитет... — и шаман не договорил из опасения натолкнуть злых духов на Алитета.

— Кто знает, Корауге, что замышляют злые духи? Не хотел ли ты сказать, что Алитет сбился с пути или свалился с обрыва? — спросила Тыгрена, воспользовавшись темнотой.

— Замолчи и ложись спать, — прошипел Корауге. — Язык твой чисто женский, без соображенья. Болтает непотребное.

Между тем скрытое желание Тыгрены и заключалось в том, чтобы Алитет разбился где-нибудь со скалистого обрыва. Ведь бывает же такое даже с хоршими людьми?

Тревожно прошла ночь. Ветер с прежней силой несся мимо яранг к морю. Охотники опять собрались у старика Вааля. От пронизывающей пурги яранга дрожала. Ветер вырывался через щелки в сенки, и чучело содрогалось. Над ним дежурили два охотника и время от времени кричали старику:

— Шевелится!

Вааль сидел в пологе, и каждый раз, как только доносилось до него слово «шевелится», радостная улыбка пробегала по его усталому, измученному лицу.

Чучело шевелилось, и людям было ясно, что Ваамчо все еще жив.

К полудню опять прибежали охотники. В просветах между густыми облаками они разглядели небо и теперь наперебой сообщали старику:

— Надо ждать обратного ветра. Его прибьет к берегу.

— Вааль, небо очищается. Ветер хочет стихнуть. Ему это очень хорошо.

— Надо попросить Корауге сделать ему обратный ветер.

Никто из охотников даже не упомянул имени Ваамчо. Надо же скрыть от злых духов, о ком идет речь.

Старик Вааль внимательно слушал охотников, глядя на них печальными, задумчивыми глазами.

— Трубку сделайте мне. Душа просит покурить,— сказал он упавшим голосом.

В полог влезла Тыгрена.

— Вааль! Небо становится хорошим. Кончится пурга, и он вернется. Я знаю... он ловкий прыгун...

Старик мотнул головой.

Тыгрена присела к светильнику, стала заправлять его принесенным с собой жиром.

— Это Наргинаут велела мне взять жир. Она понимающая женщина.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Еще накануне, когда Ваамчо, как и все охотники стойбища, вернулся с промысла без добычи, старик Вааль говорил:

— Тюлени теперь далеко. У дальних полыней тюлени.

Ваамчо сидел молча и будто равнодушно прислушивался к словам отца. Отец был великим ловцом и говорил правду. Но кто же решится так далеко от берега заезжать в движущиеся льды?

На побережье был голод. Во всех ярангах только и говорили об охоте на тюленя. Охота на песца и лисицу многих перестала интересовать. Что это за охота? Такой охотой интересно заниматься, когда человек сыт. За шкурки покупают вещи. Без вещей не умрешь, а без еды жить человеку нельзя. Но Ваамчо не пойдет больше к Алитету просить мяса. Он решил попытать счастья у дальних полыней, о которых говорил отец.

Наутро Ваамчо заложил в легкую нарту четырех собак и выехал во льды.

Было еще темно, и яранги, стоявшие на горе, быстро скрылись. Ваамчо долго ехал по торосам, пока не показалась луна. И, когда она поднялась, озарив скучным светом нагромождения льдов, собаки побежали веселей. Наконец, еще издали, Ваамчо заметил полынью.

«Вон там будут тюлени!» — подумал он, и его охватило радостное волнение охотника.

— Чегыт! Поть-поть! — крикнул он вожаку.

Чегыт понял и свернулся вправо.

Упряжка побежала мимо огромной ледяной горы. Вскоре Ваамчо остановил собак, залез на торос и осмотрел местность. Вдали виднелась полоса открытого спокойного моря. Было тихо в эту утреннюю пору. Море испарялось. Ваамчо сбежал с тороса, сел на нарту и, прикрикнув на собак, помчался к разводью.

— Вот здесь. Я скроюсь за льдиной, и мне хорошо будет видно тюленей,— вслух заговорил Ваамчо.

Он отвел упряжку подальше в сторонку, а сам вернулся к припаю полыньи. Закончив все приготовления, он закурил, но не успел положить за пазуху железную коробку с табаком, как невдалеке от него показался тюлень. Он плыл, как видение. Сердце Ваамчо застучало от радости, но не успел он вскинуть ружье, как тюлень скрылся. Ваамчо долго смотрел на расходившуюся во все стороны легкую рябь. Скоро на воде не осталось и следа тюленя.

«Есть тут тюлени!» — и довольная улыбка пробежала по лицу Ваамчо. Не снимая с колена ружья, он снова стал раскуривать трубку.

В стороне показался еще тюлень, но и этот, едва вынырнув, погрузился в воду.

«Что такое? Или тюлень стал чуять табак? А может быть, он собак чувствует? Да, пожалуй, он чувствует. Ветерок тянет с берега», — рассуждал Ваамчо.

Он встал, пошел к собакам и перевел их дальше за ледянную гору. Вернувшись, он особенно настороженно стал всматриваться в черную полосу полыньи. Она заметно увеличилась.

Ваамчо устремил зоркие глаза в мрачное море и, поводя ружьем, напряженно следил, не покажется ли еще тюлень. Все внимание, все мысли сосредоточились на этом.

Вдоль кромки льда величаво проплыval тюлень. Он плыл прямо на охотника, точно заинтересовавшись им, и в упор смотрел на Ваамчо большими черными глазами. Редкие усы его торчали над водой.

Ваамчо спустил курок, и глупый тюлень был убит. От радости Ваамчо вскочил. Глаза его блестели.

— Вот и убил! — радостно воскликнул он.

Он взмахнул закидушкой и бросил ее на тюленя: ремень не доставал до него. В глазах Ваамчо потемнело. Он сразу понял, что тюлень, убитый тюлень, ускользает от него. Только теперь Ваамчо заметил, что ветерок с берега усилился. Он отошел от кромки льда, залез на торос и посмотрел в сторону берега.

«Там сильный ветер. И небо там плохое», — подумал он и решил немедленно уехать обратно. Но какая-то сила вновь потянула его к убитому тюленю.

Море было спокойно. Оно чуть-чуть дышало и казалось густым. В этой гуще черной воды, освещенной луной, лежал тюлень, приковавший взор охотника.

Ваамчо опять взял круг ремня и, привязав к нему пояс, решил еще раз бросить закидушку, но ремень по прежнему не достигал тюленя. Закидушка упала настолько близко от тюленя, что легкие колебания воды покачнули его.

Ваамчо вспомнил детские игры, когда, бросая с берега камешки, он подгонял к себе палочку или дощечку, находившуюся в воде. Колебания воды всегда прибивали их к берегу. Нужно лишь бросать камешки не дальше дощечки, а ближе.

В надежде подогнать к себе тюленя этим способом, Ваамчо снова стал бросать закидушку. Она падала почти рядом с тюленем, и Ваамчо с нетерпением ждал той минуты, когда закидушка упадет немного дальше тюленя. С какой радостью он вонзит тогда гвозди в его кожу и будет подтягивать к себе добычу!

Неожиданно Ваамчо заметил, что льдина, на которой он находится, движется. Он бросился бежать к со-

бакам. Около ледяной горы образовалась трещина, и Ваамчо медленно уносило от всей массы льдов. Образовавшееся разводье было уже настолько велико, что даже он, Ваамчо, не мог перепрыгнуть через него. Он бросился в одну сторону, в другую, но нигде нельзя было перемахнуть трещину.

«Собаки... собаки.. остались по ту сторону!» — с ужасом подумал Ваамчо.

Мысль об опасности пронизала все существо его.

Ваамчо побежал к месту, напротив которого стояла упряжка. Он остановился и засвистел так громко, что этот свист эхом раскатился в ледяной пустыне.

— Чегыт, Чегыт, Чегыт! — крикнул Ваамчо вожаку.

Из-за торосов выскочила упряжка и помчалась на зов хозяина. Легкая нарта перевернулась и, задевая за выступы льдин, тащилась за собаками. Они добежали до ледяного берега и остановились. Широкая полоса воды, темная, мрачная, отделяла Ваамчо от собак.

— Чегыт, Чегыт! Ну, иди, иди! — постукивая по торбазам ладонью, манил его Ваамчо.

Чегыт глянул в воду, заскулил, сорвался с места и упряжка побежала вдоль кромки льда. Чегыт бежал, обнюхивая лед.

«Теперь я один остался. Одному плохо. Ой, как плохо! — думал Ваамчо.— А с собаками хорошо. Ах, как хорошо!» — и Ваамчо снова принял звать Чегыта.

Вожак, таща за собой собак, подбежал к кромке, глянул вниз и протяжно, тоскливо завыл.

«Нет, не пойдут в воду. А потом и их оторвет от берега. Ведь одни не уйдут они домой? Нет, не уйдут. И тогда будем плавать на разных льдинах».

Ваамчо стоял и думал только о собаках, об этих единственных сейчас друзьях. Собаки как будто понимали его и не спускали глаз с хозяина.

«Если я буду здесь один... четыре дня я буду жить, а потом застрелю себя».

И опять Ваамчо в отчаянии стал звать Чегыта.

Умный пес бросился к воде, опустил морду, беспомощно поглядел на высокий отвесный излом льдины и отскочил обратно.

И, когда зов повторился, Чегыт смаху бросился с ледяного берега и повис вдоль льдины. Другие собаки изо всей силы тянули его назад. Ломая кости о лед, Чегыт вылез на кромку льда и, оскалив зубы, вцепился в горло рядом стоящей собаки.

Ваамчо быстро снял с пояса круг ремня и ловко забросил закидушку на нарту. Гвозди зацепились за нее. Натянув ремень, он стащил в воду и нарту и собак.

Какая радость! Ваамчо теперь не один. Он стал играть с собаками, а псы, отряхиваясь от холодной воды, лизали его руки. Он быстро отстегнул собак из упряжки, и они стали валяться в снегу. На лохматых шкурах образовались сосульки. Ваамчо сел рядом с Чегытом и ручкой ножа стал обивать сосульки с шерсти. Другие собаки, развалившись на снегу, зубами вырывали и сплевывали кусочки намерзшего льда.

Ветер усиливался. Луна спускалась в торосы. Наступала ночь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ваамчо взял нарту подмышку и, окруженный собаками, неторопливым шагом направился к большому торосу. Там, за льдиной, можно укрыться от холодного ветра.

— Ну, Чегыт, ветер становится большой, и нам надо строить ярангу,— беспокойно сказал Ваамчо, обращаясь к вожаку.

И, словно в знак согласия, Чегыт завилял хвостом.

Ваамчо подошел к ледяному выступу, обошел его кругом и по-хозяйски выбрал удобное место. Ножом откалывая куски льда, он влезал в торос все глубже и глубже. Наконец, после упорного труда, берлога была готова. Ваамчо втащил в нее нарту и ввел собак — от них должно быть тепло.

Хотелось пить, но снег не утолял жажды. Ваамчо вспомнил, как однажды он хотел срезать ножом свои усы и отец остановил его.

— Зачем ты срезаешь усы? — сказал старик.— Каждый охотник должен их беречь, как хорошую собаку. Бывает, что охотник долгое время не видит воды.

А усы делают воду. На них намерзает иней из пресной воды.

Лежа на нарте, он вспоминал советы отца, и перед ним ясно встало доброе лицо старика.

Рядом бок о бок свернулись собаки, две по одну сторону и две — по другую.

Была глубокая полночь. В торосях гудел ветер. Ваамчо уснул, согретый собаками. Но скоро он проснулся и заснуть уже не мог: думы мешали.

«Как могло так случиться? Должно быть, ветер нажал на торосы, ведь они, как парус. Вдали от берега лед быстрее подался».

Собаки спали, как в яранге. И только Чегыт при каждом шорохе поднимал голову, и в темноте сверкали его глаза.

— Что будем делать, Чегыт? Если улучшится погода, нам обязательно нужно убить тюленя. Голодные, без жирной пищи, мы замерзнем.

К полудню, когда стало чуть посветлей и на небе пробилась сквозь густые облака луна, Ваамчо вышел из своей берлоги. Захватив ружье, он вместе с собаками, с которыми теперь решил не разлучаться, направился к кромке льда. Укрывшись за выступ льдины, Ваамчо присел, всматриваясь в полынью. Но по всему видно было, что тюленей не будет.

— Не любят они, Чегыт, при этом ветре находиться в таких местах.

Чегыт встал, подошел к хозяину и лизнул ухо Ваамчо.

— Ну, что ж? Пойдем домой. Без пищи поменьше надо сидеть на холоде,— сказал Ваамчо и медленно стал подниматься.— Голодному надо поменьше ходить.

Заметив логовище, собаки побежали вперед.

«Не надо было выезжать на охоту,— думал Ваамчо.— Тридцать дней нельзя охотиться, когда умирает человек в яранге. А мать Илинеут замерзла двадцать шесть дней тому назад. Вот нарушил закон — и подстегли злые духи. Но как же без еды? Без еды и в яранге пропадешь. А здесь, может быть, и не пропаду. Ведь не один я здесь!»

Прошло два дня. Полынья исчезла в последнюю ночь. Было сжатие льдов. Хотелось есть, а тюленей не было.

— Чегыт, придется съесть одну собаку,— сказал Ваамчо, словно советуясь с вожаком.— Можно бы подождать еще, но голодный человек скоро мерзнет.

Он взял за ошейник Милютальгына и повел его за льдину. Ваамчо так быстро вонзил в его сердце нож, что Милютальгын не успел взвизгнуть.

Ваамчо жадно напился горячей крови и наелся теплого мяса. Вернулся в жилище, накормил собак. В эту ночь он спал крепко, укрывшись собачьей шкурой.

К утру, когда лучи бледной луны проникли в щель, Ваамчо вскочил. Он сильно ударил ногой в «дверь» — и льдина отвалилась. Ваамчо вышел и оглянулся кругом. Совсем рядом образовалась новая полынья. Море было спокойное, ветер стих, и только от легкой зыби льды чуть-чуть покачивались.

Вдруг совсем близко Ваамчо увидел плывущего тюленя. Он вскинул ружье и почти в упор застрелил его.

— Сколько еды! — вскрикнул от радости Ваамчо.

Тюлени показывались часто, и Ваамчо за короткое время убил пять штук и всех достал.

— Чегыт, видишь, сколько еды? А мы закололи Милютальгына. Надо было подождать. Жалко собаку.

Ваамчо нанизал тюленей на ремень и волоком потащил к своей берлоге. Собаки облизывались, жадно пожирали снег, пропитанный кровью тюленей.

«Сколько мяса и жира! — думал Ваамчо, свежая туши.— А если у человека много мяса и жира, тогда у него поет сердце».

Ваамчо решил развести костер. Он взял тюленьи косточки, тщательно соскоблил с них мясо, расщепил их и, искусно перекладывая собачьей шерстью, смазанной тюленым жиром, стал раздувать огонь.

Было очень весело глядеть на язычки пламени.

— Сколько дней, Чегыт, мы не смеялись? А вот теперь и смех пришел. Он всегда приходит вместе с едой. Желудок, набитый тюленым мясом и наполненный горячей водой, веселит человека. Это совсем не то, когда в кишках гуляет один воздух!

Железная коробочка из-под табака заменила чайную чашку, и Ваамчо с наслаждением пил горячую воду.

— Все может быть, Чегыт, и белый медведь придет. О-о! Тогда мы заживем, как в яранге!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Неисчислимы стада оленей Эчавто. Несметны богатства его. За три теплых лета не вырастает ягель там, где пройдут стада его оленей. Олени разбиты на десять стад. В каждом стаде двадцать по двадцать, еще раз и еще раз двадцать по двадцать — тысяча двести голов в каждом стаде,— вот сколько оленей у старого Эчавто! В одном не удержишь: сохнуть станут от недостатка ягеля, разбегутся.

Велики стада его. В каждом стаде до десятка шатров, в которых живут пастухи со своими семьями. Свыше сотни человек кормится около Эчавто.

Каждому пастуху хозяин Эчавто позволял заводить немного и своих оленей. Тогда пастух считает себя маленьким хозяином и до изнеможения бегает, заодно охраняя и все большое стадо Эчавто.

Как же? Разве не хозяин он своих оленей? Конечно, хозяин! — и пастух не спит в пургу, зорко сторожит стадо.

Ему что, этому богачу Эчавто? Если волк и задерет оленей двадцать — это не более чувствительно, чем укус комара. А вот если под волчьи клыки подвернется свой пяток оленей, тогда опять много лет надо ждать увеличения поголовья...

Так думает каждый пастух.

Третий день гонится Алитет за стадами Эчавто. На своих быстроногих собаках он рыщет то среди ущелий и гор, то среди бескрайней ровной тундры. Не имея звериного чутья, стада эти и не найдешь никогда.

Гуляет в тундре ветер. Скрылись звезды и луна. Надо бы переждать пургу где-нибудь в снегу, но у Алитета нет корма. Нельзя позволить себе блаженствовать в снегу. Нужно ехать и ехать. Ведь на нарте оста-

лись лишь товары и ни кусочка мяса. Пурга удлинила путь.

Воет в тундре ветер. Валит с ног собак. Алитет останавливает упряжку, бросается наземь и ползает около нарты. Что он обнюхивает? Он распознает местность в этом снежном океане. Наконец он вскакивает, садится на нарту и неспеша разламывает, рассматривает олений помет. Нахodka должна рассказать, когда здесь прошли стада оленей. Алитет тормозом долбит снег, достает мох, травку, листочки ивняка: они должны рассказать, в какую сторону прошли стада оленей.

И наперерез ветру мчится упряжка. Наконец воjak улавливает запах жилья, круто берет влево и, напрягая силы, рвется вперед. Зорко всматриваясь во мрак ночи, Алитет не мешает думать вожаку.

Нарта наскочила на человека. Остановились.

— Человек, кто ты? — крикнул Алитет.

Человек узнает Алитета, подходит к нему ближе и приветствует его.

— Алите-е-т?

— Да, это я, Алитет. Откуда ты?

— Я пастух Ренто из стойбища Эчавто. Видишь, какая плохая ночь. Волчья ночь. Худо. Не могу спать. Может, людям трудно охранять стадо, иду помочь им. Ведь в стаде и мои восемь оленей.

— Далеко стадо?

— Близко. Бегом бежать,— два раза вспотеешь. Только.

— А яранги где стоят?

— Вот здесь, рядом. Я покажу тебе.

И пастух побежал впереди собак.

— Ты хорошо бегаешь,— сказал Алитет, въехав в стойбище.

— Да, я хорошо бегаю,— польщенный похвалой, ответил Ренто.

— Эчавто в этом стойбище?

— Нет. В другом. Переночуй здесь. Может, завтра пурга стихнет. Сейчас зачем из тепла уезжать? Вот яранги. Мужчины в стаде, женщины позаботятся о тебе.

— Разве есть здесь человек, который вволю накормит моих собак?

Пастух Ренто промолчал.

— Далеко другое стадо Эчавто?

— Близко. Бегом бежать, наверное, десять раз вспотеешь. Оставайся до завтра.

— Нет. Беги вперед, я поеду за тобой.

— Эгей! — безропотно согласился Ренто и, положив палку на спину, побежал от жилья в холодную снежную пустыню.

Ренто скрылся из виду, и только вожак Чарли держал его след.

Изредка пастух останавливался и громко кричал:

— Эге-ей!

Это означало: «Вот я где!»

Наконец в непроглядной тьме пастух вбежал в стойбище, остановился, опираясь на палку, и, дождавшись Алитета, с улыбкой сказал:

— Вот яранги. Я побегу скорей в стадо.

— Подожди. Возьми на закурку хорошего табаку.

Ренто обрадовался.

— Много поймали песцов люди Эчавто?

— Мно-о-о-го!

— Ну, теперь беги!

И Ренто побежал обратно.

Как только стало известно, что приехал Алитет, все стойбище Эчавто пришло в движение. Будто кончилась ночь — и людям пора вставать.

Сам старик Эчавто тоже проснулся и лежал на пушистых оленевых мехах, прикрыввшись лисьим одеялом. Он позвал всех четырех жен и каждой из них давал поручения, подергивая свою длинную реденькую бороденку.

— Эйпынга, ты ступай наружу и дай Алитету мясо. Похуже которое. Эти люди с морского берега — мышееды. Они толку не знают в хорошем оленем мясе. Им лишь бы стучать зубами и проталкивать в их сморщеный желудок разную дрянь.

— Эчавто, ты говоришь о корме для собак?

— Да, да. Эти люди могут питаться одинаковой пищей с собаками. Но дай все-таки столько, чтобы не

видно было на его лице обиды. А ты, Кыма, ступай к Пиляку и скажи ему, чтобы сбежал в стадо и принес молодого бычка с белой полоской на верхней губе.

— Эчавто! Большая пурга. Найдет ли Пиляк в стаде этого бычка?

— Пустословная, твое дело — сказать. Или я тебе велю сделать большее? Найдет. Ты, Кейпа, зажги еще один светильник. Два зажги. Эчавто — не такой бедный человек, чтобы встречать гостя в потемках. Торгового гостя! И тебе, Выйя, найдется работа. Достань тонкие пыжиковые штаны и всунь меня в них. А то еще гость подумает, что беден я. Кроме своей кожи, никакой одежды.

В полог влез Алитет.

— Ты приехал, Алитет? — нарочито не выражая особенного восторга, спросил Эчавто.

— Да, — как будто безразлично ответил гость и развалился на шкурах, потирая холодные руки.

— Дошли, стало быть, слухи о нашей нуждишке в товарах? Нам много не нужно.

— Да, слух пришел. Немножко товаров привез. И ножи есть, и напильники, и колокольчики для оленей, и иголки, и бусы, и ружья, и табак. Немножко товаров есть.

Женщины взмахивали руками и вздыхали, удивляясь такому обилию товара. Старику Эчавто не понравилось поведение жен. Он строго посмотрел на них, и они сразу перестали удивляться. Сам он лишь молча кивнул Алитету, будто удовлетворенный, и сказал:

— Кейпа! Гость должен сухим горлом разговаривать? Где же чай?

Смуглая, проворная, как лисица, Кейпа быстро разлила чай.

Алитет вылез в сенки за мешком. Предполагая сегодня выпить, а выпить надо много и не потерять головы, Алитет впопыхах проглотил большой кусок сливочного масла, которое специально для этой цели он взял у Чарли.

Тогда огненная вода обжигает только кишки и не делает голову безумной. А ведь Алитет не веселиться сюда приехал.

Он вернулся в полог и с видом благодетеля высыпал сухари на столик.

Божественная еда — чай с сухарями. Женщины ахнули от восторга.

— Бабы созданы лакомками,— заметил Эчавто.— В своем безумстве они готовы сожрать с этими сухарями свои собственные языки.

— Это пища белых людей,— со знанием дела сказал Алитет.

— Дрянная пища. Я не прикоснусь к ней,— и, помолчав, Эчавто начал деловой разговор.— Мои люди тоже наловили немножко красных лисиц,— вкрадчиво сказал он.

— И песцов и чернобурок,— не удержалась болтушка Кейпа.

— Ш-ш-ш! — прошипел Эчавто.

Не останови ее во-время, бог знает, что она еще может наболтать.

— Вы что сидите, как совы, выпучив глаза?— обратился Эчавто к женам.— Или вы думаете, что гость должен без конца полоскать кишку водой? Или вы забыли, что дорожному человеку нужна крепкая пища? Или вы думаете, что у Эчавто мало еды? Устройте лучшую еду, какая бывает в моем пологе.

Женщины, как мыши, бросились в разные стороны, готовые выполнить все, что захочет их властелин.

Да ради такого случая они повылезут из кожи, чтобы угодить важному гостю. Ведь не часто бывают в тундре такие люди.

Молодыми, крепкими зубами Кейпа перетирала оленье мясо, складывала его в корытце, перемешивала с олеными мозгами и закатывала из этой серой массы колобки. Потом она вынесла их на холод подморозить.

Другие жены каменным молотком дробили мерзлое сырое мясо, резали вареное, выкладывали из котла оленьи языки, готовили листоквашу из зеленых листочеков, съедобных трав и корней, сдобренных тюленым жиром. Сколько было приготовлено сытной и самой разнообразной еды! Долго ли четырем женщинам приготовить изысканные блюда, когда в хозяйстве всего в достатке!

Эчавто приблизился к Алитету и уже обычным, деловым тоном сказал:

— От тухлого мяса живот пухнет. Только языками оленьими я питаюсь, нагульным жиром да мясом молодых телят. Я послал за хорошим теленком.

И, помолчав немного, старик совсем тихо, как о самом сокровенном желании, спросил:

— А пирт есть?

— Есть. У Алитета всегда есть.

Эчавто прощедил сквозь зубы воздух, предвкушая наслаждение.

Выждав этот удобный случай, Алитет заговорил о самом важном.

— Эчавто, оленей только у меня нет. Живых оленей. Стада нет. Мы бедные люди на морском берегу. Есть на море охота — еда есть. Нет охоты — еды нет. А ведь за оленем не надо в море ходить. Поэтому хочу завести стадо.

Старик насторожился и уклончиво сказал:

— Мы здесь в тундре тоже бедные люди. То волки задирают оленей, то гололедица, то обезножье — болезнь. У вас хорошо на берегу. Небось, волки не задирают тюленей и моржей, а у нас того и гляди.

Молчаливым жестом Эчавто велел женам подавать еду. Женщины наперебой ставили деревянные корытца с самой разнообразной едой. Эчавто попробовал сначала сам, всего по одному кусочку из каждого корытца. Алитет взял большой язык оленя и, торопливо надрезая его, с жадностью глотал куски. Нежное мясо таяло во рту. Кейпа пододвинула ему корытце с мозговыми колобками. Прэрэм — эта праздничная еда — был так вкусен, что с ним можно было съесть свои губы.

Алитет торжественно поставил на стол бутылку разведенного спирта. У Эчавто заблестели глаза. Дрожащими руками он пощупал бутылку.

— Хорошая огненная вода. На крепком морозе не мерзнет, — сказал Алитет, наливая две кружки.

Женщины хватали сухари и грызли их с наслаждением.

Алитет чокнулся с Эчавто. Огонь пробежал по телу Эчавто, он отышался и, не закусывая, чтобы не портить впечатления от водки, проговорил:

— Ты зачем стукнулся своей кружкой о мою? Не хочешь ли ты жить в сменном браке со мной? А? Вон сколько жен у меня!

Голова закружилась у Алитета от неожиданно приятного разговора. Алитет давно думал укрепить свои деловые связи с Эчавто сменным браком. Но все же, делая вид, что он не особенно заинтересован в этом, повел разговор издалека:

— У меня есть приятель — американ. Всегда, когда мы с ним пьем огненную воду, он стукается о мою кружку! Надо знать, как обращаться с огненной водой, ведь ее делают на земле белолицых!.. А твой разговор о сменном браке веселит мое сердце. У меня, Эчавто, стало две жены. Скоро будет три. И в самом деле, почему бы нам не заключить брачное товарищество: быть приятелями по жене? Стать невтумами?

Они выпили еще по кружке и обменялись трубками.

Женщины оживленно зашушукались. Им было ясно, что сделка совершена. Неизвестно лишь было, на какую из жен падет выбор Алитета.

И, уже чувствуя себя наполовину хозяином, Алитет крикнул женщинам:

— Несите сюда все мои товары!

Женщины быстро перетаскали товары с нарты в полог. О, сколько самых разнообразных товаров! Охмелевший Эчавто ползал по плиткам табака, чая и с жадностью ощупывал каждую вещь.

— Это все тебе, Эчавто. Бери без счета. Все, сколько есть. Ведь ты мне приятель по жене — невтум.

— Хок! Хрр! — хрюпел старик. — Все шкурки лисиц, сиводушек, чернобурок — все отдам тебе, ни одной не утаю. А эти товары — все мои.

Из длинного мешка Алитет вытащил новый винчестер, другой, третий — десять штук! Гора оружия.

— Хок! — затрясся Эчавто.

— И это все тебе, приятель.

— Хок! Хрр! В наддаток ты получишь за каждое ружье из каждого моего стада по двадцать живых оленей. Женщины, подайте скорей оленье ухо. Пусть Алитет покажет, какую метку сделать на его оленях.

Кейпа выскочила в сенки, притащила целую оленью голову. Алитет быстро сделал два надреза на кончике уха.

— Вот какая моя метка, приятель! — крикнул Алитет и вытащил еще бутылку.— Женщины, давайте ваши кружки.

— Не надо им. Я про запас себе возьму огненную воду,— сказал Эчавто.

— Для тебя у меня еще много есть, приятель!

— Хок! Хок! Хрр! Ну, ладно! Пейте, бабы! — кричал расслабленный старик, ползая по шкурам.

Сильный хмель овладел стариком. Эчавто скрючился, забившись в угол.

Шумело в головах женщин. Они запели песни. Полуголые, в такт пению они раскачивали свои бронзовые туловища и размахивали руками, кивая головой.

ГЛАВА ШЕСТИНАДЦАТАЯ

Льдины повернули к берегу. Ветер дул с моря. Ваамчо уже не мог спать. Всю ночь вместе с собаками он ходил по своему «острову» и внимательно следил за тем, как перемещаются ледяные поля. Всю ночь дул ветер и к утру с огромной силой начал прижимать льды к береговой полосе.

— Чегыт! Чегыт! Смотри, вон там земля, берег!

Ваамчо бежал рядом с нартой, помогая собакам тянуть ее.

Началось сильное торошение. Льдины со скрежетом лезли одна на другую. Человек и собаки, выбиваясь из сил, убегали от мрачной полосы моря, от тех мест, где с потрясающим шумом громоздились льды.

В полдень Ваамчо вступил на землю. Он глубоко и радостно вздохнул, узнав знакомый берег. Глаза свелись счастьем.

— Ух, сердце у меня подскакивает! — воскликнул Ваамчо и, все еще не веря, что он на берегу, стал разрывать снег, чтобы увидеть землю. Хотелось подержать землю в руке.

В стороне показались очертания мыса Пркатаген, где под склоном горы стоят яранги. Отсюда до Энмакай на хороших собаках день езды.

— Ну, Чегыт, теперь мы дома! — весело говорил Ваамчо.— Вон за горой наше стойбище. Теперь много можно курить.

Ваамчо присел на бревно, выброшенное морем, закурил.

Спичек оставалось немного, но, раскурив трубку, Ваамчо, как ребенок, начал играть с огнем: зажигать спички и бросать их во все стороны.

Ваамчо смеялся, любуясь летающими огоньками.

«Одна спичка пусть останется»,— и Ваамчо тронулся в путь.

Он ехал, не останавливаясь. Собаки бежали ровно, но вдруг они рванулись и пустились вскачь. Ваамчо обрадовался. Дорога кончалась.

«Энмакай!» — подумал он.

Мелькнул остов яранги, и собаки, а за ними и нарта свалились с сугроба. Кругом яранги нанесло горы снега, и она оказалась в снежном кольце.

«Своя яранга!»

Ваамчо вошел в сенки.

— Кто там? — послышался знакомый голос Тыгрены.

— Я,— ответил Ваамчо.

Как запутавшаяся в сети рыба, толкался головой в шкуру полога старик Вааль, торопясь увидеть сына.

Наконец старик половиной своего обнаженного туловища высунулся в сенки и увидел Ваамчо, снимающего ружье.

Улыбка осветила морщинистое лицо старика.

— Ваамчо, это ты? — спросил он.

Ваамчо влез в полог и молча сел напротив отца.

Молчание прервал сам старик:

— А вот Тыгрена мне светильник налаживает и жирку принесла...

Тыгрена неотрывно, молча смотрела на Ваамчо. В руках она держала палочку для заправки мха в свечильнике. Ваамчо сказал:

— Смотри, Тыгрена, как коптит жирник. Надо поправить.

И Тыгрена бросилась выполнять его просьбу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пурга скоро стихла. Люди стойбища Энмакай радовались возвращению Ваамчо, как радовались в этой стране каждому новорожденному.

Когда Тыгрена вернулась домой и в стойбище стало известно о возвращении Ваамчо, шаман Кораге сказал:

— Надо Чегыта принести в жертву Келе¹.

Вааль, узнав об этом, вздохнул и тихо проговорил:

— Ваамчо, надо Чегыта принести в жертву.

— Отец, мне жалко его. Я сильно люблю его. Он умный пес. Как человек, он все понимает. Такого у нас больше не будет. Я не стану убивать его.

— Ваамчо, какие слова ты говоришь? Они причиняют боль моему сердцу. Если Кораге узнает о них? Злые духи не оставят тогда нашу ярангу. А тебе ведь еще много жить надо.

Ваамчо вышел из полога. Проходя мимо собак, он отвернулся, чтобы не встречаться взглядом с Чегытом. Пес все понимает, как человек.

Ваамчо прошелся около яранги, поглядел на льды моря.

«Надо было сразу подойти к Чегыту и взять его. Зачем оттягивать? Зачем я вышел сюда и прошел мимо него?..»

Ваамчо вытащил нож, провел по лезвию рукой. Ножом можно было брить бороду.

Стоял сильный мороз, а Ваамчо было жарко. Он сбросил шапку, она повисла на ремешке за спиной, и

¹ К е л е — злой дух.

Ваамчо медленно, сопротивляясь самому себе, направился к собакам.

Чегыт свернулся в клубок, спрятав морду под брюхо. Но, как только Ваамчо подошел к нему, Чегыт поднял голову, встал, изогнув спину, лениво зевнул, всхрихнулся и зашевелил пушистым хвостом.

Ваамчо вышел с ним из яранги и молча направился за стойбище. Он сел на снежный холм. Чегыт развалился рядом у ног. Ваамчо вдруг схватил собаку за голову, зажал ее в коленях, и нож повис над сердцем Чегыта. Но нехватило сил убить собаку. Ваамчо посмотрел на сверкающее лезвие и бросил нож в снег.

Чегыт лежал на спине и всеми четырьмя ногами лениво шевелил в воздухе.

Лицо Ваамчо стало злым, мрачным: «Как волк я!.. Нет, я не волк. Меня ведь заставляет Кораяге. Наверное, он хочет убить Чегыта потому, что я не отдал его Алитету? Каттам меркичин! ¹ Нет, я хуже волка. Олень ведь не может быть другом волку, а Чегыт — мне друг!..»

Ваамчо встал, мигом вскочил и Чегыт.

— Туда пойдем, Чегыт! За дальний бугорок.

Ваамчо шел, как больной человек. Ноги неуверенно ступали по снегу.

Он украдкой взглянул на собаку, и ему показалось, что Чегыт хорошо понимает, куда ведет его Ваамчо. Чегыт был невеселый и шел ленивым шагом, низко опустив голову.

— Ай! — вскрикнул Ваамчо, словно у него разрыпалось сердце.

Чегыт поднял голову и ласково взглянул на хозяина.

И вдруг Ваамчо почувствовал, что он не может выносить взгляда собаки. Он отвернулся в сторону и долго стоял не шевелясь. Потом он быстро повернулся, схватив Чегыта за морду, в один миг всадил в него нож по самую рукоятку.

Ваамчо хотел вытащить нож, но руки стали непослушны, как после долгой гребли. По щеке покатилась крупная слеза и тут же замерзла на подбородке.

¹ Чукотское ругательство.

Ваамчо взял голову убитой собаки в обе руки и приложился к ней своей шекой. Обмакнув палец в сгустке собачьей крови, он провел им себе по лбу.

«Пусть удовлетворятся духи!..»

Ваамчо взял собаку за заднюю лапу и потащил ее, как это и полагалось, волоком, против шерсти.

Вдруг он остановился.

«Не потащу так. По-другому возьму. Пусть так и не полагается, а я потащу по-своему».

Он взвалил Чегыта на спину и, держа его за передние лапы, понес к яранге. Казалось, собака обняла его сзади. Голова Чегыта болталась из стороны в сторону при каждом шаге Ваамчо.

Навстречу попался шаман Кораяге. Ваамчо молча прошел мимо.

«Несчастный, он всегда хочет сделать по-своему! Зачем несет собаку на спине?» — недовольно подумал Кораяге.

Ваамчо положил Чегыта около яранги. Голову собаки он повернул в сторону, откуда приходит солнце.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В торосах раздавались ружейные выстрелы. Каждый выстрел радовал людей: больше выстрелов — больше мяса в стойбище.

На берегах полыней всюду сидели охотники из стойбища Энмакай.

Около Ваамчо лежало два тюленя с окровавленными, пробитыми пулей головами. Довольный охотой, Ваамчо сидел на льдине и постукивал об нее пустой трубкой. Он хотел закурить, но коробка из-под табака оказалась тоже пустой. Ваамчо подержал трубку в зубах и с тоской положил ее за пазуху.

Какая охота без табака?

Ваамчо встал и полез через ломаный лед закурить у соседа-охотника. Вскоре он заметил сидящую на берегу полыньи Тыгрену. Рядом с ней лежали три тюлены туши.

— Какомэй, Тыгрена! — восторженно крикнул Ваамчо. — Три тюленя! Ты великий охотник!

— В четвертого промахнулась, — сконфуженно проговорила она.

Ваамчо присел на замерзшую тушу тюленя.

— Табак есть?

— Есть табак, — весело ответила Тыгрена и, улыбаясь, подала ему кисет, сшитый из оленьей кожи.

Они закурили.

— Хороший день, Ваамчо.

— Да. Но только надо итти домой. Я хотел убить еще одного тюленя, а по всему видно, что придется помочь тебе тащить тюленей.

— Пожалуй, придется. Видишь, какие большие! Я хотела уходить с двумя и вернуться еще раз. Поэтому и жду четвертого.

— Очень далеко, Тыгрена! Не успеешь. Лучше я сразу возьму трех, а ты потянешь по моей дорожке двух.

— Ты добрый, Ваамчо! Я бы согласилась стать твоей женой.

Ваамчо смущился и, чтобы перевести разговор на другое, сказал:

— Вот Корауге говорил, что меня тюлени не любят. Их глаза не хотят встречаться с моими. А вот два тюленя посмотрели на меня и теперь лежат около моего ружья.

— Он злой — Корауге! — с ненавистью сказала Тыгрена. — Он говорит неправду. Лживого человека слушать — все равно, что теплую воду пить. Не только тюлени, но и мои глаза всегда любят смотреть на тебя, — и она улыбнулась.

Помолчав, Тыгрена заговорила тихо:

— Корауге все время твердил: духи не любят ярангу Вааля. Или неут замерзла. Ваамчо оторвало от земли. Пусть уйдет Вааль из нашего стойбища.

— А вот и не оторвался я! — радостно и весело сказал Ваамчо. Но, вспомнив о Чегыте, тут же помрачнел. — Каждый раз, когда вспоминаю Чегыта, мое сердце наполняется великим гневом. Я часто вижу Чегыта во сне. Он крутит хвостом, шевелит ногами, глазами разговаривает. Лучше бы у меня потерялся один

глаз. С одним глазом тоже можно охотиться. Почему Кораяге велел убить Чегыта, а не другую собаку?

— Он пакостный человек. Когда его глаза смотрят на меня, я боюсь их,— прошептала Тыгрена, оглядываясь кругом.

Они покурили и решили итти домой.

Ваамчо, а вслед за ним Тыгрена пошли торосистым льдом. Они волоком тянули тюленей. Ваамчо — трех, Тыгрена — двух. Они долго шли молча. Голова Ваамчо заинdevела, и от нее шел пар.

Когда показались яранги, охотники присели на тюленей отдохнуть и еще закурить.

— Вон яранги, Ваамчо,— сказала Тыгрена.— Мои ноги не хотят итти туда.

— Алитет плохой? — робко спросил Ваамчо.

Тыгрена молча кивнула головой.

— Отец Вааль говорил: Алитет — хитрый и жадный. Чужих песцов из капканов крадет. И мой рассудок говорит мне: злой он. Я стараюсь уйти в сторону, когда вижу его.

— Твой рассудок похож на мой, как тот тюлень на этого. Я не знала лживых людей, а теперь сама становлюсь лживой. Ты возьми, Ваамчо, себе моего третьего тюленя, я скажу: убила только двух.

— Какой я охотник, если женщина мне будет убивать тюленей! Не возьму. И Кораяге почувствует ложь. Худо будет тебе.

— Пусть. Мне все равно. Наверное, когда-нибудь я потеряю рассудок и перережу горло Кораяге. А ты, Ваамчо, застрели Алитета. Подкарауль у капкана. Поймай чернобурую лисицу и посади ее в свой капкан. Алитет захочет ее украсть. Тогда можно застрелить.

Ваамчо побледнел. Никогда еще ни с кем он так не говорил и не слышал таких слов.

— Тыгрена, я боюсь тебя.

— Не бойся, Ваамчо. Здесь никто не слышит нас. Ветерок с берега. Мы будем всегда говорить с тобой только во льдах. Никто не должен знать наших дум. Вааль — добрый человек, но и ему не говори: испугается он шамана.

— Никому не скажу. Только сам буду знать.

— Алитет — вор. Он крадет все. Он даже меня украл, как лисицу из чужого капкана. Оставил Айе одного. Наргинаут говорила мне, что он убил даже сына и дочь, чтобы изгнать из своего поганого тела болезнь. Я никогда не стану настоящей женщиной в его яранге.

Тыгрена помолчала и, вздохнув, спросила:

— Я все думаю, Ваамчо: почему мужчины должны выбирать невтумов, а не женщины?

— Такой закон.

— Да, такой закон,— вздохнув, сказала Тыгрена. И, помолчав, добавила:— Мне хочется, чтобы у моего ребенка отец был настоящий человек. Молодой, сильный, ловкий, добрый.

Ваамчо молча тянула трубку.

— Я бы вот тебя выбрала в невтумы.

Ваамчо смутился и, глядя в сторону, пустил клубы табачного дыма. Тыгрена рассмеялась.

— Почему ты такой, Ваамчо?.. Как тюлень, боязливый?

— Наверное, потому, что я бедный.

Они помолчали, и Тыгрена вдруг сказала:

— Ваамчо, надо же мне стать настоящей женщиной! Я хочу ребенка... Я хочу, чтобы ты был его отцом.

Возвратясь домой, Тыгрена положила в сенках тюленей и услышала голос Алитета. Он с кем-то громко разговаривал.

«Ремкылен¹ приехал»,— догадалась Тыгрена.

С детства она всегда радовалась приезду каждого гостя, но сейчас была равнодушна к этому событию. Не хотелось даже итти в полог.

Веселье, навеянное широким простором ледяных полей и удачной охотой, исчезло. Хотелось курить, но кисет с табаком остался у Ваамчо. Она потихоньку вышла из сенок и побежала в ярангу старика Ваала.

Здесь собирались почти все охотники. Они пили чай, а старик Вааль, полулежа на шкуре, рассказывал сказки. Какая хорошая здесь жизнь! Тыгрена присела и закурила.

¹ Ремкылен — гость.

Охотники напились чаю и стали просить Ваала рассказать еще сказку.

— Трубку сделайте! — сказал Вааль.

Охотники наперебой предложили старику сразу несколько трубок.

— Зачем так много? — улыбнувшись, сказал старик.— Только одну.

Пыхнув трубкой, он начал рассказ.

— О начале творения жизни скажу. Когда-то было совсем темно. На полуденной стороне сидел творец и думал, как бы сделать свет. Думал, думал, потом со-здал ворона и сказал:

«Пойди, продолби зарю».

Полетел ворон на восток, начал долбить носом. Вернулся к творцу и говорит:

«Не могу продолбить».

Рассердился творец, схватил его, кинул в сторону: «Не нужно тебя, не любящий работать,— пошел! Кормить не стану! Ищи еду сам!»

Сделал птичку. Полетела, стала долбить. Весь нос избила, продолбила маленькую дырку. Вернулась.

«Что сделала?»

«Маленькую дырку продолбила».

«Продолби большую».

Назад полетела, опять стала долбить. Весь нос избила, тело иссохло, перья облезли. Продолбила. Заря брызнула, стало светло. Пошла птичка к творцу пешком. По дороге еды нет. Совсем иссохла, кости тонкими стали, еще уменьшилась. Пришла все-таки.

«Сделала. Теперь светло на земле», — сказала она. «А! А!» — обрадовался творец.

Снова одел ее перьями, заострил остаток носа, дал ей жилище под кочкой:

«Живи! Размножай детей!»

Тыгрена посмотрела на Ваамчо. Он улыбнулся ей и перевел глаза на Ваала.

— Потом творец набросал на землю тюленых костей и сказал: «Будьте люди!» — продолжал Вааль.— Творец сделал белую куропатку, послал на землю на-вестить людей. Куропатка немного пролетела, верну-лась, говорит творцу:

«Слишком далеко, худо. Не могла долететь». Схватил ее творец за хвост, бросил в тальник: «Живи в тундре. Не буду кормить тебя. Сама ищи еду».

Кого бы послать за вестями на землю?
Сделал сову.

Сова отправилась, достигла земли. Глаза большие, смотрят издали. Четыре человека: двое мужчин, две женщины. Стоят на земле, сесть не смеют. Не вернулась сова.

«Как бы узнать вести?» — думает творец.
Сделал лисицу, сказал: «Поди!»

Лисица ушла, дойти не может. Захотела обмануть, вернулась: «Земли нет, людей нет. Какие там люди! Пусто кругом».

Схватил ее, бросил в сторону:

«Не надо тебя, обманщица! Я знаю, люди есть. Живи в тундре и не попадайся мне: шкуру спущу!»

Много посыпал зверей — и песца, и волка.

«Негодные! Никто не может принести вестей».

Пошел сам. Встретил человека, взял за плечо, посадил. Рядом посадил женщину.

Тогда они размножились, стали народом.

Творец сделал из тальника оленей, моржей и тюленей:

«Вот вам еда. Убивая их, живите».

Вааль откашлялся и сказал:

— Все...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Тыгреной всегда овладевали грустные думы, когда ей приходилось уходить из яранги старика Ваала.

Здесь собирались сердечные люди, настоящие люди. Среди них было хорошо, забывалась гнетущая, неприятная жизнь в опостылевшей яранге Алитета. Иногда нехорошие думы приходили в голову. Тыгrena не раз хотела застрелиться. Аие живет где-то далеко. Наверное, он там женится, и в горах ведь есть девушки. И только Ваамчо, с которым часто приходится

встречаться во льдах, немного рассеивает ее мрачные думы.

И теперь, возвращаясь в ярангу, она утратила свое хорошее настроение. Не хотелось итти домой.

Молча она влезла в полог и увидела старика-оленевода Эчавто, о котором уже люди говорили в яранге Ваала.

— Тыгрена! Это ты пришла? — приветствовал ее гость старческим голосом.

— Да, это я,— безразлично ответила Тыгрена и молча стала снимать с себя меховые одежды.

Она присела к жирнику и жадно начала пить чай большими глотками.

Старик Эчавто — новый приятель по жене — сидел с Алитетом и шаманом Корauge. И здесь огненная вода скрепляла дружбу с богатым оленеводом.

Довольный своими торговыми делами, Алитет был весел. Как и все мужчины, в жарком пологе он сидел на мехах голый, и лишь на коленях его лежала небольшая шкурка пыжика.

Охмелевшие, они разговаривали об оленях, о пушнине и шкурах морского зверя.

— С каждым годом твое стадо, Алитет, будет все больше и больше. Во время отела стадо удвоится,— говорил Эчавто.

— Когда придет лето, я нарежу много моржового ремня, шкур лахтака, тюленьих шкур, и тогда я куплю еще больше оленей,— сказал Алитет.

— Правильно, Алитет! Этот товар тоже очень нужен кочевникам-оленеводам. Ты получишь за каждого лахтака двух живых оленей. За каждый круг моржового ремня — одного оленя.

— В торговой яранге моего друга Чарли я возьму еще много чаю и железных вещей, и это все пойдет на покупку оленей. Чарли мне говорил, что олени — простое дело, они рождаются здесь, их много на чукотской земле, а железные вещи, кирпичный чай, табак здесь не рождаются. Дорого стоит каждая железная вещь. Одна кастрюля — один олень, один нож — один олень, один кирпич чаю — один олень. Железные иглы тоже здесь не рождаются и стоят дорого. Ведь теперь женщины разу-

чились шить костяными иглами. Да, Эчавто, без железных вещей трудно жить человеку. Я буду помогать кочевому народу таныгинскими вещами, а ты помогай мне сделать большое стадо.

— Алитет, ты мой приятель. Я всегда говорил кочевникам: Алитет много пользы приносит нашим горным людям. Они не имеют собак, заняты в стадах, не могут сами выезжать на берег в торговую ярангу. Ты сам приезжаешь в горы, сам привозишь вещи. Ты облегчаешь жизнь горным людям,— ласково и льстиво говорил Эчавто.

Все время молчавший шаман Кораяуге вдруг также заговорил:

— Твой дед, а мой отец имел большие стада оленей. Но духи, которых он не ублаготворял, напустили порчу на оленей и погубили его стада. Потом мы ушли на морской берег, к мышеедам. Я был в то время совсем мал.

— Кораяуге говорит истинную правду,— сказал Эчавто.

— Да, да. Это большая правда. Мой отец был великим оленеводом, а умер вот здесь, на берегу, совсем бедным человеком, охотником на морского зверя. Теперь я сблизился с духами. Они слушают меня. И, прежде чем умереть, я помогу тебе, Алитет, сделать большое стадо. И когда я уйду туда,— показывая рукой вверх, сказал шаман,— я скажу там твоему деду: мы нашли твои стада.

Морщинистое лицо Эчавто покрылось крупными каплями пота. Длинная борода стала влажной. Он смахнул с лица пот и лукаво, заискивающе сказал:

— Мои люди, Алитет, хорошо охраняют твоих оленей, как своих. Ни один твой олень не отобьется от стада, и ни одного твоего оленя не задерут волки.

— Эчавто,— заговорил Алитет,— ты мой самый большой невтум. Моя первая жена похожа теперь на старого тюленя. В нем мало жира, и кожа на нем не натянута... Но вторая моя жена...— Он усмехнулся и добавил: — Ты еще такой не видел...

Тыгреда насторожилась, прислушиваясь к разговору. Неприятная дрожь пробежала по телу.

Она украдкой посмотрела на старика Эчавто, и ей захотелось немедленно убежать из полога.

И когда Алитет сказал, что ночью Эчавто займет его место, Тыгрена, переменяясь в лице, громким шопотом упрямо сказала:

— Не буду!

От неожиданности Алитет растерялся, но смолчал.

Еще никто никогда в его яранге не нарушал обычая народа. Эчавто болезненно усмехнулся. Гнев Алитета был настолько велик, что, не владея собой, он быстро оделся и вылез на мороз.

Эчавто, как старый матерый волк, медленно, ползком придвигнулся к Тыгрене.

— Маленький зверь всегда пугается, всегда огрызается. Но, когда привыкнет, начинает есть пищу с руки.

Эчавто совсем близко придвигнулся и положил свою жесткую руку на плечо Тыгрены.

Тыгрена с силой оттолкнула Эчавто. Он отлетел в сторону и растянулся на шкурах.

В этот момент вернулся Алитет. Эчавто, ехидно улыбаясь, промолвил:

— Кусается звереныш-то! Вот так буйные важенки в стаде не дают набросить на себя аркан.

Алитет молча подошел к Тыгрене и ударил ее ногой. Глаза его блеснули злобой. Она забилась в дальний угол, крепко сжала зубы и с ненавистью уставилась на Алитета.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ночь. Тыгрена не могла заснуть. Она вспоминала свое детство, игры в стойбище Янракенот, отца — Каменвата и своего маленького обиженного мужа Айе, вспомнила Ваамчо. Она уткнулась в оленью шкуру и тихо заплакала. Она плакала первый раз в жизни.

Пьяные люди спали крепко. В пологе было душно. Не зажигая светильника, Тыгрена достала торбаза, меховую одежду и бесшумно вышла из полога в сени.

Холодный, морозный воздух приятно обдал ее, и она торопливо стала одеваться по-дорожному.

«А нож?» — вспомнила Тыгрена. И, крадучись, она вернулась в полог.

Тыгрена решила теперь же бежать в Янракенот, к отцу Каменвату. Она быстро сбежала со склона горы и, не оглядываясь, бежала, пока не перехватило дух. Стало жарко. У соседней горы она остановилась. Ночь была на исходе. Луна будто свалилась с небесной крыши в тороны. Наползали мрачные, темные облака. Вокруг луны оранжевое кольцо — предвестник пурги.

Был месяц Упрямого старого быка, и наступал месяц Зябнущего вымени. Тыгрена осмотрелась, подумала:

«Будет большая пурга... Назад все равно не пойду!..» — и снова она двинулась вперед. Порой она останавливалась, отдыхала. Она пробежала уже большое расстояние. Днем, пожалуй, не видно было бы даже горы стойбища Энмакай. Но удивительно: ноги не уставали. Сердце билось сильно, и не от быстрого бега, а от радости. Она долго бежала вдоль берега моря и, не замечая, удалилась в тундру. Приметы, которые она знала хорошо, вдруг исчезли. Тыгрена заблудилась и уже не знала, далеко ли она ушла от берега. В поисках пути она круто свернула к морю и опять побежала. Из тальника выскоцил заяц. Тыгрена испугалась. Но заяц остановился, посмотрел на Тыгрену, свернулся в сторону и поскакал еще сильней.

— Зайчик! — громко крикнула она. — Побежим вместе!

Она и крикнула для того, чтобы отогнать страх. Собственный голос в этой безжизненной пустыне поднял ее настроение.

Заяц скрылся из виду. Одной страшно было в местности, которую глаза Тыгрены перестали узнавать.

Тыгрена взобралась на склон горы и оглянулась.

Вдали непрерывно тянулись горы. Напряженно всматриваясь в их очертания, Тыгрена радостно проговорила:

— Да ведь это гора Моржовая голова! Та самая, о которой говорил Каменват, когда в детстве мы с ним ездили на праздник к оленеводам!

Повеселев, Тыгрена побежала по крутым каменистому склону к берегу моря, но вдруг вспомнила, что не взяла табак и трубку. Это было неприятней, чем пурга. А пурга действительно начиналась. По твердому насту низко стелилась поземка. Небо почернело, звезды скрылись.

«В пургу ходить нельзя. Надо сидеть на одном месте и ждать,— вспомнила она рассказы опытных охотников.— Пурга не страшна, если человек не будет ее бояться».

Тыгрена нашла место, где можно переждать пургу. И едва успела она забраться в укрытие, как снежинки поднялись в воздух, и сильный ветер закружил их. Пурга завыла.

Тыгрена забилась в свое логово. Она завязала рука, голову втянула в кухлянку. Стало тепло. Тыгрена скжалась в комок и уснула.

Пурга дула недолго. Через двое суток небо прояснилось, загорелись звезды, и Тыгрена вылезла из логова. Хотелось есть и пить. От голода чувства стали острой. От снега сжимало горло.

Тыгрена решила поискать капканы с моржовыми приманками на песцов. Она хорошо знала, в каких местах охотники любят ставить капканы, но везде, куда бы она ни заглядывала, было пусто. И только около одного холмика валялся брошенный, старый, проржавевший капкан с цепью. Приманки не было ни кусочка. Наконец, после долгих поисков, она еще издали увидала песца, который кружил на одном месте. Песец сидел в капкане и откручивал себе лапу. Здесь же лежал большой кусок тюленевого мяса. Перепуганный зверек даже не тронул приманку. Повидимому, он долго крутился в капкане, кость ноги песца была сломана, и песец держался лишь на шкурке.

Тыгрена задушила его, зарядила капкан и рядом положила убитого песца. Мясо — приманка — настолько замерзло, что нож не брал его. С трудом Тыгрена отколола несколько кусочков мяса и с жадностью проглотила их.

Ей хотелось напиться горячей крови песца, но она не решилась портить шкурку

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В стойбище Янракенот день проходил не совсем обычно. Во всех ярангах говорили о том, что жена Каменвата «дала слово» и собирается уходить к «верхним людям».

Она уже много дней была больна. На руках и ногах ее были отеки. Лицо выражало безразличие. Какой-то злой дух вселился в ярангу Каменвата, и жизнь стала очень трудной.

Соседи, боясь злых духов, перестали заходить в его ярангу. И только изредка к яранге подходил Аие и оставлял в сенках кусок мяса и немного жира. Сам Каменват не выходил из яранги, боясь навлечь беду на сородичей.

Больная старуха хорошо понимала, сколько горя и страданий она причиняет близким ей людям.

«А зачем? Зачем отягощать людям жизнь? Ведь есть же почетная добровольная смерть», — думала старуха.

И это было ясно всем людям стойбища. Все сходились на одном: что старухе, пожалуй, надо уходить к «верхним людям». Но каждый человек — сам хозяин своей жизни. Все ждали, когда старуха сама попросит смерти.

И вот однажды утром, когда Каменват проснулся и стал заправлять светильник, он услышал голос старухи.

— Каменват, — сказала она. — Мне нужно уходить. Время пришло. Пора. Ждать больше нельзя. Еще вчера в мыслях я дала это слово, а теперь говорю языком.

— Может быть, подождешь еще немного? Может быть, злые духи уйдут из нашей яранги, и ты не покинешь меня одного? — тихо спросил Каменват.

— Нет, — твердо ответила старуха. — Я много думала вчера. Эту ночь я совсем не спала, готовясь сказать «слово». Теперь я еще раз говорю: пора мне уходить к верхним людям.

Каменват решил послать за Тыгреной. Алитет также должен присутствовать и помочь «уйти человеку» к «верхним людям».

В тот момент, когда они разговаривали о предстоящем, в сенки вошел человек. Человек кашлянул, давая знать о своем приходе. Давно никто не заходил сюда, и Каменват перестал узнавать пришедшего по шагам и кашлю. Наверное, Айе положил в сенки мясо.

— Айе, не ты ли пришел? Отзовись хоть!

— Нет, не Айе. Пришла Тыгрена.

— Что слышат мои уши? Не злой ли дух пришел помучить меня? — шепотом обратился Каменват к стаухе. — Ведь, правда, ты тоже слышала ее голос?

— Да, я слышала. Наверное, сердце сказало Тыгрене о моем большом дне.

Каменват торопливо приподнял шкуру полога, выглянув в сенки и вскрикнул:

— Тыгрена!

— Да, это я пришла,— устало ответила она.

Тыгрена вползла в полог и, увидев обезображенную, больную мать, отшатнулась назад. Она слышала, что мать больна, но никак не ожидала увидеть ее такой.

В пологе воцарилось молчание. Люди были несчастны, и каждый по-своему. Никто из них не решался первым подать голос.

Наконец заговорила мать:

— Ты приехала, Тыгрена. Ты хорошо поступила. Сегодня большой у нас день. Вот ту новую шкуру положи Алитету.

Тыгрена молча покачала головой.

— Алитета здесь нет. Не надо его. Он в Энмакай... Я убежала от него.

Каменват посмотрел на Тыгрену и в большом смятении спросил:

— Что я слышу? Или вселился в мои уши Келе? — Каменват говорил низким, расслабленным голосом: — Тыгрена, что теперь будет? Так никогда еще никто не делал из нашего народа. Или злые духи указали тебе эту дорогу бегства? Тебе надо скорей вернуться назад.

— Нет, Каменват, я не вернусь. И мышка имеет сердце, и мышка может разозлиться,— оправдывалась Тыгрена.

— Сколько горя мне! Зачем так много для одного человека?

Больная старуха не вдавалась в обсуждение поступка дочери. Она уже все равно не успеет поправить его. Она думала только о своем слове, данном сегодня утром.

— Люди, торопитесь! Мне пора. Нужно скорей готовиться, чтобы не опоздать! — быстро и взволнованно проговорила старуха.

Сейчас же начались приготовления «к последнему чаю». Моржовый ремень был в хозяйстве. Нехватало лишь оленьего выворотка, которым нужно обвернуть шею старухи. И, самое главное, не было еще одного близкого человека.

Тыгрена подвесила чайник над светильником и вышла из полога.

Она остановилась у наружных дверей яранги. На улице показались люди. Они издали приветствовали ее, но никто близко не подходил к яранге Каменвата.

Заметил Тыгрену и Айе.

— О, какомэй, Тыгрена! — взволнованно сказал он, подойдя к ней.

— Айе, у нас в яранге смертный день. И нет у нас близкого человека, чей голос последний раз услышит моя мать. Только один ты попрежнему живешь вот здесь у меня, — и она показала на свое сердце.

— Тыгрена, пусть она услышит мой голос, — спешно сказал Айе.

— У нас нет оленьего выворотка, чтобы обвернуть шею матери.

— Я сейчас сбегаю. Есть у меня два выворотка...

— Подожди, Айе! В нашей яранге большое горе.

— Разве наш народ перестал считать за большое счастье, когда человек спешит к верхним людям? — удивился Айе.

— Горе для Каменвата, — сказала Тыгрена.

Айе стоял удивленный, ничего не понимая.

— Наверное, в голове моей разум высох? — недоумевающее спросил Айе. — Я совсем ничего не могу понять!

— Ночью... я убежала от Алитета,— прошептала Тыгрена.

В стойбище Янракенот все были поражены этой новостью. В каждой яранге, в каждом пологе только и разговаривали о Тыгрене, видя в ее поступке нехорошее предзнаменование. Бегство Тыгрены затмило даже сегодняшнее, такое все же редкое событие, как добровольная смерть жены Каменвата.

Когда все приготовления были закончены, в пологе начался «последний чай». Здесь было четыре человека: старуха, Каменват, Тыгрена и Аие. Все они сели полу кругом, а возбужденная Тыгрена разливала чай. Это был даже не чай, а травка из дальней тундры, которую заваривали в горячей воде еще до прихода на эти берега торговых белолицых людей. И сахар не полагался. Прощальный день должен быть таким, каким был много лет назад, когда еще на Чукотской земле не было ни одного таньга.

Старуха сидела в новом меховом керкере¹ и новых камусовых торбазах. Эта одежда была приготовлена давно. Все остальные люди — «неуходящие» — были в обычных одеждах: Тыгрена с набедренной повязкой, Каменват и Аие в легких меховых штанах.

Чай пили при полном молчании. Наконец старуха, не допив чай, передала свою кружку Тыгрене и сказала:

— Люди, довольно. Тыгрена, возьми себе мою кружку. Тебе еще долго придется пить чай.

Посуду быстро убрали, и старуха передвинулась на середину полога.

На лице ее было выражение полного равнодушия к окружающим людям, будто она уже находилась в пути, оставив навсегда нелегкую земную жизнь. Она смотрела на близких людей и уже не замечала их. Никто больше не услышал ее голоса. Старуха молча повалилась на оленью шкуру и закрыла глаза.

Тыгрена со слезами на глазах обвернула шею матери шкуркой молодого теленка, муж Каменват накинул петлей ремень поверх шкурки, и, когда Аие сел

¹ К ер к ер — меховой комбинезон.

верхом на колена старухи и крепко взял ее руки в свои, придавив их к полу, петля затянулась.

С улицы донесся вой собак. Одна за другой они выли протяжно, нагоняя тоску и отчаяние.

Труп отвезли в горы и положили среди камней. Каменват изрезал одежду, чтобы облегчить доступ к трупу зверям и хищным птицам. Тыгрена положила здесь же чайную чашку с блюдцем, иголку и немного ниток, скрученных из оленевых жил.

На склоне горы показалась упряжка сильных собак. Это в погоню за Тыгреной мчался Алитет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Удаленный от культурных центров, Чукотский край веками был оторван от цивилизации. Люди жили здесь на основе неписанных законов. С момента рождения человека и до самой смерти всякие суеверия были постоянными спутниками его. Но при всем этом основной чертой народа были смелость и выносливость.

В половине XVII века стремления к новым открытиям привели сюда русского простого казака Семена Дежнева. Задолго до Витуса Беринга Семен Дежнев на своих «кочах» первым обогнул северо-восточную оконечность Азиатского материка — Чукотский Нос.

Более века затем русские казаки-землепроходцы склоняли непокорный чукотский народ под власть русского царя.

Не огнестрельное оружие, не штыки покорили народ. Русский табак — палуша, железные ножи, топоры, головной сахар, спирт и другие товары, шедшие из Якутска через русских купцов, покорили его.

В конце XIX века, с открытием регулярного пароходного рейса из Владивостока, прибыл сюда первый русский начальник Анадырской округи доктор медицины Гриневицкий.

Ознакомившись с народом, он испрашивал у своего высокого начальства позволения называться не началь-

ником, а только доктором, так как, по его мнению, чукчи живут свободно и еще не привыкли к идее власти.

Несколько ранее, в 1867 году, царским правительством была продана США открытая и исследованная русскими Аляска.

С этого времени к берегам Чукотки начинают заходить десятки американских китоловов, заводя торговлю по ту и другую сторону Берингова пролива.

— Возьмите китов, но оставьте нам моржей. Нам тоже нужен какой-нибудь промысел,— говорили чукчи капитанам китобойных судов.— Вы же все равно бросаете туши моржей в море, забирая только клыки. Моржовые клыки лучше мы сами будем вам сдавать.

Вслед за китобоями устремились контрабандные шкуны, скупая за бесценок дорогие меха.

Представители российского и иностранного капитала осели на берегах в погоне за «хвостами». Наряду с русскими купцами здесь прижились датчане, норвежцы, американцы и англичане. Легкая на жива была целью пришельцев, живших на этих берегах.

Так жил здесь и мистер Томсон. Последние годы, начиная с 1917, Чарльз Томсон тщательно следил за сообщениями в американской прессе о русской революции. Но смысла произошедшей перемены он не мог себе уяснить.

Необычное поведение Айе при продаже чернобурых лисиц и появление на берегу какого-то русского партизана насторожили американца.

Чукотская весна этого 1923 года была особенно хороша. Прозрачный, чистый воздух. Тишина. И только очень глох где-то вдали колыхался океан.

Октябрь ломал старые устои России, и отголоски его доносили сюда мертвый зыбью.

В глубине тундры кое-где попадались проталины, и хотя их было еще не много, полярные воробы уже прилетели первыми на свою родину. Летая в поисках пищи над белоснежной тундрой, пригреваемой солнцем, они словно перекликались, оживляя звонким разговором пустынные места.

Казалось, рано прилетели сюда эти предвестники полярного лета. И все же они находили пищу в тальниках, в долинах рек и в следах прошедших оленей. Они спешно гнездились, чтобы вывести поскорей птенцов и улететь с ними.

После зимней спячки пробудились и евражки. Эти шустрые зверьки повылезли из нор и, грязясь на солнце, робко, настороженно перебегали от норы к норе. При малейшей опасности они мгновенно скрывались в подземелье.

Воздух так переливался, что искажал предметы, и издали евражки, напоминавшие бегущих людей, казались великанами, вводя в заблуждение неопытного человека.

Кругом еще лежал снег — влажный, рыхлый, ослепительный. Солнце круглые сутки не уходило с неба.

Мистер Томсон повернулся в кровати, когда патентованный американский будильник залился дребезжащим звоном. Чарльз Томсон зарылся в подушки. Он вылез из них лишь тогда, когда будильник зазвенел с прежней силой, и опять мистер Томсон спрятался в подушки. Так шесть раз с передышками будильник принимался будить своего господина.

О, это был чудесный будильник!

Мистер Томсон, играя с будильником, как с живым, то прячась от него в подушки, то вылезая, легко освободился от сна.

Было десять часов утра. Мистер Томсон вставал неизменно в этот час на протяжении всей своей жизни в этой стране, с 1901 года.

Он встал и, свесив ноги на медвежью шкуру, оглянулся кругом. В комнате стоял мрак, и только сквозь суконную штору через маленькую дырочку проникал луч света. В темноте он казался блестящей ниточкой, протянутой от верхней части единственного окна до качалки, стоявшей у противоположной стены.

Увидев эту лучезарную ниточку, мистер Томсон вдруг рассердился.

— Ох, эти людишки! Год дэм! Двадцать лет не могу приучить! За это время можно всему обучить даже

тюленя,— сердито пробурчал он и, не сходя с кровати, крикнул в пространство:— Мэй!

В комнату вошла женщина средних лет. Привыкшая к распорядкам своего мужа, Рултына в темноте, как евражка в норе, мягко прошла к окну. И только она хотела открыть суконную штору, как муж остановил ее:

— Подожди! Ты видишь дырочку, через которую пробивается свет в мою комнату?

— Вижу.

— Это непорядок! Я не хочу, чтобы мой сон чем-нибудь нарушился. Ты плохо смотришь за тем, что делается в моем доме,— недовольно сказал мистер Томсон.

Рултына молча и покорно слушала замечания своего белого мужа. Она никак не могла понять, что хочет Чарли. Разве он не видел, как настоящие люди спят на снегу, на нарте, под всеми лучами солнца!

— Теперь можешь открыть окно,— сказал мистер Томсон.

Ослепительно яркий свет ворвался через небольшое окно в маленькую с очень низким потолком комнату. Здесь стояли кровать, стол, самодельный книжный шкаф и два венских стула. В углу около качалки сверкал на ящике граммофон с огромной трубой, заводившийся по воскресеньям.

На верхней полке книжного шкафа лежали книги Джека Лондона и посмертные произведения Уэдсли. На средней и нижней — кипы американских газет и журналов. Все газеты и журналы были годичной давности. Они были доставлены шкуной еще прошлым летом вместе с туземными товарами и составляли духовную пищу мистера Томсона. Газеты и журналы были разложены по месяцам и по порядку номеров. Читал их мистер Томсон так, как если бы он только что получил сегодняшнюю почту. Он брал газету за то же число прошлого года. Мистер Томсон имел полную возможность заглянуть вперед, но он был расчетлив во всем и не позволял себе преждевременно интересоваться новостями мира. Он отставал от жизни цивилизованных стран ровно на один год.

Его маленький домик, который он сам сделал из ящиков, мог быть легко заменен настоящим домом. Стоило ему лишь выразить желание, и фирма, с которой он вел дела, доставила бы дом в следующую же навигацию.

Но зачем? Разве он собирается жить здесь вечно? И разве ему одному не достаточно этой маленькой комнушки? Зачем безрассудно тратить доллары?

Раскачиваясь в качалке, мистер Томсон докурил трубку, тяжело встал и неторопливо подошел к рукописному календарю. Он зачеркнул вчерашнее число: 16 мая 1923 года. Положив трубку в боковой карман клетчатой рубашки, он подошел к шляпе и взял газету от 17 мая 1922 года.

Из сенок, где жила его семья, опять вошла в комнату жена. Она поставила на стол кофейник, бекон, белый хлеб, выпеченный на лампе «молния», сахар и молча удалилась.

Со «свежей» газетой в руках, мистер Томсон сел к столу. Он не знал еще, что принесет ему этот номер газеты из цивилизованного мира. Он не знал еще, что свершилось ровно год тому назад на земле, где деловые люди не могут спать спокойно...

Правда, все, что он узнает сейчас, морякам со шкуны было известно еще в прошлом году. Но мистер Томсон не любил заранее выслушивать новости. Более того: он запретил морякам рассказывать о событиях прошлого года. Жизнь должна идти по порядку, ровно, а не скачками.

Мистер Томсон допивал третью кружку кофе «Корона», одновременно читая газету. Вдруг он порывисто стукнул фарфоровой кружкой о стол, бросил газету на колени и снял роговые очки. Концом клетчатой рубашки он протер окуляры и торопливо надел их.

Напряженno согнувшись над столом, он снова стал читать. Пальцы впились в газету. Лицо омертвело. На конец он отодвинул газету, вскочил со стула и заходил по комнате, размахивая пустой трубкой.

— Год дэм! Какая новость! О, какая новость, год дэм!

Мистер Томсон бегал по комнате, на ходу подсыпая в трубку табак «Принц Альберт».

Дымя трубкой, он подбежал к столу и опять стал читать. В заметке сообщалось, что советское правительство сдает в концессию Норд-компани организацию торговли среди населения Камчатки, Чукотского полуострова, Анадырского края. Для производства торговли приглашаются граждане, умеющие управлять рулёмотором и знающие русский язык.

Ни одна новость за все двадцать два года, даже весть о революции в России, не волновала его так, как взволновало это прошлогоднее сообщение.

— Норд-компани! Ведь это такая акула, от которой нет и не может быть житья для всех мелких и средних деловых людей.

И, пыхнув трубкой, он воскликнул, как бы предупреждая себя:

— О, нужно знать Норд-компани, как жестоко она вытесняла и разоряла даже очень крупных и предприимчивых деловых людей на берегах Гудзонова залива!

Мистер Томсон устал от необычного напряжения мысли. Он снова взял газету и опустил свое тяжелое тело в качалку.

Еще раз перечитав так взволновавшую его заметку, он бросил газету на пол, и голова с остатками взъерошенных рыжих волос упала на спинку старенькой качалки.

Теперь ему не хотелось уезжать отсюда. Мистер Томсон никому не уступит этого края.

«О, я сумею этого добиться!»

Но при мысли о вторжении сюда Норд-компани его бросало в дрожь. Он знал дьявольские приемы этой компании. Этой крупной фирме с огромным собственным флотом ничего не стоит завоевать клиентуру. На первых порах Норд-компани торгует с убытком, а потом начинает делать деньги.

— Мэ-эй! — заорал мистер Томсон.

И когда на его крик робко вошла жена, он пропевел:

— Виски!

Рультина беспрекословно выполнила его приказание. Правда, она очень удивилась: утром после кофе Чарли еще никогда не выпивал. За двадцать лет жизни с Чарли Рультина не могла припомнить такого случая. Ее очень встревожило сегодняшнее поведение мужа. Она решила, что Чарли начинает сходить с ума.

Мистер Томсон выпил виски, и вдруг мысль осенила его охмелевшую голову:

«Олл райт! Ведь Алитет есть у меня! О! Вместе с ним я здесь все: и закон и политика! Через него можно всюду дать задатки и скупить пушнину еще на корню. Ха-ха-ха! Норд-компани останется единственno чем заняться — это скупкой гагачьих яиц! Вряд ли они придутся ей по вкусу!»

Мистер Томсон представил себе, как придет сюда огромный пароход Норд-компани с множеством товаров и не сможет купить ни одного «хвоста». Все закуплено Алитетом, везде даны задатки под всю пушнину. Пусть мистер Томсон потерпит даже убыток в этот раз. Пусть его счет в washingtonском Докстер Хоттон, национальном банке, останется без изменения. Вот это будет славная конкуренция!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Всю свою семью мистер Томсон держал отдельно. Рядом с его комнатой, в холодных сенках, стоял меховой полог, где жила его жена и шестеро детей. Они жили по-чукотски, освещая и отопляя полог жирником, спали на оленьих шкурах, питались дешевым мясом моржа и нерпы. Содержание семьи не вызывало больших расходов у мистера Томсона. Вместе с семьей жил и работник Ярак, принятый мистером Томсоном еще мальчиком.

Старшей дочери, Мэри, было уже девятнадцать лет, и, по подсчету мистера Томсона, она давно уже больше зарабатывала на пошивке, чем съедала пищи. По своему образу жизни Мэри мало чем отличалась от своих подруг — девушек стойбища Лорен. Те же интересы, те

же думы. Она разговаривала только по-чукотски. Но европейские черты лица, большие черные глаза с длинными ресницами делали ее очень привлекательной. Мистер Томсон уделял ей больше внимания, чем другим детям. Он одевал ее в лучшие меховые одежды из пестрых пижиков. Мэри чаще, чем другим детям, разрешалось заходить в его комнату. Мистер Томсон склонен был даже гордиться своей дочерью.

Но то, что Мэри была дочерью белого отца, немало горя приносило ей и матери. Ведь она была уже взрослой девушкой. Не один раз мать разговаривала с Мэри о ее замужестве. Об этом можно было поговорить только вдвоем: Чарли и слушать не хотел такой разговор. Мать и дочь не могли понять белого человека.

«Разве белый человек не должен знать, что взрослой девушке нужен муж — отец ее будущих детей? Разве каждая девушка не должна стремиться стать матерью? Разве не для этого вырастает девушка? И почему белый отец и белый муж не знает этого?»

Мистер Томсон рассуждал по-своему. Он любил свою красивую дочь. Ему далеко не все равно было, за кого она выйдет замуж. Он и мысли не допускал, что его зятем станет туземец. Мистер Томсон немало думал об этом и сам.

Из всех детей только Мэри и мальчик Бэн были, бесспорно, его детьми: остальные родились от приятелей по жене. В них ни одной черточки белого человека. Мистер Томсон понимал, что Мэри должна выйти замуж. Но кто будет ее мужем? Жениха для Мэри не было на всем берегу. Разве какой-нибудь моряк с проходящих судов возьмет ее в жены? Кто захочет взять девушку без знания языка и увезти в Америку? Девушку, которая понятия не имеет, как вести себя в обществе культурных людей?

Мистер Томсон решил было присмотреть моряка, уговорить продолжать его торговлю, предварительно женив его на Мэри. Он готов был выдать замуж Мэри даже за старого человека, но чтобы этот человек обязательно был белым.

Американские моряки с китобоев и контрабандных шкун, любители временных приключений, бывали на

этих берегах. Они сходились с чукотскими девушкиами и каждый раз, когда судно уходило, возвращали их на берег. Мистер Томсон помнил, как однажды моряки зазимовавшей шкуны поженились на местных девушках и с наступлением навигации бросили их. Девушки, узнав, что их белые мужья уезжают в свою страну и к своим настоящим женам, прыгнули со скалы.

Знали об этом и Мэри с матерью. Мэри не хотела белого мужа. Даже лучший из белых людей — ее отец, — поселившийся на берегу навсегда, как думала она, — и тот не вызывал в ней доброго чувства. Так мать приучила думать свою дочь.

Все подруги Мэри из стойбища Лорен и других стойбищ были уже настоящими женщинами, имели детей. Мэри не знала этого счастья. Не знала она, что же будет дальше. Мэри становилась угрюмой, злой и не почтительной к отцу.

Мать думала про себя: «Ярак — хороший, сильный охотник. Хорошо, если бы Мэри вышла замуж за него, но ведь он не белый».

Приученная в течение двадцати лет к покорной, безответной, молчаливой жизни, Рультина никогда не говорила об этом с мужем. Она всегда ждала, что скажет Чарли.

Но Чарли сидел в своей каморке один, и что он там думал, никто из членов семьи не знал. Чарли был нелюдим. С туземцами он разговаривал только по делу, дома он разговаривал только с бумагами. Рультина видела, как Чарли переворачивал свои бумаги и улыбался им, словно они были лучше настоящих людей.

Рультина злилась на эти бумаги и, когда убирала комнату, со злостью стегала их тряпкой.

Ей даже приятней было, когда Чарли останавливал свой взгляд на какой-нибудь молодой чукчанке. Чарли становился тогда человеком. В его глазах появлялась жизнь. Он, не умеющий улыбаться, вдруг открывал свой молчаливый рот, наполненный железными зубами. Он зазывал ее к себе, запирал дверь. Женщина уходила от него с пачкой жевательной

серы. Чарли бывал очень добр. Иногда он посыпал с женщиной в подарок ее мужу целую пачку патронов.

И на побережье в чукотских стойбищах вдруг рождались белолицые дети. Они резко отличались от других детей, но все они пользовались большой любовью и родителей, и односельчан. Люди радовались рождению каждого человека, не вдаваясь в размышления, чей он. Не все ли равно? Важно, чтобы ребенок стал настоящим человеком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На побережье был мор. Какой-то особо злой дух, как говорили люди, поселился в стойбище Камэнэй. Люди гибли на глазах друг у друга. Они не в силах были передвигаться и замерзали в нетопленных пологах. Даже шаманы, и те окоченели, стали мертвецами.

В яранге умерли все. Остался один мальчик Ярак. Он испугался и убежал из своего жилища в соседнюю ярангу. Здесь также лежали холодные, словно каменные люди. Сколько он их ни окликнул, они не отвечали. Ужас охватил его. Он бегал от одной яранги к другой, но везде люди молчали. Всюду были мертвецы. Мертвое стойбище.

Пробираясь вдоль морского берега, Ярак пошел, сам не зная куда. Он шел и грыз мерзлое тюленье мясо. Потом его пढобрали охотники и привезли в свое стойбище. Но когда мальчик рассказал новость, люди испугались. Мальчик — носитель злого духа. Люди снабдили его едой и сказали, чтобы он ушел от них. И всюду, куда бы он ни приходил, его просили немедленно уйти.

Ярак оказался всеми отверженным.

Мистер Томсон не боялся злых духов и взял Ярака к себе. Мальчик рос в семье Чарли, ухаживал за собаками, помогал по хозяйству. Потом он стал ходить на охоту, ездить за песцовыми шкурками. Мистер Томсон был доволен приемышем.

Но однажды мистер Томсон заметил, что Мэри как-то особенно смотрит на Ярака. Ему это не понравилось. Мистер Томсон сказал:

— Я сохранил твою жизнь, Ярак! Теперь ты стал настоящим, сильным человеком. Я посыпал тебя на китобойные суда помогать белым людям. Ты научился споровке в работе. Теперь ты мне не нужен. Пусть твоя жизнь пойдет среди чукчей. Я скажу Рынтеу, что ты будешь жить у него в яранге. Для работы я буду посыпать за тобой.

Ярак не ожидал этого. Ведь он так хорошо работал! Чарли всегда был доволен им. Последнее время Ярак особенно старался, думал жениться на Мэри. И теперь, когда Ярак готовился сказать об этом Чарли, он услышал совсем непонятную речь.

Растерянно взглянув на Чарли, он робко проговорил:

— Чарли, я жениться хочу на Мэри. Пусть я сделаю отдельную ярангу, и пусть мы с ней будем жить вместе.

— Что-о?! — заревел мистер Томсон.— Безумец! Что ты сказал? Год дэм! Да разве ты видел или слышал когда-нибудь, чтобы на дочери белого человека женился такой дикарь, как ты? Глупец! Этого никогда не будет! Возьми сейчас же свои шкуры и убирайся к Рынтеу. Прочь из моего дома! К этому пологу ты никогда не подойдешь. Таков закон белого человека.

Ярак взял свои олены шкуры и пошел в ярангу Рынтеу.

«Какой закон белого человека? — думал Ярак.— Три лета посыпал меня Чарли охотиться с белыми на китов. Я научился разговаривать на их языке и никогда не слышал о таком законе. Сам кок сказал мне: «Ты женись на дочери Чарли, девка красивая!» Каждый белый делает свой закон. Непонятные люди!»

Ярак подошел к яранге Рынтеу и долго стоял в сенках. Ведь стыдно, когда прогоняют человека. Чего доброго, смеяться начнут люди! Ярак долго не решался кашлянуть. Может, лучше зарезать себя? Ярак застонал от душевной боли.

Из полога высунулся Рынтеу.

— Входи, входи, Ярак! — радостно встретил его хозяин.

— Рынтеу, Чарли прогнал меня. Послал к тебе жить.

— Живи, живи. Место есть. Вместе будем принимать приезжих торговых людей. У нас весело здесь. Ты же сам знаешь, моя яранга — вместилище всех новостей со всего берега.

Старик Рынтеу, со всем своим хозяйством, принадлежал мистеру Томсону. Двадцать лет он жил около Чарли. Жена Рынтеу, когда еще была жива, часто ходила к Чарли. Сколько она перетаскала от него подарков! И самому Рынтеу Чарли подарил ружье. О, Рынтеу был очень счастлив тогда! Ведь не каждый получал такие подарки! Рынтеу ценил доброту Чарли и никогда не забудет этого. Он хорошо знал, что охотники любят ездить торговать туда, где всегда найдется корм для собак. И часто к Чарли приезжали торговавшие охотники даже из тех мест, где стояла торговая яранга купца Брюханова. Таким охотникам он был особенно рад, потому что это нравилось Чарли. Заботливый и старательный Рынтеу еще с лета заготовлял корм. Он неустанно охотился. Сам Чарли тоже подкупал летом мясо и сваливал его в мясную яму Рынтеу. На зиму много корма нужно. Рынтеу привык жить и работать для Чарли.

У него когда-то была большая семья, но все умерли. Осталась в живых одна дочь, которая и вела все женское хозяйство. И когда от Чарли в его ярангу пришел Ярак со своими спальными шкурами, Рынтеу был бесконечно рад. Еще бы! Такой молодой, сильный и крепкий парень! Рынтеу был даже непрочно взять Ярака и в зятья.

Но Ярак был невесел. Он отвечал невпопад. Рынтеу суетился около него, стараясь во всем угодить.

— Почему у тебя, Ярак, печаль на лице? А?

— Помолчи, Рынтеу, а то я тебя начну, пожалуй, сильно бить.

— О-о! — удивился Рынтеу.— Хорошо. Я обязательно помолчу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Мистер Томсон настолько увлекся планом своей борьбы с Норд-компани, что, вопреки своему обычаю, забыл после утреннего кофе сделать прогулку — пройти четыре раза от своего дома до берега. Многолетняя привычка была столь сильна, что мистер Томсон выходил на прогулку почти механически. Было уже двенадцать часов дня, а мистер Томсон все еще не показывался.

В комнату вошла жена, обеспокоенная настроением Чарли, и тихо сказала:

— Чарли, много людей понаехали торговать.

Мистер Томсон молча смотрел в окно. Повернувшись к жене, он распорядился:

— Устрой в яранге Рынтеу чай для приезжих. И галет дай, но немного, только для приманки. Как зверю, небольшой кусочек мяса лишь для того только, чтобы он попался в капкан.

Мистер Томсон оделся и вышел из комнаты.

Проходя мимо полога, где жила его семья, он заметил торчащие мужские торбаза. Мистер Томсон подошел ближе, ударил пинком по торбазам и строго спросил:

— Чьи это ноги?

Занавеска зашевелилась, и, полусогнувшись, выглянул улыбающийся Ярак.

Мистера Томсона охватило бешенство.

— Йю год дэм санвабич! Разве я тебе не сказал, чтобы ты не ходил в мой полог?

Глаза мистера Томсона вылезли из орбит, красный нос посинел, задрожал, изо рта полетела слюна.

Все еще полулежа, Ярак удивленно спросил:

— Почему, Чарли?

Потеряв всякое самообладание, мистер Томсон схватил Ярака за ногу и волоком потащил его к наружной двери сенок. Скрежеща металлическими зубами, он крикнул:

— Уходи!

Ярак медленно поднялся, горько улыбнулся и вышел на улицу с чувством невыносимой обиды.

Из-под меховой занавески показалась голова Мэри.

Как у росомахи, блеснули злостью ее глаза. Встретившись взглядом с отцом, она тотчас исчезла, как в нору, рывком спустив занавеску.

Тяжело дыша, мистер Томсон вернулся в комнату, сел в качалку, беспомощный, душевно усталый. Он набил трубку и запыхтел:

«Это я слишком. Так нельзя. В особенности теперь нельзя восстанавливать против себя людей!»

Он побранил себя за горячность и решил как-нибудь поправить дело.

Мистер Томсон окриком позвал к себе Мэри. Но никто не явился на зов.

— Бэн! — закричал он.

В комнату вбежал мальчик, нарядно одетый в меха.

Бэн любил бывать в комнате отца и всегда ждал, когда он позовет его.

Черноволосый, с правильными чертами лица, с пестрой опушкой на кухлянке, мальчик остановился у порога, ожидая, что скажет отец.

— Иди сюда, мой мальчик!

Бэн подошел к отцу и стал около качалки. Мистер Томсон обнял его своей большой рукой и ласково спросил:

— Бэн, Мэри ушла?

— Нет, она сидит в пологе.

— Почему же она не пришла? Я звал ее.

Мальчик помотал головой и ответил:

— Не хочет.

Наступило молчание. Мистер Томсон задумался. Еще никогда не было, чтобы кто-нибудь пренебрег его распоряжением. Он тяжело вздохнул: «А может быть, она права?»

— Бэн,— сказал он,— подай мне вон тот альбом.

Мистер Томсон нашел свой портрет, снятый еще в детстве, и долго глядел на него.

— Бэн, смотри. Лицо, как твое.

Мальчик с интересом смотрел на этот портрет. Он взглянул на себя в зеркало и улыбнулся.

— Бэн, ты хочешь поехать в Америку? Совсем уехать отсюда?

— Нет! — решительно ответил Бэн, покачав головой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Охотники толпились около склада Чарли, с большим нетерпением ожидая начала торга. Все обычные сроки давно прошли, а Чарли все нет и нет. Когда же покажется Чарли-Красный Нос? Любопытные уже разглядывали его раззанавещенное окно. По всему было видно, что Чарли давно проснулся. Но почему-то сегодня он даже не вышел прогуляться к берегу, что бы это могло значить? Что-то неладное случилось с Чарли. Уж не заболел ли он?

Ярак, не желая портить настроение приехавшим торговать сородичам, умолчал о произошедшей перемене в своей жизни. Строго-настрого Ярак запретил Рынтеу рассказывать о том, что его выгнал Чарли: стыдно было сообщать людям такую унизительную новость. Надо сначала попробовать самому разобраться в законах белого человека.

Чтобы скрыть от людей обиду, нанесенную ему Чарли, Ярак заставил себя быть веселым. Он вошел в толпу охотников и принял участие в их разговоре.

Ваамчо рассказывал о своей встрече с белым медведем, шкуру которого он еле-еле довез. Люди делились новостями, тут же менялись собаками с придацией и без придачи.

В стороне, прямо на снегу, молодые парни затеяли борьбу. От оголенных до пояса, разгоряченных тел шел легкий пар.

Из толпы выступил еще один силач. Он сбросил с себя кухлянку и, потирая руки, вызывающе стал похаживать на виду у всех. Он прошел уже два круга, но любителя схватиться с ним не находилось.

Парень начал сердиться. Задорно и насмешливо он громко спросил:

— Что же, или здесь перевелись сильные люди? Гляди-ка, из такого множества народа не найдется даже одного храбреца! Хоть бы девушек постыдились!

«Ой, подходящее у меня настроение проучить этого хвастунишку!» — подумал Ярак.

Он рывком сбросил с себя кухлянку, вышел на площадку и крикнул улыбаясь:

— Почему же не найдется? Найдется!

— Таньгинскую матерчатую рубашку сбрось. Мешать будет.

Ярак снял рубашку и медленным, размеренным шагом направился к противнику.

— Ого-го, даже девушки сбежались! — крикнул кто-то из толпы.— Ох, эти девушки! Они всегда являются причиной или радости, или большого конфуза. Пожалуй, стоит посмотреть на эту борьбу!

Борцов окружили. Мальчики в меховых одеждах, стремясь посмотреть на борьбу, настойчиво пробирались вперед, путаясь в ногах взрослых.

Долго ходили борцы, вцепившись друг в друга, не напрягая усилий. Они словно ощупывали упругие тела. Внезапно Ярак занес руку и со всего маху ударили ладонью по шее своего противника. Раздался звук, схожий с ударом весла по воде. Но в тот же момент противник схватил Ярака за ногу пониже колена, и в воздухе мелькнули тела борцов. Но это продолжалось всего лишь один миг, и парни опять крепко стояли на ногах.

В самый разгар борьбы вдруг послышался голос Чарли:

— Ящик табака сильному! — крикнул Чарли, не узнав Ярака.

Борцы схватились с яростью. Глаза их налились кровью. Вдруг Ярак поднял в воздух своего противника, бросил его на снег и в одно мгновение уложил на спину под неистовые крики толпы.

Ярак торжествующе сидел на побежденном, а тот, всенародно посрамленный и проигравший целый ящик табака, терпеливо ждал, когда слезет с него победитель.

Тут только мистер Томсон разглядел Ярака.

«Олл райт! Табак не даром пропал! Работнику достался!» — подумал он.

Все направились в магазин. Мистер Томсон достал двухфунтовый ящик плиточного душистого табака и торжественно вручил его победителю.

Ярак взял табак и, глядя на Чарли, не знал, что ему сказать. Трудно понять белого человека. Ведь со-

всем недавно Чарли очень сердито разговаривал, тащил его за ногу, как убитую собаку, а теперь весел и дал целый ящик табака. Нет, даже он, Ярак, не может понять белых людей с их законами. А ведь он немало видел их на китобойных судах.

— Торговать будем потом,— весело сказал мистер Томсон,— сначала попьем чаю.

Хорошее настроение Чарли передалось всем охотникам. Все видели, что дух у Чарли сегодня совсем необыкновенный.

Приехавшие охотники уже напились чаю в яранге Рынтеу. Но кто же откажется от чаепития в гостях у самого Чарли? Никто! Даже если бы человек был налит водой до самого горла.

— Мэри, хорошо угощай людей чаем! — кричал мистер Томсон.

Такое радушное отношение к охотникам очень нравилось Мэри и ее матери. Они быстро вынесли большой чайник с крепко заваренным чаем и посуду.

Охотники сидели полукругом, грызли содовые галеты, прихлебывали чай и восторженно переговаривались:

— Хороший Чарли!

— Очень хороший!

Галеты из одного ящика были съедены вмиг, и Чарли распорядился принести другой ящик.

— Еще кав-кав! Больше кав-кав! — кричал Чарли, требуя галет.

Жена и дочь мистера Томсона с радостью обслуживали приезжих. Кому же не доставит удовольствия угощать людей по-настоящему, доотвала, угощать так, чтобы у человека вспутило живот!

Все было хорошо, но теперь Рультина окончательно убедилась, что белый муж ночью имел дело с духами. Это они перевернули его разум. В здравом уме он всегда ругал ее за каждый лишний кусочек сахара, за каждую галету. О, она хорошо все это знает.

«Ваше брюхо сделано для того, чтобы складывать в него всякую дрянь, а не такой хороший товар, как галеты», — всегда говорил ей Чарли. Что случилось с ним теперь, понять нельзя.

После обильного чаепития началась торговля. Ваамчо первым подошел к мистеру Томсону:

— Чарли, у меня на нарте лежит умка — белый медведь. Очень большая шкура. Сюда тащить ее?

— Нет, не надо. На улице посмотрим. Здесь тесно и недостаточно света.

Толпа охотников ринулась на улицу. Люди бросились помочь Ваамчо растягивать огромную шкуру. Все единодушно решили, что шкура отменная.

Мистер Томсон протер очки и тяжело опустился на шкуру. На четвереньках он пополз по высокому ворсу медвежины. Во многих местах шкуры мистер Томсон дергал ворс, но он не поддавался. На шкуре не было ни одной подпалины. Ворс ровный, белоснежный. Мистер Томсон намерил от ушей до хвоста шкуры четырнадцать футов. Он приказал сложить ее, а сам направился в магазин.

В это время на склоне горы показалась упряжка, она неслась быстро, и люди сразу узнали Алитета. Мистер Томсон остановился. Алитет интересовал его больше, чем хорошая медвежина Ваамчо.

Упряжка Алитета с лаем подбежала к дому Чарли. Собаки с ходу набросились на лежавшую здесь упряжку какого-то дальнего охотника. Поднялся визг, замелькали клыки, полетели ключья шерсти, и в одно мгновение псы Алитета разорвали собачонку. Поджав хвосты, другие собаки огрызались и визжали. Владелец упряжки бросился в общую свалку, защищая своих собак.

Человек восемь вцепились в алыки и с большим трудом оттащили в сторону озверевших собак Алитета.

Потерпевший охотник нагнулся над растерзанной собакой, тщательно осмотрел ее и, убедившись, что она мертва, подошел к Алитету.

— Зачем же, Алитет, ты напустил собак на мою упряжку?

— А зачем поставил их на моей дороге? Не ставь! Теперь будешь знать, — заносчиво ответил Алитет.

— Да, пожалуй, теперь я буду знать, — согласился охотник.

Заметив в толпе мистера Томсона, Алитет оборвал разговор и важно, с о столом в руках, направился к нему. Он снял камусовую рукавицу и поздоровался с Чарли.

— Хо, собаки твои, как волки,— сказал мистер Томсон.

— Собаки сильные,— гордо ответил Алитет.

— Ну, хорошо. Пойдем, Алитет, в дом. У меня есть важный разговор к тебе.

Алитет повернулся в сторону своей наrtle, кивнул головой и крикнул:

— Тыгрена!

— Не надо женщину. Разве ты не знаешь, что там, где разговор идет о делах, не должно быть женского духа?

— Чарли, ведь это моя вторая жена, о которой ты спрашивал. Поэтому я и взял ее с собой.

— Не надо, не надо! — сердито замахал рукой мистер Томсон.

— Чарли, я не хочу, чтобы она встречалась с Айе,— тихо сказал Алитет.— Это ее прежний муж по обещанию. Я слышал, что он тоже пришел сюда с гор. Ты сам знаешь, у женщины мало разума. Уйдет, потом ищи, как непривязанную собаку. Лишние хлопоты!

— Не беспокойся, Айе не закончил еще со мной расчета.

Подошла Тыгрена. Она молча остановилась около них, разглядывая Чарли, которого она знала понапиське.

— Олл рейт! Вери, вери гуд вумен! ¹ — сказал мистер Томсон по-английски и потрапал Тыгрену поплечу.

Непонятное бормотание Чарли напоминало Тыгрене хрюканье моржа. Она не удержалась и рассмеялась в рукав своей нарядной кухлянки.

Обхватив Тыгрену рукой, мистер Томсон привлек ее к себе и громко расхохотался.

— Погуляй пока здесь, Тыгрена!

И, взяв за пояс Алитета, он потащил его к себе.

¹ Хорошо! Очень, очень красивая женщина.

— Наши женщины любят белых,— заискивающе и лукаво сказал Алитет.

— О, да, да. Я знаю.

Они вошли в комнату. Мистер Томсон торопливо закрыл дверь, сбросил куртку и сказал:

— Алитет, большое дело есть! Садись вот на этот стул. Хочешь выпить немного огненной воды?

— Очень хочу. Давно не видел ее. Даже запах ее стал забывать.

Забулькало виски. Они выпили, и Алитет, погложивая свой живот, сказал:

— Хорошо!.. Налей еще.

— Ноу, ноу,— запротестовал мистер Томсон.— Когда придет ночь, выпьем еще, а сейчас важный разговор будет. Ведь ты сам знаешь, когда предстоит важный разговор, не надо затуманивать мозги. Очень большая новость.

Алитет пальцами вытер стенки кружки, в которой была огненная вода, и облизал их.

В комнате было жарко. Алитет развязал пояс и снял кухлянку. Мистер Томсон посмотрел на его бронзовое тело и подумал:

«Вот он, мой приятель по жене». Мистеру Томсону стало противно смотреть на потное тело Алитета. Он достал клетчатую рубашку и подал ему:

— Надень ее, Алитет! Ты мой давнишний друг, а ходишь без рубашки. Надо обязательно носить рубашку. Нехорошо без рубашки.

Алитету было смешно, но все же он влез в эту рубашку и подергал плечами. Казалось, что его связали и лишили свободы телодвижений. Матерчатая рубашка стесняла и даже щекотала тело. Разве она может сравниться с рубашкой из мягкого, пушистого пыжика? Но пусть. Здесь хозяин — Чарли. У него свой закон.

Мистер Томсон долго и испытующе смотрел на Алитета и неожиданно спросил:

— Алитет, кто сделал из тебя большого торгующего человека?

Задумавшись над заданным вопросом, Алитет коротко и не совсем уверенно ответил:

— Ты.

— Да ты не бойся. Мне не нужно тебя обманывать. Я хочу, чтобы ты был богатым человеком. Не правда ли, что ты мой старый приятель?

Алитет облегченно вздохнул и ответил уже более охотно:

— Да, Чарли! Ты говоришь правду. И мы с тобой не простые приятели. Мы приятели по жене, потому я и привез Тыгрену.

— Но самое главное, Алитет, мы с тобой приятели по торговле, по скопке пушнины. Те двести двадцать песцов, которые лежат у тебя на нарте, я не возьму. Вези их обратно к себе домой.

Алитет испуганно привстал. В узких щелках остановились его жесткие, колючие глаза.

— Ноу, ноу! Не пугайся,— улыбаясь, сказал мистер Томсон.— Я хочу, чтобы летом, когда придет шкуна, ты сам торговал с белым капитаном. От такой торговли ты получишь очень много товаров.

«Что говорит Чарли? — недоумевая, подумал Алитет.— Непонятное говорит Чарли!» Он растерянно глядел на мистера Томсона и тихо, почти шепотом проговорил:

— Чарли, все песцы и лисы шкурки, лежащие на моей нарте, не оплачены. Я объехал много охотников в тундре, и ни один из них не получил ни плитки табаку, ни ножа, ни кирпича чаю. Они ждут оплаты. Мне надо за эти шкурки купить у тебя товары.

— Знаю, знаю. Я все это знаю. Песцовые и лисы шкурки ты повезешь обратно, а товаров я тебе дам, сколько хочешь, и опять в долг. Ты развезешь эти товары и отдашь охотникам тоже в долг. Это ничего. На будущий год они отдадут пушиной.

— Да, они обязательно отдадут. Я сам возьму все, что у них будет.

— Правильно, правильно! Надо сейчас же, заранее скупить всю пушину, которая будет у них на будущий год. Понял, Алитет?

— Все понял. Все «хвосты» будут у меня.

— Но ты должен слушать меня хорошо. Видишь сам, что я стараюсь для тебя. Я тебя научу, как торго-

вать с американской шкуной, как торговать с тундро-выми и береговыми охотниками. О, я тебе этого еще никогда не говорил! Летом, когда придет ко мне шкуна, я скажу капитану, что у тебя есть много пушнины, и он обязательно захочет зайти к тебе. Мы будем с тобой торговать заодно, как торгующие братья.

Алитет сел на краешек стула, положил руки на колени, склонился к Чарли, словно собака, ожидающая куска мяса, и внимательно слушал.

«Как хорошо, что я привез Тыгрену! Никогда не был таким добрым. Все отдает», — подумал Алитет.

— Я дам тебе много железных товаров. Все товары ты заранее развезешь. Понял, Алитет, как нужно сделать?

Алитет хитро подмигнул.

«Алитет все понимает. Ух, какой Алитет!» — сказал он про себя.

— Олл рейт! Вот теперь можно гулять, пить, сколько хочешь, огненной воды и забавляться с женщинами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Тыгрена вернулась к нарте и, с любопытством разглядывая постройки Чарли-Красного Носа, задумалась. Она впервые приехала в стойбище Лорен и чувствовала себя смущенной. Она присела на нарту: «Зачем Алитет привез меня сюда?»

И, вспомнив толстого таньга, с глазами, закрытыми стекляшками, Тыгрена подумала: «Какой смешной его хрюкающий непонятный разговор!»

К нарте подошел старик Рынтеу.

— Женщина, — обратился он к Тыгрене, — зачем ты сидишь здесь и не пойдешь в мою ярангу? Ведь не в дороге находишься, а в стойбище прибыла. В яранге Рынтеу всегда есть чай и корм собакам. Чарли дает для приезжих даже немного сахара.

Тыгрена встала. Она внимательно слушала старика и смотрела на него. Он был одет по-домашнему: рукава кухлянки болтались пустыми, голова без шапки, лицо доброе, слова ласковые.

— Я всегда кормлю ваших собак,— продолжал Рынтеу.

— Я никого здесь не знаю,— ответила Тыгрена.— Садись сам на нарту и возьми к себе собак.

Старик встряхнул рукавами, в них появились руки, и он расторопно взялся за о стол.

— Поедем,— сказал он Тыгрене.

Но в это время Тыгрена заметила в стороне Ваамчо и, обрадовавшись, сказала Рынтеу:

— Поезжай один, я приду потом,— и она побежала к Ваамчо, который возился со своей медвежьей шкурой.

— Ты что хочешь делать с умкой, Ваамчо?

— Хотел продать, но ты с Алитетом помешала. Не успел закончить торг. Теперь обратно придется везти. Алитет испортит дух у Чарли.

— Ваамчо, он всю дорогу гнал собак. Спешил, все равно как со льда на берег. А увидел американца, все бросил. Собак бросил. Никогда не бросал. Никому не доверял их.

— Видела, Тыгрена, Чарли? Люди говорят, он приятель Алитета по сменному браку.

Тыгрена промолчала, вспомнив толстого, неуклюжего таньга.

— Плохие они, Тыгрена! Волки оба. Каттам меркичин! — выругался Ваамчо.

Тыгрена усмехнулась и лукаво сказала:

— О, Ваамчо, ты храбрым становишься.

Ваамчо смущился и перевел разговор на другое.

— Еще новость есть. Ты слышала?

— Какая новость?

— Айе здесь. Он пришел продавать лисьи шкурки от своего хозяина Эчавто.

Тыгрена насторожилась.

— О тебе спрашивал. Он пастухом стал в стаде Эчавто. Перестал быть приморским человеком. Говорит, стыдно и тоскливо стало на берегу. Ружье отдал Эчавто.

— Может быть, Айе хочет работать за жену? У Эчавто много девушек,— сказала Тыгрена.

— Не знаю,— ответил Ваамчо.

— А где Айе?

— Айе в яранге Рынтеу. Рассказывает новости. Не выходит из полога. Тыгрена, не хочешь ли ты пойти в ярангу Рынтеу? Его яранга — источник новостей. Человек, наполненный новостями,— везде желанный гость.

— Я не знаю, Баамчо, куда мне итти. Я совсем потеряла свою дорогу.

В яранге Рынтеу было большое оживление. Айе лежал на шкурах, заложив руки за голову и рассказывал:

— Когда я пришел к Эчавто, он спросил: «Ушел совсем с берега? Зачем ушел? Или худо стало на берегу?» — «Да, худо. Тоска. Жену у меня отобрал Алитет. Руки не хотят больше работать». — «Ага! — говорит Эчавто. — Рук мне не нужно: в стаде нужны ноги. Будешь хорошо бегать и смотреть за стадом, будешь жирный кусок есть. И девка найдется».

Как раз женщины принесли жирное вареное мясо. «Попробуй, поешь», — говорит Эчавто.

Я стал есть.

«Ух, ты! — сказал он. — Вижу я, что жадноедящий ты. Посмотрю, как оленей будешь стеречь. Худо будешь стеречь — прогоню!»

Пошел я в стадо. Попробуйте-ка хорошенко охранять оленей! Заставьте их все время пасться, не давайте им ложиться. Заставьте их все время щипать мох, чтобы жирными были. Ой, как трудно! В пургу не спиши, стережешь от волков. Бегаешь сам, как волк. Ну, в хорошую погоду капканы ставиши. Песцов ловиши.

Потом Эчавто приехал сам в стадо на красивых белых оленях.

«Айе, — говорит он, — вижу я, не напрасно жадноедящий ты. Оленей устерег и песцовые шкурки добыл. Дай-ка их сюда. Ух, глаза мои не видели таких! Их; — говорит, — надо обменять на товары у самого Чарли-Красного Носа. Алитет посчитает их за обычные. Скажет: раз хвост, два хвост, три хвост. Сосни до восхода солнца под брюхом оленя и ступай в торговую ярангу. Надень мои снегоступы, они крепкие, путь далекий.

Вернешься — так же будешь стеречь оленей. Через три года девку дам тебе».

— Вот,— сказал Айе.— А мне его девка не нужна. Сердце захотело на берег. Людей приморских посмотреть. Разговоры послушать. Весело на берегу. Везде люди, а там только олени. И вот я пошел. Через два дня в долине Заячий Тропы смотрю — костер горит. Упряжка собак, палатка стоит. Подбегаю, смотрю — русский. Издалека едет, три месяца едет. Едет на Чукотский Нос. Называет себя начальником. Какой начальник, совсем бороды нет! Спрашивает: «До Чукотского Носа далеко?» — «Близко. Один день на собаках». — «О, только один день? Тогда собаки пусть еще отдохнут. Садись,— говорит,— чай будешь пить?»

Сахар, сухари, мясо в железных банках, табак — все есть. Может, и вправду начальник? Всю ночь не спали, говорили. Про все расспрашивал. У меня горло высохло от разговора. А он все спрашивает. Потом сам стал говорить. Такое говорил, все перепуталось у меня в голове. Рассказывал: там, на Большой земле русской, война была. Помните, слухи были? Богатые дрались с бедными. Всех богатых прогнали, и такие вот, как мы, простые люди сами начальниками стали, сами закон делают. Про Чарли, про Алитета говорил. Сказал: американца выгонит с этого берега. И Алитета тоже. «Вот,— говорит,— тебя поставим торговать».

Айе засмеялся.

— Молодой он, какой начальник! Говорит, на Чукотском Носу скоро тоже будет новый закон жизни, и этот закон пойдет по всему берегу, по всей тундре. Наверное, сам не знает, что говорит...

В пологе стояла тишина. Еще никогда никто не рассказывал здесь таких сказок. И откуда Айе научился так рассказывать? Не с духами ли он встречался в долине Заячий Тропы? Кто знает, с кем человек может встретиться?

— А куда девался этот русский?

— Он подвез меня и поехал прямо на Чукотский Нос. Я говорил ему: «Там не проедешь. Горы там стоят поперек. Одно ущелье, правда, есть, но в него не попадешь».— «Проеду»,— говорит он. Смелый! Бумага у

него. На ней нарисованы реки, берег, море. «Ну, как хочешь», — говорю. Он долго тряс мне руку и сказал: «До свиданья, Айе! Мы еще с тобой встретимся. Мы еще с тобой будем и здесь переделывать жизнь по-новому...» Чудной человек! Переделывать жизни! Ярангу переделать — и то трудно. Не знаю, что за человек.

— Это не человек, — сказал один охотник, — это дух.

Ярак придвинулся поближе к Айе и спросил:

— Он привез русский закон — закон белых людей?

— Не знаю, — уклончиво ответил Айе.

— Таньгам нельзя верить. Я их много видел на американских китобояцах, — сказал Ярак. — Они большие выдумщики и обманщики. Их никогда не поймешь. У них закон, как ветер: дует то в одну сторону, то в другую. А как зовут его, этого русского?

— Андрей, — сказал Айе. — Глаза у него добрые, как будто правду говорят.

В полог влез Ваамчо, а вслед за ним Тыгрена. Она опустила с плеч свой нарядный керкер и села у входа.

— Какомэй, Тыгрена! — смущенно и радостно вскрикнул Айе, привстав на колено. — Ты торговым человеком стала? Стала ездить в торгующие яранги?

Тыгрена молча смотрела на Айе.

— Рассказывай, рассказывай, Айе! — кричали со всех сторон охотники.

— Твои сказки интересно слушать.

— Ты научился в тундре хорошо рассказывать.

— Про безбородого расскажи еще.

Ваамчо нагнулся к соседу и тихо спросил:

— О чём говорит Айе?

— Интересные новости. Очень. Такие новости я никогда не слышал.

— Ну, рассказывай, Айе! Что же ты перестал? — попросил Ваамчо.

Но Айе при виде Тыгрены утратил способность говорить. Ему хотелось спросить Тыгрену, как она живёт, о чём она думает, но при таком сборище стыдно было спрашивать. Ведь все знали, что Алитет отобрал у него Тыгрену. Еще насмех поднимут. Люди разные.

Совсем нехорошо стало на сердце у Айе. Лучше бы Тыгрена и не приходила на это сборище. И Айе стал молча закуривать. Нехорошо быть человеком, достойным сожаления. Но все же он придвинулся к тому месту, где сидела Тыгрена.

В полог просунулась голова какой-то женщины.

— Тыгрена, Алитет зовет,— сказала она.

Тыгрене и самой хотелось уйти из полога. Слишком много было здесь любопытных глаз. Она надвинула меховой керкер и молча вылезла.

— Зачем отпустил жену, Айе? — с усмешкой спросил один охотник.

Ярак гневно посмотрел на него. Ему показалось, будто этот охотник насмехается над ним самим.

— Очень хорошо посмотреть, когда жену уводят из-под носа,— глядя на смущившегося Айе, продолжал шутник.

Ярак стиснул зубы, развернулся и ударил насмешника по лицу.

Зажав нос, охотник уполз в угол. Все затихли. Айе набросил на себя кухлянку и вылез из полога.

Никто так не понимал и никто так не жалел Айе, как Ярак. Было у них что-то общее. Оба они безуспешно стремились обзавестись семьей. Без жены охотник разве может считаться настоящим человеком? Не имеющий жены человек достоин насмешки.

Ярак догнал Айе, направлявшегося к берегу моря. Он молча поровнялся с ним, и молча они шли до самых торосов.

Солнце скрылось за горой. Стоял тихий, спокойный вечер. В стороне виднелся дом мистера Томсона. В маленьком оконце показался огонек, но сейчас же скрылся за опущенной занавеской.

— Меркичкин! — тихо выругался Ярак.— Вот всегда Чарли так делает, когда приходит к нему женщина.

Айе стоял в торосах и ногой разбивал снег. Украдкой он посматривал на этот чужой дом белого человека.

— Худая жизнь у тебя, Айе,—сказал Ярак.— И у меня тоже. Я хотел жениться на Мэри, но Чарли прогнал меня совсем. Кричал на меня. Потом схватил за

ногу и потащил меня. Стыдно было мне, как будто я совсем бессильный человек. У каждого белого свой закон.

— Тебя за ногу тащил Чарли, меня Алитет все время тащит за сердце. Вытаскивает его, как из туши оленя. Ай, как больно! Я хотел застрелиться. А теперь... вот этот русский столько мне наговорил... Я все думаю и думаю. Наверное, я стану сумасшедшим от разных дум. И что такое наговорил он мне, понять не могу. За одну ночь очень много разговоров. Ты знаешь, Ярак, что он мне сказал? Алитет не будет теперь таким богачом. Новый закон поставит его совсем низко.

— Пустое говорит он. Белые все одинаковы. У них язык болтается во рту, как тряпка на ветру. Я много их видел на американских китоловах.

— Глаза у этого русского добрые, хорошие, с правой стороны глаза. Он говорил, и американца выгонит с нашего берега.

Ярак горько усмехнулся и сказал:

— Кто может выгнать Чарли! Он товарами сильный человек. Встретясь с русским, он будет пить с ним огненную воду, смеяться. У них — один закон. Я знаю, я видел, когда приезжал к нему русский купец Пит Брюханов.

— Нет, Ярак! Это другой человек. Молодой, а говорил, как старик. Тихо. Говорит, много разных законов привез. И о женитьбе закон привез. Так он говорил.

Из-за льдины показался Баамчо.

— Зачем, охотники, без ружья вышли в лед? — с улыбкой спросил он.

Парни засмеялись.

— День плохой сегодня, — продолжал Баамчо. — Привез хорошую шкуру белого медведя, а торги не состоялись. Ушел Чарли-Красный Нос. Все бросили. Ушел с Алитетом на целый день. Когда Алитет здесь, торговать плохо. Тыгрену привез ему. К нему позвали.

— Уй, Баамчо, не говори! В мое сердце входит большой гнев! — вскрикнул Айе.

— У каждого человека есть гнев. Но только твой гнев, Айе, далеко у тебя запрятан.

— Уй! — и Айе до крови укусил свою руку.

— Я знаю, теперь Чарли нальет в горло Тыгрены огненную воду,— вмешался Ярак.— Она обжигает глотку, помутнение в голове бывает. Человек становится расслабленным, как младенец. Он всегда так делает с женщинами.

Чувство унижения и вспыхнувшая жажда мести охватили все существо Айе. Слова его товарищей показались ему презрительными, и Айе, сорвавшись с места, бросился бежать к дому Чарли-Красного Носа. Он подбежал к комнате, но дверь была на запоре.

— От кого закрылся, от белого медведя закрылся?

Он услышал пьяный голос Тыгрены.

Обезумевший Айе сорвал дверь с крючка и оказался в комнате Чарли-Красного Носа.

— Год дэм санвабич! — заорал мистер Томсон.— Зачем ты ворвался в мой дом? Я звал тебя? Вон отсюда! Уходи, или я тебе сломаю позвоночный столб! — закричал мистер Томсон.

Айе подпрыгнул и вцепился в горло Чарли. От неожиданности и сильного толчка Чарли грохнулся в качалку. Айе стал душить его. Качалка под тяжестью двух человек свалилась на спинку, в воздухе мелькнули ноги, и огромная труба музыкального ящика со звоном полетела на пол. Чарли захрипел.

Из полога прибежал пьяный Алитет. Как хищник, он бросился на Айе и оторвал его от Чарли. Разъяренный Айе вывернулся, вскочил на стол и пинком свалил лампу и посуду. Пользуясь темнотой, он бросился к выходу.

Путаясь в пижиковых штанах, Алитет кричал:

— Ружье скорей! Подайте мне ружье! Я пристрелю этого щенка!

Но Айе уже был на склоне горы, где расположилось стойбище.

— Стрелять хочет Алитет,— быстро проговорил Айе встретившим его Ваамчо и Яраку.

— Беги скорей в тундру,— разом сказали они.— Мы направим Алитета по ложному следу, в торосы моря.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Солнце припекало.

Струился прозрачный, чистый воздух. Искрящаяся белизна снега, яркий свет резали глаза. Собаки вязли в рыхлом снегу и с трудом, высунув языки, тянули нарту. Проваливаясь в снег, рядом с нартой шел Андрей Жуков. Он остановился и оглянулся. Кругом горы, долины — все бело! Никаких признаков жизни. Андрей крикнул и обрадовался своему голосу.

Студент географического факультета Петроградского университета Андрей Жуков прибыл в Петропавловск-на-Камчатке осенью 1922 года. Здесь он охотно принял предложение губревкома выехать на таровым путем на побережье Ледовитого океана. Он выехал в разгар зимы на Чукотку, в исконные русские земли.

Еще будучи в университете, Андрей занимался языками. Старый профессор-народоволец, побывавший в этом краю в ссылке, передал Андрею Жукову все свои познания в чукотском языке. Андрей был способным лингвистом.

Теперь, за время своего трехмесячного пути на собаках, Андрей не раз встречался с местными жителями, о которых он имел представление лишь по литературе и этнографическим исследованиям.

К весне этот длительный путь подходил к концу. Далеко позади остались Камчатка, Коряцкая земля, и вот он уже в Чукотской тундре.

Андрей остановил упряжку и стал всматриваться в беспрерывную цепь горных хребтов.

«Но где же это ущелье, о котором рассказывал встретившийся накануне оленевод?» — подумал Андрей.

Никаких следов на снегу. Ни соринки. Хотя бы оленя или зайца увидеть. И корма мало осталось. Голодные собаки выбиваются из сил.

«Нет, надо отказаться от пути напрямик. Пусть гуси летят этим путем!»

Андрей сел на нарту и взял направление к морскому берегу. Почуяв замысел хозяина, собаки побежали веселей. В горах стояла необычайная тишина.

В глазах появилась такая острая боль, что Андрей закрыл их рукой. Он долго держал руку на глазах, но боль не уменьшалась, а когда отнял руку, то вокруг ничего не увидел, словно пелена закрыла перед ним все.

Андрей остановил собак.

Он протер глаза и окончательно убедился, что ослеп.

Пригреваемые солнцем собаки мирно лежали на снегу. Пес Верный растянулся впереди и наслаждался покоем. Ни одного звука. Как будто мир погрузился в небытие.

Андрей лег на нарту и долго лежал, слушая тишину.

Солнце подходило к горизонту. Легкий морозец схватил влажный снег. Образовался крепкий наст. С севера потянул ветерок.

Андрей решил вверить свою жизнь инстинкту собак. Он сел на нарту и голосом поднял упряжку.

— Верный, вперед! — крикнул он.

Определяясь по направлению ветра с севера, Андрей подставил щеку под ветер и, не меняя положения, поехал.

Прошло много времени ровной езды, и вдруг собаки взяли в галоп.

«Что такое?» — подумал Андрей и затормозил нарту.

Он остановил упряжку, решив, что собаки напали на след.

Вскоре Андрей убедился в правильности своего предположения. Он ощупью нашел колею проехавшей нарты. Значит, где-то поблизости есть жилые места. Андрей обрадовался.

Собаки бежали весело, но ветер дул уже не в щеку.

«Крутит ветер», — подумал Андрей.

Он снял шапку, прислушиваясь к пению ветерка, и услышал крик:

— Андре-ей!

«Что за наваждение? — подумал Андрей. — Кто может меня звать в этой снежной пустыне?»

Он опять остановил упряжку и насторожился, по-водя головой во все стороны.

И когда окрик повторился, Андрей громко закричал:

— Эге-ге-ей!

Человек бесшумно подбежал к нарте и, запыхавшись, тихо спросил:

— Андрей, это ты?

Андрей вздрогнул. Круто повернувшись на голос, он резко спросил:

— Кто здесь?

— Я, Айе. Ты забыл меня, Андрей?

— Айе! — радостно закричал Андрей и бросился на голос.

Крепко обняв его, точно опасаясь, как бы живой человек вдруг не исчез, Андрей сказал:

— Глаза у меня испортились. Ничего невижу.

— Такое при большом солнце бывает. Надо положить на глаза оленью шкуру или еще что-нибудь. Закрыть глаза черным. Скоро пройдет. Завтра будет хорошо.

— Разве?

— Да, да. Я знаю.

— Айе, отрежь кусок от моего черного мешка.

Айе взял мешок, повертел его в руках, вздохнул:

— Андрей, испортиши его. Жалко такой хороший мешок.

— Ничего, Айе! Давай, режь!

Айе отрезал часть мешка и завязал Андрею глаза.

— Ну, что же, друг? Можно, пожалуй, здесь и переночевать? А? Ты никуда не спешишь?

— Нет,— ответил Айе.

— Тогда ставь палатку. Будем чай пить. Закусывать.

Уже смело оставив нарту, Андрей ощупью прошел к сбакам, погладил вожака.

— Ну, Верный, теперь мы живем.— И, обратившись к Айе, устанавливающему палатку, он крикнул: — Айе, а что за дорога тут, по которой я ехал?

— Твоя дорога,— спокойно ответил Айе.— Я уже посмотрел. Это твоя дорога, ты по ней кругом ездил.

Все время ездил бы. Собаки не свернут с дороги, если человек не заставит их.

Вскоре они с удобством расположились в палатке.

— Андрей, снег в чайнике сделался водой. Повязку на глаза надо намочить: будет лучше.

— Давай, давай, Айе! Ты, брат, хорошо знаешь, что нужно делать.

Намочив и крепко выжав повязку, Айе опять завязал глаза Андрею.

— Айе, правильно ты мне сказал тогда, что я не найду ущелья. Ездил, ездил — кругом горы! А тут еще перестал видеть. Пропал бы, пожалуй, я в горах?

— Нет, в горах не пропадешь.— И Айе вдруг спросил: — Андрей, а ты правда начальник?

Жуков улыбнулся.

— Да, правда. Только я не самый главный. Большой начальник приедет летом. Когда пароход придет, а меня заранее послали.

— А-а! — протянул Айе и, помолчав, сказал: — Ой; худо мне, Андрей! Наверное, теперь меня застрелят, как зайца.

— Кто же тебя может застрелить?

В горах было тихо. Легкий ночной морозец проникал в палатку. Пора было уже ложиться спать, но Айе разговорился и рассказал Андрею, что произошло в торговой яранге Чарли-Красного Носа, почему Али-тет хотел застрелить его, опять рассказал о своей Тыгрене и о многом другом.

За палаткой мирно дремали уставшие собаки. Солнце скрылось и снова выглянуло, озаряя ярким пламенем низкий горизонт.

— Айе, ты не волнуйся и не бойся ничего. Никто тебя не посмеет тронуть. Я тебе обещаю. Ты скоро увидишь это сам. А сейчас давай поспим немного и вместе поедем на берег.

Айе не лег спать. Ведь пастухи привычны не спать по двое, трое суток. Айе ходил около палатки, просмотрел нарту и по-хозяйски укрепил развязавшиеся на ней ремни. Затем он сел и долго смотрел на доски — сиденье нарты. Айе думал. Наконец он вынул нож и отрезал от доски маленькую щепочку. Он быстро сделал

две круглые, подобно стеклам очков, дощечки, просверлил в них острием ножа маленькие дырочки, привязал к концам их тонкий ремешок и нацепил их на нос.

— Хорошо видно,— сказал он.

Спустя некоторое время Айе услышал из палатки голос Андрея и вбежал к нему.

— Айе, я вижу тебя. Вот хорошо!

— Я тебе сделал гляделки. В горах наши люди со слабыми глазами всегда так делают,— и Айе примерил самодельные очки.

Андрей расхохотался.

— Дружище, да ведь дерево не прозрачное?

— Нет, тут маленькие дырки есть. В них все видно. Без гляделок тебе нельзя. Солнце опять сильно светит.

Андрей надел деревянные очки и вышел из палатки.

— Смотри, как здорово! Вот какую деревянную оптику придумали! Молодец, Айе! Очень хорошо! Поднимай собак и едем на берег.

— Худо мне будет на берегу.

— Ничего, Айе! Не бойся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Айе сел на нарту, пристроившись рядом с Андреем. Показывая рукой направление, он молчал, заранее переживая свою встречу с людьми на берегу.

— Верный, вперед! — закричал Андрей, посматривая на собак в свои гляделки.

Наконец Айе еще издали заметил стойбище Лорен. Встретиться теперь с Алитетом и с Чарли-Красным Носом не всякий решится. Но будь что будет. Все равно у Айе отвращение к жизни.

— Подъезжаем,— взволнованно сказал Айе.

— Вот и хорошо. А я думал, что берег далеко,— ответил Андрей.

— Андрей, ты поедешь в торгующую ярангу? К белому? К Чарли? Может быть, я останусь здесь?

— Зачем я к нему поеду? Вместе с тобой мы поедем в ярангу какого-нибудь охотника.

— Ты боишься Чарли?

Вместо ответа Андрей громко расхохотался. И в этом смехе Айе вдруг обрел веру в силу молодого русского начальника.

— Садись, Айе, на мое место, правь собаками и подъезжай к какой хочешь яранге,— серьезно сказал Андрей.

Айе с радостью направил собак к яранге Рынтеу. Сбежались люди.

— Вот чудо! Айе привез какого-то белого человека!

— Опять встретился в горах. Вот он, русский начальник,— тихо сообщил Айе своему другу Ваамчо. Затем он вернулся к Андрею и так же тихо сказал: — Андрей, вот Ваамчо, о котором я тебе говорил. У Трех Холмов его приманку засили Алитет светильным жиrom.

— А, Ваамчо! Здравствуй,— сказал Андрей парню, как старому добруму знакомому.

Он долго тряс ему руку. Айе смотрел на них, и радостная улыбка расплылась на его лице. Он чувствовал себя виновником этого торжества. Смущенный Ваамчо не знал, что ему делать и что говорить. Первый раз в жизни белый человек тряс его руку.

— Ступай в жилище, распрягу твоих собак,— на конец сказал Ваамчо.

— Пойдем, пойдем,— взял за руку гостя, оживленно сказал Айе.

— Хорошо,— ответил Жуков, и вдвоем они влезли в полог.

Охотники дожидались удобного случая, чтобы закончить торг с Чарли-Красным Носом, и все еще находились в пологе Рынтеу. Появление русского начальника, о котором накануне говорил Айе, показалось им сновидением. С любопытством разглядывали они приезжего.

Русский был высокого роста, с виду крепкий, но молодой, совсем не похожий на начальника.

Айе вытащил новую оленью шкуру и, расстелив ее, услужливо предложил Андрею сесть. Облокотившись, Андрей прилег на шкуру и закурил.

— Надо позвать сюда Чарли,— сказал он.

Все изумленно переглянулись.

«Он с ума сошел, этот русский! Чарли никогда не поднимался на эту гору, где стоят яранги. Да разве он послушается? Кто может заставить Чарли?»

— Надо сказать, что его зовет русский начальник. Чтобы сейчас же пришел,— строго повторил Андрей.

«Ого-го, он и в самом деле, пожалуй, начальник, если так говорит! Но кто же осмелится пойти к Чарли с такой новостью? Ваамчо, пожалуй, сходит? Нет, пристойней с такой новостью пойти самому хозяину яранги Рынтеу. К тому же он и постарше».

Новость была настолько велика и так необычна, что Рынтеу, несмотря на свой возраст, без остановки бежал до самого дома Чарли.

Охотники сгорали от нетерпения поскорей узнать, чем все это кончится. Как же? В один миг столько событий! Сейчас встретятся два белых человека. Русский не захотел даже заехать к Чарли. О, это совсем небывалый случай! Тут обязательно должно что-то произойти. Удивительно, что русский как будто подружился с Айе! Наверное, не знает, что Айе — пастух и хотел задушить Чарли.

Особенно интересовался всем этим Ярак, считавший себя знатоком белых людей.

В ожидании Чарли Айе на всякий случай подсел поближе к Андрею.

Мистер Томсон был удивлен новостью не меньше, чем Рынтеу. В стойбище начался всеобщий переполох. И хотя Чарльз Томсон с большого похмелья и с повязкой на горле чувствовал себя не очень хорошо, все же собрался он быстро. Не спеша, мистер Томсон пошел по непривычному для него маршруту — в ярангу Рынтеу.

Он устал от подъема в гору и тяжело дышал. С трудом влез он в полог, окинув всех взглядом и, заметив русского, с любезностью поздоровался на чукотском языке.

— Седан плизс¹, — ответил на приветствие Андрей Жуков.

— О, вы говорите по-английски?

— Да, говорю.

¹ Садитесь, пожалуйста.

— Разрешите узнать, с кем я имею честь разговаривать?

— Моя фамилия — Жуков. Вы мистер Томсон?

— О, да. Чарльз Томсон. Я очень рад, мистер Жукофф, встретить в этих местах культурного человека. Меня удивляет только, почему вы не заехали прямо ко мне. Это помещение я содержу для приезжающих торговать охотников. Здесь такой дурной запах, здесь так некультурно.

— Пусть вас это не удивляет, мистер Томсон! Я счел своим долгом предпочесть это жилище вашему дому.

— О, мистер Жукофф, это не совсем вежливо по отношению ко мне.

— А по-моему, долг вежливости обязывает вас, мистер Томсон, как чужестранца, первому явиться ко мне, представителю новой России.

— Вы большевик? — удивленно спросил мистер Томсон.

— Да, я большевик.

Мистер Томсон знал из американской прессы, что большевики — это люди с ножами во рту. И странным показалось мистеру Томсону видеть большевика, который владел английской речью лучше, чем он сам. Перед ним сидел блондин с голубыми глазами, даже похожий на норвежца.

— Вы настоящий большевик? — опять спросил мистер Томсон.

— Да, разумеется. Я представитель Камчатского губернского революционного комитета, мистер Томсон. И пригласил я вас сюда по делу.

— О, мистер Жукофф, пожалуйста, пожалуйста. Я с удовольствием готов вам помочь во всем.

— Вам известно, мистер Томсон, что в навигацию сюда прибывают представители Норд-компани?

— О, да, я знаю. Я читал прессу, — сказал мистер Томсон.

— Норд-компани будет здесь. А вам, мистер Томсон, нужно прекратить торговлю.

— И мистеру Стивенсону, и мистеру Кларку, и мистеру Ольсону? — торопливо спросил Чарльз Томсон.

— Да, всем.

— И мистеру Брюханову и мистеру Караваеву?

— Да, да, всем. На побережье Норд-компани организует шесть крупных пушных факторий. И только этой компании советским правительством предоставляется право торговли здесь. Вы, мистер Томсон, в подданстве какой страны состоите?

— Соединенных Штатов Америки.

— Вам придется ликвидировать свое хозяйство и покинуть этот берег. Мы не находим возможным предоставить вам торговое посредничество.

Ярак вытянул шею, как гусь, вслушиваясь в каждое слово. Творилось что-то совсем непонятное. Всем казалось, что Чарли-Красный Нос прирос к берегу, как лишайник к камням. Никакой ветер его не сдует. А сейчас что слышит Ярак?

По всему видно, что безбородый русский действительно начальник. Но какой сильный должен быть начальник, чтобы так разговаривать с Чарли!

— Еще, мистер Томсон, меня интересует кое-что из вашей жизни здесь,— продолжал Андрей.

— О, пожалуйста, мистер Жукофф.

— Мне стало известно, что вы, пожилой уже господин, а ведете себя здесь крайне неприлично с точки зрения цивилизованного человека.

Мистер Томсон насторожился и учащенно задышал.

— Я имею в виду тот неприятный инцидент, который произошел вчера в вашем доме вот с этим человеком.— Айе вздрогнул, когда Андрей положил руку на его плечо.— Не правда ли, мистер Томсон, что это хуже, чем всякая невежливость?

Лицо мистера Томсона покрылось густой краской, затем побелело. Он молчал.

— И после всего этого вы вот называете себя культурным человеком? Представитель цивилизованного мира! — с пренебрежением сказал Андрей.

Мистер Томсон склонил голову и, может быть, впервые за двадцать лет подумал о своем поведении. Ему очень неприятно было, что такой разговор ведется в присутствии охотников и особенно в присутствии Ярака,

понимавшего английскую речь. Не поднимая головы, он тихо сказал по-чукотски:

— Ярак, уйди отсюда!

Ярак неохотно поднялся.

— Нет, ты, Ярак, сиди здесь. Ты мне нужен,— сказал Жуков.

Мистер Томсон сидел неподвижно, молча. И никто его не видел таким покорным, каким он показался сейчас.

— Все, мистер Томсон. Вы поняли, что вам нужно сделать?

— О да. Я понял.

— Больше никаких дел к вам у меня нет! Гуд бай¹.

— Гуд бай,— с чувством неприязни пробурчал мистер Томсон.

И грузная фигура его скрылась за меховой занавеской.

— Негодяй! — тихо сказал Андрей по-чукотски вслед мистеру Томсону.

Солнце, дойдя до самой макушки неба, пошло вниз. Охотники толпились на улице и без конца говорили об этой удивительной новости. Ай-я-яй, какая новость! Есть что рассказать, когда будешь ехать по береговым стойбищам! С такой новостью непременно будешь желанным гостем в каждой яранге.

Ярак стоял в центре толпы, рассказывал все, что он слышал, и, путая, по-своему излагал разговор белых людей. Но, несмотря на это, смысл события был ясен всем.

Ваамчо больше всего поразило, что белые люди, оказывается, могут быть друзьями и бедных охотников.

Солнце уже приближалось к земле, а люди все говорили и говорили. Ночной мороз вновь стал схватывать влажный снег. Алитет поторопился уехать из стойбища, и его нарта давно скрылась за склоном горы. Было о чем поговорить!

Андрею предложили свежую тюленью печеньку. В пологе сидели Айе, Ваамчо, Ярак.

¹ До свиданья.

Все они робко разместились вокруг Жукова и тоже принялись за еду.

— Андрей, а куда теперь повезет Ваамчо шкуру белого медведя? — спросил Айе.

— Пусть продаст Чарли. Он будет торговать до наступления лета.

— А мне как быть? Чарли-Красный Нос не все товары отдал за песцов. А ведь песцы чужие. Эчавто будет ругать меня.

— Сходи к Чарли и получи остатки товаров. Или ты, Айе, все еще боишься Чарли?

— Нет. Теперь перестал бояться. И Алитет уехал. Бояться нечего! — весело воскликнул Айе.

Андрей напился чаю и вышел на улицу в окружении своих новых друзей.

Парни в один миг запрягли ему собак. Айе сутился больше всех, и только Ярак все еще недоверчиво присматривался к новому белому человеку.

Андрей вынул свои деревянные очки и надел их. Ярак вытащил из-за пазухи свои настоящие очки-консервы, подошел к Андрею и молча подал ему.

— О, вот это замечательно! Сколько тебе заплатить?

— Не надо, — ответил Ярак.

Андрей достал пять рублей и подал их Яраку.

— Зачем? — спросил Ярак.

— Купишиь себе другие.

— Нет. Чарли за бумажки ничего не даст. Он торгует только за шкурки.

— Скажешь, я велел продать очки. Это русские деньги, и он обязан их принимать.

Собаки сидели в упряжке, готовые ринуться в путь. Андрей прощался с охотниками:

— Ну, друзья, до свидания. Мы еще встретимся с вами.

Камчадальская упряжка с места взяла в галоп.

— Он сказал — друзья! — взволнованно проговорил Ваамчо, глядя вслед удаляющейся упряжке Андрея. — Вы слышали, что сказал этот Большой Начальник? А?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Капитан Гарри Браун, зажав в зубах трубку из корня орегонской сосны, стоял у штурвала своей шкуны «Поляр бэр», которая малым ходом шла в некотором отдалении от берегов Аляски.

Это был толстый, с угловатым корпусом человек, лет сорока. Желтая проолифенная зюйдвестка молодила его лицо. Сильные тяжелые руки Гарри Брауна были засунуты в карманы американской робы из синего демиса. Вся роба состояла из карманов, пристроенных красными нитками и прихваченных по всем четырем углам металлическими заклепками. Карманы топорщились от переполнявшего их содержимого. Они были всюду: на груди, на ногах около коленных суставов и на широких бедрах капитана. Казалось, эта роба служит Гарри Брауну вспомогательным складом.

Металлические пуговицы «радость холостяка» имели, однако, странное для «морского костюма» изображение: на них красовался паровоз.

Гарри Браун, практик-мореплаватель, не имел диплома не только капитана дальнего плавания, но даже и каботажного. Не было у него и знаков отличия. Но все это не мешало капитану прекрасно знать море. Он умел и любил совершать опасные рейсы по Ледовитому океану на своем «Полярном медведе», который,

если отбросить столь громкое название, был попросту контрабандной шкуной.

Кроме Гарри Брауна, экипаж шкуны состоял всего лишь из двух молодцов: расторопного верзилы — штурмана мистера Харлоу и добродушной шельмы — беспечного судового механика Джима, одновременно исполнявшего обязанности кока. Оба они щеголяли в таких же робах и зюйдвестках, как и капитан, и гордились этим, как несомненным признаком демократии на их небольшом кораблике, грузоподъемностью всего в сто двадцать тонн.

Втроем они стояли у штурвала, напряженно всматриваясь в толщу густого тумана, и, как ночные воры, осторожно пробирались на своем послушном судне в пролив вдоль берегов Аляски.

Странные вещи происходили в мире. Капитан Браун за свою морскую практику не один раз проходил в ясный, солнечный день мимо города Нома, где с давних пор жил таможенник мистер Керри. Они встречались каждую навигацию, как друзья:

— Алло, мистер Браун!

— Алло, мистер Керри!

Обменявшись любезностями, капитан брал курс на острова и затем спокойно шел к угрюмым, но богатым берегам Чукотского полуострова. Так было всегда.

— Но с некоторых пор эти прекрасные традиции Севера полетели к чертовой бабушке, рассеялись, как дым, — говорил мистер Браун.

Ни с того, ни с сего, может быть, в результате какой-то высокой политики, мистеру Керри вздумалось останавливать контрабандные шкуны и даже возвращать их домой. Впрочем, — это его частное дело. Капитан Браун настолько хорошо изучил пролив и воды, омывающие Чукотское побережье этой страны порто-франко¹, что может с завязанными глазами провести свою «Поляр бэр» в густом тумане мимо таможни мистера Керри, не потревожив его покой.

¹ П о р т о - ф р а н к о — беспошлинный безакцизный ввоз товаров из-за границы.

Туман рассеялся во-время. Аляска осталась позади. Во всем блеске показалось ослепительно яркое полярное солнце, и разреженные пловучие голубые льды засверкали спокойными, ласковыми переливами. Поплавшее судно быстро продвигалось вперед, лавируя между льдами, как собачья упряжка среди нагромождений торосов. У всех трех членов экипажа «Поляр бэр» было превосходное настроение: наконец-то мистер Браун, мистер Харлоу и кок Джим вырвались из душной Америки «на дачу», в просторы Арктики!

Русские отсюда далеко, занимаются революцией, и надо же кому-нибудь снабжать табаком охотников побережья, добывающих уйму белоснежных песцов.

Так думали эти веселые, рассудительные молодцы.

Капитан Браун, как и его друзья по дальнему плаванию, чувствовал себя в этих водах несравненно лучше, чем дома. Прозрачный, чистый воздух, интересное, прибыльное занятие способствовали и отличному аппетиту.

Кок Джим ради удовольствия пристрелил моржа, безмятежно дремавшего на пловучей льдине. Джим ловко спрыгнул на лед, быстро вспорол ему живот и вырезал огромную печеньку. Затем он кувалдой выбил из черепа бивни на память о рейсе, и шкуна, не задерживаясь, пошла полным ходом по открывшейся чистой воде.

Вскоре «Поляр бэр» бросила якорь у берега, где стояли три чукотские яранги. От берега сразу же отвалила кожаная байдарка, в которой разместились все люди стойбища, даже грудные дети и старики. Кому же хочется оставаться на берегу, когда можно посмотреть торг на борту американской шкуны?

Люди быстро вскарабкались на борт «Поляр бэр» и с необычайным любопытством стали рассматривать американцев и разные грузы, принайтованные¹ на палубе судна.

Пловучий магазин капитана Брауна очень привлекал охотников: здесь угождали не только едой, но и выпивкой. А ведь после выпивки у каждого человека

¹ Принайтованные — укрепленные.

сердце становится добрым, веселым, и торговать тогда особенно приятно.

Мистер Браун отлично знал чукотский язык и был не сконч. Он сразу же распорядился напоить чаем всех прибывших на борт и даже выдать по два кружка содовых галет на каждого. Охотники с наслаждением пили чай здесь же, прямо на палубе.

Мистер Браун с улыбкой благодетеля спросил:

— Много песцов на берегу?

— Очень много! И белых медведей очень много! Лисы, горностаи, евражки, волчьи шкуры есть,— ответил старик-охотник.

— Еще ни одна шкуна не проходила. Ты самый первый пришел в это лето,— добавил другой.

— Чарли-Красный Нос за зиму много купил песцов?

— Очень много! Очень много! — бесхитростно ответил пожилой охотник, дохлебывая чай.— Всех песцов я продал ему. Только три осталось для тебя. Вот они — в мешке.

— Немного мозгов в твоей коробке. Разве ты не знаешь, что Чарли-Красный Нос — жулик? А ты все отнес ему! Ты должен был всех песцов оставить для меня. Прошлое лето я плохо торговал с тобой? Разве мало ты от меня получил товаров? Разве Чарли-Красный Нос торгует лучше? Э-э! Голова твоя работает совсем не важно. Птички мозги в ней,— укоризненно сказал мистер Браун.

Он постучал толстым, узловатым пальцем по обнаженной голове охотника, испытующе глядя на него.

Охотник встал, виновато усмехнулся и, неловко переминаясь с ноги на ногу, сказал:

— Только зимой надо было купить ружье. Патронов нехватило. Табак весь вышел, и чаю не было.

Мистер Браун перебил его:

— А песцы в мешке у тебя хорошие? Может быть, недопески оставил для меня? То, что не взял Чарли-Красный Нос?

— Нет, недопесков нет. Хорошие песцы.

— Ну, полезай за мной!

Капитан Браун спустился в небольшой, уже открытый кормовой трюм. Он сел на один из многочисленных ящиков и ловко вытянул из грудного кармана две изящные пластинки жевательной серы. Одну пластинку он бросил охотнику, который чуть-чуть не поймал ее ртом. Развернув бумажку второй, капитан Браун всунул серу в свой блестевший золотом рот. Потом он небрежно вытянул из заднего кармана плоскую бутылку виски и бросил на охотника лукавый взгляд.

Кровь прилила к лицу охотника. Глаза его заблестели.

— Думал я, что ты мой приятель,— сказал мистер Браун, подбрасывая и на лету хватая бутылку,— оказалось, приятель у тебя — Чарли-Красный Нос,— и капитан замедленным движением водворил бутылку на прежнее место.

— Медвежья шкура еще есть у меня в яранге! — воскликнул охотник.

— Медведь? Олл райт! Значит, ты кое-что еще соображаешь. Тогда я продолжаю считать тебя своим приятелем.

Капитан Браун вытащил из подколенного кармана складную кружку.

— На, держи!

Выплюнув жвачку прямо из трюма за борт «Поляр бэр», сам капитан Браун сделал несколько глотков из бутылки.

Предвкушая удовольствие, охотник держал кружку в руках, улыбался и глядел капитану в рот. Потом он медленно извлек двумя пальцами жвачку, зажал серу в кулаке и единым махом вылил в себя виски.

— Хорошо-о-о! — нараспев протянул он.

Капитан Браун налил еще, не давая закуски, да и сам охотник не пожелал бы закуской портить вкус огненной воды.

— О, такого капитана, как я, ты не увидишь,— сказал мистер Браун.

— Очень хороший капитан, очень хороший. Добрый капитан,— расхваливал его охотник заплетающимся языком, потом крикнул из трюма: — Човка! Скорей привези медвежью шкуру из моей яранги.

Вскоре торг был закончен. Мистер Браун вышел на палубу и распорядился готовить машину.

— Мистер Браун,— сказал штурман Харлоу,— Джим занят: у него в машинном отделении девушка.

— Год дэм! Надо же знать, когда можно предаваться любовным утехам! Нам нужно спешить закончить дело,— недовольно пробурчал капитан Браун.

«Поляр бэр» взяла курс на север. Море не шелохнется. Шкуна быстро идет вдоль побережья. Тучи птиц с криком отрываются от скалистых берегов, потревоженные холостым выстрелом. Они кружатся, как снежинки в пургу. Море чисто от льда. Все предвещает удачный рейс. Капитан Браун стоит у штурвала и рассматривает вдаль.

— Ну, как начало, мистер Браун?

— Вери гуд, мистер Харлоу. Этот парень теперь является владельцем американских товаров ровно на одиннадцать долларов и пятьдесят два цента. Песец накруг обошелся по два с половиной доллара. Медведь жина, правда, неважная, но, ей-же-ей, в Америке она стоит немного дороже, чем я заплатил за нее.

Они весело захохотали, оглашая звонким здоровым смехом безлюдное побережье.

Мистер Браун, как и члены его экипажа — мистер Харлоу и кок Джим, не был настоящим янки. В Америку они эмигрировали из-за океана и жили, занимаясь самыми различными делами. Они искоlesили Америку вдоль и поперек. Мексику и Калифорнию они знали так же хорошо, как Аляску и Чукотское побережье.

Пять лет назад они составили маленькое акционерное общество, приобрели шкуну, назвали ее «Поляр бэр», что означает «Полярный медведь», и сказали ей: «Ну, мамаша, вези нас к этим самым белым медведям!» Они устремились к берегам Чукотки попытать счастья, зная, что доступ к ней свободен кому угодно и когда угодно. Страна открытых возможностей, страна портофранко.

За долгую зиму мистер Браун снарядил в Америке свою очередную экспедицию. Он рыскал по складам

залежалых товаров в Сиэтле, во Фриско, как они называли Сан-Франциско, и за бесценок скапал эти товары, давно утратившие свою первоначальную ценность. На берегах Чукотки эти товары вызывали восторженный блеск в глазах охотников.

— Мистер Харлоу, я думаю, не бросить ли нам якорь на траверзе стойбища Лорен? Этот старый битюг Чарльз Томсон с ума сойдет, когда мы ему расскажем новости этого года. Он предпочитает, правда, прошлогодние новости, но, год дэм, мы ему насилино расскажем. Пусть проглотит эту не совсем вкусную пилюльку.

— Мистер Браун, я представляю взрыв его негодования! Когда он узнает, что Норд-компани направляет сюда из Ванкувера огромный пароход «Бичаймо», у него тридцать дней и тридцать ночей будет пухнуть рыжая голова.

— О, мистер Харлоу! Он с расстройства проглотит свои окуляры!

И опять американцы залились веселым смехом.

Вдали тускло заблестела оцинкованная крыша склада мистера Чарльза Томсона.

Не успела шкуна «Поляр бэр» стать на якорь, как чукотская байдара на веслах под многоголосые окрики понеслась навстречу шкуне. Вместе с охотниками в байдаре сидел и Чарльз Томсон.

— Алло! Мистер Браун! — крикнул он, взбираясь по коротенькому штурм-трапу.

Мистер Харлоу подскочил к борту и, подав длинную руку, ловко втащил на палубу тяжелое тело мистера Томсона. Они сразу прошли в тесный кубрик, где уже распоряжался капитан.

Мистер Томсон погрузился в кресло. Справа сел капитан Браун, слева — Харлоу.

Джим с подчеркнутой любезностью, расшаркиваясь, поставил на стол дымящийся кофе и фрукты.

— Плизс¹, мистер Томсон! У вас ведь не растут здесь апельсины? Попробуйте и перенеситесь на миг в цивилизованный мир,—предложил капитан Браун.

¹ Пожалуйста.

— Тэнкью¹, я предпочитаю набить трубку свежим табаком «Принц Альберт».

Мистер Харлоу не замедлил подать ему изящную коробочку с изображением на ней элегантного джентльмена с бородкой и во фраке — принца Альбера.

Мистер Томсон затянулся ароматным табаком и выдавил из себя:

— Какие новости в Америке, мистер Браун?

— Окей!² — засмеялся капитан. — С каких это пор вы стали, мистер Томсон, преждевременно интересоваться новостями цивилизованного мира? Разве вы не узнаете их в свое время из газет будущего года?

— Боюсь умереть, мистер Браун, до того. В моей жизни наступило такое время, что новости надо знать немедленно же, при их зарождении.

— О, мистер Томсон, вы правы! Это закон делового человека. Промедление стоит денег! Ну, что ж, извольте. Новостей очень много, мистер Томсон. Вагон новостей!

— Больше вагона, мистер Браун! Целый пароход «Бичаймо»! — торопливо вставил штурман Харлоу.

— Короче говоря, мистер Томсон, мы вместе с вами оказались в водовороте большой международной политики. Страны делают у себя эту самую политику, а наши карманы почему-то должны трещать. Да, да, мистер Томсон, именно трещать! Я вас спрашиваю: скажите вы мне, мистер Томсон, вы, умудренный опытом долголетней жизни, что это такое? — Капитан Браун помолчал, потянул трубку и продолжал: — Вот даже здесь, в этом заброшенном собачьем углу? Казалось, кому он нужен? А? Кто из больших деловых людей захочет пачкать свои руки об этот тюлений жир? И вот, мистер Томсон, находятся люди, и большие люди, которые уже протягивают сюда свои жадные, ненасытные лапы. Нас, маленьких рыбешек, эти акулы слопают живьем, без остатка и без малейшего чувства жалости, мистер Томсон, — капитан Браун сделал такую кислую гри-

¹ Благодарю.

² Хорошо, есть.

масу, что одним своим видом мог расстроить самого твердокаменного человека.— И здесь, мистер Томсон, связывают нас по рукам и ногам.

— Но кто же связывает? — тихо и как будто спокойно, но все же с оттенком тревоги спросил Чарльз Томсон.

— Политика, мистер Томсон, политика. Революции всякие. Вы знаете, конечно, мистер Томсон, о русской революции тысяча девятьсот семнадцатого года?

— О, да, знаю.

— А известно ли вам, мистер Томсон, что эта русская революция вначале была только около Москвы?

— Да, я читал прессу.

— Ну, а сейчас, смею вам доложить, вы отстали на один очень интересный год. Теперь, в тысяча девятьсот двадцать третьем году, мы с вами имеем честь разговаривать в большевистских водах. Как вам это понравится, мистер Томсон? Не правда ли, что эти большевики оказались ловкими парнями? Но это еще не беда! Беда в другом. Большевики сдали Норд-компани всю организацию торговли на Камчатке и Чукотском побережье. Это, видите ли, концессия, дорогой мой мистер Томсон. И не позднее как через один месяц эти унылые берега огласятся громовыми гудками ванкуверских пароходов. Они будут реветь здесь, как шакалы в пустыне. От одного их рева может лопнуть сердце. Вы знаете, мистер Томсон, что пароход «Бичаймо» Норд-компани стоит уже у причалов Фриско? Это десять тысяч тонн груза, мистер Томсон! — Капитан Браун помолчал, набил трубку и пыхнул клубами дыма.— Десять тысяч тонн, мистер Томсон! Это не то, что сто двадцать тонн моей бедной «Поляр бэр».

Прислушиваясь к каждому слову капитана, мистер Томсон даже затаил дыхание. Правда, о концессии он сам знал уже из газет, но до сих пор не верил в это предприятие. Смешно подумать, что Норд-компани заинтересуется этим краем. Компания, располагающая флотом в сто сорок кораблей! Но капитан Браун рассеял эти сомнения. Роковая действительность воочию нависла над Чарльзом Томсоном. Ему показалось, что он уже видит стоящий во Фриско пароход «Бичаймо».

Между тем капитан Браун продолжал сообщать новости, намеренно сгущая краски.

— Вы знаете, мистер Томсон, Норд-компани настроит здесь пушные фактории, как на берегах Гудзона залива, навезет уйму настоящих, первосортных товаров. Вы понимаете, мистер Томсон, чем все это пахнет? От одного этого запаха бежать хочется! И некуда больше бежать, кроме как на Марс,— разводя руками, проговорил капитан Браун.— Судя по американской прессе,— продолжал он,— торговля здесь будет монополизирована и строго регламентироваться лимитами как на пушнину, так и на товары. Этого требует русское правительство. Да, чего доброго, эти парни из большевистской России вздумают контролировать Норд-компани! И вот посмотрите тогда, что здесь будет. Вы думаете, мистер Томсон, этот дикарь, который до сего времени давал нам с вами немного на жизнь, пойдет торговать к вам или ко мне, если мы не захотим отдать ему товары себе в убыток? Ноу! У него найдется крупица мозга или хотя бы звериного чутья для того, чтобы определить, по какому следу лучше итти. Будьте уверены, мистер Томсон!

Мистер Томсон снял роговые очки и без всякой надобности протер их. В глубоких морщинах выступил пот. И в этот момент капитана Брауна озарила блестящая мысль: нельзя ли как-нибудь воспользоваться этим положением и ухватиться за пушнину, на которой сидит эта старая обезьяна?

— Должен вас еще огорчить, любезный мистер Томсон. Вероятно, представитель вашей фирмы больше не заглянет сюда. Нелегально он не захочет пройти линию таможни мистера Керри.

— Это совершенно точно,— уловив замысел капитана, подтвердил мистер Харлоу.

— Да, да, мистер Томсон! — продолжал капитан.— И вы можете оказаться в положении человека, под которым гниет пушнина. Мы — другое дело. У нас — риск. Прокользнули — и все. А ведь ваш Олаф представляет вполне порядочную фирму. И шкуна его — полторы тысячи тонн!.. Вот новости, мистер Томсон.

Капитан Браун встал, плонул в иллюминатор и зашагал по тесному «салону».

— Что же мне делать с пушниной? — испуганно спросил мистер Томсон.

— Подумайте!.. А теперь, старожил, порекомендуйте мне, в каком месте бросить якорь, чтобы возможно скорей закончить свой рейс. Не исключено, что какая-нибудь советская канонерка заглянет сюда и отведет меня в нежелательный порт. О, я начинаю верить в этих советских парней!

Мистер Томсон встал, еще раз протер очки и как-то неопределенно тихо сказал:

— Сами увидите, где... А впрочем, бросьте якорь в Энмакай. Говорят, у Алитета в этом году кое-что есть.

Мистер Томсон сошел в байдарку с тяжелым чувством.

— Гуд бай, мистер Браун! Хорошо, торгуйте с Алитетом. Потом вы поймете, что это в наших общих интересах.

— Олл райт, мистер Томсон!

Застучало сердце «Поляр бэр». Вздернутые паруса подхватили попутный ветерок, и «Полярный медведь» понесся дальше, на север, под двойной тягой.

— Что вы думаете, мистер Харлоу, о самочувствии мистера Томсона?

— Я думаю, мистер Браун, что у него непременно в ближайшую же ночь лопнет сердце.

Контрабандисты рассмеялись. Мистер Харлоу вытащил из кармана плоскую бутылку и сделал несколько глотков.

— И если у него действительно начнет трещать сердце, а это, несомненно, так и будет, тогда на обратном пути вам, мистер Браун, имеет смысл жениться на Мэри. Нам не купить столько хвостов, сколько за зиму купил этот почтенный сэр.

Капитан прищелкнул языком и полусерьезно сказал:

— Окей, мистер Харлоу! С такой наследницей при всех строгостях финансовых законов легко открывают сейфы вашингтонского Докстер Хоттон, националь-

ного банка. Пожалуй, это лучший ход, чем тот, который я замышлял, беседуя с папашей.

Мистер Харлоу угодливо хихикнул и сказал вкрадчиво:

— Говорят, он имеет там счетик в пару сот тысяч долларов. В Америке с такими деньгами кое-что можно наладить...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В это лето стойбище Энмакай внешне очень изменилось. Недалеко от яранги Алитета красовалась постройка, какие бывают только у таньгов. Эта постройка принадлежала Алитету и служила складом. Стены его, сделанные из американской дрели¹, натянутой на столбики, пропускали много света, и поэтому в складе не было ни одного окна. Крыша склада, так же как и у мистера Томсона, блестела гофрированным оцинкованным железом. Она нагревалась даже от слабых лучей солнца, пробивавшихся через облака. В складе было сухо. Издали склад напоминал большой богатый дом.

Но богатство было внутри: на длинных моржовых ремнях в пять рядов, парами и четверками, висели белые песцы, красные лисы, сиводушки и полярные волки — всего около тысячи хвостов. В одном углу лежали аккуратно сложенные выделанные шкуры белых медведей. Другой угол заполняла целая гора моржовых бивней и пластин китового уса.

Алитет любил заходить в склад. Он каждый раз тщательно осматривал шкурки, встряхивая их за хвосты. Такого большого количества пушнины у Алитета никогда еще не было! Чарли помог стать ему настоящим торговым человеком. Глаза Алитета светились, когда ему приходили в голову мысли о большом торге, который он поведет в это лето.

И сегодня Алитет заходил в склад уже несколько раз, и всегда опытным глазом он обнаруживал какой-нибудь недостаток: то песцы не так висели к свету, то

¹ Дрель — легкая парусина.

лисы казались недостаточно обезжиренными, то нужно было проверить еще раз медвежьи шкуры. Из склада раздавался его повелительный голос, и на зов опрометью вбегал Туматуге.

Он быстро снимал шкурку и здесь же начинал тереть мездру ржаной мукою, сдирая остатки жира,— он и не подозревал, что из этой муки делается хлеб.

Торговый склад еще больше поднял значение Алитета в глазах охотников всей округи. И лишь Баамчо да старик Бааль недружелюбно относились к этой вновь появившейся в их стойбище постройке.

В склад вошла Аттенеут, молодая женщина,— третья жена Алитета, родная сестра первой жены Наргинаут. Алитет привез ее совсем недавно. Он отнял ее у Кайно, не оставив ему даже плохой собаки.

— Туматуге, поучи Аттенеут обрабатывать шкурки. Ей негде было научиться такой работе. Ее муж Кайно — дрянной охотник, она редко держала в руках песьца.

Сделав еще кое-какие распоряжения, Алитет с важностью вышел из склада и медленным, размеренным шагом направился к вышке, стоящей на холме.

С этой вышки Алитет обычно следил за проходившими стадами моржей и разглядывал все, что делалось на море. Столб этой вышки, найденный на берегу, по-видимому, когда-то служил мачтой на старинном фрегате. У основания мачты был искусно вырезан бюст вельможи времен Екатерины Второй в отлично сделанном парике.

Теперь мачта стояла на берегу, вкопанная в землю; из травы выглядывала голова вельможи. Набитые на мачту планки лесенкой вели на марс¹.

Алитет взобрался на вышку и, глянув в бинокль, вдруг заорал во весь голос:

— Пароход! Пароход!

Из яранг выбежали люди, залаяли собаки, потревоженные всеобщей суматохой. Люди напряженно

¹ М арс — небольшая площадка на мачте, на месте соединения ее частей.

всматривались в чистое ото льда море. Аллитет слез с вышки, сунул бинокль в руки Туматуге и сказал:

— Полезай, смотри и узнавай, какой пароход!

Туматуге быстро вскарабкался на вышку. Каждому хотелось залезть на нее и посмотреть оттуда, но Аллитет никому, кроме Туматуге, не разрешал пользоваться вышкой.

— Аллитет! Шкуна идет! Браун идет! — пронзительно закричал Туматуге.

Аллитет подбежал к вышке.

— Пароход или шкуна?

— Шкуна, Аллитет, с парусами.

— Хорошенько разгляди!

— Эгей! — ответил Туматуге и еще с большим напряжением стал вглядываться в маленькое суденышко, шедшее вдоль берегов. — Это шкуна, Аллитет. Мои глаза хорошо видят. Я узнал Брауна. На шкуне две мачты.

— Когда шкуна остановится здесь, — сказал Аллитет окружившим его охотникам, — не сметь переправляться на нее. Пусть сами американцы едут к нам на берег. У них есть маленькая лодка.

Распорядившись, Аллитет ушел к себе в полог. Он снял меховую рубашку и надел клетчатую, американскую.

— Тыгрена, сбрось меховую одежду, надень матерчатую. Сейчас американцы приплывут. Быстро делай суп из оленины. Только с солью, как учил я. Смотри, опять не забудь. Таньги не любят без соли. Круглые таньгины корытца, железные пальцы, ножи — все чтобы было, как у Чарли, на столе. Мясо нажарить без воды, с одним белым таньгинским жиром. Когда таньги начнут есть, мясо не хватай руками, бери железными пальцами..

Вздохнув, Тыгрена кивнула головой. Предстоял тяжелый труд по приготовлению американской еды. Приятней кормить собак грязным мясом.

Каждая из жен Аллита имела свои обязанности. Одна ведала собаками, другая — домашним хозяйством, третья выполняла разные поручения. В последнее время Аллитет обучил Тыгрену приготовлению пищи

по-американски. Правда, Алитет сам плохо знал, как приготовить такую пищу.

Он купил горчицу, перец, лук и другие специи. В хозяйстве появились тарелки, вилки и прочие предметы, которые он видел на столе Чарли.

Конечно, эту таньгинскую пищу никто из семьи, в том числе и сам Алитет, не хотел даже и пробовать. Но бывает же проездом какой-нибудь таныг, вот тогда и следует показать, что Алитет — настоящий американ. В такие дни Тыгрена сбрасывала с себя шкуры и надевала матерчатое платье. Так хотел Алитет, и он с настойчивостью вводил этот новый быт, чуждый даже ему самому.

Алитет притащил ящик, в котором хранились лук, соль, грибы, томат-соус, сушеный картофель, перец — и кто его знает, какой только еды не было в этом ящике!

«Попробуй сделай из всего этого варево,— думала Тыгрена.— Такую еду собаки не станут есть. И зачем портить хорошую оленину всей этой дрянью, разложенной по коробочкам?»

Тыгрена с брезгливостью посмотрела на таньгинские продукты и зажала нос. Эти продукты неприятно взять и в руки. С отвращением она взяла луковицу и стала резать ее прямо на полу. Вдруг она почувствовала острую боль в глазах, потекли слезы. Она швырнула луковицу в сторону и закрыла глаза, сильно потирая их рукой.

«Зачем портить оленье мясо и класть рядом с ним дурно пахнущий лук? Или эту соль, которая разъедает язык, весь рот и от которой тошнит?»

Тыгрена открыла баночку с перцем и внимательно стала рассматривать этот черный песок. Она набралась храбрости и, решив попробовать эту таньгинскую пищу, насыпала его себе на язык прямо из коробочки. Тыгрена с ужасным криком выбежала на улицу, бросилась на землю и торопливо стала лизать траву, очищая язык.

Подошел Алитет.

— Что ты воешь, как волчиха? — равнодушно спросил он.

— Таньгинской пищи попробовала,— простонала Тыгрена.— Наверное, я сейчас разорвусь.

— Безумная, это без привычки. Едят же таньги и не разрываются. Привыкнешь и ты. Шкуна скоро пойдет. Иди скорей, делай американскую еду.

Лицо Тыгрены раскраснелось, во рту будто кто-то развел костер. Она поднялась и вернулась в полог.

В котле уже варились мясо. Как хорошо оно пахло! Это была настоящая еда. А вот теперь надо делать ее американской, портить.

Тыгрена бросила в котел горсть соли, подумала немного и бросила другую, третью горсть. С брезгливостью она тряхнула рукой и вытерла ее о свои торбаза.

Она заглянула в ящик и задумалась. Из какой же коробки еще положить в котел таньгинской пищи? Постепенно она набросала в котел содержимое всех баночек и коробочек, попробовала варево, сплюнула и сказала:

— Любят же таньги такую отвратительную еду!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Шкуна «Поляр бэр» на полном ходу подошла к стойбищу Энмакай. Она лихо развернулась и остановилась, словно в тихой заводи.

— Отдать якорь! — скомандовал капитан Браун и сам вручную начал спускать якорь. Сверкнув лапами, якорь на тонкой цепи юркнул в воду. Штурман Харлоу убрал и закрепил паруса. Шкуну развернуло по течению.

Американцы прохаживались по палубе, а люди стойбища Энмакай столпились на берегу, сгорая от любопытства. Почему-то Алитет не велел ездить на шкуну. Почему он так решил, никто из людей понять не мог. Пожалуй, Алитет делается таньгом. Все чаще и чаще его поступки становятся непонятными, как и поступки белых людей.

— Чорт возьми, что же они болтаются на берегу и как будто не собираются к нам на борт? Джим,

покрути сирену! — негодуя, распорядился капитан Браун.

Джим схватил ручку сирены и начал крутить изо всей мочи. Сирена пронзительно завыла. Видно было, что людям на берегу это занятие Джима очень понравилось. Люди даже перестали бросать камешки в море. Но и только.

Капитан Браун в бинокль рассматривал берег.

— Есть ли на чем им переехать, мистер Браун?

— Не говорите глупостей, мистер Харлоу! Разве вы не видите на берегу байдар и даже вельбота? — сказал вконец раздраженный капитан.

— Вероятно, эти дикари сегодня объелись моржатиной и им лень даже столкнуть байдарку с берега, — уже в тон капитану сказал мистер Харлоу.

— Джим, приготовить к спуску нашу шлюпку!

— Есть приготовить шлюпку, мистер Браун!

Оставив на якоре «Поляр бэр», весь экипаж шкуны отбыл на берег.

Алитет, следивший за американцами в щелку своего склада, только теперь вышел и неторопливо направился им навстречу. Своей клетчатой рубашкой Алитет резко выделялся из толпы. Не забыл Алитет повесить на глаза и американский козырек от солнца.

— Алло, Алитет! — крикнул капитан Браун со шлюпки.

И когда шлюпка носом уткнулась в гальку, люди подхватили ее и волоком вытащили на берег с сидевшими в ней американцами.

— Почему так долго не хотел приехать на шкуну? Бедным человеком стал? Не на что выменять товары? Или, может быть, не нужны тебе товары? — спросил мистер Браун, здороваясь с Алитетом.

— Товары нужны даже и глупому охотнику. Мне тоже нужны, и песцы у меня есть. Видишь, какой склад стоит?

— О, склад хороший! Так почему же ты не поспешил на шкуну?

— Байдары привязаны на вешалах, вельбот жалко гонять по пустякам, а твоя лодка всегда наготове. Я же знал, что у тебя есть маленькая лодка.

Американцы направились в стойбище. Вслед за ними ринулась вся толпа, но Алитет остановил ее взмахом руки. Люди вернулись к берегу.

— Огромный склад! — заметил Браун. — Теперь я вижу, что ты становишься настоящим торговым человеком. Олл райт!

Алитет хитро усмехнулся и, проходя мимо склада, остановил гостей. Показывая рукой на склад, он с гордостью сказал:

— Здесь много песцов. Все песцы белы, как снег. Все обезжирены. Если много хороших товаров привез, устроим большой торг. Если мало — буду ждать другую шкуру.

Капитан Браун сделал вид, что не слышит Алитета, и поспешил в склад. Американцы вошли в склад солидно, как настоящие покупатели. Их взору представилась совершенно неожиданная картина. Глаза контрабандистов загорелись.

— Окей! Здесь есть дело. Ого, и еще какое! — сказал по-английски капитан Браун, обращаясь к своим компаниям.

Сдерживая свой восторг, капитан Браун, не торопясь, по-деловому, прошелся вдоль линии висевших песцов, кое-где встряхнул за хвосты шкурки и, возвращаясь к Алитету, на ходу небрежно сказал:

— Недопески есть!

— Не-е-е, — покачивая головой, с хитренькой улыбкой ответил Алитет. — Недопесков нет, — и, обращаясь к Туматуге, строго сказал: — Скорей принеси из яранги недопеска!

Туматуге мигом притащил черноватого песца с очень короткой остью, с подпалинами на боках и подал его Алитету.

— Вот какой недопесок! Смотри, Браун! Ты торгующий человек, будешь знать, какой недопесок. Я таких не держу в складе. Недопески у меня валяются в яранге. Из них мои женщины шьют рукавицы. А эти песцы — самые лучшие песцы. Посмотри хорошо. Прошлая зима много дала хороших песцов. Охотники не помнят такой зимы. Даже мой отец Корауге не

помнит такой зимы. Очень хорошие песцы! — убеждал Алитет.

— Окей! Много товара ты получишь от меня, Алитет. Ох, как много! — сказал мистер Браун, выходя из склада с таким видом, как будто песцы совсем его и не интересуют.— Ну, Алитет, а теперь поедем в гости ко мне на шкуну. Кстати, посмотришь и мои товары.

— Я хочу смотреть их здесь, на берегу. Я на моржей перестал ходить. Разлюбил море. А сначала кушать пойдем в мою ярангу. Я очень люблю угощать американского человека. Велел сварить хорошего оленя. И варево сделано по-американски. Очень я хочу угощать.

— А все-таки, может быть, на шкуну ко мне поедем?

Алитет сделал гримасу и решительно отверг предложение.

— Джим, слетай на шкуну и быстро привези алкоголь, да побольше. Не мешкай! — распорядился капитан.

Джим подмигнул и молниеносно исчез.

— Только я хочу один торговать с тобой,— сказал Алитет капитану.— Я не хочу, чтобы твои товары попадали другим охотникам. Есть тут охотник Ваамчо. У него три песца. Наверно, он тоже захочет с тобой торговать. Если с ним будешь вести торг, я тогда закрою свой склад.

— О, я понимаю! Зачем мне его три песца? Пусть другая шкуна собирает по три песца. Я хочу вести торг оптом, с тобой.

Джим не заставил себя долго ждать. Американцы шумно ввалились в полог Алитета и расположились на новых пушистых оленьих шкурах.

В пологе хозяйничала Тыгрена, одетая в европейское платье. Она очень смущилась, когда американцы трясли ее руку и говорили что-то совсем непонятное. Еще никогда она не здоровалась за руку. А Джим не заметно даже слегка ушипнул Тыгрену.

Вскоре на низком столике появились тарелки, вилки, ложки и полная кастрюля жирного супа.

— Окей! Вот это как в американском ресторане! — подмигнув своим компаньонам, воскликнул капитан и лежа придвинулся к столику.

В полулежачем положении американцы окружили столик; поджав ноги под себя, как Будда, уселся и Алитет.

— Джим, эта миссис, кажется, пришла к вам по вкусу? Недаром ваши белки поворачиваются в ее сторону на два румба, — сказал капитан.

— Но, мистер Браун, я замечаю, что и ваши глаза работают в том же направлении румба на три, — почтительно ответил Джим.

Американцы захохотали.

— Один я занят делом, — вставил мистер Харлоу, извлекая из чемоданчика бутылку виски.

— Кружки! — крикнул Алитет.

Тыгрена склонилась над столом между Джимом и мистером Харлоу, расставляя большие эмалированные кружки. Джим положил руку на спину Тыгрены.

— Джим, дьявол! Если бы ты так же крепко держал конец от парусов во время шторма, как эту миссис! — закричал капитан.

— Должен признаться, мистер Браун, она мне чертовски импонирует!

— Вы, Джим, беспечный человек. Вы забываете дело, чорт побери! Вы забываете, что в нашем общем деле двенадцать акций ваши, — деловито добавил мистер Харлоу.

Капитан Браун взял наполненную до краев кружку и поставил перед Алитетом.

— Я не хочу виски, — сказал Алитет, с ужимками пожимая плечами. — Чарли говорил, что настоящий торгующий человек виски пьет после торга. Это охотники, которые имеют два-три песца, пьют перед началом торга! Им нужно повеселить сердце. А мое сердце и без того веселое.

— Что за вздор наболтал тебе Чарли! Разве я не настоящий торговый человек? А, смотри, я тоже собираюсь выпить. Наоборот, настоящий деловой человек пьет перед началом торга. Я это знаю получше Чарли, — и капитан осушил свою кружку.

Мистер Харлоу в свою очередь пододвинул виски к Алитету, чокнулся с ним и сказал внушающе:

— Алитет хочет выпить со мной!

Но Алитет, зажмурив раскосые глаза подался спиной назад и, отмахиваясь руками, протянул:

— Не-не-не!

Американцы удивленно переглянулись.

— Мистер Харлоу, кажется, эта рыжая крыса, Чарльз Томсон, немного испортит нам дело. Это — его воспитание.

— О, йес¹, сэр! Я тоже такого мнения. Но мужества терять не следует. Он все равно не выдержит. Я вижу, как он уже начинает глотать слюну. Сейчас закусим и еще нальем.

Джим, проглотив ложку супа, бросил ее на стол и проговорил:

— Клянусь вам, мистер Браун, что эта бурда в моей тарелке содержит по крайней мере не меньше паунта соли, горчицы и перца.

— Джим! Имей в виду, что хозяина обижать нельзя. Видел, сколько хвостов висит в складе? Я готов глотать за них живых мышей,— сказал мистер Харлоу.

— В канатный ящик посажу на неделю, если эта тарелка не будет вылизана,— серьезно предупредил Джима капитан.

— О, да, мистер Браун! От души желаю и вам благополучного исхода после этого меню. Ну, а если что случится со мной, доставьте труп бедного Джима в Портланд моей мамаше,— сказал кок, и затем схватив тарелку, он с остервенением начал уничтожать суп.

Тыгрена сидела в углу полога, занимаясь шитьем. Она была любопытна, как нерпа, и искоса следила за американами, которые так охотно поедали эту пищу. Ей хотелось смеяться, но повода не было, а еда не должна вызывать смеха.

Американцы съели весь суп. Тыгрена наложила им сухого жареного мяса, также обильно сдобренного разными специями.

¹ О, да!

— Вот это настоящая еда! Приготовлена по-американски,— поощрительно сказал капитан.

Джим не удержался и прыснул от смеха.

— Ну, теперь под эту хорошую еду надо выпить, Алитет.

— Да, да. Вы пейте, пейте. Я только люблю угождать.

И опять американцам пришлось выпить одним.

Тыгrena не сводила глаз с американцев. Но больше всего Тыгрену удивил Алитет. Разве он таныг, что так жадно поедает эту негодную американскую пищу?

Покончив с обедом, до крайности надоевшим как американцам, так и самому Алитету, все вышли из полога, жадно глотая чистый воздух полной грудью.

Стояла редкая тишина, нарушаемая лишь шумом пролетавших неисчислимых стай уток. Они тянулись вдоль берега беспрерывным потоком, и казалось, не было конца этому великому переселению птицы на Север.

В стороне, там, где выходил в море плоский мысок, который пересекали утки, Алитет повесил на высоких столбах длинную сеть. Утки с лету втыкались головами в ячей сети, бились, трепыхались, и следующие стаи, заметив опасность, взмывали над мыском, минуя препятствие Алитета.

На рейде дремала шкуна «Поляр бэр». Американцы еще раз предложили Алитету посмотреть их товары на шкуне, но он отказался наотрез:

— Нет! Товары у всех одинаковы. Это не шкурки песцов: одни хорошие, другие плохие. Товары нечего смотреть. Будем сразу торговать на берегу.

Недовольные американцы вошли в склад. Мистер Браун, сдерживая волнение, молча ходил вокруг хвостов. Больной от дурного обеда, он раздраженно оглядывал пушнину, напоминая хищника, щелкающего зубами около поживы, которую не очень-то просто взять. Вот она, пушнинка! Можно считать ее уже своей, и в то же время чорт его знает, этого косоглазого дьявола, что он еще может придумать! Где это видано, чтобы дикарь отказался от виски? Не вместе ли они столковались с рыжим Томсоном, и теперь Алитет мо-

рочит голову старому, опытному в таких делах капитану? Но не совершил сделки с ним — надо быть свиньей или круглым идиотом. Нет, мистер Браун заберет все хвосты. Любой ценой! Любым способом из всех способов, известных ему из пиратской жизни.

— Окей! Будем торговать здесь, на берегу, в твоем отличном складе,— с наигранной веселостью сказал он Алитету и сел на груду медвежьих шкур, расставив широко ноги и положив на колена руки.— Какой товар ты хочешь, Алитет?

На коричневом лице Алитета засияла улыбка. Он мигом сорвался с места, подбежал к песцам и торопливо сдернул две шкурки. Потрясая ими перед самым носом капитана Брауна, он вкрадчиво сказал:

— Вот за них только табаку. Одного табаку!

— Кто же так торгует? Надо посчитать, сколько стоит вся твоя пушнина, и ты сразу получишь много товаров. Ты же не глупый охотник, а настоящий торговый человек.

— Да, я глупый. Мы все глупые. Я не умею сразу торговаться. И сам я покупал их не сразу, а все больше по одному хвосту. Будем торговаться понемножку.

— Ты с ума сошел, Алитет. Если понемножку торговаться, я простою здесь неделю. Нагонит льду, и мою шкуну выбросит на берег.

— Нет, не выбросит. Я знаю, льда не будет еще. Ты спроси у меня про лед. Я очень хорошо знаю. Подожди, я сбегаю посмотреть небо и тогда совсем верно скажу.

— Не надо смотреть,— раздраженно сказал капитан.

— Ну, хорошо, не надо!.. Вот так, давай за два песца табак. Один табак.

— Ого! Ты совсем разучился торговаться, что за пару песцов просишь один предмет! Разве ты видел на этом берегу, чтобы так торговали? Так и в Америке не торгуют.

— Мне много табаку надо. Ой, как много! Все тундровые люди обестабачены. Все хотят курить, а табаку нет. Как быть? — упорствовал Алитет.— Потом я посмотрю и, может быть, еще возьму табаку за две пары песцов. Все надо думать! Им что, этим тундровым

охотникам? Им давай только курить. А думать кто должен? Я, Алитет.

— Мистер Харлоу, поезжайте с Джимом на судно. Возьмите листовой табак «кентукки». Кроме того, захватите несколько ящиков плиточного «Блэк-неви» и жевательного табаку один ящик,— сказал капитан.

— Туматуге, и ты поезжай с ними, помочь будешь. Вельбот мой можно спустить теперь, а то их лодка мала для перевозки товаров,— распорядился Алитет.

Капитан молча прошелся по складу. Алитет шагал рядом с ним.

— Мы с тобой хорошо поторгуем, долго,— сказал он.— Торговля — веселое дело, как хороший праздник. Я скажу Тыгрене, чтобы и вечером и завтра был приготовлен такой обед, как нынче. Продукты есть у меня. Ничего. Хорошего человека накормить — не жалко продуктов.

При воспоминании об обеде мистер Браун икнул и ничего не ответил. Капитан совсем потерял самооблачение и долго не мог настроить себя на веселый лад, так необходимый при этой важной сделке.

В склад втаскивали тюк кентукского листового табака.

— Вот получай один тюк,— сказал мистер Браун, протягивая руку к первым песцам, висевшим на плече Алитета.

Алитет отдал песцов, на ходу отстегнул из четверки еще пару и, потряхивая ими, сказал:

— Еще табаку, вот за эти.

Лицо мистера Брауна передернулось, и он сердито сказал:

— Да, ты совсем разучился торговать! Я заплатил за пару песцов целый тюк табака для начала. А ты хочешь еще! Разве ты не знаешь, что этот тюк содержит сто английских паунтов?.. Так никто не торгует! И так торговать с тобой никто не станет. Ты думаешь, листовой табак «кентукки» валяется на американских берегах и его можно хватать, сколько хочешь? За него нужно заплатить доллары!.. Это совсем не то, что поймать пару песцов, которые бегают возле ваших яранг.

Алитет слушал, а думал свое: сколько же ему еще нужно табака?

И, еще немного помолчав, он сказал:

— Алитет хорошо знает, что табак этот растет на ваших берегах, как трава в долинах наших рек. Много растет его! Я знаю. Так мне Чарли говорил... На, бери еще два песца за другой тюк.

Притащили второй тюк. Торг на четырех песцов был закончен. Капитан с ужасом посмотрел на висевших песцов: их было около тысячи, а может быть, и того больше. Сколько времени потребуется на эту сделку с дикарем? Но теперь стало совершенно очевидно, что и товаров на шкуне нехватит при таком способе товарообмена.

Алитет, сложив один тюк на другой, присел на них. Табак, вот он, табак! Острый запах его щекотал ноздри. Алитет вспорол уголок на одном тюке и вытащил табачный лист. Набив трубку свежим табаком, он облегченно вздохнул, улыбнулся и закурил... Потом сдернул еще пару песцов и сказал:

— За эти плиточный табак! А потом я посмотрю и, может, еще возьму листового.

Разъяренный капитан Браун бросил Алитету вымененных песцов и приказал забрать товары обратно.

Джим не совсем вежливо столкнул Алитета с табачных тюков и вместе с мистером Харлоу потащил их из склада.

Улыбка на лице Алитета исчезла, брови нахмурились, и он набросился на Туматуге с криком:

— Безумный! Что же ты стоишь и руки твои опустились, будто нет в них костей? Надо помогать белым людям! Помогай же тащить им грузы на берег. Американскому человеку и я буду помогать.— И Алитет взялся за ящик.

Этой хитрой дикарской любезностью мистер Браун был взбешен окончательно.

— Не надо помогать нам! Мы сами перетащим груз! — заорал он и ухватил сразу два ящика.

— Ай-ай-ай! Самому капитану пришлось работать. Как жалко капитана! Только, наверно, ко мне

придет другая шкуна. А на Севере тебе плохо будет вести торг, придется таскать товары обратно в Америку.

Алитет вприпрыжку бежал за капитаном и продолжал выражать ему сочувствие:

— У северных охотников песцов нет. Которые были, висят теперь у меня в складе. Но это ничего. Поезжай, поезжай к ним, сам посмотришь. Может быть, они успели наловить для тебя черных летних недопесков?

Капитана Брауна взорвала эта насмешка, и он приказал Алитету замолчать.

Алитет вернулся в свой склад.

На берегу капитан встретил Ваамчо и старика Ваала. Чтобы чем-нибудь досадить Алитету, капитан Браун стал покупать тех самых песцов у Ваамчо, о которых его предупреждал Алитет.

— Ваамчо, у тебя есть три песца? Хочешь за них эти два тюка табака?

Ваамчо с недоумением посмотрел на капитана, а старик Вааль, улыбнувшись, сказал:

— Зачем нам столько? Ваамчо — не торгующий человек. Мы за всю жизнь не искурили два тюка.

Но Джим уже все погрузил в шлюпку, и американцы едва оттолкнулись от берега, как услышали крик бежавшего к ним Алитета.

— Подождите! Подождите! — кричал он.

Американцы опять причалили к берегу, предчувствуя торговую победу. Подбежал запыхавшийся Алитет и, вынимая из-за пазухи горностая, сказал капитану:

— На, возьми эту шкурку. Ведь я один листик искурил из твоего табачного тюка.

Мистер Браун, молча оттолкнув шлюпку, отвалил от берега.

«Поляр бэр» круто развернулась и легла на курс Нордкап.

Алитет залез на вышку и долго следил за шкуной, пока она не скрылась из вида.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Полуночное солнце уже купалось своим краем в холодном море. Яркокрасный закат охватил весь горизонт. Люди стойбища Энмакай спали крепко, и только детвора бросала в море камешки да старики бродили около яранг. Их день начинался, когда у всех настоящих охотников он кончался. Полярное ночное солнце возбуждало детей, и они рыскали вдоль берега, на бегу пережевывая морскую капусту, убегали в тундру, на озера, где собирали утиные яйца.

И только один из взрослых охотников, Туматуге, не спал. Алитет велел ему сидеть на вышке с биноклем и следить, не покажется ли еще какая-нибудь шкуна.

Алитет долго ворочался на шкурах и никак не мог заснуть. «Нехорошо, что Браун сильно рассердился. Может быть, он пустит слух, что Алитет плохой, и никто из капитанов не захочет подойти к Энмакай?» Разные дурные мысли овладевали Алитетом в ночной тишине и мешали заснуть ему.

«Поляр бэр» шла вдоль берегов, экипаж шкуны также был в дурном расположении духа.

— Как вы думаете, мистер Браун: хорошо ли мы делаем, возвращаясь к Алитету?

— Хорошего в этом очень мало, мистер Харлоу. Но что же лучшего вы можете порекомендовать в нашем положении? А вдруг опять проскользнет сюда на своей «Юконе» старик Стефансон? У него собачий нюх. Вы знаете, мистер Харлоу, этот Стефансон — потомок древних пиратов. В его жилах течет настоящая кровь англо-саксов. На протяжении веков они облазили все уголки во всех океанах. Уже везде и все на земном шаре прибрано к рукам. И вот на его долю остались здешние безлюдные места. Он уже несколько лет ползает сюда Чорт побери, он не упустит такого склада! Причем учтите, этот дьявол Алитет нам сообщил чистую правду. Я думаю, он действительно обобрал уже всех береговых охотников. Год дэм санвабич! Этот конкурент похуже рыжего Томсона. Благодарение богу, что мы, кажется, делаем сюда последний рейс. Такова ситуация, мистер Харлоу!

— Чорт с ним, мистер Браун. Все равно мы хорошо заработаем на его пушнине, даже при тех условиях торговли, которыми он вывел нас из терпения,— сказал штурман Харлоу.

— О, да! Но меньше, чем я предполагал. Собирать же песцов по побережью у охотников — долгая история. Мы очень удлиним рейс. А это теперь опасно.

Капитан Браун нагнулся над трубкой телеграфа и крикнул:

— Полный ход, Джим!

В полночь Алитет услышал голос Туматуге:

— Алитет, шкуна идет!

Алитет вскочил с юношеской быстротой. На ходу одеваясь, он подбежал к вышке.

— Браун обратно! — кричал Туматуге, показывая рукой в море.

Повелительным взмахом руки Алитет приказал Туматуге слезть и сам быстро вскарабкался на вышку. То, что он увидел, привело его в такой восторг, что от радости он чуть не свалился. Он узнал давно знакомую шкуну «Поляр бэр». Быстро спустился он вниз, и довольная усмешка пробежала по его лицу.

— Я пошел спать,— сказал он.— И чтобы никто не будил меня! Разве что только сам американ придет на берег и зайдет в мой полог, тогда пусть разбудит.

В пологе Алитет разделся догола, и вскоре в яранге послышался его ровный, спокойный храп.

«Поляр бэр» бросила якорь на прежнем месте, и американцы, уже не разыгрывая важных торговцев, сразу спустили шлюпку и прибыли на берег.

— Где Алитет? — спросил капитан Браун.

— Алитет спит. Не велел будить... Но если хочешь, ты можешь разбудить,— ответил Туматуге.

— Окей! — глухо сказал капитан.

И американцы направились в полог Алитета.

— А-а! Браун! — продирая глаза, проговорил Алитет.— Обратно, Браун? Я очень люблю американского человека.

— Ты прав, Алитет. Я подошел к мысу Якан, и там у охотников уже не было песцов. Им не на что было торгововать.

— Я знаю, я говорил тебе. Я очень люблю встречать американского человека,— сказал Алитет и, обращаясь к Тыгрене, распорядился: — Скоро, скоро делай суп по-американски! Такой же, как вчера, а мы пойдем пока в склад.

— Мистер Браун! — сказал Джим.— Вы разрешите мне помочь этой миссис приготовить варево. А то ведь опять он заставит нас жрать эту гнусную чертовню.

— Окей!.. Алитет, мой Джим поможет твоей жене приготовить еду. Он у меня тоже кок.

— Ай, ай, как хорошо! Пусть Джим научит Тыгрену. Мне надоело самому объяснять эту женскую работу.

В пологе остались Джим и Тыгрена. Джим выхванил из кармана поварской колпак, надел его и принял такую смешную позу, что Тыгрена расхохоталась. Затем он снял колпак, надел его на Тыгрену и с такой силой схватил ее в объятия, что у нее хрустнули кости.

Тыгрена задрожала от гнева, глаза налились злостью. Она вырвалась, схватила с пола окровавленный кусок оленевого мяса и со всей силой ударила им по лицу Джима.

— О-го-го! — проговорил Джим, стирая с лица оленевую кровь.— Отличная припарка. Клянусь капитаном, что я никак не ожидал этого. Нас с кэром начали преследовать неудачи!

Тыгрена не понимала, что по-английски говорил Джим. Она резко сказала:

— Вы все таньги, как бешеные собаки... И тот красноносый Чарли сделал меня тогда безумной... Айе дрался с ним, и я научилась драться.

Не понимая того, что говорит Тыгрена, но видя ее озлобление, Джим, растерянно улыбнувшись, сел на шкуру.

Тыгрена молча пододвинула Джиму оленье мясо и бросила ему нож. Джим взял его, посмотрел и жестами показал, что нож маленький. Он вытащил свой «Ремингтон», отрезал кусок мяса и стал отбивать такую дробь, что Тыгрена, глядя на него, опять расхохоталась. Ей показалось, что молодой американец шаманит. Так Корауге бил в свой бубен.

— Иди, иди сюда! Я научу тебя делать отбивные котлеты. Иди, иди,— жестами приглашал ее Джим.

Тыгрена подошла.

Джим отхватил еще кусок мяса и, передавая ей нож, сказал:

— Попробуй сделай так же.

Тыгрена стучала ножом и смеялась, не понимая, для чего так сильно надо бить оленину.

Джим смотрел на Тыгрену и впервые подумал: «А все-таки какие мы скоты! Ведь они же люди, со своими чувствами, со своими желаниями».

И странное дело: Джиму стыдно стало за свой поступок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Торг с Алитетом продолжался долго. К концу третьего дня в складе лежала гора товаров. Много охотников и даже женщин с радостью таскали грузы, и все до одурения курили свежий табак.

Алитет ползал по товарам, внимательно рассматривал каждый ящик, каждый тюк и рассуждал сам с собой: «Чего же здесь нехватает? Ой, уедет Браун, где тогда возьмешь недостающие товары? Голова может развалиться от дум».

Он сдергивал следующую пару песцов или лис и просил: еще табаку, патронов, виски, кумача, бус, ножей, иголок, капканов, винчестеров и много, много другого товара, необходимого в хозяйстве охотников.

— Ей-богу, мистер Браун, не хочет ли этот хитро-глазый чорт содрать с нас живых кожу? Клянусь вам, что он сдерет ее! — таская грузы, говорил Джим.

— Не волнуйся, Джим. Все идет пока сносно. Он все же дает нам немного дышать. Он поддался общему веселью, захлебывается от радости и становится сговорчивей,— успокаивал капитан Браун.

Песцы, лисы, сиводушки постепенно перекочевывали в брезентовые мешки мистера Брауна. Но и трюмы «Поляр бэр» освобождались от грузов. Довольный, сияющий Алитет ощупывал грузы, любовно похлопывал по винчестерам и все складывал и склады-

вал. Такого большого праздника еще не было в Энмакай!

К концу пятого дня крепыш Джим доложил:

— Мистер Браун, на борту «Поляр бэр» осталась только часть нашего экипажа — две крысы. Клянусь вам, им есть теперь где погулять!

Капитан Браун с тоской во взоре окинул взглядом остатки пушнины, медвежьи шкуры, моржовые бивни и китовый ус.

— Товары на шкуне кончились, Алитет. Больше ничего не осталось на шкуне,— и, хлопая его по плечу, капитан спросил: — Ну, как, доволен торгом, Алитет?

— Оч-ень хорошо! Оч-ень доволен!

— Хочешь на будущий год торговать со мной так же, как теперь?

— Ай, ай, очень хочу! Только с тобой хочу вести торг.

— Мистер Браун, у меня сжимается сердце от жалости, когда я вижу, сколько добра еще остается в этом складе. Клянусь вам!

— Джим, не мешай! У меня есть свой план.

— Теперь оч-ень хочу вас угощать. Еда приготовлена. Вместе с Джимом Тыгрена быстро наловчилась работать. Пойдемте в полог!

— Окей! Пойдем, пойдем,— охотно согласился капитан Браун.— А ты прав, Алитет. Выпивать виски очень хорошо по окончании торга.

— Да, да. Теперь можно. Теперь очень хорошо! Теперь много можно пить. Сердце давно просит огненной воды.

В пологе вместе с Тыгреной уже опять хозяйничал Джим. Он был веселый, хозяйничал проворней, чем любая женщина. Он смешил Тыгрену до слез. И пища у него получалась не такая уж противная, как та, которую она приправляла сама.

Американцы и Алитет сидели у столика. В полог влезли жены-сестры: Наргинаут и Аттенеут. Алитет цыкнулся на них, и они мгновенно удалились.

Все выпили по кружке виски, мистер Харлоу еще налил. Людей охватывало веселье.

— Ну, как, Джим? Ты, кажется, имеешь успех у этой миссис? — спросил капитан.

— Мистер Браун, это ему зачтется в акцию при деже пушнины,— сказал мистер Харлоу.

— О, джентльмены! Как часто люди могут ошибаться! — ответил Джим.

Между тем Алитет охмелел и пьяным языком говорил:

— Алитет прав... Алитет все знает. Я сказал, что не будет льда, не выбросит шкуну на берег... Можно еще долго торговать, а лед не придет.

— Правда, правда, Алитет. Ты хорошо знаешь это,— лъстил ему капитан Браун.— Торговать еще долго можно!.. Ты знаешь, что я хочу сказать, Алитет? Те остатки пушнины, которые висят еще у тебя в складе, медвежьи шкуры, бивни и китовый ус надо бы погрузить на шкуну! На пустой шкуне, если застанет шторм, плохо. Может перевернуть, и мы погибнем тогда. А ведь мне надо привезти тебе товары на будущий год.

Алитет насторожился.

— Хочешь, сделаем бумагу на них и на будущий год будем вести торг отдельно по бумаге? Так всегда делают торгующие люди,— внушительно и серьезно сказал капитан Браун.

Алитет задумался. Но, вспомнив, как Чарли торговал тоже по бумаге и верил этой бумаге, как настоящим товарам, Алитет вскочил и быстро проговорил:

— Подожди, я сбегаю и пересчитаю сначала, сколько там осталось хвостов.

— Вы гений, мистер Браун! — воскликнул штурман Харлоу.

— Подождите, подождите еще, помолчите, чтобы не спугнуть птичку.

И американцы молчали, пока не вернулся Алитет.

— Двести тридцать хвостов! Делай бумагу! — крикнул вбежавший Алитет.

Капитан Браун вытащил из нагрудного кармана блокнот и не торопясь, словно священнодействуя, отвинтил головку «вечной» ручки.

Алитет внимательно следил за тем, как капитан «работал» с бумагой. Но мистера Брауна «контроль» Алитета мало смущал. Он писал:

«Гуд бай, хитроглазый дьявол! Ты мне основательно испортил печенку за эти пять дней. Проклятие тебе и тому, кто обучил тебя такой торговле. Но ничего, остатки пушнины поправят мои дела совсем не плохо. За медвежьи шкуры не беспокойся, чертяка. В Америке найдется покупатель. Еще раз гуд бай и навсегда. К сему руку приложил Тэки-Черный жук».

— Вот, Алитет, бумага готова! — торжественно сказал капитан Браун.

Алитет бережно свернул бумагу и положил ее в кармашек клетчатой американской рубашки.

Вскоре «Поляр бэр» весело побежал к берегам Аляски. Капитан Браун вышел из кубрика к штурвалу, где на вахте стоял штурман Харлоу. Капитан держал в руках лист блокнота, исписанный цифрами, и сквозь громкий хохот сказал:

— Ободрал нас, как липку! Небывалый случай в моей практике. Год дэм, песец обойдется накруг все же более шести долларов.

Из люка машинного отделения показался Джим.

— А все-таки жаль, мистер Браун, что мы не вернемся сюда на будущий год. Клянусь вам, мне бы очень хотелось посмотреть еще раз на этот берег.

— Навестить супругу Алитета?

— О, да! Но вы ошибаетесь, мистер Харлоу, думая о ней плохо. Как это ни странно, она своим поведением убедила меня в том, что мы все-таки порядочные свиньи.

— Что-о? — заорал мистер Браун.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Две ночи подряд шаман Коргауте бил в бубен по слухаю хорошей торговли своего сына с американцами. Как никогда еще, он шаманил усердно, до исступления, впадая в экстаз. Между тем Алитет уже не мог сдерживать себя и беспробудно двое суток пил. Он устал до изнеможения после столь трудной и продолжительной торговли с хитрым американом. Но зато теперь в стойбище Энмакай будет настоящая, большая, как у

Чарли-Красного Носа, торговая яранга. И хозяин этой торговой яранги — сам Алитет.

— Два дня тому назад пять парней убежали в горы с хорошей вестью: сказать кочевникам-оленеводам о предстоящем большом торге Алитета. Парни бежали без передышки. С такой вестью каждого из них встретят, как самого хорошего друга, и доотвала накормят хорошими кусками оленины, и — все может быть, — раздобравшись, оленеводы дадут оленых шкурок на зимнюю одежду.

К концу четвертого дня с гор стали показываться люди. Они шли с посохами и заплечными сумами из тюленьей непромокаемой кожи. Но никакой пушнины в сумках не было: все шкурки песцов и лис еще весной по снегу забрал Алитет. Он быстро тогда обезжал кочевые стойбища и складывал пушину в свою нарту.

В Энмакай пришли также люди, которые еще ничего не давали Алитету. Но нужда в товарах у них была велика, и они надеялись, что Алитет, может быть, не откажет им.

Никогда еще в стойбище Энмакай не было так много людно и оживленно. Кругом толпы людей. На улице в огромном котле кипел чай, и люди могли пить его, да еще с сахаром, сколько хочешь! Люди говорили о прошедшем отеле оленей, рассказывали всевозможные новости из жизни своих стоянок, и разговорам не было конца.

В полдень начался торг. Алитет открыл свой склад, и люди, толкаясь, полезли в узкую дверь. Алитет велел самим отбирать любые товары. Пусть каждый сам думает: сколько он может унести и что нужно в его хозяйстве. Никто ничего не взвешивал, никто не контролировал, и каждый брал то, что ему было нужно. Но лишнего никто не брал. Взятый товар запоминался надолго, и, если Алитет спросит через два года, кто и что взял, ему перечислят все до иголочки, до коробки спичек!

В одном лишь нарушилась свобода выбора: каждый обязан был унести из склада Алитета не менее пяти капканов.

В сторонке стоял маленький ящик плиточного прессованного табака. Каждый подходил и, нарезав в трубку табаку, закуривал.

В складе курил весь народ, и дым валил из двери, как из трубы парохода. Те, кто хотел жевать табак, подходили к другому ящику. В горах не покуришь и не пожуешь так, там надо беречь табак. Ну кто же скажет, что это не настоящий праздник?

Товары отбирали и охотники, которые еще не успели наловить песцов. Но ведь они поймают их когда-нибудь? И Алитет говорил им:

— Берите, берите! Все берите, что вам нужно. Капканы только не забудьте. Если на будущий год у вас не будет песцов, потом, когда поймете, отадите.

Алитет знал в лицо каждого охотника. Он был весел, расхаживал в толпе. Люди отбирали товары не спеша, складывали их в мешки и отходили в сторону.

Радостно было на сердце Алитета, когда он смотрел на эту большую торговлю. Но еще лучше будет зимой, когда он сядет на нарту и опять поскачет по всем стойбищам забирать песцов и лис — все, сколько окажется. Он даже не будет их смотреть, а просто скажет: «Сложите их там у меня в нарте!» А песцов будет много! Капканов теперь в тундре удвоится.

Алитет позвал Туматуге и сказал:

— Много гостей в нашем стойбище. Пусть в каждой яранге накормят их мясом. Пусть разойдутся гости человек по пять, по десять. Пусть мясо возьмут из моей ямы.

— Эгей! — крикнул Туматуге и побежал в яранги сообщить очередную новость.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Полярное лето 1923 года было особенно приятно для навигации. Вдоль всей береговой полосы стояла чистая вода, и вся масса тяжелых льдов, гонимая преобладающими в это время южными ветрами, отступила далеко на север.

Пароход «Совет» вошел впервые в Берингов пролив. Он шел к берегам Колымы, где вот уже много лет никто не снабжал край и где остатки белогвардейских банд нарушали мирную жизнь народов Севера.

На борту парохода «Совет» стояли начальник части особого назначения Толстухин и уполномоченный Камчатского губревкома по Чукотскому уезду Лось.

— Вот, Лось, обозревай свои окрестности. Сегодня сходить тебе. Как войдем в пролив, так сразу же и откроется вид на твою резиденцию,— сказал Толстухин.

— Значит, скоро увижу своих марсианцев?

— Каких марсианцев?

— Да как же! Живут они здесь, как на другой планете.

— Да, да. Целая страна протяжением более двух тысяч километров лежит перед тобой. Командуй! Только, брат, забудь свой бронепоезд. На собак придется пересесть.

— Это роли не играет: можем на бронепоездах, можем и на собаках,— серьезно ответил Лось.

Уполномоченный Лось был огромного роста, медлителен в движениях и разговоре, но быстр в своих решениях и действиях. Прибыв на Камчатку, бывший командир бронепоезда Лось получил командировку в Чукотский уезд.

Лось смутно представлял себе этот край. И теперь, стоя на борту «Совета», он сосредоточенно всматривался в голую, каменную, безжизненную землю.

Берингов пролив напоминал большое спокойное озеро, по которому сновали кожаные байдарки охотников. Почти на отвесном берегу стояли их жилища. Как гнезда птиц, расположились яранги нестройными рядами среди каменистых нагромождений.

Странным казался выбор этого неудобного местожительства. Но охотники-зверобои привыкли к нему и любили это место. Каждый камень, каждый выступ, каждый склон горы привыкался им с детства. С легкостью горных коз жители этого стойбища скользили по склону в своей мягкой обуви. Не будь здесь камней, скучно было бы и ходить по ровным площадкам.

В проливе всегда хороший промысел моржа. Моржи большими стадами проплывают здесь в Ледовитый океан, как в ворота просторного двора. А где есть моржи, там и жизнь в довольстве. Здесь край земли. Отсюда на северо-восток, за проливом, виднеются смутные очертания гор Аляски.

Туман рассеялся, показалось незаходящее солнце. Приткнувшись на берегу, серыми пятнами стояли молчаливые чукотские чуранги.

— Плохо, что не познакомился с этим краем заранее,— заговорил Лось.— Все мои познания пока что заключаются в том, что измерил по карте капитана приблизительно территорию... Уезд, чорт возьми! Четыреста тысяч квадратных километров!

— Друг мой! А кто же, ты думал, должен был познакомить тебя с этим краем? Нет еще таких советских людей,— заметил Толстухин.

— Зимой из Петропавловска направили сюда на собаках одного паренька,— сказал Лось.— Толковый парень. Студент. На географическом факультете учился. Языки знает. И чукотский язык выучил у какого-то старого профессора. Грустно мне было, когда я отправлял его в этот далекий путь. Чи доехал, чи не доехал?

— Да, Лось! Ни с одного квадратного километра этой большущей земли не подашь радиограмму. Вот уж поистине о человеке, высадившемся на эти берега, можно сказать: канул, как в воду.

Вдали показались острова — две огромные каменистые глыбы.

— Капитан говорит, что один — наш, другой, поменьше,— американский,— сказал Лось, вперив зоркие глаза в даль.— Толстухин, дай-ка поглядеть в бинокль! — попросил он и, насмотревшись, сказал: — А теперь погляди сам. Какое-то двухмачтовое судно. Вот и первая встреча.

— Подожди, подожди, Лось. Ведь это, может быть, американский пароход «Бичаймо», который везет пушные фактории на Чукотское побережье. Помнишь, в губревкоме говорили? А ну, дай бинокль!

Посмотрев, Толстухин сказал:

— Шкуненка какая-то.

Оба они следили за шкуной, которая шла навстречу и затем, свернув, стала прижиматься к островам.

— Какая-то иностранная надпись на ней. Пойдем, Лось, на мостик к капитану, он нам прочтет.

— Вот посмотрите, капитан: что це такэ плавает там? — подавая бинокль, сказал Лось.

— А я уже посмотрел. Мой бинокль немного лучше вашего. Контрабандистка «Поляр бэр», или, по-русски, «Полярный медведь». Известный корабль! Но не думайте меня упрашивать охотиться за ней: шкуна находится в экстерриториальных водах. Сегодня она будет на Аляске,— разъяснил капитан.

Они посмотрели на удаляющуюся шкуну и закурили.

— Ну, товарищ Лось, сейчас будем прощаться. Может быть, зайду на обратном пути, если льды не сожмут меня сказал, — капитан.

— Как, уже сходить?

— Да, да, готовьтесь отдавать концы.

Вскоре «Совет» вошел на рейд и отдал якорь на траверзе большого селения, состоящего из яранг. Пароход заревел.

К борту быстро подходила байдара.

— Лось, Лось, иди сюда! Вот едут твои марсианцы,— сказал Толстухин.

Лось подбежал к правому борту. Он сразу же заметил в байдаре между охотниками Жукова. Радостная улыбка озарила лицо Лося. Он во весь голос закричал:

— Андрюшка! Жив! Вот цэ гарно! Залезай скорей сюда, я тебя обнимать буду!

— Сейчас, сейчас, Никита Сергеевич,— ответил ему Жуков и полез по штурм-трапу.

Лось схватил Андрея и заключил его в объятия со всей мощью, как в тиски. Он долго держал его и, наконец, отпустив, шагнул назад и, разведя руками, сказал:

— Мамо! Как будто я домой приехал, увидев тебя!

— Давно и я поджидаю тебя, Никита Сергеевич. Даже соскучился.

— А эти люди, что с тобой приехали, добрые парни?

— Друзья, Никита Сергеевич. Я здесь уже много друзей приобрел. Чудесный народ!

— Добре, добре! Ну, разведчик, пойдем знакомиться с ними.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Зима еще не наступила, но пролив уже забило тяжелыми льдами. Полярное лето промелькнуло, как будто вовсе его и не было.

Повалил снег, с севера подули ветры, ворвалась свирепая пурга. Жилища заносило огромными сугробами.

Среди яранг появился четырехугольный домик уполномоченного ревкома. В отличие от круглых яранг обтекаемой формы, этот домик больше заносило снегом и сугробы вокруг него вырастали на глазах. Вскоре домик занесло совсем, и казалось, что дым, выходящий из трубы, валит прямо из-под снега.

— Ну и хорошо, что завалило снегом,—сказал Жуков.— Отапливать по-настоящему нечем, а в снегу все-таки теплей.

Пароход «Совет» спешил в Колыму и не выгрузил всего, что нужно было для ревкома. Капитан обещал разгрузиться на обратном пути, но пароход так и не зашел. Узнать теперь что-нибудь о судьбе парохода было невозможно. Он или прошел мимо, или застрял во льдах.

Чукотский ревком разместился на пятнадцати квадратных метрах. В задней части домика находилось жилое помещение, где почти рядом, разъединенные лишь тумбочкой, стояли две кровати: Лося и Жукова. Эта жилая часть скрывалась за цветистой ситцевой занавеской.

Служебное помещение ревкома выглядело более эффектно. Здесь стояли два письменных стола, два венских стула и самодельная скамья.

Рядом с дверью, около стены, возвышался шкаф, закрытый на большой висячий замок и опечатанный

сургучной печатью. Это был почтовый ящик. Над прорезью нарисовано письмо с образцом «адреса», написанным каллиграфическим почерком.

Петропавловск н/Камчатке,
Губревком.
Уполномоченный Камчатского губревкома
по Чукотскому уезду, № 123.

Этот гигантский почтовый ящик должен открываться только в навигацию, когда придет пароход.

В ревкоме было холодно. Уголь расходовался лишь на приготовление пищи. За столом, в оленьей куртке и широких меховых штанах, сидел Лось. Старый красноармейский шлем плотно обхватывал голову. Русая окладистая борода «лопатой» закрывала грудь.

Лось о чем-то напряженно думал, опустив голову; он будто погрузился в решение очень сложной и замысловатой задачи. Изредка он поднимал голову, и тогда из-под нависших густых бровей светились живые голубые глаза.

Жуков ходил по маленькой комнате и рассказывал о местных людях. Он тоже был одет очень тепло. Меховые торбаза были подвязаны к поясу, теплый лисий малахай с длинными ушами, спускавшимися до пояса, делал его высокую фигуру еще выше.

— То, что ты мне рассказываешь,— это очень интересно,— сказал Лось, прислушиваясь к завыванию пурги.

Лось был когда-то хорошим машинистом, но с тех пор, как отпала необходимость командовать бронепоездом, он больше не видел паровоза. Последний раз, проходя мимо владивостокского вокзала, Лось остановился около железнодорожной линии и долго слушал, как в разных местах на берегу Тихого океана перекликались гудки советских паровозов. А здесь, на берегах Ледовитого океана, слышен лишь вой пурги да скрежет полярных льдов.

— Андрей, а какие ты инструкции получил в губревкоме, выезжая сюда?

— Самое главное, Никита Сергеевич,— это предварительное знакомство с краем, с народом. Так мне

сказал и председатель губревкома Вольный: пока знакомься с народом, возьми на учет всех торговцев.

— Связь на собаках с Петропавловском, выходит, возможна?

Жуков усмехнулся.

— Конечно. Вот я приехал же сюда. Но практически она бесполезна. Я ехал четыре месяца.

Лось закусил бороду и сказал:

— Вот, чорт возьми! Как же мы будем жить здесь? От парохода до парохода? Надо хлопотать о радиостанции... Ну, Андрюша, рассказывай дальше.

Снова зашагав по комнате, Жуков продолжал:

— Административно эта окраина оформилась лишь перед революцией. Царский начальник уезда в тысяча девятьсот пятнадцатом году сделал попытку установить старостат, но ничего из этого не получилось. Этот начальник больше интересовался пушниной из казенного склада, беспробудно пьянистовал. Казаки не уступали своему начальнику. Умирая в тысяча девятьсот шестнадцатом году от белой горячки, уездный начальник Дяденко завещал похоронить его на высокой сопке при входе в бухту Провидения, чтобы он «мог видеть проходящие корабли».

— Хитрый хохол был! Не иначе, как мой земляк,— сказал, усмехнувшись, Лось.

— Край управлялся по неписанным законам, кучкой продувных торгашей. Живут здесь и пришельцы с Аляски.

— Выгоним! — резко сказал Лось.

— Это люди самых различных национальностей,— рассказывал Жуков: — норвежцы, датчане, американцы, латыши, осетины, русские, ингуши, украинцы. Есть немец, есть баптист-австриец, бывший военнопленный. Многие из них поженились на чукчанках, на эскимосках и прижились здесь. Свои родственные связи они используют главным образом в торговых дела. Местные кулаки — посредники между ними и большой кочевой группой оленеводов. Каждый из пришельцев живет замкнутой жизнью, общаясь только с приходящими к ним с Аляски шкурами...

— Ничего! Выметем всю эту нечисть, Андрюша. Но я смотрю, ты здорово разобрался со всем этим, делом.

— Я в Петрограде еще знакомился с этим краем у Тан-Богораза.

Лось экономно подсыпал в камбуз каменного угля и подшуровал.

— Никита Сергеевич, меня поражает здесь необычайная любовь этих людей к детям. Они разговаривают с детьми, как со взрослыми. И, странное дело, иногда советуются с ними. Многие охотники и старики подружились со мной, видя мое хорошее отношение к детворе.

В этот вечер Лось долго писал при свете маленькой керосиновой лампочки. Наконец он положил карандаш на стол, аккуратно свернул бумажку и, подавая ее Жукову, сказал:

— Это о связи. Копию только надо оставить. Придется писать годовой отчет, понадобится.

Жуков заделал почту в конверт и опустил в «почтowy ящик».

В ревком смело забежали ребятишки и одна девушка.

— Садитесь, садитесь,— засуетился Лось, пододвигая скамейку.

— Это, Никита Сергеевич, мои ученики. Читать немного некоторые научились. Может быть, комсомольцами будут.

— Обязательно будут!

Ребята, услышав лай собак пробежавшей на крытые, устремились на улицу.

— Вот ты сказал, Андрей, может быть, будут комсомольцами. А ведь мы ни партичайку, ни комсомольскую ячейку организовать не можем. Я один здесь член партии, а ты один комсомолец. Такая огромная странища. Но готовить из них членов партии и комсомольцев мы будем. Плохо — связи нет... Ведь все поставленные нами вопросы из этой «почты» уйдут только летом, на будущий год, а еще через год жди ответа. Вот в чем дело, друг мой! Вот тебе, Лось, и оперативность! Это тебе не на бронепоезде носиться,—

уполномоченный ревкома горестно усмехнулся, накинул на себя меховую кухлянку и вышел на улицу.

Лось тоже любил детей, и они уже привыкли к этому бородатому человеку. Ребяташики катились за ним гурьбой и кричали:

— Русскэ Лось! Русскэ Лось!

Он хватал могучими руками какого-нибудь мальчугана, высоко поднимал и тряс его в воздухе. А женщины, глядя на это необычное зрелище из дверей яранги, посмеивались, уткнув лицо в широкие рукава кухлянок.

Лось, несмотря на его добродушие и кажущуюся медлительность, был человеком большой воли, быстрых решений, стремительного натиска.

Прославленный командир бронепоезда, он нагонял страх на жестокого и хитрого врага в период гражданской войны. Силу его удара, смелого, решительного и точно рассчитанного, не раз испытывали на себе и японцы-интервенты. Из любого опасного и трудного положения он умел находить выход. Это была его стихия.

Но здесь, в этой новой, необычной для него обстановке, он чувствовал себя точно связанным. Он чутко и внимательно прислушивался к высказываниям своего молодого друга Андрея, который (Лось это хорошо понимал), занимаясь этим краем давно, находился в явно преимущественном положении, хотя бы потому, что он, Андрей, знал язык и быт здешнего народа.

Лось страдал от незнания языка. Так хотелось поговорить!

«Игрушками занимается уполномоченный ревкома! — урезонивал он себя. — Можно было бы по душам поговорить с народом о советской власти, о том, как лучше организовать жизнь в этом краю».

— Андрюша! Из дома без тебя не могу выйти. Пойдем! Поговорим с народом,— звал он Жукова.

Народ собирался в какой-нибудь просторной яранге, и там до глубокой полуночи шла беседа с постоянными двухсторонними переводами.

На следующий день новости, почерпнутые из этой беседы, как устная газета, уходили и в ту и другую сто-

роны побережья. Местный, «торбазный» телеграф от стойбища к стойбищу, от охотника к охотнику разносил их с непостижимой быстротой.

Люди, жившие далеко на побережье и еще не видевшие русского начальника, уже много знали о нем.

Целые дни, а нередко и по ночам Лось с исключи-тельным упорством изучал чукотский язык. Его тетрадка-словарь стала такой объемистой, что часто долго приходилось разыскивать нужное слово. Лось придумывал особое расположение слов и фраз и всю тетрадку переписал заново.

В одной тетрадке он расположил по алфавиту слова, в другую — выписал фразы с особыми подзаголовками. «Бытовые разговоры», «Торговые разговоры», «Разговоры о собаках» и много других подзаголовков было в этой «тетради готовых фраз».

Утром Лось пробуждался первым и кричал своему секретарю:

— Андрюшка! Вставать пора! Цынгу наспиши!

И, еще лежа в меховых спальных мешках, высунув лишь головы и надев шапки, они начинали свой трудовой день.

— А ну, Андрюша, проэкзаменуй меня.

И начиналось: кляуль — человек, неускэт — женщина, гаймычилен — богатый, вылеткуркен кляуль — торгующий человек, и т. д. и т. д.

— Ну, как, Андрюша?

— Да успешно, Никита Сергеевич! Можно сказать, сверх всяких ожиданий.

— Подожди, друг! Скоро с лекцией выступлю на чукотском языке. А как по-чукотски «уходи»?

— Канто.

— Ага, ну, кантуй! Иди договаривайся о нартах. Сегодня мы выедем на побережье избирать лагерные комитеты и родовые советы. Пока ты будешь договариваться, я тем временем лепешек настрыпаю. Отвыкнем мы с тобой, браток, совсем от хлеба.

— Мне рассказывали, что Томсон всю жизнь печет свой хлеб на лампе «молния». Хотел попробовать, да все некогда было,— сказал Жуков.

Лось облачился в меховое и зашуршал кочергой в камбузе.

— Кантуй, кантуй поскорей! — говорил он, улыбаясь.— Это слово я уже не забуду.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Развалившись в качалке мистера Томсона, мистер Саймонс курил душистый «кэпстон». Мистер Саймонс был доверенным Норд-компани и вел здесь дела пушной фактории. Он был и пушником, и продавцом, и кладовщиком, и счетоводом. По его мнению, здесь и одного человека было много. Бездеятельность угнетала мистера Саймонса. Это был сухопарый блондин лет тридцати, с холодным, надменным лицом и мутными глазами. Все здесь ему опротивело, и мистер Саймонс не один раз бранил себя за то, что соблазнился высоким окладом в фирме Норд-компани и заехал в эту «дишую» страну. Он ненавидел охотников, их одежду, их улыбающиеся лица. Он даже радовался, что они не так часто приезжают к нему на факторию, не подозревая, что это дело рук Томсона и Алитета.

Мистер Саймонс, прежде чем войти в свой дом или склад, обычно вытаскивал из кармана носовой платок, обвертывал им дверную ручку и только тогда брался за нее.

Зима была уже в разгаре, и мистера Саймонса давно одолевала невыносимая скука.

Три месяца прошло с тех пор, как ушел пароход «Бичаймо», оставив на этом берегу быстро собранный дом, склад и товары пушной фактории вместе с мистером Саймонсом.

За это время можно было удавиться с тоски, если бы не общество единственного культурного человека — Чарльза Томсона. Это — счастье, что он задержался еще на один год. По крайней мере есть с кем поболтать в длинные зимние вечера.

Каждое утро, пробуждаясь от сна, мистер Саймонс неторопливо одевался и шел в хижину мистера Томсона. Даже пурга не задерживала его. От самой пуш-

ной фактории Норд-компани до хижины мистера Томсона был протянут канат, по которому мистер Саймонс и пробирался.

Он столовался у мистера Томсона. С утра они пили кофе, ели консервированные фрукты. Затем мистер Саймонс слушал рассказы Чарльза Томсона, по воскресеньям заводили граммофон, раскладывали пасьянс, и так, при мерцающем свете керосиновой лампы, они изо дня в день коротали длинное северное время. Уходя, мистер Саймонс с усмешкой говорил:

— Гуд бай, мистер Томсон, время — деньги.

Однажды, когда мистер Саймонс принес к ужину виски, они долго говорили, как старые добрые друзья.

— Мэри! — крикнул Чарли.— Еще кофе.

Мэри удивилась: всегда кофе подавала мать. Она надела платье и вошла в комнату.

— Возьми и себе чашку. Сядешь за стол вместе с нами. Сегодня воскресенье,— сказал отец.

Никогда еще не было, чтобы отец пригласил дочь к столу. Мэри растерялась. Она стояла, не понимая, что от нее хотят.

— Садись, садись,— и отец взял ее за руку.

— Очень интересная дочь у вас, мистер Томсон,— сухо сказал Саймонс.— Она не говорит по-английски?

— Нет,— с неохотой ответил Чарльз Томсон.

Играл граммофон.

Мистер Саймонс не спускал глаз с Мэри, которая торопливо допивала кружку кофе. Вдруг она вскочила и побежала.

— О, куда же вы, мисс Мэри? Мы еще будем танцевать!

Но Мэри уже скрылась за дверью.

— Она не танцует, мистер Саймонс.

— О, надо учиться. Девушка должна танцевать. Я могу научить ее...

Они опять закурили «кэпстон», помолчали.

— Хорошо, мистер Саймонс, продолжим наш разговор. Все же, мистер Саймонс, я не могу понять, почему Норд-компани добивается здесь монопольной торгов-

ли? Монополия исключает конкуренцию, а торговля зиждется на ней.

— О да, мистер Томсон, вы совершенно правы. Но вы забыли одно: мы имеем дело с русским министерством торговли. В Советской России сейчас все монополизировано. В России осталось немного представителей частной торговли,— мистер Саймонс встал, развел безнадежно руками.— Мы ничего не можем поделать. Вынуждены подчиниться. Мы здесь не хозяева.

— Как же в России будут жить деловые люди?

Саймонс пожал плечами, что должно было выражать его полное неведение.

В этот вечер они вели особенно дружескую беседу.

— Каковы же ваши планы на будущее, мистер Томсон?

— Вероятно, летом я уеду в Америку.

— Ну, конечно. Меня вообще очень удивляет: как вы, мистер Томсон, могли прожить здесь полжизни? Вот в этой маленькой каморке, без ванны, без автомобиля, без цветов? Я не представляю себе... У меня умерла жена, человек я бездетный, и только поэтому я рискнул поехать сюда за хорошие деньги. Но, боже меня сохрани, остаться здесь еще на один год! Полжизни! Подумать страшно, мистер Томсон!

— Привычка, привычка, мистер Саймонс. А вы давно остались без жены?

— Два года тому назад. И вот теперь я один, как перст. Заработка здесь немного денег, уеду в Канаду и открою какое-нибудь дело. А вы, мистер Томсон, заработали себе на старость, если это не представляет коммерческой тайны?

— Моя коммерция окончена, мистер Саймонс.— Томсон помолчал немного.— Должен сказать вам прямо, что вы мне очень понравились. Я с вами в этом году отдыхаю. Вы порядочный человек, мистер Саймонс. Может быть, поэтому я и поделюсь с вами своей тайной.— Чарльз Томсон встал и направился к сейфу. Но, не доходя, он остановился и сказал: — Вы, мистер Саймонс, будете первым человеком, не считая банковских клерков, который узнает, что у меня есть.— Он

щелкнул ключом и извлек бумаги. С дрожью в руках он положил бумаги на стол и растроганно сказал: — Мистер Саймонс, не используйте дурно мою откровенность, откровенность старика. Очень прошу вас.

Мистер Саймонс торопливо пододвинул свой стул.

— Вот, смотрите: в одном банке сто тысяч долларов, не считая процентов. Столько же в другом банке. И тридцать семь тысяч долларов — в третьем. Больше нигде ни одного цента.

У мистера Саймонса перехватило дыхание.

— Мистер Томсон! Вы же четвертымиллионщик! — прошептал он.

— Нет, мистер Саймонс,— со вздохом сказал Чарльз Томсон.— Я стремился дотянуть эту цифру до четверти миллиона, но так и не дотянул!

— Мистер Томсон! Нехватает каких-нибудь тринадцати тысяч. Это же чепуха!

— Но, мистер Саймонс, все-таки круглая цифра приятней.— Томсон спрятал бумаги в сейф и спросил:— Может быть, еще выпьем кофе?

— О, нет, благодарю вас, мистер Томсон. Уже поздно.

В эту ночь мистер Саймонс долго не мог заснуть. «А не жениться ли мне на Мэри?» — подумал он.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дом пушной фактории стоял на берегу моря, так же как и постройки Чарльза Томсона. Квартира мистера Саймонса соединялась узким коридором со складом. Вся фактория была построена так, что у доверенного Норд-компани все было под рукой. Склад забит товарами, и мистер Саймонс давно привел его в полный порядок.

Чукотского языка мистер Саймонс не знал, да и изучать его не собирался. Он говорил немного по-русски. В торговле, как переводчик, помогал ему Ярак.

Вдвоем они переложили в складе товар, и мистер Саймонс, закрыв факторию, пошел к Томсону. После

сытного обеда, извинившись, мистер Томсон вышел в сенки и сказал дочери:

— Мэри, ты сегодня пойдешь к мистеру Саймонсу учиться танцевать.

— Я не пойду к Сайму! Мне не надо учиться. Я умею танцевать получше Сайма,— дерзко ответила она.

— Ты дочь американского отца! И должна танцевать по-американски, а не по-дикарски!

Сказав это категорически, Чарльз Томсон вернулся в комнату.

В это время вошел Ярак и сказал:

— Русский бородатый начальник приехал. Там у нарты стоит.

Мистер Саймонс заспешил домой.

Около фактории стояли две нарты и толпа охотников.

— О, мистер Лось! Губернатор! — еще издали крикнул мистер Саймонс и, подойдя, крепко пожал руку ему и Жукову.

— Здравствуйте, здравствуйте, мистер Саймонс! Давно не виделись, с самого лета,— сказал Лось.

— Прошу вас проходить в квартиру. Где ваших собак устроить, вы лучше меня договоритесь.

— Собак я устрою,— сказал Ярак.

— Получше их накорми! — попросил его Андрей.

— Очень хорошо накормлю!

Американский дощатый дом имел вид солидной, но не долговечной постройки. В комнатах было чисто, уютно и просторно. Всюду стояла новенькая удобная мебель. Около кровати мистера Саймона лежала шкура бурого медведя, на кресло накинута белоснежная шкура белого медведя — подарок Чарльза Томсона. На письменном столе Жуков увидел американские журналы и с жадностью погрузился в чтение.

Лось ходил по комнате, оглядывая ее с пола до потолка. Он постучал пальцем по стенке дома и ironically спросил:

— Тепло?

— Очень хорошо, мистер Лось!

— Хитрый народ — американцы! Договор заключен

чили на три года и постройки возвели точно на это время: ни дня больше, ни дня меньше. Договор кончается — и дом развалится.

— О, мистер Лось, дом крепкий, хороший дом. Этот дом будет стоять двадцать лет!

— Двадцать лет! Хотите, я нажму плечом — и стена вывалится? У нас в России такие не строят.

— О, мистер Лось, вы слона можете свалить. А вообще дом — как дом, в две дюймовых доски... Стена обита картоном и оклеена обоями.

Мистер Саймонс говорил и в это же время разжигал камбуз, нарезал ломтиками бекон, ставил на стол масло, звенел посудой, ножами, вилками. Все у него спорилось в руках.

— По договору, Норд-компани должна строить здесь не только торговые здания, но и школы и больницы,— как бы про себя сказал Лось.— Неужели из таких же дощечек?

Мистер Саймонс остановился с тарелкой в руках посредине комнаты.

— Мистер Лось, вы же знаете, что пароход «Бичаймо» имел на борту здания пушных факторий, товары. Правда, наша фирма располагает большим флотом, и можно было бы послать еще пароход, но арктический рейс делается впервые. Опытный. Норд-компани — очень солидная фирма, мистер Лось, и я не сомневаюсь, что на будущий год здания, обусловленные соглашением, будут стоять на этих берегах... Прошу вас! — показывая на стол обеими руками, закончил мистер Саймонс.

Ревкомовцы закусили, поговорили о торговых делах и направились в сопровождении мистера Саймонса в магазин и склад.

Здесь были товары, каких Лось никогда еще не видел. Лось рассматривал патроны, винчестеры в блестящей добротной укупорке, нюхал ароматные табаки, любовался тонким дамским бельем. Плиточные табаки — курительный и жевательный — были упакованы, как шоколад, в блестящие бумажки, переложены восковой бумагой. Обилие посудо-скобяных и самых разнообразных мануфактурных товаров.

Мистер Саймонс, обращая внимание Лося на прикрепленные к стене бумаги, сказал:

— А вот, мистер Лось, прейскурант цен! Этот — пушно-сырьевой, а этот — на товары.

Лось приблизился к стене и стал читать вслух:

— «Чай кирпичный...» А где же цена? — спросил он.

— О, оторвался кусочек бумаги с ценой на кирпичный чай.

Саймонс мигом притащил портативную машинку с русским алфавитом и здесь же, на прилавке, припечатал отсутствующую цену.

— «Чай кирпичный — 1 руб., винчестер — 80 руб., патроны 20 шт.— 2 руб., мука — 40 англ. фунт.— 7 руб.»

Список был длинный, и Лось долго читал:

— Хорошо! А это на пушнину? — спросил он.— «Песец белый 1-й сорт — 40 руб., песец 2-й сорт — 32 руб., песец голубой 1-й сорт — 80 руб., нерпа 1 шт.— 1 руб.»

Лось просмотрел весь прейскурант цен, отошел к прилавку и сел на тюк кирпичного чая. Доверенный Норд-компани следил за каждым его движением.

— Все это очень хорошо, но бесполезно, — вздохнув, сказал Лось. — Нет ни одного грамотного охотника. Кто будет читать эти прейскуранты?

Саймонс пожал плечами и развел руками, склонив голову.

В магазин вошел Ярак, а следом за ним человек пять охотников.

— Потом, потом! Пошли вон! — сказал по-русски мистер Саймонс, замахав рукой в сторону двери.

— Ничего, мистер Саймонс, пусть посмотрят. Они не помешают нам, — остановил его Андрей Жуков.

— Живой надо для них прейскурант, мистер Саймонс, а не мертвый! — сказал Лось.

— Я вас не понимаю.

— Вот, скажем, тюк кирпичного чая — восемьдесят кирпичей. Стоит он восемьдесят рублей. На него сверху положить два песца по сорок рублей. Винчестер — под ним тоже два песца. Пачку патронов, двадцать штук, положить на две нерпичьих шкуры, ведь они по рублю

стоят, а патроны — два рубля. Это будет понятно вся кому, даже неграмотному охотнику.

— Мистер Лось, охотники почему-то не везут песцов. Я купил всего десятка два. Не из чего сделать такой живой прейскурант, как вы говорите.

— Вполне достаточно, давайте их!

Лось сбросил с себя кухлянку, стал разбивать ящик, распарывать тюки с кирпичным чаем, и скоро вся боковая стенка магазина представляла из себя своеобразную витрину-прейскурант.

Жуков объяснил охотникам, что за одного песца можно взять сорок кирпичей чаю. Охотники были изумлены. Слыханное ли это дело?

— Какомэй, какомэй! — выражали они свое удивление.

Охотники разбежались по ярангам, вытащили из своих тайников песцов, хранившихся до того момента, когда торгующий человек будет производить обмен при хорошем расположении духа, и явились в магазин.

Один охотник подал Лосю двух песцов и сказал:

— Винчестер можно за них?

— Конечно, можно, — сказал Жуков, — но Лось — не торгующий человек. Он только приказал так торговаться. Вот ему передай, — показал он на Саймонса.

Мистер Саймонс взял песцов, осмотрел их, встряхнул, подергал ость.

— Очень хорошие песцы. Что он хочет? — спросил Саймонс и, получив ответ, подал охотнику винчестер калибра 30 на 30 в картонной коробке.

Охотник неуверенно взял ружье, посмотрел на всех и спросил:

— А должен я не останусь за это ружье? Потом не попросит еще песцов за него?

— Нет, все заплачено. Вот, видишь, как показано на стене, — и Жуков вторично начал разъяснять живой прейскурант.

Торговля пошла бойко. Из яранг бежали охотники с песцами торговать по-новому. Слух этот проник во все жилища и пошел по побережью, как самая важная новость.

— Видите, мистер Саймонс, а вы думаете, что не

наступил сезон охоты: Подождите, я вот проеду по побережью — и вас завалят пушниной. Это же просто объясняется: с ними никто никогда еще так справедливо не торговал, как собираетесь торговать вы,— с легкой иронией сказал Лось.

— О, мистер Лось, я вам очень благодарен! Вы мне очень поможете наладить здесь торговлю.

Проведя торговый день в магазине пушной фактории, ревкомовцы вернулись в комнату Саймонса.

— Мистер Лось, а все-таки эта торговля дикая! — сказал он.

— Верно. Вот подождите, настроим здесь школ, грамотными людьми сделаем, тогда и торговля будет совсем другая. На деньги перейдем. Покончим с этим товарообменом. А сейчас... Надо применяться к обстановке. Мы, большевики, умеем это делать... Э-э! Да у вас русские пластинки! — воскликнул Лось.

— Это, мистер Лось, американские, но на русском и украинском языках,— почтительно заметил мистер Саймонс.

Лось долго наслаждался украинскими песнями. Они уносили его на далекую родную Украину, и ему стало грустно.

Лось встал, прошелся по комнате. Проходя мимо Жукова, просматривавшего блестящий, на меловой бумаге, американский журнал, он остановился. Во всю огромную страницу очень эффектно была изображена автомобильная шина. Лось заинтересовался:

— А что это за колесо такое, мистер Саймонс? Что здесь написано?

— Здесь интересный рассказ, мистер Лось! «Пара влюбленных в течение месяца жила на автомобиле, разъезжая по диким трушбам, по валежникам в лесах, по остроконечным камням вдоль рек. Шина после этой поездки не только не износилась, а стала крепче. Покупайте наши шины!»

Лось расхохотался.

— Ну, а дальше переверни, Андрей,— сквозь смех сказал он.

На следующей странице были изображены дамские чулки.

— Мистер Саймонс, и здесь рассказ?

— О да, мистер Лось!

«Какая бумага! Какие снимки! Какая агитация! И все для того, чтобы купили пару дамских чулок!» — подумал Лось, вспоминая фронтовые газеты на оберточной коричневой бумаге.

Мистер Саймонс завел пластинку. Тенор запел:

Тень высокого старого дуба голосистая птичка любила,
На ветвях, переломанных бурей, она счастье, покой находила.
И казалось, что старому дубу было приятно ее шебетанье,
Веселей его ветви качались, и слышней было листьев шептанье.

Лирический тенор нежно выводил мелодию, и здесь, далеко на Севере, вдали от людского шума, он вызывал сентиментальные чувства даже у Лося. Он стоял, закусив бороду, полузакрыв голубые глаза.

— Вот цэ гарна писня! И граммофонишко џеважный, маленький, складной, и труба складная, можно в карман положить, а поет, шельма, здорово! Ну, хватит! Андрюша, пошли кого-нибудь за Томсоном! — сказал Лось.

На нем была военная суконная гимнастерка и на голове красноармейский шлем с большой матерчатой пятиконечной звездой. В этом шлеме он казался былинным богатырем.

Чарльз Томсон вошел боязливо, с растерянным лицом. У него были основания бояться Лося.

— Гуд ивнинг!¹ — тихо проговорил он.

— Добрый, добрый вечер, мистер Томсон! — ответил ему по-русски мистер Саймонс и предложил раздеться.

— Мистер Томсон,— сказал Лось,— вам говорил мистер Саймонс, что вся торговля здесь находится в руках Норд-компани?

— О, ѿс! — испуганно ответил Томсон, выслушав перевод Жукова.

— А между тем мне сообщили, что вы продолжаете покупать пушнину у местных охотников! Правда это?

¹ Добрый вечер.

Чарльз Томсон помолчал под испытующим взглядом Лося.

— Мистер Жукофф, пожалуйста, передайте начальнику, что я действительно за это время купил сорок три песца и три сиводушки... Передайте, что эту пушину я принял за старые долги.

— Мистер Томсон, если мне станет известно, что и впредь вы будете скучать пушину, я наложу на вас большой штраф,— строго сказал Лось.

Томсон с облегченным сердцем молча закивал головой.

— А эти сорок три песца и три сиводушки, как незаконно купленные, сдайте в Управление уполномоченного ревкома. Андрюша, выпиши ему квитанцию.

Чарльз Томсон ожидал: как счастливо он отдался!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Утром пришли каюры. Лось попросил Саймонса напоить их чаем и, одевшись по-дорожному, вышел из дома.

Из-за горы поднялась огненная луна и отбросила длинную тень. Остроконечные горы выступали силуэтами, и казалось, что они наклеены на нижнюю часть неба. Стоял крепкий мороз. Тишина. Лишь хрустел снег под мягкими подошвами проходивших людей. И этот хруст уносился далеко, далеко...

Море сковало льды, и оно покоялось словно под мощным темноголубым покрывалом. Одиночные ропаки¹ стояли, как молчаливые стражи. Все вокруг молчало. И будто сама суровая природа охраняла этот великий покой Севера.

— Какая тишина! — проговорил Лось, настороженно ловя хоть какой-нибудь звук.

Но вот завыла где-то собака, другая, третья, и вся свора псов стойбища подхватила и затянула такой душераздирающий концерт, что Лосю стало не по себе. На миг вой оборвался, и опять где-то вдали послы-

¹ Ропак — торос, стоящий на чистом поле льда.

шался тонкий протяжный голос «запевалы». И с новой силой в разных концах завыли псы.

Каюры, подбежав к нартам, весело закричали:

— Тагам! Тагам!¹

И собаки помчались по заснеженному берегу. На передней нарте со своим каюром ехал Андрей, на второй — Лось. Они завернулись в меха, плотно затянули капюшоны, оставив маленькие щелочки для глаз, и вверили свою жизнь каюрам.

Прислушиваясь к хрусту снега под бегущей нартой, Лось думал: «О, я не уеду отсюда, пока не перестрою всю жизнь в этом суровом краю. Выпишу свою Наташу, и она с таким же упоением будет работать здесь, как этот бескорыстный парень Андрей Жуков».

Неслышной поступью бегут собаки вдоль скалистого берега. Нарта скользит по ровному, как стол, запорощенному снегом льду. Дует сухой ветер. Малахай плотно облегает голову, но какие-то неясные звуки врываются в уши, вибрируют...

— Слушай, Лось! Скалы поют! — кричит каюр.

Каждый выступ отвесной скалы, каждый маленький утесик по-своему принимает на себя удар ветра и издает свой, особый отзвук. Слышится странное, самых различных тонов, гудение. Поют вековые скалы.

Вдоль скал ветер несет хрустящую каменную пыль, которая с металлическим шелестом разносится по льду. Она остро бьет в лицо и слепит глаза — каменная пурга. Дорога усыпана обвалившимися со скал камнями — результат извечной работы воды и ветра.

— Смотри, Лось! Это новый мыс! — охотно рассказывает каюр. — Здесь упала скала. Гул был слышен даже в Лорене. Лед разбило. Рыбы много наглушило. Нартами возили.

Лось с изумлением рассматривает тысячетонные обломки скал редкой красоты. Как будто эти огромные камни кто-то выпилил; отшлифовал, но еще не уложил как следует.

В ущелье, на берегу моря, стоит яранга. Грустное чувство вызывает она своим одиночеством.

¹ Т а г а м — вперед.

— Почему он живет здесь один? — спрашивает Лось.

— Любит так, — отвечает каюр.

Заметив жилье, собаки рванули: конец пути. Каюры закурили вместе с хозяином одинокой яранги, о чем-то поговорили и тронулись дальше.

Неохотно поднимаются собаки. Тоскливо и умильно смотрят они на своего хозяина. Ленивой и хитрой рыбцой они пробегают с десяток метров и, почувяв коварный замысел вожака, необычайно согласованно, круто повертывают обратно, в ярангу. Каюр глубоко запускает в снег остол, останавливает упряжку. Повелительный окрик каюра, не допускающий ослушания, направляет собак в нужную сторону. Убедившись, что ночевки здесь не будет, собаки покорно бегут вперед.

— Лось! — говорит каюр. — Хозяин этой яранги сказал, что морская дорога впереди опасна. Южный ветер недавно оторвал лед, и вдоль скал осталась только узкая полоска. Другой путь — горами — испорчен. Выпал большой рыхлый снег. Собаки с головой будут проваливаться, на брюхе ползти им придется. Морской дорогой поедем? Тебе ведь быстро надо ехать? Как ты думаешь?

— Ты лучше знаешь, как хочешь, — и Лось думает: «Какой совет я могу дать? Никакого!»

— Морской дорогой поехали! — громко кричит каюр своему товарищу на передней нарте.

В своей громоздкой одежде Лось сидит на нарте, как медведь. Он с трудом может повернуться.

«Да, — думает Лось, — одежда каюров значительно удобней и легче нашей и, наверное, даже теплей. Обязательно сошью себе одежду такую же, как у них!» На каюрах легкие, короткие кухлянки, хорошо подогнанные меховые штаны, на ногах аккуратные коротенькие торбаза. Каюры подвижны. В случае опасности они моментально могут соскочить с нарты.

Нарта ныряет по торосам, нагроможденным около скалистого берега. Лось напряженно смотрит вперед, держась то за нарту, то за каюра, и все-таки часто вылетает из нарты. А каюры беспрестанно скачут с нарты на льдину, с льдины на нарту. Это проворство никак не вяжется с их обычной житейской медлительностью.

Иногда каюр все же не успевает во-время сдернуть нарту, и она, зацепившись за ледяной выступ, останавливается. Собаки разом оглядываются, и в их укоризненных взорах Лось читает: «Слезай с нарты!»

Тогда Лосю становится стыдно, и он сходит на лед, а каюр, приподняв нарту, сдвигает ее с тороса.

Но вот торосы кончаются, начинаются разводья. Трещины идут от скал к морю. А море совсем близко—черное, густое. Собаки прыгают, пара за парой, и длинная нарта быстро скользит над водой, образуя висячий мостик через трещины.

Ветер дует с юга, с вершин скал, а здесь, внизу, в завихрении, словно в пропасти, он порывисто дует с противоположной стороны — с севера. Это завихрение достигает открытого моря. Море волнуется, и отголоски волнения тревожно чувствуются в плавных колебаниях дышащего под нартой льда.

Но Лось спокоен. Он верит в своего каюра. А что остается ему делать?

Вскоре опасные места кончились. Собаки вырвались на просторную ровную дорогу, каюры остановились, пошутили по поводу опасных мест, закурили.

— Чертовски хорошо здесь, Андрюшка! Сколько простору!

— Да, Никита Сергеевич, я смотрю, что и ты начинашь влюбляться в этот край. И даже твоя заиндевевшая борода стала под цвет этого края,—смеясь, сказал Андрей.

К полудню брызнул рассвет.

— Андрей, пусть они поедут на передней нарте, а мы с тобой за ними. Кстати, я поучусь управлять собаками,— говорит Лось.

Каюры с радостью соглашаются и весело бегут к передней нарте: им так хочется поговорить о русских, которых они везут далеко, в северную часть своей земли!

Дорога отличная. Собаки бегут, к неудовольствию Лося, без всякого вмешательства с его стороны. Даже досадно: нет повода и крикнуть на них.

— Никита Сергеевич, а почему бы нам не начать сразу организацию родовых советов?

— А потому, друг мой, что ты вот никак не хочешь понять одну очень важную русскую пословицу: «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

— Ну, Никита Сергеевич, наше чукотское государство настолько велико, что пять лет можно все мерить да мерить, а отрезать и времени нехватит.

— Нет, товарищ Жуков, хватит! Отрезать начнем на обратном пути. Ты пойми одно: вот сейчас мы показали себя, их посмотрели — пусть теперь и гуторят. А гуторить им есть о чем. Ты думаешь, этот прейскурант — шутка? Нет, браток, это кусок революции! Этот прейскурант сразу зацепит всех: и рыжего паука Томсона, и ловкого парня Саймонса, и каналю Алитета и многих других. Мы показали теперь охотникам, что их песцы тоже кое-чего стоят. Они с этим быстро разберутся. Будь покоен!

Собаки бежали ровно. Лось, убедившись, что они не нуждаются в его руководстве, повернулся к ним спиной.

— Никита Сергеевич, а ты обратил внимание на Ярака? Это очень интересный парень. В первый раз подходил ко мне с недоверием. «Они — белые люди — все одинаковы», — говорил он Айе. Потом совсем стал другим. Даже свои очки подарил мне. Прошлую зиму я много говорил с ним. Батрачил он у Томсона. А дочь Томсона Мэри — чукчанка настоящая. Стремится всеми помыслами к Яраку. Когда Томсон узнал об этом, он выгнал Ярака. Я рассказал Яраку про советский закон, и вот однажды он и прикатил ко мне вместе с Мэри регистрироваться. Красивая девушка, статная! Лицо такое... — Андрей потряс рукой в воздухе.

— Ну? — заинтересовался Лось.

— Но ты же знаешь, у меня ни бланков загсовских, ни печати. Как все это оформляется, я тоже не знаю.

— Ну? Дальше что?

— Что же дальше? Уехали обратно не зарегистрировавшись.

Лось резко остановил нарту, вскочил и, тряся заин-девевшей бородой, закричал:

— И дурак же ты, Андрюшка! Такой, что я даже себе и представить не мог! На кой дьявол нужен тебе

этот бланк? Тебе этих бланков, может, еще пять лет не пришлют! Кладут тебе бытовую революцию прямо в карман, а ты упрямишься и ищешь какой-то бланк!

— Ну, чего ты расходился? Как будто непоправимое дело! Обратно поедем, и все будет уложено,— сказал Андрей.

— Пусть они приедут ко мне. Посмотришь, как я все устрою. Надо только соображать немного!

Передней нарты уже не было видно. Лось гаркнул на собак, и они взяли в галоп, догоняя упряжку.

— Андрюша, а какой паренек в стойбище Энмакай? Помнишь, ты мне рассказывал?

— Ваамчо.

— Да, да, Ваамчо. Там, где Алитет живет? Вот поедем, остановлюсь у Алитета, посмотрю, что это за птица!

— Здесь ты допускаешь ошибку! — сказал Андрей.

— Какую?

— Зачем нам якшаться с Алитетом? Надо подчеркнуть пренебрежительное отношение к нему и уважение к Ваамчо. Неважно, что у Ваамчо, может быть, маленький грязный полог.

— Ты прав, Андрей. Расквитались, значит,—и Лось довольно усмехнувшись, ткнул кулаком Андрею в живот.

С севера опять потянул ветерок. По дороге стелилась поземка. Наступала ночь.

Передняя нарта остановилась. Подошедший каюр сказал:

— Андрей, иди на свою нарту. Пурга будет. Видишь, луна в рубаху оделась. Надо мне самому управлять собаками.

Лось уселся на свое место и погрузился в размышления.

Непроходимые нагромождения торосов преградили путь, и каюры, свернув собак, поехали в горы.

Началась пурга.

Миллиарды снежинок закружили в воздухе, образовав сплошную снежную завесу.

Пурга завыла, и в этом бушующем снежном океане Лось не мог разглядеть ни передней нарты, ни собак

своей упряжки. «Ну, Лось, кажется, начинается твое первое крещение», — подумал он, крепче затягивая капюшон.

— Ой, тут осторожно надо ехать. Тут можно помиряй! — крикнул каюр. — Скалы здесь. Очень высокие!

На вершины отвесных скал пурга наметает висячий сугроб, и горе тому, кто наедет на этот карниз. А бывает, когда и люди и собаки, сбившись с дороги в пурге, летят вниз, а вслед за ними катится снежный обвал и хоронит их.

Каюры привязывают одну нарту к другой и едут гуськом. Часто останавливаются, совещаются.

Собаки медленно бредут в беспросветной тьме. Каюры направляют их чуть-чуть против ветра, где, по их мнению, лежит путь.

Один из каюрсов идет впереди и все время бросает остол, привязанный к веревке. Если веревка «побежит» из рук, немедленно раздается крик:

— Стой!

Значит, здесь обрыв, и тогда каюры вместе уходят искать «дорогу», оставив нарты.

Долго, долго их нет. Собак уже занесло, и они, свернувшись, лежат под снегом.

Лось следит по часам.

— Полчаса уже прошло, — говорит он.

— Придут! — уверенно отвечает Андрей, сам не зная, придут или нет.

— А для пурги хорошие часишки подарил мне Саймонс. Смотри, как светят. Волчий глаз. И стоят всего один доллар. Часы для бедных. Больше года не ходят. Хитрые американцы, — говорит Лось, прижав Андрея к барану¹ нарты.

Кажется, целую вечность сидят они на нарте и ждут каюров.

— А и в самом деле, что-то долго их нет, — говорит Андрей.

— Не потеряли они нас?

— Что же тут удивительного! — и Андрей кричит: — Эге-ге-гей! Эге-ге-гей!

¹ Баран — дуга посередине нарты.

Но пурга уносит этот крик в другую сторону.

— Никита Сергеевич, давай вместе покричим!

— Пострелять надо. Вот у моего каюра винчестер лежит.

Лось берет перевязанный ремнями старый винчестер, пробует стрелять, а выстрела нет.

— Ему сто лет, этому ружью. Из него надо стрелять умеючи... Вот послушаешь тебя, а потом и раскаиваешься. Какого чорта я не взял свой наган!

— Не любят они, Никита Сергеевич, когда ездят с наганами. Они считают: ружье для зверя, а маленькое ружье зачем? Людей убивать?

— Чепуха! А вот сейчас наган и пригодился бы... Все-таки что же нам делать, если они потеряли нас?

— Сидеть на месте до окончания пурги.

— А если она задула на пять дней?

— Все равно, хоть на десять. Я совсем не хочу прыгать с высоты в триста или более метров,— сказал Андрей.

— К таким прыжкам и я непривычен.

— Подождем еще час и ляжем спать, вон как собаки в снегу.

И вдруг из темноты слышится крик:

— Дорога! Есть дорога!

Каюры подходят к нартам.

— Какая к чорту тут дорога! — говорит Лось, и все же чувство радости охватывает его.

Каюры вытаскивают запорошенных собак. Псы встряхиваются, нарты куда-то несутся вниз по крутым склонам.

— Лось! — весело кричит каюр.— Это ущелье «Китовая пасть». Там внизу стойбище Энмакай.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Лось с трудом разместился в пологе старика Ваала. Вытянувшись во всю длину, он перегородил своим телом жилище на две половины.

Молодая хозяйка Алек растерялась, но не забыла, что нужно готовить чай. Она перешагнула через Лося

и мелкими кусками стала дробить лед, складывая его в чайник.

Было удивительно, что русский начальник, о котором ходит на побережье столько слухов, теперь, вот он, лежит здесь. Никто не думал даже, что в яранге старика Вааля объявится такой знатный человек. Было чему удивляться! Никогда ноги таньгов не переступали порог этой хижины. Что бы это могло значить? Не смешка ли это? Или пурга загнала его сюда?

Эти мысли волновали не только Алек, но и самого старика Вааля. Он не знал, что ему делать,— так не привычно встречать необычных гостей. Старик суетился. Он выполз из полога в сенки, что-то там искал, то возвращался с какой-то шкурой, рассматривая ее на свету. Волнуясь, он выбил шкуру оленым ребром и, обращаясь к Лосю, сказал:

— Подвинься, я положу под тебя вот эту шкуру. Она получше.

Но Лось лежал и не понимал старика. Он копался в своей тетради «готовых фраз» и, как на грех, ничего путного не находил.

Тогда старик Вааль начал объяснять руками.

— А-а! Понимаю! Понимаю — добродушно сказал Лось и перекатился на другой бок.

Вааль быстро расстелил шкуру.

Вошел Андрей и привычно растянулся рядом с Лосем.

Но Вааль и теперь не мог сидеть спокойно. Ему хотелось что-то делать еще и еще.

— Отдохни, старики! Посиди! Поговорим! — сказал Лось.

Андрей стал переводить разговор Лося.

Но как же можно разговаривать, когда в голове все перепуталось, все перемешалось? Кто может понять, зачем русский бородатый начальник остановился в пологе Вааля? Совсем недалеко яранга Алитета, где просторно, как в тундре, светло, как при солнце, где хорошие спальные шкуры и обильная еда. Не хотят ли русские худое сделать Ваалю?

Старик с волнением, не меняясь, однако, в лице, следил за русскими и, встретившись взглядом с Лосем,

подумал: «Добрые глаза, как у оленя; не волчьи глаза».

Немного успокоившись, старик принял чистить трубку.

— Вот моего табачку, старик! — и Лось протянул ему коробочку «Принц Альберт».

Старик тихо засмеялся, посмотрел на Алек, на гостей и растерянно потянулся за табаком. Закурив, он крикнул:

— Алек, видишь какой табак курит Вааль! А-я-яй! Это жена моего сына Ваамчо,— показал старик трубкой на нее.— Сам он ушел к соседям. Скоро вернется.— Вааль помолчал и, обращаясь к Андрею, шепотом спросил: — Русский начальник заблудился в нашем стойбище? Ведь яранга Алитета рядом. Совсем близко.

— Мы знаем,— ответил Андрей.— Но начальник сказал: «Остановимся там, где люди хорошие. По слухам, старик Вааль хороший. К нему поедем». Так сказал сам начальник.

Старик одобрительно закивал головой. Это было похоже на правду. Старик знал цену себе. Он пододвинулся к Лосю, взял его за руку повыше локтя, молча и благодарно потряс ее.

— Алек, гости с дороги, с холода. Пора бы их чаём напоить,— обрадованно и суетливо распорядился он.

Алек, выдвинув столик, достала чашки.

— Алек, у вас мало чашек. Везде в ярангах мало-мало чашек. Поэтому мы возим с собой. Вот они,— и Андрей выставил на столик свои кружки.

В полог влез раскрасневшийся с мороза Ваамчо.

— А, старый приятель! — протягивая ему руку, заговорил Андрей.— Сколько времени мы с тобой не встречались! Забыл, должно быть, меня?

— Нет,— мрачно ответил Ваамчо.

Гости смущали его не меньше, чем старика. Но, вспомнив первую встречу с Андреем, он немного повеселел. «Может быть, не для смеха заехали ко мне? Тогда тоже не захотел остановиться у Чарли-Красного Носа»,— промелькнуло в голове Ваамчо.

— Хорошие гости, Ваамчо, хорошие! — сказал старик, видя причину замешательства сына.

— Как охота, Ваамчо? — спросил вдруг Лось, заглядывая в свою тетрадку.

Ваамчо резко обернулся к Лосю, и улыбка пребежала по его лицу: Лось смешно говорил по-чукотски.

— Охота есть. Тюленчики есть,— ответил Ваамчо.

— Песцов сколько поймал?

— Четыре. Хорошие песцы! Если их отвезти к новому американу, много товаров получишь. Слух идет, хороший торг у него.

— Спроси его, Андрей: почему он не продал еще своих песцов?

Когда Андрей спросил, Ваамчо покачал головой.

— Они не мои,— начал он.— Пойманы капканами Алитета. Он без платы дал их. И товаров пришлось взять у него без платы. Три шкурки надо отдавать ему.

Лицо русского бородатого начальника становилось сердитым. Старик забеспокоился.

В этот момент в полог влез сам Алитет.

— Здравствуй, русскэ начальник! Зачем русскэ начальник лежит в маленьком пологе? Маленький полог — плохо, большой — хорошо. Для вас место есть в моей яранге,— сказал Алитет, вставляя в свою речь русские слова.

Старик Вааль с волнением вслушивался в этот разговор и страдал. Он ведь не так молод, чтобы его поднимать насмех. А дело клонится к тому. Старику показалось, что сейчас вот русские поднимутся и, смеясь, уйдут из его яранги.

Ваамчо смотрел на Алитета сердито и думал: «Всегда ему нужно что-нибудь отнимать. Зачем отец сразу не сказал русским, чтобы шли к Алитету?»

— Моя яранга хорошая, просторная,— продолжал Алитет.— Русскэ суп с солью. Мясо молодого оленя много. Ай, какая сладкая еда!

— Нет, мы останемся у Вааля. Мы никуда не пойдем отсюда,— твердо сказал Андрей.

«Что слышат мои уши? А, пожалуй, русские и правду думают, что Вааль — достойный человек?» — с радостью подумал старик и вопросительно посмотрел на сына. Но и у самого Ваамчо отлегла тяжесть от сердца.

Лось следил за каждым жестом Алитета, силился вникнуть в каждое его слово. Он много о нем уже знал и теперь, глядя на его бегающие, хитрые глаза и слушая его заискивающую речь, раздражался все больше и больше.

— Что он говорит? — спросил Лось.

Андрей перевел, и тогда Лось привстал и, тряся бородой, не сдержавшись, резко сказал:

— Передай ему, что русский начальник не хочет останавливаться у Алитета. Я хочу останавливаться у честных людей, а не у воров, которые крадут песцов из чужих капканов.

И, когда Андрей перевел, старик Вааль ахнул: «Откуда русский начальник узнал правду?»

Ваамчо с огромным любопытством следил за этим разговором. Ему вдруг самому захотелось высказать Алитету, как залил он светильным жиром приманку у Трех Холмов.

— Русскэ начальник — сердитый начальник. Наш народ любит потихоньку разговаривать. Американский человек разговаривает тоже потихоньку,— ответил Алитет.

— Я завтра буду с тобой разговаривать еще громче о торговле с контрабандной американской шкуной. Такая торговля — тоже воровство. Понял?

Глаза Алитета возбужденно забегали, он хотел что-то сказать, но Лось повелительно крикнул:

— Канто!

И Алитет тут же исчез.

— Пригодилось все-таки хоть одно подходящее слово,— серьезно сказал Лось.— А ведь не забыл, Андрей, слово-то!

Старик и Ваамчо переглянулись. Все молчали. Спустя некоторое время Вааль шепотом сказал:

— Теперь Алитет не будет помогать яранге Вааля. И капканы заберет.

— Ничего, старик. Советская власть будет вам помогать. Я буду вам помогать.

— Пусть не помогает Алитет! — сердито сказал Ваамчо.

— Правильно, Ваамчо! Вот назначу тебя здесь председателем родового совета, и будешь сам в этом стойбище начальником.

И до глубокой ночи в яранге старика Ваала шел разговор, что такое родовой совет и что этот родовой совет должен делать.

За ужином у себя дома Алитет сильно ругал русского начальника. Тыгрена слушала и в душе радовалась, что нашлись такие танги, которые, должно быть, не любили Алитета. Танги настолько заинтересовали ее, что ей захотелось посмотреть на них.

Вся американская еда осталась нетронутой, и Алитет выбросил ее собакам.

А когда он ушел в полог Аттенеут, любопытство Тыгрены разгорелось до такой степени, что ей стало жарко. Она высунулась из полога. Мороз обдал ее лицо и голые плечи. Она долго так лежала, наслаждаясь морозным воздухом, и всматривалась в темноту сеней. Потом надела меховой керкер и побежала к Ваалю.

Тыгрена молча подсунула голову под меховую занавеску.

— Входи, входи, Тыгрена,— приветливо сказал Вааль.

— Нет, я сейчас побегу домой, только посмотреть забежала,— ответила она, разглядывая молодого русского парня и бородатого начальника.

Ей хотелось послушать их разговор, но они замолчали, как только заговорил с ней Вааль.

«Ничего, я завтра все разузнаю от Алек»,— подумала Тыгрена и скрылась.

— Это жена Алитета. Очень хорошая женщина,— сказал Вааль.

— Насильно привез ее Алитет. Убегала — опять привез,— добавил Ваамчо.

— Надо, Никита Сергеевич, взять ее под защиту.

— Возьмем, Андрей,— ответил Лось.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

За время длительной командировки ревкомовцы отвыкли спать на кроватях, а умываться снегом надоело. Тело просило воды.

Тысячи километров проехали они на собаках, на оленях, но все населенные пункты так и не удалось посетить. Работа только началась, и вся она была впереди.

Лось ведрами таскал снег и растоплял его на камбузее.

Он втащил в комнату детскую ванночку, которую вез из дальней фактории. Еще в пути Андрей интересовался:

— Для чего ты везешь эту ванночку?

— Секрет,— с усмешкой отвечал Лось.

Теперь, устанавливая ванночку около умывальника он сказал:

— Да, Андрюша, баня в наших условиях — штука довольно затруднительная, но возможная. Изобретательность должна быть, изобретательность,— говорил Лось.— Ты думаешь, для чего я тащил эту ванну за пятьсот километров? Это, друг мой, ванна для стока воды, а мыться будем из умывальника,— объяснил Лось.— Жаль, береза не растет здесь, я бы и попарился.

В ревкоме было жарко. Лось разделялся и, хлопая себя по бедрам, сказал:

— А теперь надо только вообразить, что ты в настоящей бане,— и все в порядке.

Он налил в ванночку немного воды, пододвинул ее к умывальнику, встал в нее и с шумом начал мыть голову.

Лось долго мылся и от удовольствия фыркал, как морж.

— Ух! На сто пудов легче стал... Раздевайся и ты, а то не пущу в квартиру! И для тебя ведь нагрел воды. Целое ведро, медведя можно вымыть.

Андрей пошел в «баню».

Была полночь, но свет белой ночи назойливо врывался в маленькое окно ревкома и мешал спать. Ревкомовцы благодушествовали в кроватях.

Как немного нужно человеку! Одно ведро воды!

— Никита Сергеевич! Я забыл сказать тебе. Когда мы уходили из яранги Алитета, в дверях догнала меня Тыгрена и сказала как бы мимоходом: «Алитет — плохой человек».

— Да, я обратил внимание на нее. По всему видно, что она может проявить характер. Вот приедет Баамчо в ревком, проинструктировать его надо. Мы вызовем Тыгрену. Ну, мистер Жукофф, закурим «кэпстон» на ночь?

— Закурим, мистер Лось. Губернатор!

Они посмеялись, вспоминая американцев, и закурили.

— Выпишем сюда учителей, медиков,— мечтал Лось.— Будут у нас на участках свои люди — вот тогда будет дело. Американские фактории хоть и хороши, но торгают узко-делячески. Нам нужно, чтобы в факториях не только обменивали табак на пушину, но и с народом работали, культуру прививали. Ликвидировать их надо, свои фактории организуем.

— Но ведь Норд-компани на три года прибыла сюда.

Лось приподнялся с подушки и сердито спросил:

— А здания школ, больниц они привезли? А?

— Да, но все это не от нас зависит, Никита Сергеевич. С компанией ведет дела Наркомвнешторг.

— Ну и что же? А мы с тобой здесь пешки? Конечно, я не буду их завтра же разгонять... Но поставить вопрос я могу? Обосновать все, доложить губревкому?

— Это конечно.

— Ну, вот тебе и весь сказ!.. Надо будет завтра же отправить «почтую» по этому вопросу.

— А с контрабандой что делать? Видел, какое обязательство выдал Алитету Тэки-Черный Жук? Они же, эти контрабандисты, и население обирают! Уплывает пушнина.

— Пункты пограничные поставим на берегу, людей специально выпишем. По этому вопросу тоже надо «почтую» отправить... Ну, ладно! Спать пора! — и Лось повернулся на другой бок.

В ревкоме стало совсем светло. Солнце едва зашло,

как вскоре опять полезло по небосклону вверх. Андрею не спалось. Он встал и подошел к окну. На улице ни души.

Андрей растолкал Лося.

— Я думаю, нам бы кульбазу такую организовать здесь. Понимаешь, целый комплекс культурных учреждений...

Приподнявшись на локте, Лось в упор посмотрел на Андрея и раздраженно сказал:

— На кой чорт мне знать твои ночные фантазии? Неприятель, что ли, показался на горизонте, что ты будишь меня? Не даешь спать после бани. То свет мешал — не мог заснуть, теперь — ты! Ведь завтра будет день. Завесь чем-нибудь окошко и ложись спать!

Рассерженный Лось залез с головой под одеяло.

— Я думал, ты тоже не спишь... — сказал Андрей и курткой завесил окно.

Но свет все же пробивался в комнату. Андрей лег в кровать и быстро уснул.

— А теперь я не могу заснуть, — сказал Лось, глядя на своего спящего соседа; он усмехнулся, взял длинный меховой торбаз и, размахнувшись, шлепнул Жукова.

— Андрей, Андрюшка! Что ты мне хотел экстренно сообщить? — с усмешкой спросил Лось.

Андрей лениво протер глаза, зевнул, посмотрел на Лося, сидевшего на кровати, и засмеялся. Он свесил ноги с кровати, потянулся, высоко подняв руки, и еще раз зевнул.

— Про кульбазу я хотел сказать тебе, Никита Сергеевич. Построить здесь такую кульбазу, где были бы и больница, и школа-интернат, и ветеринарный пункт — лечить и разводить хороших собак, — и политпросветпункт, и баня. Не такая вот, как у нас, — умывальник, а настоящая, понимаешь, как на «материке». И пекарню обязательно! Хлеба народ совсем не ест, и выпечь негде.

Решено было и этот вопрос с соответствующими обоснованиями поставить перед губревкомом.

Почтовый ящик принял в свое чрево объемистый пакет.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

С каждым днем на пушную факторию съезжалось все больше и больше охотников. Мистер Саймонс работал в магазине и в пушном складе с утра и до ночи. Он уставал от работы и иногда, как рекомендовал ему Чарльз Томсон, прекращал торговлю.

— Ничего, они могут обождать даже дня два-три. Они всегда с удовольствием живут здесь и не торопятся домой,— сказал мистер Томсон. А про себя думал: «С ума сошли эти людишки! Откуда их столько понесало? Никогда за все годы я не видел здесь такого сборища. И где они набрали столько пушнины? Неужели Алитет не забрал у них? Только за один день они сдали сто двадцать песцов. О, это небывалый случай!»

Как-то утром Ярак сказал мистеру Саймонсу:

— Я не могу сегодня вести с тобой торг. Голова болит, кружится. Пусть Чарли будет тебе переводчиком. Он хорошо говорит по-нашему.

Мистер Томсон с удовольствием принял предложение мистера Саймонса. Но вскоре он очень пожалел, что пришел в факторию. Торговля шла бойко. Охотники были веселы и получали за пушнину такую уйму товаров, что полностью загружали свои нарты.

— Погляди, Чарли, как торгует новый американ! У него всегда хороший дух, и мы перестали увозить песцов обратно. Ты никогда не вел такого торга,— сказал один веселый и насмешливый парень.

— Что он говорит, мистер Томсон? — спросил мистер Саймонс.

— Он говорит, что ему предстоит далекий путь. Он хотел бы ускорить торговлю, мистер Саймонс. Спешит сегодня же уехать.

— Олл райт! Сейчас мы его отпустим.

— Вы напрасно так щедро платите ему, мистер Саймонс. Ему можно было дать значительно меньше, и он уехал бы с таким же восторгом.

— О, нет, мистер Томсон. Боюсь мистера Лося. У мистера Лося есть прейскурант, и если выяснится, что я не додал ему товаров, будут большие неприят-

ности для нашей компании. Это дело надо делать тонко,— ответил мистер Саймонс, скаля зубы.

Мистер Томсон всегда считал, что Север вырабатывает у человека дьявольское терпение и веревочные нервы. Но Север вдруг изменился.

Когда торговля кончилась, Томсон не смог даже остаться у мистера Саймонса на чашку кофе. Он ушел в очень плохом настроении. Злоба душила его. Он тихо вошел в дом и уже взялся было за ручку своей двери, как вдруг насторожился, а затем резким движением сорвал меховую занавеску полога, где помещалась его семья. В пологе была Мэри вдвоем с Яраком.

У Чарльза Томсона перехватило дыхание. Он не смог ни кричать, ни ругаться и, сжав кулаки, молча, задыхаясь от злобы, бросился на Ярака.

Мистер Томсон, уже ничего не соображая, навалился на него всем своим грузным телом.

— Год дэм! — тихо прошипел он и занес кулак над головой Ярака.

Ярак поймал его руку, до боли стиснул ее и в этот момент увидел, как Мэри, с обезумевшими глазами, высоко занесла над спиной отца блеснувший сталью нож «Ремингтон».

— Нельзя, Мэри! — крикнул Ярак.— Уйди из полога!

Но Мэри медлила.

— Скорей уходи отсюда! — сердито крикнул Ярак, и тогда она исчезла.

— Негодяй, обманщик! Зачем ты пришел сюда? — хрипел Чарли.

Ярак, крепко держа Чарли за руки и глядя на него в упор, спокойно говорил:

— Русскэ начальник сказал, можно ходить... Можно жениться... Русскэ закон...

— Год дэм! — взвыл Чарльз Томсон и укусил руку Ярака.

В ту же секунду Ярак с силой отшвырнул его. Чарли отлетел в противоположный угол и распластался животом вверх.

Ярак выбежал в сенки, где стояла Мэри. Он схватил ее за руку и побежал с ней на улицу.

Чарльз Томсон долго лежал на шкурах, затем вытер цветным платком лицо и вылез из полога. Увидев Рультину, он дико закричал:

— Проклятая ведьма! Где дети? Куда ты спровадила их, сводница? Это ты устроила всю эту мерзость! Завтра ты посмотришь, что я сделаю!

Рультина молчала.

Мистер Томсон ушел в свою комнату, сильно хлопнув дверью.

«Чарли сердитый, Чарли очень сердитый!» — подумала Рультина и пошла звать детей, чтобы уложить их спать. Она ходила по ярангам, собирая детей, но нигде не встретила Мэри.

Уложив детей, она опять пошла искать дочь. Но в стойбище Мэри не было. Не было и Ярака. Уставшая от многолетних переживаний, от этой очень тяжелой для нее жизни в доме белого мужа, Рультина долго бродила по стойбищу и все искала дочь, заглядывая в каждую ярангу.

— Они ушли по этой дороге. Теперь они прошли, пожалуй, вон тот холмик, — сказал встретившийся паренек.

— Хорошо. Пусть идут, — сказала она.

Рультина вернулась домой, посмотрела, как спят дети, и потихоньку, крадучись, заглянула в комнату Чарли. Он лежал на кровати не раздевшись. Рультина вошла в комнату и окликнула его. Чарли спал.

«А может быть, он не хочет разговаривать со мной?» — подумала она. Прислушавшись к его сонному дыханию и убедившись, что он крепко спит, Рультина тихо вышла из комнаты в сенки. Она схватила висевшие на стене собачьи алыки и выбежала на улицу. Мигом она запрягла двенадцать псов, села на нарту и погнала их в направлении холмика, указанного мальчиком. Выехав из стойбища, она стала кричать на собак, стучать по нарте остолом и гнала их все быстрей и быстрей.

Вскоре Рультина заметила беглецов.

Но Ярак и Мэри вдруг свернули и быстро побежали к каменистому склону горы.

Старуха встала на нарту и, с трудом держась за баран, закричала во весь голос:

— Я-р-а-ак! Ру-ульты-ына едет!

Ее слабый голос затерялся в просторах тундры. Ярак и Мэри бежали так быстро, что собаки с трудом настигали их. Рультына свернула собак с дороги и направила упряжку по их следу. Она все стояла на нарте и кричала, и звала то Ярака, то Мэри.

Ярак хорошо знал, что на склоне горы, среди нагромождений каменных облаков, не очень-то хорошо поедет нарта. О, они еще успеют скрыться в камнях!

Тяжело дыша, они залезли в каменную пещеру.

— Если Чарли сойдет с нарты и пойдет искать нас, ты выследи его и убей камнем,— сказала Мэри.

Упряжка подскочила к склону горы, остановилась, и вожак, залаяв, бросился вперед, карабкаясь по камням.

Но нарта зацепилась за каменный выступ — и собаки остановились.

— Мэри! Это я, Ру-ультына! Не бойтесь! — вдруг услышал Ярак.

Он залез на высокий камень и увидел около нарты старуху.

— Мэри! Вылезай! — обрадованно крикнул он.

Старуха сидела на нарте, склонив голову на баран, и от усталости не могла говорить. Мэри обхватила ее руками, прижалась. Ярак занялся собаками: они запутались в упряжке. Он свел собак с подножья горы и подошел к женщинам.

— Рультына, куда ты едешь? — спросил он.

Старуха подняла голову и спокойно сказала:

— Вот вам упряжка. Уезжайте далеко в тундру, в горы и живите у моего брата Гаймелькота.

— Рультына, поедем вместе с нами,— сказал растроганный Ярак.

— Нет. Дома много еще детей осталось. Я вернусь домой и буду молчать, как вот эти камни. Садитесь на нарту и уезжайте быстро. Гоните упряженку, не жалея собак.

— Рультына, мы заедем к русскому бородатому

начальнику. Андрей мне говорил, что бородатый хочет дать нам женитьбенную бумагу,— сказал Ярак.

— Хорошо. Поезжайте к русскому. Может, бородатый поймет, что Мэри нужен муж,— и она тяжело вздохнула.

Ярак взял о стол из рук Рультины, гаркнул на собак, которых он выкормил, и они, почувствовав настоящего хозяина, опустили хвосты и весело побежали вперед.

— Тагам, тагам! — кричала Рультина им вслед.

Она долго стояла и смотрела на удаляющуюся нарту.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мистер Томсон проснулся необычайно рано. Первый раз за всю долгую жизнь здесь он спал не раздевшись...

Морщась от сильного света, мистер Томсон тяжко вздохнул, покачал головой и недовольно посмотрел на окно, залитое солнечными лучами. Он взглянул на будильник, но и патентованный «друг» остановился. «Что делается в этом доме?» — подумал Чарльз Томсон.

Он тяжело встал с кровати.

— Кофе! — крикнул он.

Рультина тихо вошла в комнату, поставила на стол уже готовый завтрак и молча вышла.

После завтрака мистер Томсон прошелся по комнате, подошел к окну и не увидел на обычном месте своей нарты. У него остановилось дыхание. Тяжелое предчувствие охватило его. Набросив на себя меховую канадку, он быстро обежал кругом свой дом. Собак и нарты не было. Задыхаясь от волнения, Томсон вбежал в сенки и, остановившись у полога семьи, тревожно спросил:

— Где Мэри?

Дети молчали.

Распахнув дверь комнаты, он увидел Рультину, собиравшую со стола посуду.

— Где собаки? — закричал он.

Но Рультина, склонив голову, молчала. Она покорно ждала, когда белый муж скажет ей: «Уходи вон!»

Чарльз Томсон грубо толкнул ее, и она уронила на пол посуду — фарфоровая кружка разлетелась вдребезги.

Тяжело дыша, Томсон прибежал в ярангу Рынтеу, своего преданного и покорного содерхателя заезжей яранги.

— Где Ярак? — спросил он.

Рынтеу молча махнул рукой в ту сторону, куда ушел Ярак.

— Собак мне! Живо!

Рынтеу стоял в одних меховых чулках с опущенными рукавами кухлянки и думал: «Давать собак нельзя и не давать нельзя». Он спокойно сказал:

— Собаки бегают по стойбищу, Чарли.

— Живо собак, безмозглый человек!

— Чарли, разве найдутся в нашем стойбище собаки, которые могут настичь твоих? И-и-и, твои собаки, Чарли, очень хорошие! Только Алитстыры могут с ними сравниться. Надо подождать: может быть, Алитет подъедет.

— Что ты плетешь мне, старый дьявол? Сейчас надо ехать, а не ждать! Живо запрягай! Ну, поворачивайся!

Чарльз Томсон тряхнул его за рукав, и Рынтеу не спеша пошел в ярангу. Он вынес связку алыков и, поднося их к носу Чарли, сказал:

— Только алыки — дрянь! Надо бы их починить!

— Давай какие есть! — прорычал мистер Томсон.

Посвистывая, Рынтеу пошел по стойбищу собирать своих не очень ретивых псов. Не спеша он вернулся к яранге в окружении собачек, которые почему-то решили, что хозяин вздумал их покормить. Но бывает, что и собаки ошибаются. Откуда им знать, что думает Чарли?

Медленно, очень медленно Рынтеу стал надевать на них алыки, приговаривая:

— Ну, где догнать на таких евражках? Все равно, что дикого оленя ловить хромому старику!

Вожаком Рынтеу пристегнул собаку со сбитой ногой и не понимающую команды.

Чарльз Томсон сел на нарту и поехал, рассчитывая

перехватить беглецов в следующем стойбище. Он кричал на собак, бросал в них о стол, но они лишь жалобно скулили, все время оглядывались, не прибавляя шагу, и вскоре совсем стали.

Чарльз Томсон, понурив голову, сидел на нарте.

«Год дэм санвабич! Бесполезно гнаться», — подумал он и повернулся обратно.

И едва он подал команду, как они, задрав хвосты, навострив уши, пустились вскачь.

Собаки вбежали в стойбище. Мистер Томсон бросил упряжку около первой по пути яранги и, усталый от гнева, направился в пушную факторию.

— Гуд дэй, мистер Томсон! — весело встретил его Саймонс.

— Гуд дэй, мистер Саймонс. Только у меня совсем не такой уж добрый день, — устало сказал мистер Томсон.

— Неприятности какие-нибудь, мистер Томсон?

— Скажите вы мне, мистер Саймонс: что сделалось с этими дикарями? Разве мог я об этом думать? Ведь этот самый Рынтеу, вся жизнь которого десятки лет зависела от меня и который был лучше всякой послушной собаки, теперь ведет себя так возмутительно! Я с большим трудом заставил его дать мне упряжку. И, вы знаете, мистер Саймонс, этот грязный, неблагодарный дикарь собрал мне в нарту таких одров, что на них и за снегом для воды не поедешь! А ведь всего год тому назад достаточно было мне сказать одно слово, одно слово, мистер Саймонс, как мигом была бы готова упряжка из самых лучших псов всего стойбища. Я ничего не понимаю во всем этом, — стоя посредине комнаты и сокрушением разводя руками, сказал Чарльз Томсон.

— В чем дело, мистер Томсон?

Мистер Саймонс сочувственно вздохнул, покачал головой, когда Томсон подробно рассказал о бегстве дочери с Яраком.

— Что ж делать, мистер Томсон! Но, несмотря ни на что, я бы на вашем месте, при всем вашем горе, все же радовался бы этим осложнениям: они ускорят ваш выезд из этой не совсем цветущей страны. Неужели

вам хочется, чтобы ваш труп был выброшен в эти камни на растерзание зверям, как вы рассказывали мне о местных обычаях? Неужели под конец вашей жизни, имея столько долларов, вам не хочется прожить остатки своих дней в цивилизованной стране? Вы полжизни не пили настоящего свежего молока. Это страшно, мистер Томсон! Вас беспокоит дочь? Но, по-видимому, она тоже дикая. Вы извините меня, мистер Томсон, я с вами говорю откровенно, и мне вас искренне жаль!

— Пожалуйста, пожалуйста! Вы хороший человек, мистер Саймонс. Никто со мной так тепло еще не говорил... Мистер Саймонс, может быть вы возьмете меня с собой в Канаду. Ведь я один остался.

— С огромным удовольствием, мистер Томсон! Мы с вами хорошо заживем!

И они долго молчали, будто задумавшись о совместной жизни в Канаде.

— Но я возвращаюсь к начатому разговору, мистер Томсон: вас беспокоит дочь? Дорогой мой мистер Томсон, она родилась здесь. И Америка и Канада ей будут столь же противны, как и мне вот эта страна холода. Она погибнет там от тоски по этим диким камням, по грязным ярангам, по моржовому мясу, по этому страшному вою пурги.

— Да, да! Это вы говорите все совершенно правильно, мистер Саймонс. Вы хорошо поняли ее натуру.

— Мистер Томсон, лучшей жизни, чем здесь, она в Америке не найдет, пусть она живет с Яраком. Я уверен, что она будет счастлива по-своему,— сказал мистер Саймонс.

— Я увезу отсюда мальчика Бэна... И постараюсь все же вернуть Мэри. Мне кажется, она еще может привыкнуть к жизни в Канаде. Как вы думаете, мистер Саймонс?

— Очень возможно, очень возможно,— неохотно ответил он.

— Но что же мне делать с пушниной? У меня более полутора тысяч хвостов. С собой в Америку их не разрешают взять. А ехать продавать в Петропавловск-на-Камчатке я не хочу. Всю эту пушнину мистер

Лось хотел забрать здесь, но, к счастью, у него не оказалось денег.

— Мистер Томсон, мне хочется по-дружески дать вам совет.

— Какой, мистер Саймонс? — насторожился Чарльз Томсон.

— Строго говоря, это даже не совет, а самый простейший урок географии. Наме на Аляске отсюда ближе, чем соседнее чукотское стойбище. Это во-первых. А во-вторых, Берингов пролив не так уж широк, мистер Томсон! — и мистер Саймонс многозначительно улыбнулся. — Если бы мне понадобилось, я и на доске переправился бы через него. А вам стоит дать байдарным охотникам пачку табаку «кентукки», — и вы будете в Америке со всем своим хозяйством. Подождите меня на Аляске или во Фриско, а там мы сядем на комфортабельный пароход — и в Канаду!

— А дом? Я хотел еще продать кому-нибудь свой дом и склад.

— Мистер Томсон! Кому он нужен, ваш этот старый дом, сделанный из ящиков?.. Кроме того, если вы начнете искать покупателя, вы поставите себя под подозрение. Мистер Лось сразу насторожится и будет вас караулить, поселившись у меня в фактории. Бросьте вы это. Живите так, словно собираетесь здесь жить еще многие годы. Я на вашем месте даже обратился бы с ходатайством к мистеру Лосю, чтобы он вам разрешил остаться здесь и дожить в кругу семьи последние годы своей жизни. А там, в один не очень прекрасный день, вы погрузитесь на байдару — и гуд бай!

— Вы совершенно правы, мистер Саймонс! Я так и сделаю.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Долгая северная зима кончилась. Сугробы стали рыхлыми, влажными. Они будто проваливались в землю, становясь с каждым днем все меньше и меньше. Почти исчезла грань между днем и ночью. Светлые длинные дни бежали быстрой.

Между ревкомовцами неожиданно возник спор. Они потеряли один день. Как это случилось, никто из них не мог установить. У Лося было 20 апреля, у Жукова — 21 апреля.

Каждый из них горячо отстаивал свое число, приводя в доказательство даты всевозможных документов. От этих дат день за днем перечислялись разные события, вспоминались пункты следования за время их длительной поездки, и, все же число не сходилось. Во всем уезде ни один советский подданный не мог разрешить их спор.

— А все-таки не прав ты, Никита Сергеевич! Вот увидишь, первомайский праздник ты встретишь на один день раньше.

Лось усмехнулся:

— О чем мы, собственно говоря, спорим, Андрей? Ну, раньше так раньше. Подумаешь, какое значение имеет это для нас! Да если мы на целую неделю ошибемся, никто знать не будет. Тем более, что день идет с востока, как ты говоришь.

— Как хочешь, Никита Сергеевич, но я остаюсь при своем числе. Ты, вероятно, сбился, когда мы пурговали. Я аккуратно веду дневник.

— Ну, очень хорошо. Беда какая! Сначала отпразднуем по-моему, а потом — по-твоему. Из одного праздника сделаем два.

В ревком пришли ученики Жукова. Они разделись, оставшись в одних ситцевых рубашках, скроенных самим Лосем. Ученики сели за стол и старательно начали выводить буквы, короткие фразы. Самой трудной оказалась буква «д»: вместо слова «дом» с языка срывалось «том», вместо «да́льше» — «та́льше».

Долго и охотно занимались ребята. Из-за ситцевой занавески показался улыбающийся Лось, держа в руке домино.

— Ну, хлопцы, сыграем, что ли?

— Сыграем, сыграем, Лось! — хором прокричали ученики.

Все дети, как и взрослые, не называли уполномоченного ревкома по имени и отчеству: это было длинно

и непонятно и потому еще, что сами они не имели ни фамилии, ни отчества.

Лось, взмахнул рукой, готовился последней костяшкой закончить игру. В этот момент один карапуз тихо пододвинул свою косточку и с неподдельным весельем вскрикнул:

— Подожди, Лось! Я кончаю!

Шум и смех слышались в ревкоме.

— Проиграл, Лось! Проиграл, Лось! — кричали дети, хлопая в ладоши.

А Лось хмурился, будто и в самом деле был огорчен проигрышем.

Ребята знали, что больше одной партии его не заставишь сыграть, проворно влезли в меховые кухлянки и убежали.

Один из них, уже в дверях, сказал:

— Лось! К ночи старик Умкатаген умрет! — мальчик провел пальцем по своей вытянутой шее.

— Постой, постой! Что такое ты говоришь?

— К ночи старика Умкатагена душить будут! Все уже готово,— спокойно разъяснял мальчик.

Лось усадил его за стол и тихо, почти шепотом, спросил:

— Как душить? Зачем?

Мальчик огляделся по сторонам, видимо, соображая: можно ли ему заниматься такими разговорами? Но, не найдя в этом ничего предосудительного, продолжал:

— Очень больной старик... Нога у него испортилась. Шаманы лечили, лечили — отказались. Эрмен — сын Умкатагена обессобачился: то в жертву принесет духам, то шаману отдаст... Две собаки осталось. Всех собак извел, а болезнь не выходит. Наверно, очень злой дух вселился в его ногу, и вот Умкатаген уходит к верхним людям. Нынче ночью. Все люди рады. И Эрмен очень рад.

— Беги сейчас к Эрмену и скажи: Лось запрещает душить старика! Понял? Нельзя душить людей. Беги, я скоро сам приду к Эрмену,— взволнованно сказал Лось и, сбросив туфли, взял торбаза.

Мальчик убежал.

— Никита Сергеевич, что ты думаешь делать с этим стариком? — спросил Андрей.

— Как что? Не разрешу душить — вот и все! — сердито сказал Лось.

— Подожди, Никита Сергеевич, до ночи еще много времени. Давай лучше обсудим.

— Что обсудим? Обсуждать нечего, все очень ясно!

— Нет, Никита Сергеевич, административно этого не предотвратишь. Нет! Они с тобой согласятся, но, как только ты уйдешь, немедленно задушат. Ведь старик дал уже «слово». Отказаться от него, по их обычаям, недостойно человека.

— Что же, ты предлагаешь душить старика? Говори ясно! — рявкнул Лось, натягивая торбаза.

— Я не предлагаю. Но я думаю, что тебе не следует говорить: «Я запрещаю душить».

— Чорт возьми! Разве это не одно и то же? Что ж ты хочешь, сделать меня соучастником убийства? Ничего себе, договорился хлопец!

— Не хочешь ты, Никита Сергеевич, сгоряча понять меня. Мне кажется, что за один год такую крепость не сломать!.. А как тут поступить, я и сам не знаю.

— А я знаю! Мы зачем сюда приехали? Мы что: представители советской власти или кто? — горячился Лось, не попадая ногой в торбаз. — Мы ученики Ленина.

— А у Ленина я читал, что быт, пережитки суеверия — самая страшная вещь! Борьба с ними должна быть кропотливая, систематическая, построенная на большой силе убедительности. Условия здешней жизни породили этот ужасный быт.

— Ну, хватит! Ты мне не читай лекций! — крикнул Лось, взмахнул рукой, как отсек, и молча заходил по комнате.

В ревком вбежал Эрмен.

— Лось, — взволнованно заговорил он, — старика надо душить. Старик сам велел задушить его. Я не могу отказать ему в его последней просьбе. Будет большая беда.

— Никакой беды не будет. Живых людей не душат. Твой отец Умкатаген — не враг тебе,— сказал Лось.

— Нет, не враг. Врага я и не стал бы душить. Я люблю Умкатагена и хочу сделать для него доброе: выполнить его последнюю просьбу. Еще ни один человек из нашего народа не брал своего слова обратно. А ты, Лось, хочешь сделать из моего отца дурного человека, самого последнего человека.

— Вот, чорт возьми, задача мне! — со вздохом, тихо сказал Лось.

Тут вмешался Андрей:

— Ты знаешь, Эрмен, закон у нас новый запрещает душить человека. Если бы не этот закон, мы и разговаривать не стали бы с тобой.

— Старика надо душить. Очень плохо, если не задушить старика,— упорно твердил Эрмен.

Лось, закусив бороду, стоял у окна, погрузившись в раздумье. Вдруг он энергично повернулся, подошел к Эрмену и строго сказал:

— Я не разрешаю душить Умкатагена! Если я узнаю, что старик задушен, ты будешь наказан за это. Я отправлю тебя с Чукотской земли, как только придет сюда пароход. И когда ты будешь умирать на чужой стороне, никто из твоих сородичей не услышит перед смертью твоего голоса.

Лось говорил возбужденно и гневно.

Эрмен молча и внимательно слушал русского начальника. И когда Лось замолчал, Эрмен сказал:

— Лось, ты первый из таньгов, которого наш народ называет настоящим человеком. На исходе только одна зима, как ты пришел на нашу землю, а торговля стала совсем иной. Наши люди теперь пьют чай с сахаром. Безружейные обзавелись ружьями, бескапканые — капканами. Везде народ говорит: «Бородатый полюбил наших песцов и сделал их много-товарными». Народ говорит, что ты все равно как хороший шаман, добрый шаман, который помогает нам жить. Такой слух идет по берегу. А теперь ты стал говорить непонятное для моих ушей Не испортили ли тебя дурные шаманы? Ты стал совсем другим!

Зачем ты велишь отказать Умкатагену в последней просьбе? Умкатаген — хороший старик.

Эрмен был тоже очень возбужден, но говорил тихо, почти шепотом. На его лице выступил пот. Он говорил отрывисто, с остановками, словно следил: понимает ли русский все то, что говорит он, Эрмен.

Лось подошел к нему и, уже сдерживаясь, старался говорить так же тихо:

— Эрмен, давай сядем вот здесь на скамейку, поближе друг к другу.

Эрмен с испугом присел.

— Слушай, что я тебе буду говорить. Хорошенько слушай. Умкатаген — не очень старый человек. Я знаю его. Прошлую осень он еще управлял байдаркой на китовом промысле. Придет пароход, и русский доктор вылечит ногу Умкатагена. Я правильно тебе говорю. Я прикажу торгующим людям привезти такие машины для байдарок, которые будут их двигать без весел. Они будут плавать быстро, как шкуна. И вот я хочу, чтобы глаза Умкатагена увидели эту новую жизнь. Я правильно говорю! Ты сам сказал, что жизнь немного уже и сейчас изменилась. Ты понимаешь, что я говорю тебе?

— Да, я понимаю,— сказал Эрмен.

— На Большой земле есть мудрый человек. Ленин зовут его,— вставил Андрей.— Это он указал дорогу к новой жизни. Старый закон, закон Чарли-Красного Носа, Алитета, выбросили, уничтожили. Сделали закон новый, который помогает людям жить.

— Вот этот новый закон и запрещает убивать стариков,— начал опять Лось.— За ними надо ухаживать, хорошо присматривать, облегчать им жизнь. Иди, Эрмен, домой и скажи старику, что Лось не хочет, чтобы старик Умкатаген умирал. Скажи ему, что мне с ним еще нужно говорить...

Эрмен тяжело вздохнул и сказал:

— Не знаю!

Он взял шапку и пошел домой.

Ревкомовцы молчали. Лось ходил по комнате, изредка заглядывая в окно.

— Ну, как, Андрей? Убедили или нет?

— Нет. Ты думаешь, этот процесс ликвидации пережитков — легкий процесс? Ты думаешь, взял да и перевел их прямо в социалистическое общество? — Андрей встал и возбужденно закончил: — Нет, Никита Сергеевич, для этого надо еще поработать здесь. Да как! С большим тактом.

— Молод ты учить меня! — крикнул Лось. — Это я все без тебя знаю. Жизнь надо знать не только по книжкам... Я люблю брать быка за рога!

— Задушит, — услышал он за спиной голос Жукова.

— Тогда сейчас же одевайся и идем в ярангу! — решительно и резко повернувшись, сказал Лось. — Я не уйду оттуда до тех пор, пока не добьюсь своего.

При входе в ярангу стоял парень. Загородив собой дверь, он сказал шепотом:

— Сюда нельзя. Завтра можно.

Лось с силой отстранил парня и, согнувшись, нырнул в полог.

— Стой! — закричал он во весь голос. — Что вы делаете?

Он вырвал конец ремня из рук Эрмена и, ползая на коленях по шкурам, стал снимать петлю с шеи старика Умкатахена.

— Скажи, Андрей, — ты лучше меня говоришь, — что злой дух не будет обвинять ни старика, ни Эрмена, ни других. Пусть свой гнев он переносит на меня: я помешал задушить старика.

Андрей переводил, люди со страхом молча переводили глаза. Даже шаман с испуга забился в угол, злобно посматривая на русских. Никто не решался открыть рот. Вдруг старик Умкатахен, лежавший на шкурах, сам приподнялся и сказал глухим голосом:

— Зачем ты пришел сюда? Или кто позвал тебя? Уйди отсюда, потерявший разум человек.

Лось добродушно улыбнулся и вынул из кармана трубку и табак.

— Подожди, старик! Надо же покурить! — сказал он.

Старик недоуменно смотрел на него, видимо, не зная, что сказать на такую неразумную речь бородатого русского начальника.

— Давай закурим, старик! — протягивая табак, предложил Лось.

Старик молча повернулся к Лосю спиной.

— Давай, Умкатаген, покурим! Я тебе дарю свою трубку,— и Лось вложил ее в руку старика.

На лице старика показалась болезненная улыбка.

— Как ребенок этот русский начальник,— сказал он, подставляя трубку для табака.

Лось положил ему в трубку табак и поднес спичку.

Молча закурили.

— Теперь как быть? — обратился к шаману старик Умкатаген.

И от сильных переживаний и страха перед злым духом старик тихо заплакал. Он курил, и слезы текли по его печальному лицу.

Было так много необычного во всем этом, что даже шаман растерялся. Наконец он прошипел из своего дальнего угла:

— Скорей сменить надо имя старику, чтобы Келе не узнал его, запутать след.

— Какое же имя мне взять? — раздумывал вслух Умкатаген.

— Возьми, старик, русское имя,— сказал Андрей.— Тогда Келе совсем собьется со следа.

— Да, да, это правда! Келе не будет искать русского,— ухватился шаман за предложение Андрея.

— Как зовут того русского, который придумал новый закон жизни? — спросил Эрмен, обращаясь к Лосю.

— Ленин! Ильич!..

— Пусть старик возьмет себе это имя,— сказал Эрмен.

Медлить с выбором имени было нельзя. Старика тут же назвали Ильичем.

— Ну как, взял имя? — спросил шаман.

— Взял, взял! — торопливо и радостно ответил старик.

В пологе началось испытание.

— Умкатаген! — крикнул Эрмен.
— Умкатаген! — раздался голос шамана.
Но старик молчал.
— Ильич! — опять крикнул Эрмен.
— Вой! — поспешил отозваться бывший Умкатаген.
— Умкатаген! Ильич! Умкатаген! Ильич! — послышались окрики со всех сторон.

И каждый раз при упоминании имени Умкатаген в пологе воцарялось гробовое молчание, но как только кто-нибудь произносил имя Ильич, старик вздрогивал и спешил отозваться.

— Ну, Ильич, давай закурим! — весело сказал Лось.

Так Умкатаген исчез из яранги. В ней жил теперь совсем другой человек — Ильич.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Лось проснулся рано. Андрея в кровати уже не было.

«Опять убежал на охоту. Ничего, пусть поохочится», — подумал Лось, как отец, желающий доставить удовольствие сыну.

Он по-настоящему любил Андрея. Не всегда бывает с людьми, чтобы они, оказавшись длительное время вдвоем в тесной и маленькой каморке, изучив достоинства и недостатки друг друга, рассказав неоднократно один другому свои биографии, сохранили дружбу. Лось и Андрей были настоящими друзьями.

Лось затопил камбуз, разогрел консервы, напился чаю и принял за работу. Он сел за свой письменный стол и вдруг почувствовал боль в ногах. Осмотрев ноги, он заметил, что они немного опухли.

«Не цынга ли вселилась в мои ноги?» — подумал он по-чукотски.

Подойдя к зеркальцу, он тщательно осмотрел десны: они тоже немного припухли.

— Чепуха! — сказал Лось и сел за стол.

Последние дни он мало выходил из ревкома: писал годовой отчет в губревком. Он исписал целую кипу

бумаги. Нужно было коснуться всего, обо всем рассказать и, главное, все обосновать. Работа увлекла Лося.

«Чорт возьми, кто бы мог подумать, что из меня выйдет такой писатель!» — с усмешкой подумал он, разглядывая исписанные листы.

Жуков не возвратился с охоты и к вечеру.

«Как бы не оторвало лед. Будет тогда плавать по океану», — встревожился Лось и вышел посмотреть море.

Стоял полный штиль. Ледовые поля простирались так далеко, что глаз не охватывал их. Море было опасно. Заметив старика Комо, Лось направился к нему.

Комо сидел на китовом позвонке и покуривал длинную медную трубочку. Это был древний старик. За всю свою долгую жизнь он никогда не болел, но глубокая старость лишила его возможности далеко отлучаться от своей яранги. Лось хорошо его знал и никогда не проходил мимо, не перебросившись какой-нибудь краткой фразой.

— Ну, как жизнь, Комо? — спросил он.

— Хорошо. Все наши охотники там, — показал Комо длинной трубкой в море. — Теперь охота хорошая. Тюлени есть, лахтаки попадаются. Твой юноша тоже там.

— А не опасно так далеко уходить во льды?

— Нет, сейчас не опасно, — старик посмотрел на чистое небо и добавил: — Пять дней не будет ветра.

— Ну, хорошо, Комо. Пойду работать, — успокоенно сказал Лось.

«Какая может быть работа в избе?» — подумал Комо, но все же сказал:

— Иди, иди!

Лось сел за стол и стал составлять план проведения первомайского праздника.

«Речь я напишу, выучу ее и махну по-чукотски...»

Он долго писал тезисы этой речи, они никак не получались. «Кажется, простое дело. Первомайскую речь спросонок я сказал бы перед целой дивизией, а здесь не знаю, с чего и начать...»

Он вышел из-за стола и заходил по комнате.

«Маевка,— думал он,— не знают ведь они, что такое маевка... А борьба с самодержавием? Они знают только одну борьбу: выходят два человека, снимают с себя рубашки и начинают бороться. Как же сказать? Вот задача!»

До глубокой ночи просидел Лось. Много речей он побросал в камбуз и, глядя, как сгорают они, превращаясь в пепел, думал: «Вот и сказать так можно. Наболтаешь, наболтаешь, а следа и не будет — один пепел», — и, дергая себя за бороду, снова склонялся над столом.

Перед сном он вышел на берег, посмотрел еще раз льды.

Море было спокойно...

Ночью сильный стук в дверь разбудил Лося. Он вскочил и побежал к двери. Приоткрыв дверь, он увидел высокого мужчину, а за ним женщину с очень встревоженными лицами.

— Русскэ начальник, помогай теперь. Скоро, скоро помогай! — сказал мужчина.

— А вы откуда?

— Мы — Ярак и Мэри.

— А-а! Ярак! — Лось обхватив их обоих, повел к скамейке.— Садитесь, садитесь! Сейчас будем чай пить. С примусом умеешь обращаться?

— Умею! — ответил Ярак.

— Давай настраивай примус, а я сейчас приду.

Мэри молча следила за Лосем, ее внимание приковали к себе сильные руки русского бородатого начальника.

Когда они сели за стол и стали пить чай, вбежал Андрей.

— Э, да тут свадьба! А я бежал, думал, что-нибудь серьезное случилось... Здорово, Ярак! Здравствуй, Мэри! Четыре тюленя убил! — гордо сказал Андрей.

— Какомэй! — удивился Ярак и стал подробно рассказывать о себе и Мэри.

— Очень я хочу жениться. И Мэри хочет жениться, — сказал Ярак.

Лось достал толстую книгу и серьезно спросил:

— Жениться, значит, вздумали? Добре, добре! Без женитьбы человеку нельзя! Ну, что ж! Хорошо. Сейчас вас запишу. Сколько тебе лет, Ярак?

— Не знаю.

— Ну как же ты не знаешь?

— Мы не считаем. Когда маленьkim я пришел к Чарли, Мэри была моложе меня года на три.

— А Мэри сколько лет?

Мэри, прячась за Ярака, сказала:

— Чарли говорил, этим летом мне будет двадцать один год.

— Значит, Яраку теперь двадцать четыре. Так оно и есть. По лицу видно.

Ярак и Мэри пристально всматривались, как русский начальник что-то искал в большой женитьбенной книге.

Лось крупным, размашистым почерком написал:

«С П Р А В К А

Дана гражданину Яраку и гражданке Марии Чарльзовне Томсон в том, что они зарегистрированы в браке Управлением уполномоченного Камчатского губревкому, что и удостоверяется.

Уполномоченный Камчатского губревкому
по Чукотскому уезду *Лось*.

Секретарь *Жуков*.

Лось прочитал бумагу вслух при величайшем внимании новобрачных.

Ярак встал и сказал:

— Надо вычеркнуть из этой бумаги Чарли. Зачем он тут?

Ярак увидел, как Лось вынул из ящика красный камень, зажег его спичкой. Из камня потекла густая кровь, словно из раненого тюленя. Он накапал этой крови на справку, плонул на печать и гулко стукнул ею, сильно прижав бумагу к столу.

Ярак и Мэри с замиранием сердца следили за каждым движением бородатого, который привез такой хороший новый закон.

Лось вручил справку Яраку.

— Поздравляю вас,— сказал он и пожал им обоим руки.— Молодец, Ярак! Революционер ты! Переведи ему, Андрей!

— Попробуй переведи слово «революционер», это не так просто,— ответил тот.

— Не горюй, Андрюша, переведем! Все поймут это слово! Поймут!

Ярак взял женитьбенную бумагу и спрятал ее за пазуху.

— Куда же теперь, Ярак? — спросил Лось.

— В горы, к оленным чукчам. Рультина велела жить у ее брата Гаймелькота. Потом опять на берег, когда умрет Чарли,— весело сказал Ярак, подмигнув Мэри.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Слух о бегстве Ярака и Мэри облетел все стойбища побережья. Люди только и говорили об этом. В каждой яранге радовались за Мэри и в то же время боялись за нее. Чарли-Красный Нос может рассердиться. Но ведь он теперь не очень сильный товарищ человек. Совсем слабый!

Все знали, что Мэри не давали мужа, и все женщины побережья со вздохом говорили об ее тяжелой участи. Но удивительней всего то, что бородатый начальник не на стороне Чарли-Красного Носа, а на стороне Мэри. Оказалось, что он понимает и в женском деле!

Слух этот дошел и до стойбища Энмакай. Тыгрена особенно переживала необычную новость. Но ей не с кем было поговорить об этом. Наргинаут, с тех пор как уехали американцы, стала плохо относиться к Тыгрене. Тыгрена чувствовала себя одинокой. Единственная радость — ребенок: «Вот он, вот он!» И она щупала свой большой живот. Все-таки она становится настоящей женщиной.

Пользуясь отсутствием Алитета, она решила сходить в ярангу старика Ваала. Встретившись с Алек, Тыгрена радостно сказала:

— Я слышу, как он живет у меня здесь, в животе!

Все: и старик Вааль, и Алек, и в особенности Ваамчо — порадовались за Тыгрену.

— Алек! Люди говорят, что бородатый начальник

сказал Мэри: человеку без женитьбы нельзя жить... Бумагу женитьбенную сделали им с огнем и кровью. А ведь чужой человек он... и белый...

Старик вынул изо рта трубку и сказал:

— Да, он понимает. У него олены глаза. Вааль сразу узнает хороших людей. Зверя по повадкам узнаю, о чем он думает, и человека вижу по глазам, какой он есть. Многие танги бывают у нас, а что хочет наше сердце, понять не могут. Бородатый понимает! — Старик потянул трубку, подумал и продолжал: — А все-таки и он ошибся. Один раз ошибся. Не надо было ему останавливаться в нашей яранге. Я так и думал, что Алитет заберет капканы обратно. Где теперь возьмем капканы? Человек без капканов — все равно, что нарта без собак. Руками за хвост песьца не поймаешь...

— Вааль, вчера Алитет ругался: слух дошел, будто новый американ капканы в долг дает. Бородатый ему велел давать.

— Кто принес этот слух? — спросил Ваамчо.

— Не знаю, — ответила Тыгрена. — И капканы уже дают. Алитет хорошо узнал. Поэтому сердился и ругался.

— Мне тоже говорил русский начальник, но тогда я думал: может быть, неправду говорит, а выходит — правда, — обрадовался Ваамчо.

— Тебе, Ваамчо, надо поскорей поехать к новому американу и узнать самому, — сказал Вааль. — Ты теперь начальник здесь. И людям надо рассказать новости.

— Правильно, Ваамчо. Надо тебе съездить самому. Алитет прячет эту новость. Он дома проговорился, когда был сердит. Он очень не любит бородатого и боится его. Бородатый громко разговаривал, когда приходил к нам. Не велел ему больше торговаться... Теперь Алитет ускакал к Чарли, наверное, жаловаться, — сказала Тыгрена.

— Пусть жалуется. Чарли-Красный Нос теперь слабый. Его, как собаку на цепочку, привязали, — заметил Ваамчо.

— Пожалуй, Алитет захочет поехать к Гаймель-

коту. Собак отнять у Ярака. Это он подарил Чарли-Красному Носу упряжку. Может быть, и Мэри заберет?

— У Ярака женитьбенная бумага есть,— сказал Ваамчо.

— Слух идет, что тавро на ней сломалось во время сна: под головой лежала бумага. Остался маленький красный кусочек. Ярак заделал бумагу в дерево и носит ее за пазухой. Но теперь, пожалуй, она испортилась, если сломалось тавро? А зачем она, женитьбенная бумага? — спросила Тыгрена.

Старик Вааль поднялся и ответил вопросом:

— Зачем в стаде находится пастух? Оленей охранять от волков. Может, женитьбенная бумага, как пастух, сторожит молодых? Кто может знать все тонкости нового закона?

— Понять трудно, а все-таки интересно,— сказала Тыгрена,

— Тыгрена, где теперь Айе? — спросил Ваамчо.

— По слухам, он далеко откочевал, за хребты. К лету, говорят, к берегу будут кочевать. Женился, наверное, он.

— А ты, Ваамчо, обязательно поезжай к новому американу. Эти капканы новости надо поискать. Случится, что останемся без капканов,— сказал опять старик. Он чиркнул спичку, раскурил трубку и продолжал: — Много новостей стало ходить по берегу. Может, случится неладное? Сон я видел: заяц пожирал волка. Слабый заяц, а пожрал.

В стойбище Лорен происходили свои события.

Мистер Томсон возненавидел всех и в особенности Рультыну. Однажды он хотел было ударить ее, но из опасения нажить еще больше неприятностей воздержался. Он никого не пускал к себе в комнату и сам готовил пищу. Из дома стал выходить, когда люди ложились спать. Томсон перестал бывать даже у мистера Саймонса.

«Мистер Саймонс хочет, чтобы я бросил Мэри здесь,— думал Томсон.— Он хочет, чтобы Чарльз Томсон взял с собой в Канаду одни банковские бумаги, без наследников. О, Чарльз Томсон все это

отлично раскусил! Он хорошо понимает, в чем тут дело! Он понимает, что эта лиса Саймонс себе на уме».

И вскоре без всяких видимых причин мистер Томсон перестал встречаться с мистером Саймонсом.

Охотники перестали сообщать новости Чарли-Красному Носу, и он был в полном неведении, что творилось вокруг него. Он даже не знал, где теперь находятся Мэри и Ярак. Когда же он видел в окно, как мистер Саймонс проветривал пушину, Чарльз Томсон не находил себе места. Заложив руки за спину, он кружил по комнате. Весь порядок его культурной жизни нарушился совершенно. Он даже не зачеркивал числа в рукописном календаре, перестал читать газеты, журналы.

Теперь уже без всякого расписания мистер Томсон ложился в постель и мучительно долго лежал с открытыми глазами.

«Скорей бы приходило лето... Скорей бы ушли льды, и тогда ни одной минуты я не останусь здесь. А дети? В них течет норвежская кровь. Смесь с этой... дикарской... Нет, нет! Мальчик Бэн — совсем европеец. Это мой настоящий сын. И Мэри... А Берта? Одно имя — и больше ничего. Бэн неграмотный! В двенадцать лет неграмотный Бэн! Разве в цивилизованной стране у состоятельного отца возможно это?.. А здесь он беспечно бегает по ярангам, вместе с людышками жрет, и с удовольствием, это ужасное мясо. Как я не видел этого раньше?»

Мистер Томсон вскочил с кровати и нервно заходил по комнате.

В окно он увидел Алитета, стоявшего с мальчишками около нарты. Мистер Томсон выбежал на улицу.

— Сколько времени я поджидаю тебя! — обрадованно воскликнул он.

— Тундру объезжал. Долги собирал.

Они вошли в комнату.

— Худое время пришло, Алитет, — садясь в качалку, сказал Чарли.

— Ой, худое, Чарли. Уши не хотят слушать о русском начальнике. Глаза не хотят смотреть на него.

Направляясь к тебе, хотел объехать его. Только пришлось завезти ему песцов. Штраф какой-то,— и Алитет вытащил квитанцию.

— О, сто песцов! — мистер Томсон вскочил и выругался.— Это же грабеж. Разбойник! Вор крадет, когда хозяина нет дома, а он забрал песцов из твоих рук! У меня тоже забрал сорок три песца!

— У меня сердце выскакивало наружу, когда мои глаза смотрели, как другой русский заталкивал песцов в свой мешок. Зачем такой начальник появился на берегу? Без него было хорошо, большие дела начались!

— Еще какие новости ты слышал? — нетерпеливо спрашивал Томсон.

— Не велел торговать со шкунами. Если буду торговать, заберет у меня все... и собак заберет.

— А сейчас сколько собрал ты хвостов?

— Ой, много! Все спрятаны. Буду опять ждать Брауна. Он хорошо вел торги со мной. Еще на бумагу торговал, — и Алитет вытащил «обязательство Тэки-Черного Жука».

Мистер Томсон протер свои очки и стал читать.

— Что? Или плохая бумага? — следя за выражением лица Чарли, тревожно спросил Алитет.

— Подожди, подожди. Я еще почитаю. Что-то я плохо вижу, — ответил Чарли, соображая, что ему сказать; протирая очки и будто прочитав опять, он сказал: — Это очень хорошо, Алитет! Ты стал настоящим торгующим человеком. Это бумага — все равно что товары. Ты всегда по ней получишь. Я ведь тоже так делаю. Но я забыл тебе сказать, что мистер Браун в это лето не придет. У него поломалась шкуна. Чинить надо долго.

— Ай-я-яй! — покачивая головой, сказал Алитет.— Браун сам боялся, шкуна у него была очень легкая для шторма. Я положил в нее все моржовые бивни и китовый ус, которые записаны в бумаге, и все-таки, наверное, было мало.

— Конечно, мало!

Мистер Томсон умышленно лгал Алитету, чтобы не посеять в его голове недоверия ко всем без исключения.

ния белым людям. Мистер Томсон сам задумал напоследок крупно обмануть Алитета.

— Кому же теперь я продам пушину? Много ее у меня. Новому американцу не буду продавать. Он заодно с бородатым русским.

— Правильно, Алитет! Придется в это лето самим везти пушину в Америку. На твоем вельботе можно хорошо доехать.

— Да, мой вельбот хороший, крепкий.

— Ты отвезешь меня до американского берега, у меня ведь тоже скопилось полторы тысячи хвостов. Зимой, когда в Америке бывают высокие цены, я продам свою и твою пушину и потом вместе с мистером Брауном приедем к тебе. Это мой торговый друг. К Энмакай на шкуне мы подходит не будем, а пройдем немного дальше ущелья, чтобы лишние глаза не смотрели. Понимаешь?

— Правильно,— шепотом сказал Алитет.— Не надо показываться Ваамчо. Он совсем стал плохим человеком, опять в дружбе с русским.

— А на твою пушину, Алитет, я сделаю тебе такую же бумагу, как и мистер Браун.

— Хорошо, Чарли! Очень хорошо!

— Рынтеу остерегайся, Алитет. Его тоже начальником поставили здесь. Ха, ха! Начальник! Он не нажил бы яранги, если бы я не помогал ему. Русский начальник портит людей. Боюсь я, Алитет, что русский начальник помешает нам увезти пушину.

— Убить его! — таинственно прошипел Алитет.— И склад нового американца сжечь. Тогда опять с тобой будем вести торг. Убить его надо. Он и девушку твою помог увезти. Живут теперь в стойбище Гаймелькота.

— Они живут у Гаймелькота? — переспросил Чарли.

— Да, у него.

— У брата Рультыны?

— Да, да.

Мистер Томсон закурил и прошелся по комнате.

— Чарли, вот если бы русского заманить в горы, там я бы убил его,— оглядываясь на дверь, шепотом сказал Алитет.

— Хочешь, я тебе устрою встречу с ним в горах?

— Ай, как хочу! Но как ты это сделаешь?

— Подожди, я сейчас вернусь.

Мистер Томсон насыпал около двери мусора и позвал Рультыну.

— Что же ты, сводница, спровадила Мэри к Гаймелькоту и думаешь, что эту грязь у порога я должен вычищать? Убери сейчас же! — крикнул он.

Намеренно не прикрыв дверь, он вернулся в комнату. Рультина с лопаточкой подошла к двери и услышала, как Чарли громко говорил:

— Алитет, поезжай сейчас же к Гаймелькоту, забери Мэри и моих собак.

Чарли подошел к двери, плотно закрыл ее и, наклонясь к Алитету, тихо добавил:

— Она услышит и разнесет эту весть быстро. Наверное, дадут знать русскому начальнику. Вот, может быть, ты с ним и встретишься в горах.

Глаза у Алитета загорелись, забегали:

— Ай, Чарли, какая у тебя большая голова! Американская голова! — воскликнул Алитет, сверкая глазами.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Стояло тихое утро. Ни крика, ни писка, ни шороха. Ничто не нарушало безмолвия тундры. Воздух струился в долинах и ущельях гор. Порою казалось, что воздушные потоки ощущимы и льются так же плавно, как воды огромных рек в тихую погоду. И над всей великой тундрой повисло необъятное, без единого облачка, глубокое синее небо.

Из норы выбежал проворный и шустрой песец. Он уже не был таким белоснежным, как в разгар зимы. Бесенное солнце подпалило его, и песцовая шубка стала чуть-чуть желтеть. Песец беспокойно и торопливо огляделся по сторонам и тут же скрылся в свое подземелье. Это была самка.

Вскоре из норы один за другим вылезли восемь щенков. Они были еще совсем глупыми и, сгрудившись, толпились около норы. «Мамаша» мордой рас-

швыряла их в разные стороны и убежала на промысел. Молодые песцы робко, но с любопытством оглядывались по сторонам. Они впервые осматривали мир, греясь в ласкающих лучах утреннего солнца. Оно светило мягко и будто умывало их своими длинными лучами. Щенки разыгрались. Но вдруг над ними закружилась, тяжело махая крыльями, полярная большеглазая сова. Молодые песцы в одно мгновение скрылись в свое подземное жилище.

Забившись в нору, щенки нетерпеливо поджидали заботливую «мамашу». Она обязательно принесет им что-нибудь: мышей, или куропатку, или кусок оленевого мяса — остатки волчьей пищи, или мясо нерпы, подброшенное охотником.

Самка гнала мышь на своих еще не умудренных опытом детенышней, и они, вздернув черные носики, нервно подняв лапки, вдруг бросались на мышь, военная в нее острые коготки. Так молодые песцы постигали жизнь. Окрепнув, они разбегались в просторы тундры, оставляя на снегу цепочки своих следов.

Из яранги, тоже будто из темной норы, вышел старик Бааль и замигал, глядя на подымавшееся из-за моря солнце. Бааль потуже затянул поясок и не спеша пошел в тундру искать песцовье норы. Все надо заранее разузнать, чтобы с толком разбросать приманки и еще до начала охоты приучить песцов к определенным местам.

Старик шел, а впереди качалась его голубая тень, Бааль думал: теперь ружье стоит два песца, а чаю можно купить за одного песца на целый год. Как же не позаботиться о том, чтобы охота была удачной?

Старик Бааль залез на холмик, поднял руку, и длинная дрожащая тень ушла далеко в тундру и легла на блестевшем снегу до самого края земли.

Он поводил рукой из стороны в сторону, любуясь тенью. Она образовала такой угол, что за целый день его не обскакешь на собаках. Бааль долго ходил в тундре, примечая места. К вечеру он устал и, встретив гранитный валун, нагревшийся от солнца, сел на него и задремал.

Старик ушел с утра и в этот день не вернулся.

Лишь на третий день старика Ваала нашли мертвым, с вырванным ухом. Щека была содрана, и виднелись остатки зубов. Когти бурого медведя оставили на лице старика страшный след. Вааль, скрючившись, лежал под тушей медведя. Одна рука старика почти по локоть была засунута в пасть зверя, другая крепко обняла его мохнатую шею. Видимо, медведь напал на спящего старика, но Вааль ценой своей жизни победил хозяина тундры.

Не часто умирают люди так, как умер старик Вааль. Во всех ярангах только и говорили, что об этой печальной новости. Умер знаток моря, хороший советчик, умер в схватке с бурым медведем, как настоящий охотник.

Ваамчо сильно горевал по отцу. После похорон отца Ваамчо совсем не выходил из яранги. Обычай запрещал и охотиться тридцать дней. Алек ушла на речку за пресным льдом, и Ваамчо, печальный, один со своими думами, сидел в пологе и курил трубку. Мать свалилась с обрыва, отца задрал медведь. Нехорошо, когда просторно в яранге. Скучно. Скорей бы дети заводились. Надо, чтобы шумно было в яранге.

На улице в толпе охотников стоял Туматуге. Он возбужденно рассказывал последнюю новость, которую только что узнал от шамана Кораяге.

— Ваамчо стал присидатель,— говорил Туматуге.— Зачем такое прозвище нашим людям? Кораяге сказал: потому и погиб старик Вааль. Ну, какой Ваамчо начальник? У него нет даже полной упряжки собак. Семь собак вместо двенадцати! Духи невзлюбили такого начальника-присидателя! Потому беда и настигла.

Охотники с трепетом слушали Туматуге. О, Туматуге всегда первым узнает разные новости! Никто так часто не бывает в пологах Алитета, как Туматуге.

— Да и зачем на берегу начальники? — спрашивал Туматуге.— Никогда их не было. Люди жили и рождались без начальников. Их выдумал бородатый русский. А зачем? Никто не знает. Наверное, бородатый захотел развести на берегу свое племя начальников-присидателей? Так говорит Кораяге. А Кораяге знает жизнь! — Кораяге сказал,— продолжал Туматуге,— что медведь учゅял присидателя и пришел так близко к берегу. Этого

никогда еще не было. Бурый медведь — житель гор. Зачем бы ему приходить сюда?

«А, пожалуй, правда, — думали охотники, — не задирал же медведь старика Ваала, когда Ваамчо не был присидатель?»

И людям все стало сразу понятно. Они лишь удивлялись тому, как правильно все это разгадал шаман Кораяге. Самим бы и не догадаться!. Новое слово «присидатель» носилось по побережью, как птичье перо, подгоняемое бурей.

Охотники долго говорили о последней новости, которую принес Туматуге. Эта новость проникла и в ярангу председателя родового совета Ваамчо. Ее принесла взволнованная Алек. Она положила лед в кадку и со страхом рассказала Ваамчо о том, как Кораяге узнал о замыслах медведя. Будто медведь должен еще притти и задрать ее, Алек, если Ваамчо останется начальником.

То, что рассказала Алек, еще больше омрачило Ваамчо. И председатель родового совета стал думать так же, как думали все люди стойбища Энмакай.

Из засаленного ящичка Ваамчо вытащил бумажку, которую оставил ему Лось. В бумажке было сказано, что товарищ Ваамчо — председатель Энмакайского родового совета. Ваамчо не умел «разговаривать» с бумажкой, но об этом разговаривал с ней сам русский начальник. Тогда все это было забавно, даже вызывало улыбку, а теперь вот к чему привела эта забава: не стало отца.

Ваамчо долго вертел в руках бумажку, смотрел на нее и все думал, думал.

Алек присела рядом с ним. Одним движением плеч она опустила меховую одежду, прижалась к спине Ваамчо и, взяв руку мужа в свою, тихо проговорила:

— Ваамчо, люди велят сходить тебе к Кораяге... Я знаю, ты не любишь его. Но все равно надо итти... Люди не станут говорить зря. Человек, живущий в моем животе, сильно хочет, чтобы ты сходил к Кораяге. Он не хочет, чтобы еще приходила беда в нашу ярангу.

Ваамчо взглянул на жену. Глубокая печаль была на его лице. Он положил руку на ее живот, погладил его и сказал:

— Скажи ему, этому человеку, живущему в тебе, что я пойду сейчас к Кореуге.

Ваамчо накинул кухлянку, свернул бумажку, опустил ее за пазуху и вышел.

Сияющим, довольным взглядом проводила его Алек.

Склонив голову, Ваамчо молча влез в полог шамана, как провинившийся подросток. Кореуге сидел один, скоблил голову когтистыми пальцами и ловил насекомых.

Не дождавшись обычного приветствия, Ваамчо поднял глаза на шамана и сказал:

— Кореуге, теперь и я знаю, почему погиб мой отец. Вот она, бумажка-присидатель.

— Дай-ка ее сюда! Ее надо разглядеть как следует! — недовольно прохрипел Кореуге.

Шаман сощурил глаза, трясущимися руками разгладил бумажку на своей голой коленке и пристально стал рассматривать ее на свет жирника.

— Ишь какая! Из руки вырывается! — глухо сказал он.

Кореуге вцепился ногтями в бумажку и долго смотрел на нее, затаив дыхание.

Ваамчо не сводил с него глаз.

— Придвинься ко мне! — поманил его Кореуге. — Смотри сам... На ней виднеются горы!.. Видишь? А вот с краю выглядывает медвежья голова...

Ваамчо взглянул, и чувство великого страха овладело им. Внизу, там, где стояла печать, действительно будто выглядывала медвежья голова, виднелись очертания гор.

— Перестань быть присидателем! А бумажку надо сжечь на костре, на таныгинском костре. Наскобли стружек из таныгинских дощечек, полей их таныгинским светильным жиром и... спали ее! Берегись, чтобы ее зловонный дым не пошел на яранги. Пусть соберутся все люди стойбища. Пусть смотрят, как она будет корчиться и шипеть, беспомощная и бессильная против духов. Не сделаешь так, придет Он и задерет

Алек, когда Алек будет собирать съедобные корешки растений. На, забери ее!

И шаман Корауге с отвращением бросил бумажку на пол.

Ваамчо поймал ее и вылез из полога. В сенках он встретился с Тыгреной. Он неловко улыбнулся ей и тут же испугался ее взгляда. Тыгрена поддерживала руками свой большой живот и смотрела на Ваамчо немигающими глазами. Она махнула рукой в сторону двери и тихо сказала:

— Ступай! Какой ты, Ваамчо, глупый тюлень!

Ваамчо прибежал домой и торопливо рассказал жене о разговоре с Корауге.

Алек выслушала его, трепеща от страха.

— Скорей сожги ее, Ваамчо! Скорей! Я боюсь!

— Алек, а может, обманывает Корауге? Он недобрый шаман. Он злой и коварный.

— Нет, Ваамчо, не обманывает. Зачем ты говоришь такие слова? Вот тебе дощечки от ящика. Скорей наскоили стружек, а я пойду сказать людям, чтобы собирались к костру.

Вскоре люди пошли на окраину стойбища. На снежном холмике, где когда-то Ваамчо зарезал свою любимую собаку Чегыт, он разложил стружки. Люди полу кругом обступили костер и с затаенным дыханием следили за шаманом. Корауге вынул из-за пазухи бутылку с керосином, побрызгал на стружки и сказал:

— Поднеси спичку!

Ваамчо поджег костер, который вспыхнул так быстро, что ему пришлось отскочить.

— Скорей бросай,— торопил шаман.

Ваамчо бросил бумажку в огонь. Она в один миг сгорела, не оставив следа.

Костер быстро потух.

— Насыпь сюда снега, чтобы ветер сровнял и уничтожил следы этого опоганенного места.

А когда Ваамчо шел домой, он думал: «Тот же запах, что и на приманках, которые лежали у Трех Холмов. Этот запах таныгинского светильного жира нельзя забыть... Но что такое? Все женщины пришли к костру, и только одной Тыгрены не было. Что бы это

могло значить? Почему сердито смотрела Тыгрена, встретившись в сенках? Трудно догадаться, о чем думает Тыгрена».

В тот момент, когда люди шли к костру, Тыгрена почувствовала приближение родов и быстро залезла в свой особый полог.

Женщина должна рожать одна, и никто не должен присутствовать при этом. Даже заглянуть к роженице никому не разрешалось. Нельзя было зажечь и светильник. Ведь коварства злых духов неизмеримы. Нужно скрыть то место, где будет рождаться человек. Но духи, они пронырливы. Вон уже поднялся сильный ветер. Сухие моржовые шкуры на крыше яранги зазвенели.

В темном пологе Тыгрена расположилась на заранее подготовленных оленьих шкурах. Страшные боли разрывали ее, но она знала, что теперь ей нельзя ни кричать, ни стонать. Злые духи не должны знать, что здесь рождается человек. Разве она не хочет стать матерью? Она старалась заглушать невыносимые боли думами о том, что вот сейчас появится новый человек, который вырастет и будет или настоящим охотником, или настоящей женщиной.

Беспредельная радость боролась с ощущением мучительной боли. Сквозь слезы она то улыбалась, то чутко, настороженно и боязливо прислушивалась к ветру. Иногда она переставала дышать из опасения обнаружить себя. Ветер гудит, и злой дух, наверное, находится где-то поблизости.

С волнением и тревогой в душе она ждала: не закричит ли новый человек? Тыгрена знала от других женщин, что роды бывают трудные, и тогда помогают роженице, выдавливая ребенка доской. Но в таких случаях злой дух быстро узнает место, где рождается человек, и ребенок погибает.

Нет, Тыгрена не подаст голоса, даже если будет родить три дня. Она лучше молча умрет.

Вдруг ей невыносимо захотелось кричать. Она до крови укусила свою руку, чтобы перенести боль в другое место. И всякий раз, как только она начинала терять сознание, Тыгрена, собирая силы, принималась кусать себя.

Ей стало жарко. Захотелось пить. Губы стали сухими. Но она теперь была нечистой женщиной и не могла пользоваться общей посудой, а свою не успела поставить.

Около полога столпились женщины. На их лицах было беспокойство, и каждая из них молча прислушивалась, не закричит ли ребенок, не позовет ли Тыгрена на помощь. В такой сильный ветер можно и не услышать слабый голос уставшей женщины. Но в пологе стояла мертвая тишина.

Ночью Тыгрена, наконец, услышала голос маленького человека. Это прибавило ей сил, и Тыгрена сама приняла ребенка. Она перевязала волосом из своей косы пуповину, перегрызла ее, присыпала пеплом жженой бересты и, обессиленная, улыбающаяся, радостная упала на шкуры.

Новый человек кричал.

Тыгрена с усилием приподнялась и, в темноте всматриваясь и обнюхивая ребенка, шепотом проговорила:

— Кричи, кричи! Не будь таким тихим, как твой отец Баамчо.

Женщины, услышав крик ребенка, переглянулись. Одна из них полезла к Тыгрене. Женщина зажгла свечильник, взяла ребенка и вынесла его из полога. Ребенка быстро обтерли снегом и вернули к теплому телу матери.

— Еще прибавился один охотник в нашем стойбище,— сказала женщина.

К стойбищу подкатил Алитет. Он был мрачен и, не отвечая на расспросы людей, молча направился к своей яранге. Едва он вошел в сенки, как услышал громкий плач. Алитет остановился, прислушался и спросил:

— Кто это?

— Сын родился, Алитет,— ответила женщина.

Алитет, сбросив с себя кухлянку, торопливо направился в полог жены. Тыгрена дремала.

Алитет нагнулся над ребенком и долго рассматривал его. Наконец он оторвал ребенка от матери и посмотрел ему в глаза.

Тыгрена приподнялась, молча схватила ребенка и прижала к груди.

— Я думал, у него будут светлые, американские глаза, а они обыкновенные! — недовольно проговорил Алитет.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Чудовищные слухи ползли по всему побережью, от одного стойбища к другому. Так наползает тяжелый туман, постепенно скрывая от солнца одну за другой яранги, расположенные на берегу моря.

Новый закон жизни, привезенный издалека русским бородатым начальником, быстро превратился в дух болезни, несчастья, напасти. Слухи росли и, как ручьи рек в половодье, сливались в общий поток.

Вскоре после того, как Ваамчо сжег на костре свою бумагу, в ревком прискакали почти все председатели родовых советов. Взволнованные, они толпой вошли к Лосю.

Лось был очень удивлен неожиданным появлением своих председателей.

— Что случилось, товарищи? — не без волнения спросил он.

Из толпы выступил пожилой охотник, снял шапку и вытер ею свое вспотевшее лицо.

— Начальник! Возьми обратно эту бумагу, которую ты оставил в моей яранге. Она отняла у меня сон. Моя жена после того сильно захворала. Я боюсь оставаться начальником-присидателем. Возьми ее обратно. Пусть начальником будет наш шаман Аяк. Ему можно. Он сам отгонит злых духов, если случится беда. Он будет хорошим начальником, — сказал председатель родового совета и положил свою бумагу на стол.

— Ну, а другие зачем приехали? — спросил Лось.

— Тоже привезли бумажки, — послышались голоса.

— Хорошо! Кладите их на стол! Но знайте, что шаманов в председатели я назначать не буду. Так и передайте им.

Все председатели один за другим выложили на стол свои удостоверения. И только один, предсе-

датель Лоренского родового совета, старик Рынтеу, стоял неподвижно и с недоумением посматривал на всех.

— А ты, Рынтеу, почему не кладешь на стол свою бумагу?

— Моя бумага осталась дома, в коробочке из-под чая,— ответил старик.

— Почему же ты не захватил ее с собой?

— Я приехал по другому делу.

— Ага-а! Хорошо! — обрадовался Лось и молча вытащил трубку. Не торопясь, при всеобщем молчании, набил ее табаком, закурил и обратился к старику: — Придется подождать тебе, Рынтеу, пока закончим разговор с людьми.

— Можно подождать,— ответил старик.

Председатели, одетые в меховые темнокоричневые кухлянки, стояли, плотно прижавшись друг к другу. На их темных, обветренных лицах горели от возбуждения глаза. Все они смотрели то на Лося, то на старика Рынтеу. Никто из них не решался даже закурить.

— Товарищи! — обратился к ним Лось. — Теперь послушайте меня. Я знаю, почему вы приехали сюда. Новости не обходят мимо и наше селение. Вы думаете, мне самому не жаль старика Ваала? Очень жаль. Это был мой большой друг. Это был человек с большим понятием. Хороший старик. Человек с настоящим сердцем.

Председатели насторожились.

Лось потянул трубку и продолжал:

— Но я хочу всех вас спросить об одном: до того, как появились в ваших ярангах вот эти бумажки, у вас кто-нибудь умирал?

Толпа молчала.

— Ну, говорите! Почему вы молчите?

— Люди каждый год умирают на побережье, — послышался голос из толпы.

— Унесенные на льдах охотники погибали?

— Каждый год случается.

— Медведи никогда раньше не задирали людей?

Охотники молчали.

Тогда, медленно раздвигая толпу, к столу прошел старик Рынтеу.

— Я буду говорить,— начал он.— Я постарше всех вас. Я раньше всех вас увидел солнце. Когда Чарли торговал, все вы останавливались у меня в заезжей яранге. Нет другой яранги на побережье, которая бы слышала столько новостей, сколько моя. Я помню все новости. Каждый год бурые медведи задирают то одного, то другого пастуха. Прошлое лето пастуха Чангу, когда он спал в тундре, кто задрал? Не ты ли, Котьхыргын, привез эту новость в мою ярангу? Я слышал ее вот этими ушами,— старик подергал себя за уши и продолжал: — Вы что? Вы неразумные тюлени? Зачем вы многое стали забывать? Это плохо! Надо помнить! — и старик пошел на свое место.

Лось, расправив бороду, встал и заговорил:

— Товарищи! Кто-то вас обманывает. Выходит, людей задирали медведи и до этих вот бумажек. Я думаю, что вас обманывают нехорошие люди. Плохие люди. Те люди, которые не хотят хорошей торговли. Может быть, они опять сами хотят торговать по-старому, как Чарли-Красный Нос, как Алитет? Как вы думаете? Но я торговать им не дам.

Люди долго молчали. И, наконец, Котьхыргын подошел к столу, взял бумажку и сказал:

— Я забираю бумажку обратно.

— Подожди, подожди, Котьхыргын! Может быть, ты не свою берешь, надо посмотреть!

— И я возьму... И я... И я...— послышались голоса.

Лось отыскивал удостоверения и вновь вручал их своим председателям.

— Локе, где Локе? Вот его бумажка осталась.

— Локе ушел. Он не хочет брать,— сообщил кто-то.

Лось долго разговаривал с председателями. Лишь к вечеру они разъехались по своим стойбищам.

Вечером вернулся с охоты Жуков, и Лось рассказал ему о происшествии.

— Трудно, Никита Сергеевич, вдвоем нам охватить все побережье,— задумчиво сказал Андрей.

— Учителей, Андрей, надо, инструкторов. Свои фактории. Американцы нам в этом не помощники.

Разъяснять народу надо все. С шаманами повести борьбу.

— Все это так, Никита Сергеевич, но этого недостаточно. На одной разъяснительной работе далеко не уедешь. Я думаю, что сначала охотникам нужно дать больше для глаз, чем для ума.

— Глупости говоришь. И то и другое нужно.

— Ты дослушай до конца. Вот, скажем, завезти бы сюда с десяток вельботов и раздать их кое-где с толком. Производственная сторона — самое великое дело, Никита Сергеевич.

— Да мы же писали, Андрей, об этом в начале зимы. Надо помнить, как говорит старик Рынтеу. Может быть, только не обосновали как следует? Да-вай-ка посмотрим по исходящим, что мы там написали.

Они нашли «вельботную» копию, и Лось внимательно прочел ее.

— Ну, конечно, это совсем не то! Надо по-другому обосновывать такие дела. Надо прямо сказать здесь: моторные вельботы — основа реконструкции здешнего отсталого зверобойного хозяйства. Доставай из ящика пакет номер девяносто три, сейчас мы это переделаем.— Лось усмехнулся и добавил: — Единственное удобство нашего Наркомпочтеля: всегда под руками почта. Натворишь что-нибудь в донесениях, а к концу года схватишься за затылок, возьмешь да и переделаешь. Пусть в губревкоме удивляются, как быстро мы разобрались здесь во всей жизни охотников.

— Да, Никита Сергеевич, к нам не относится поговорка: слово не воробей... Что-нибудь не так нацараем, пакет за хвост и в переделку,— смеясь, сказал Андрей и выссыпал на пол всю «почтую», уже «отправленную» в разное время. Ползая, он нашел пакет № 93.

— Открой осторожно, чтобы можно было туда же запечатать новый текст.

В дверях показался старик Рынтеу.

— Куда же ты скрылся, Рынтеу? Я уже хотел тебя искать. Какое у тебя было дело? — спросил Лось.

— Плохое. Очень плохое. Рультина приходила ко мне с дурной новостью. Чарли послал Алитета к Гаймелькоту забрать Мэри и отнять собак у Ярака.

Лось переглянулся с Андреем.

— Худое дело,— продолжал Рынтеу.— У Руль-тыны, пожалуй, разум помутится...

— Да, дело неважное,— сказал Лось.— Что же нужно, Рынтеу? Как ты думаешь?

— Не знаю,— уклончиво ответил старик.— Наверное, ты знаешь сам.

— Надо ехать вслед за Алитетом,— сказал Лось.
Старик одобрительно закивал головой.

— Никита Сергеевич, без проводника в горы не поедешь,— вмешался в разговор Андрей.— Обязательно заблудишься.

— Я хорошо знаю, куда ехать. Раньше Чарли посыпал меня в горы за шкурками. Я покажу дорогу,— сказал Рынтеу.

— Очень хорошо. Поедем, Андрей, дорезывать крылья Алитету. Я ему там покажу! Сколько дней ехать, Рынтеу?

— Теперь пришло полуночное солнце. В четыре дня доедем.

— Не совсем близко. Но ехать надо. Кстати, посмотрим, как люди живут в горах. Решено! — сказал Лось.— Вешай, Андрей, замок на ревком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Жарко светило майское солнце. Было уже совсем тепло, хотя кругом лежал рыхлый, тяжелый снег. Чернели только склоны гор, на которых снег не держался даже зимой: сдували ветры.

Лось стоял в долине и смотрел на горы, уходящие вдаль.

«Что в этих горах есть? — думал Лось.— Может быть, платина, золото или железо? Никто не знает!» — и, обратившись к Андрею, Лось сказал, показывая на компас:

— Слышал, Андрей, что сказал старик Рынтеу? Он говорит, что эта машинка в горах непослушна. Неправильно дорогу показывает. Я спросил его: в этой стороне море? Он смеется и говорит: «Ты не смотри на

машинку, смотри на солнце, тогда будешь знать, в какой стороне море».

— Да, конечно, Никита Сергеевич, что-то лежит в этих горах, и поэтому компас врет. Вот какими-нибудь рентгеном просветить бы их и посмотреть, что в них!

Собаки растянулись на снегу и, пригреваемые солнцем, дремали. Ехать можно было лишь ночью, когда холодные лучи низкого солнца и легкий заморозок делали дорогу твердой. Рынтеу ушел поискать дров, чтобы вскипятить воду.

Тяжело взмахивая крыльями, поворачивая в стороны головы, в одиночку летят полярные совы — предвестники набега песцов. Появились совы — значит пойдут мыши, за мышами — песцы.

Стада оленей уходят ближе к морскому берегу, где ветер и воздушные потоки в летнее время отгоняют гнус, приносящий страдания животным. Летом в горах не удержать стадо: разбежится. Бегут звери, обжираясь мышами. И даже олень, заметив мышь, тряхнет головой и стремглав понесется за ней. Он бьет мышь копытом и тут же пожирает ее. Зайчишки стадами в сотни голов скачут по долинам рек и щиплют кору и листья ивняка. По каменистым склонам несутся горные бараны. Здесь все кочует, все в движении в этой просторной, широкой тундре. И только горы неподвижно стоят, словно прислушиваясь к жизни тундры.

К нартам подходит старик Рынтеу. У него две горсти ивовых прутьев. Его намерение вскипятить этими «дровами» чайник смешит Лося. Но Рынтеу, не торопясь, отрезает маленькие кусочки ивняка, расщепляет их и искусно разводит костер. Он следит за огнем и лишь поддерживает язычки пламени. Лишнего Рынтеу не положит.

— Ишь ты, какая изобретательность! — удивляется Лось. — Вот учись, Андрей, пригодится!

— После чая спать будем, — говорит Рынтеу. — Туман ползет, скоро будет здесь. Я не умею искать дорогу в туман. Это Алитету все равно. Он едет и в туман, как при солнце, привык он.

На третий день пути показались остовы построек

кочевников. Собаки неудержимо понеслись к жилью. Даже они соскучились по жилому месту.

Кругом — ни души. Пустынно и мертвно. И только аккуратно сложенное разное имущество свидетельствовало о том, что совсем недавно здесь был человек.

— Это что? Брошено? — спросил Лось.

— Нет, сложено. Зимой пойдут обратно, все возьмут, — объяснил Рынтеу.

— А сейчас где же народ?

— Ушли кочевники. Недавно ушли, — Рынтеу внимательно рассматривал следы оленевых нарт и оленью шерсть, валявшуюся на снегу.

— Смотри, Никита Сергеевич, старик читает великую книгу тундры. Сейчас он нам все выложит, как хиромант.

— В полдень уковчевали, — уверенно сказал старик.

— Почему ты думаешь?

— От солнца оленя шерсть не успела еще углубиться в снег. Вот полуденный след копыт. Вечером и утром след другой. Алитет здесь.

Рынтеу взял Андрея за руку и отвел в сторону. Лосьшел следом за ними.

— Смотри, след кочевой нарты, а этот — береговой, нарта Алитета.

— А может быть, это нарта Ярака?

— Нет, — твердо сказал старик. — Когда Ярак уехал, на железных подполозках не ездили. Это след железный, Алитета. Видишь, какой гладкий.

Старик пошел искать след Ярака, и скоро послышался его крик:

— Вот он! Нашел!

След не подбитой железом нарты менее блестящий, и поверхность чуть-чуть вогнута и шероховата.

— Скажи на милость! Как все просто! — воскликнул изумленный Лось.

— Рынтеу, а далеко ли ушли кочевники? — спросил Андрей.

— Нет, близко. За один день далеко не уйдут. Теперь по следу мы быстро их настигнем. Тяжелый обоз прошел. Только хорошо держите собак. Увидят оленей — безумными станут. Сила у них прибавляется.

Возьмите еще мой остол. Я буду тормозить ногами, пятками.

Собаки беспокойно бежали по оленевому следу. Лось с Андреем мчались впереди, за ними — старик Рынтеу. Но вдруг собаки остановились, задрали морды, нервно подергивая носами, и без всякой команды понеслись вскачь. На склоне гор показались олени. Огромное стадо! Собаки озверели.

— Поть, поть! Поть, поть! — кричал охрипшим голосом Лось, направляя упряжку в сторону.

Вдвоем с Андреем они бороздили тормозами снег, но нарта все мчалась, приближаясь к стаду. Собаки дрожали, высунув языки, безумные глаза их сверкали.

— Поть, поть! Поть, поть! — кричал старик Рынтеу.

Стыдно каюру, если он не управится с собаками и они загрызут оленя. Засмеют кочевники!

Рынтеу перекинул ногу через нарту и, усевшись верхом, запустил обе ноги в снег, сдерживая собак. Но пятки скользили по снегу, и старик не мог остановить упряжку.

Пастух следил за приближающимися нартами и вдруг, сильно размахивая руками, побежал наперерез скачущим нартам. С ходу он бросился в нарту, ухватился одной рукой за шею Андрея, другой вырвал из его рук остол, глубоко запустил его в снег и осадил упряжку.

Мимо проскочила нарта Рынтеу. Он безуспешно бороздил снег ногами. Ему стало совсем стыдно. На бегу он соскочил с нарты и, перевернув ее, навалился на полозья. Упряжка остановилась. Псы заскутили.

— Айе! Откуда ты взялся? — спросил удивленный Андрей.

— Два оленя у Эчавто отбились! Послал меня искать. Пять дней ищу! Иду вот посмотреть в стадо Гаймелькота. Смотрю, нарты скачут. Гляжу, собаки бегут на стадо. Сразу я узнал, кто едет. Думаю,— наверное, таньги едут, нарты не могут остановить. Вот и побежал помогать.

Айе, разговаривая с Андреем, как с давнишним приятелем, пристально смотрел на бородатого русского

начальника, слух о котором проник и к горным людям.

— Какие новости, Айе, в горах? — спросил Лось.
Айе грустно улыбнулся.

— В горах какие новости! Только олени здесь. Олени рождаются, они гибнут. Все олени и олени. Новости на берегу. Там веселая жизнь, а здесь мы живем, как волки. Только и знаем, что бегаем. Думаю уходить от кочевых людей. Ай, как мне хочется на берег!

— Почему же, Айе, ты хочешь уходить? — спросил Андрей.

— Скучно мне здесь. Бегать надоело. Мой хозяин Эчавто сказал, что у меня сильные ноги. Меня только и посыпает искать оленей. Вот всю зиму и бегаю. А уйти боюсь. Мой хозяин, когда был еще молодой, стал начальником. Его отцу русские прислали бумагу. Когда умер отец, бумагу взял Эчавто. Только не знает, что сказано в бумаге. И нож начальнический у него есть. Я видел этот нож. Такой узкий, длинный, называется котик¹. Оленей колет им. А бумагу дал мне и велел, если встречусь когда-нибудь с русским, разузнать, что в ней. — Айе вытащил из-за пазухи что-то завернутое в тряпки, осторожно развернул и, подавая Андрею грязную бумажку, сказал: — Вот она. Все время таскаю ее, собирался ити на берег.

— Никита Сергеевич, да это царская присяга на подданство!

— Неужели? Ну-ка, давай читай!

И Андрей начал:

— «Я обещаюсь Создателю Богу, что я Великому, Настоящему добром Царю всей России Александру Николаевичу, его Царской Власти Наследнику Николаю Александровичу хочу верным, послушным, добрым, со всем подданным быть, со всем семейством, за границу не буду ходить, с неприятелями Его Царской Власти не буду дружен; все, что высокой Его Царской Власти Ему принадлежит, по моему уму, как я силен предостерегать, защищать и жизни щадить не буду; хочу помогать во всем Его Царской Власти. Узнаю

¹ Кортик.

вредное что, худое что, Царю донесу, не допущу; тайну, какую дадут, хранить буду. Хочу сам верно исполнять, как мне Бог поможет. Цалую Евангелие, Крест моего Создателя. Аминь».

— Вот тебе и аминь! — сказал Лось. — Смотри пожалуйста, какой великий князь с кортиком нашелся... Да где? В горах!

— Последний оплот царской власти,— смеясь, сказал Андрей и, обращаясь к Айе, спросил: — Можно у тебя забрать эту бумагу?

— Боюсь только, Эчавто обратно попросит, — ответил Айе.

— Скажешь ему, что бумага эта теперь недействительна: царя уже давно нет.

— Ну ладно, ты сам знаешь, — согласился Айе.

Стадо оленей перегнали уже на другой склон, и Айе вместе с Андреем поехали в стойбище Гаймелькота. Лось пересел к старику. Собаки побежали спокойно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

С приездом Алитета в стойбище Гаймелькота все пошло вверх дном. Алитет нарушил тихую, мирную жизнь людей этого стойбища. Никто не знал, зачем приехал Алитет в горы перед самым разливом рек. Сначала думали, что он приехал за песцовыми шкурками, но Алитет и не спрашивал о них. Все насторожились. Особенно встревожился Ярак. Он перестал отлучаться из стойбища и всюду следовал по пятам Алитета. Ярак стал сильным, и если бы пришлось схватиться с Алитетом, неизвестно, кто бы оказался победителем.

Третий день живет здесь Алитет, не говорит, зачем приехал, и только ест и ест оленье мясо, будто набирается силы. Когда люди укладывались спать, Ярак бродил по стойбищу и немного на ходу дремал. Мэри он послал в долину Заячий Тропы будто за тальником и не велел ей возвращаться до тех пор, пока не уедет Алитет.

Старик Гаймелькот хорошо знал, почему его пле-

мянница Мэри убежала с Яраком и почему они живут здесь. Присутствие Алитета — непрошенного гостя — тяготило старика. Но он держал себя с достоинством настоящего оленевода и не выказывал никакого любопытства. Лишь к концу третьего дня Алитет сам сказал Гаймелькоту о цели своего приезда.

— Мэри надо спросить! Она же не важенка, разговаривать умеет. Захочет сама, пусть поедет,— сказал Гаймелькот.

— Она сама не захочет. Чарли велел привезти ее. Гаймелькот усмехнулся и серьезно проговорил:

— Это оленя легко поймать и увести, куда хочешь. Бессловесная скотина — олень. А Мэри... Не знаю... Рога не выросли у нее. Не на что набросить аркан.

— И Рултына и Чарли велели привезти ее,— сказал Алитет.

Старик помолчал, прищурился, сморщил нос и ответил:

— Ты думаешь, Гаймелькот — совсем маленький ребенок? Нет, я прожил долгую жизнь и знаю, о чем думает моя сестра Рултына. А ты давно ли таньгом стал, что перестал знать, нужен девушке муж или не нужен? Ну-ка, уведи быков из стада и попробуй удержать важенок! Иди лучше ложись спать. Потом еще поговоришь с Яраком. Муж он ей.

И, когда Алитет спал, Гаймелькот позвал Ярака.

— Из стойбища не уходи! — сказал он.— Начнет с тобой разговор Алитет о Мэри, дай мне знать. Ты молодой и не сумеешь разговаривать с этим волком.

— Я зарежу его! — в бешенстве сказал Ярак.

— Ножом может слабый человек убить сильного. Нож подальше спрячь. Ложись спать. Без сна человек слабым становится.

— Гаймелькот, я не буду спать,— сказал Ярак.

— Если проснется Алитет, тебя сразу разбудят. Я приставил женщину следить за ним.

По склону горы неслись собачьи упряжки. Затаив дыхание, Ярак зорко следил за береговыми нартами. Он испугался, думая, что это едет Чарли. Но вдруг он вскрикнул:

— Айе везет русских!

Ярак бросился бежать им навстречу.

Нарты остановились.

— Какомэй, Лось! — радостно закричал Ярак.

— Здравствуй, здравствуй, Ярак! — подавая ему руку, сказал Лось.— Вот и я в гости приехал к тебе.

— И Андрей, и Рынтеу, и Айе здесь! Какомэй! — улыбаясь, восторгался Ярак.

— Вон сам хозяин идет, мой дядя,— показал Ярак на приближавшегося Гаймелькота.

Гаймелькот еще издали внимательно присматривался к необычным гостям. Он шел неторопливо и торжественно. Умное лицо и проникновенные глаза старика привлекли внимание Лося. Подняв руку, Лось сказал:

— Здравствуй, Гаймелькот!

Старик сдержанно улыбнулся и спросил:

— Ты знаешь Гаймелькота?

— По слухам знаю,— ответил Лось.

— Женщины! Начните варить самого жирного оленя! Кажется, достойные гости прибыли! — крикнул Гаймелькот.

Все направились к костру, над которым висел огромный медный котел. Навстречу попался маленький ребенок в меховой одежде. Он неуклюже передвигался и напоминал бурого медвежонка. Все лицо его было в грязи и оленьей крови. Черные глаза были неподвижны, и ребенок казался заводной игрушкой.

Лось схватил его за руки и, тряся в воздухе, спросил по-русски:

— Ну, как дела, тундровик?

Ребенок дико закричал.

— Вот тебе на!.. С тобой по-хорошему, а ты орат! Получай кусок сахару и иди своей дорогой! — шутливо сказал Лось.

— Не понимает ничего. Мал еще. В первый раз видит таньга,— как бы извиняясь за непристойное поведение мальчика, сказал Гаймелькот.

— Ярак, не вижу Мэри! Где она? — спросил Лось.

— Она ушла в долину реки собирать тальник для костров. Давно ушла,— и шепотом Ярак добавил: — Боится Алитета. Думает, увезет обратно к Чарли.

— Пусть попробует!

Гаймелькот удивленно взглянул на Лося, потом приблизился и одобрительно похлопал его по широкой спине. Это означало, что Гаймелькот считает его настоящим человеком.

Стойбище в горах представляло собой временную стоянку. Здесь не было даже яранг, и только кое-где стояли меховые пологи прямо под открытым небом. Отсутствие жилищ в ясный, теплый весенний день не вызывало удивления. Но и зимой, даже в пургу, люди в теплых жилищах только спали. Вставая, они ломали свой полог, и женщины выбивали из шкур наледь, обраziвавшуюся за ночь. Все люди всех возрастов, независимо от погоды, жили на улице. Человек не замерзнет, если он не спит, а ходит.

В разных местах стойбища Гаймелькота стояло множество грузовых нарт. Эти нарты на толстых полезьях, довольно грубой работы, служили для перевозки имущества и жилища. Здесь были и ездовые нарты, казавшиеся игрушечными, очень тонкой работы.. Такую нарточку можно легко взять одной рукой подмышку и нести, не чувствуя тяжести.

— Айе, что это там висит на колу? — спросил Андрей.

— Ребенок висит, грудной ребенок. Хочешь посмотреть?

Вместе с Лосем они направились к «висячему» ребенку. На колу, забитом в снег, в меховом мешке висит в вертикальном положении маленький человек. Из мехового мешка выглядывают его птичьи глазки, и кажется, что это птенец в гнезде. Легкий ветерок чуть-чуть шевелит его, солнце обогревает, и он преотлично чувствует себя.

— Он сам еще не умеет ходить, — пояснил Айе.

Над пылающим костром в кotle доваривалось мясо. Женщины следили за варевом. Нужно вытащить мясо до того, как закипит вода. Старик приказал сварить мясо по-настоящему, чтобы оно имело хороший вид. Нежное, розовое оленье мясо, умело сваренное, не отягощает желудка. Такого мяса можно съесть очень много. В тундре даже устраивают состязание в еде.

Есть такие едуны, что за один присест съедают почти целого оленя. Затем покатаются на животе и готовы бегать в стаде два-три дня, совершенно ничем не питаюсь.

Женщины острыми палками вытаскивали из котла мясо и складывали в большое плоское корыто. От мяса шел запах, возбуждающий аппетит. Наклонившись над грудой мяса, Гаймелькот, как большой знаток, перебрасывал куски с одного места на другое. Лучшие куски он пододвигал Лосю и Андрею. Величина кусков сначала испугала ревкомовцев, но, к своему удивлению, они съели все без остатка.

Другие гости давно уже покончили с оленем и теперь старательно соскабливали мясо с костей.

— Хорошее мясо, Гаймелькот! Добрый олень был,— выговорил Лось.

— У Гаймелькота каждый гость найдет добрый кусок мяса. Еще никто не уезжал голодным от Гаймелькота. Женщины, начните варить другого оленя,— сказал старик.

Алитет проснулся и услышал голоса русских. Он усмехнулся и продолжал лежать, напряженно прислушиваясь к шуму голосов. Наконец он встал и направился к костру.

— Здравствуй, русскэ начальник! — вкрадчиво сказал Алитет. — У Гаймелькота большой праздник. Много гостей наехало!

И, скрестив ноги, Алитет сел.

— Ты зачем приехал сюда? — спросил Лось.

— У каждого человека есть дело. Даже звери за чем-нибудь бегают в тундре... Чарли послал меня. Собак взять у Ярака... Чарли продал их мне.

— Ты их купил? — строго спросил Лось.

Алитет замялся, но подтвердил.

— А Мэри тоже купил? — спросил Андрей, вставая вдруг с места.

Алитет ухмыльнулся.

Люди насторожились. Они никогда не видели Алигета таким слабым. Как будто Алитет из волка превратился в зайца.

— Чарли сказал мне: отбери собак и привези об-

ратно Мэри. Собаки — его и дочь — его. Они украшены.

Ярак приподнялся, у него закипела кровь, но Гаймелькот потянул его за руку и кивком головы усадил на место.

— Я ничего не знаю. Так сказал Чарли,— с ужимками говорил Алитет.

— Ты очень хорошо знаешь. Но на этот раз ты проклался со своим Чарли. Отсюда ты никого не заберешь. Понял? — строго сказал Лось.

— Начальник, я твоего закона не знаю. Мне сказал Чарли, и я поехал. И Рультина, мать Мэри, тоже просила меня.

Старик Рынтеу молча прислушивался к разговору, обглядывая кость. Он сказал:

— Рультина не просила тебя, Алитет. Я это знаю. Гаймелькот тоже знает, что его сестра Рультина не просила Алитета. Нехорошо, когда человек врет! — он осуждающе покачал головой.

— Мы завтра отсюда уезжаем,— сказал Лось.— Собирайся, Алитет, поедешь вместе с нами.

— Если ты хочешь, можно поехать. Нельзя Мэри брать — пусть останется здесь. Только семь собак недавно отгрызли алыки и убежали на берег. И вожак убежал. Теперь не знаю, как поеду, — сказал Алитет.

— Я отдам ему своих собак! — воскликнул Ярак.— Пусть только уезжает.

— Не надо! — возразил Лось.— Вот вместе с Рынтеу сядет на одну нарту и поедет.

— Можно, можно! — охотно согласился старик Рынтеу.— Мы припряжем его пять собак, а нарту привяжем сзади.

— Рынтеу,— сказал Алитет,— надо поспешить. Солнце светит жарко. Пойдет вода, как будем пересаживать реки?

— Правильно, правильно, Алитет, — ответил Рынтеу.

Андрей вместе с Айе ушел в долину реки. Они были очень рады друг другу. Как давно они не встречались!

Гаймелькоту понравился русский бородатый, и старик предложил Лосю посмотреть его стадо. Быстро

закладывали в легковые санки красивых белых оленей.

— Поедем, Ярак, и ты! — сказал Лось.

— Нет, я останусь здесь.

— Ярак, ты ничего не бойся. Имей в виду, пока я живу на вашей земле, тебя никто не обидит. Я из-за тебя и приехал сюда. Спроси у старика, Рультина послала его ко мне.

Ярак облегченно улыбнулся и сказал:

— Спасибо, Лось! Сердце у меня перестало быстро стучать, когда я увидел тебя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В стойбище Гаймелькота ревкомовцы провели два дня. За это время Лось познакомился с ведением оленеводческого хозяйства. Его очень удивило, что Гаймелькот, владелец двухтысячного стада, по существу был жалким бедняком. Этот богач-бедняк жил на улице и вел тяжелый образ жизни. Все, что давало ему оленеводство, заключалось только в еде. Хозяйство носило натуральный характер. Никакого товарооборота! Люди ели мясо, одевались в шкуры оленя — и все. Животные почти в диком состоянии бродили по тундре. Стада кочевали по мере того, как съедался ягель, за ними шли люди, как песцы за мышами. Волки, копытница, гололедица, ранний отел в период сильных весенних заморозков уносили несметное количество оленей. А в чукотской тундре выпасались сотни тысяч голов.

«Да, надо что-то тут делать», — думал Лось, сам не представляя еще, как можно перестроить это хозяйство.

На третий день в ночь две нарты выехали из стойбища Гаймелькота. Рынтеу вместе с Алитетом ехал впереди. Привязанная сзади алитетовская нарта болтала из стороны в сторону и задерживала движение. Лось беспрерывно тормозил. Упряжка рвалась вперед. Медленная езда утомляет каюра и клонит ко сну, быстрая — вселяет бодрость. При быстрой езде даже собаки чувствуют облегчение.

На горизонте задымился туман, расплываясь во все стороны. Он опускался все ниже и ниже. Вскоре туман отрезал верхушки сопок.

— Туман съедает снег, как огонь. Успеть бы нам. Не попасть бы в разлив рек. Побыстрей надо ехать, Рынтеу,— сказал Алитет.

Он был возбужден, будто этот туман беспокоил его, а сам, ерзая на нарте, мысленно призывал духов и просил у них густого тумана.

— Туман не рассеется, Алитет. Тихо очень. Даже маленького ветерка нет,— обеспокоенно говорил Рынтеу.

Туман шел навстречу и вскоре накрыл землю.

Упряжки словно поплыли в белых влажных обла-
ках.

Исчезло большое небо, висевшее над тундрой.

— Смотри, Андрюша, какая благодать! Тепло! Собачки бегут, так бы и ехал всю жизнь вперед и вперед. Очень доволен я этим выездом! — сказал Лось.

— Путешествие приятное, но этот чорт Алитет тор-
мозит только. Привязал свою нарту. Смотри, как он
пристроился к Рынтеу. Бросить бы его с пятью соба-
ками, и пусть ехал бы, как знал, — недовольно заметил
Жуков.

— У меня, Андрюша, из головы не выходит другой
вопрос — оленеводство. Рыба в камчатских морях, и та
включена в государственный товарооборот,— и Лось,
держа в руках острый нож, прикрикнул на собак, бежавших
по снежной глади. В густом тумане мелькали только
спины и хвосты коренной пары. Глядя вперед, Лось го-
ворил: — А здесь бродят огромные стада без учета, как
мыши в тундре. Обязательно надо созвать конферен-
цию оленеводов.

Кое-где при переезде небольших ущелий собаки бе-
жали по мокрому снегу, и нарта, проваливаясь, сколь-
зила по рыхлому льду горной речки.

— Сборные собаки всегда плохо бегут. Надо бы
побыстрей ехать, Рынтеу,— советовал Алитет.

— Алитет, пусть таньги поедут вперед. Наши собаки
за ними побегут охотней,— сказал Рынтеу, не подозрев-
вая злых намерений Алитета.

— Правильно, Рынтеу! Смотри, как их собаки рвутся вперед.

Рынтеу остановил собак и подошел к Лосю:

— Лось, надо спешить. Через два дня могут реки покрыться водой. В тундре до лета тогда останемся. Поезжай вперед. Криком буду показывать тебе дорогу.

— Очень хорошо! — обрадовался Лось.

Свернув собак, он выехал вперед. Следом за ним рванули и собаки Рынтеу.

Алитет насторожился и, всматриваясь в туман, шептал:

— Левей, левей надо брать. Собаки любят забегать вправо.

— Ло-ося! Влево держи! — кричал Рынтеу.

— Крр! Крр! — подавал Лось команду, и упряжка послушно кидалась влево.

Андрей смеялся и говорил Лосю:

— Сейчас приедешь, Никита Сергеич, на свой след. Знаешь, какие круги собаки делают в тумане.

— Вот потому и нужно их выправлять влево.

— Рынтеу, на, закури, — предложил Алитет.

Старик вынул из-за пазухи трубку и с наслаждением подставил ее. Алитет чиркнул о нарты американской толстой спичкой, и они задымили.

— Левей, левей держи, — указывал Алитет.

— Ло-ося! Левей!

Алитет помрачнел. Обрыв, куда он направлял упряжку русских, оказался намного левей. По времени он уже должен быть, а его все нет и нет. Алитет злился и ругал себя, что так плохо знает дорогу. Если упряжки проедут мимо обрыва, тогда зачем же Алитет приезжал сюда? Зачем думал зря, зачем ночью сам отпустил семь собак? Тогда надо сделать круг, напасть на свой след и вновь заехать. Он уже хотел было сказать старику Рынтеу, чтобы остановить упряженки, как услышал крик: «Э-эй!»

Алитет мгновенно соскочил с нарты, распластавшись и всадил нож в снег. А в следующий миг скрылась упряженка Рынтеу.

Алитет чутко прислушивался. Он долго лежал не

шевелясь. Наконец встал, отбежал несколько шагов назад и крикнул:

— Рынтеу!

Алитет набрал полную грудь воздуха и еще раз громко прокричал.

Никто не ответил ему. Алитет облегченно вздохнул, шапкой вытер потное лицо и пошел по тундре в густом тумане.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Как затмение солнца вносит большое смятение в жизнь людей тундры, так и приезд ревкомовцев в стойбище Гаймелькота вызвал всевозможные толки. Было о чем подумать!

Старик Гаймелькот ушел даже в тундру, подальше от людских голосов, чтобы никто не мешал ему думать. Он был очень обеспокоен последним разговором с бородатым русским начальником. И в самом деле: зачем в тундру будут приезжать таньги и лечить оленей? Зачем таньги будут подходить к оленям? Болезни — это духи. Где-то им все равно надо жить, в кого-то надо духам вселяться? Время настанет, и болезнь уйдет. Без болезней и человек не живет, без них не может жить и олень. И разве народ, живущий в горах, не развел без таньгов большие стада оленей? Разве отец Уквылькот не имел большого стада? И теперь это стадо живет. Хо-хо! Смешно! Таньги, как говорит бородатый, начнут лечить оленей! Откуда им знать, о чем думает олень? Вот он, Гаймелькот, всю жизнь провел в стадах. Сколько раз в пургу он спал под брюхом олена! Но и он не все олены думы знает. Он знает лишь, какие места олени любят для отела, знает, когда и куда их нужно угонять от гнуса, знает, где олени разбивают копыта; знает, что для определения пути, по которому должны пойти стада, надо погадать на оленьей лопатке; знает, как эту лопатку нужно держать над огнем, чтобы большая трещина, образовавшаяся от огня, показала туда, где есть корм, а не голые камни. Откуда все это знать таньгам?

Старик Гаймелькот сидел на выступе камня и долго

думал. Кругом стояла тишина. Туман поднимался, и в разных местах показалось небо.

Но при воспоминании об Алитете усмешка пробегала по лицу старика. Гаймелькоту понравилось, как бородатый начальник заарканил Алитета, все равно как дикого оленя, уводящего важенок из стада. Старик сам невзлюбил Алитета, и когда русский ругал его, Гаймелькот видел, что бородатый начальник стоит за правду. Это было справедливо и очень хорошо. Но вот разговор об оленях совсем не понравился старику.

Из-за горы вышла Мэри с вязанкой тальника. Она подошла к старику и сбросила ношу.

— Отдохни, Мэри. Ты стала бледная, наверное, это потому, что отец твой белый. Теперь ты будешь спокойно спать. Алитет не увезет тебя. Он побоялся русского бородатого.

— Я издали следила за собачьими *нартами*. Я думала, вслед за Алитетом приехал и сам Чарли. Эти три дня я питалась кореньями и запасами из мышиных нор.

— А ты все запасы забирала у них?

— Нет, Гаймелькот, из каждой норы я брала только половину.

— Ты хорошо поступила. Нельзя у мышки забирать все: подохнет с голоду, пока найдет другую еду.

Старик сидел на вязанке тальника, а Мэри стояла около него и рассказывала:

— Я ушла в Гусиную Падь. Потом сменила место и залезла на гору Старого Быка. Оттуда все видно.

— Так вот, Мэри, это приезжал Лось. Так его зовут? Он приезжал помочь тебе,— сказал старик, умолчав о более важных разговорах.— Теперь Алитет робким стал, как безоленный пастух.

Мэри вздохнула полной грудью.

— Гаймелькот, пойдем скорей к людям.

Старик встал и хотел было взять вязанку тальника, но Мэри молча отобрала ее и, взвалив себе на спину, пошла вслед за Гаймелькотом. Уже почти у самого стойбища их заметил Ярак и бросился им навстречу. Он взял у Мэри вязанку и звонко расхохотался.

— Слышала новости, Мэри? Лось приезжал. Алитет слушается его, как старый ездовой олень наездника.

Куда повернет, туда и идет. А женитьбенная бумага будет хорошей, если даже тавро совсем отвалится. Это ничего, Мэри. — И Ярак, повернувшись в сторону, крикнул: — Спасибо тебе, Лось!

Войдя в стойбище, Мэри увидела мальчика с почерневшим, грязным куском сахара в руках.

Мэри подбежала к нему, склонилась и сказала:
— Ешь, его едят. Это не камень. Сахар.

Кусочек сахара напомнил Мэри о еде, и, схватив мальчика на руки, она быстро зашагала к костру, где густо валил прямым столбом черный дым.

В стороне сидел Айе и переобувался в дорожные торбаза. Заметив Мэри, он подбежал к костру.

— Какомэй, Мэри! Береговые люди,— сказал Айе.— Очень я скучаю о береговых людях.

— Уходишь, Айе? — спросила Мэри.

— Да, надо искать отбившихся оленей. Эчавто сказал, чтобы я нашел их или живыми, или заеденными волками. Два оленя.

— Женился ты, Айе? — спросила Мэри.

Айе смутился. Краска густо залила его темное лицо. Стыдно быть человеком, не имеющим жены.

— Нет,— застенчиво ответил Айе.— Эчавто давал девку. Сказал: хорошо работаешь, Айе, возьми вон девку. Но я все время хочу на берег. Если девку возьму, останешься на всю жизнь в горах.

— Эх ты, Айе! — сказала Мэри.— Алитет отнял у тебя Тыгрену. Тогда он был сильный, теперь, говорят, робкий стал. Отними теперь ты. Люди говорят, что у Тыгрены скоро будет маленький.

— Ну? — обрадовался Айе.— Вот хорошо! Она всегда хотела ребенка.

— Что же ты думаешь делать, Айе? — спросил Ярак.— Я вот тоже никак не привыкну к жизни в горах.

— Пойду искать оленей. Только голова сейчас не хочет искать оленей. О другом думает голова. Одному трудно думать.

— Айе, ты подожди уходить. Вон, видишь, туман идет.— Ну, как искать оленей в тумане? Не видно. Вместе с тобой вдвоем стали бы думать.

— А ведь правда. Эчавто сам знает, что дни стоят в тумане. Завтра пойду: может быть, будет ясный день. Удвою шаг — найду скоро.— Айе снял дорожные торбаза и, обувшись по-домашнему, встал.— Пойдем, Ярак, думать. Вон туда, где виднеется тот холмик. Опять, как и весной, очень много наговорил мне Андрей. О том, что хочу сказать, на народе страшно и говорить.

Они шли молча, не нарушая тишину тундры, лишь в стороне слышалось пощелкивание копыт оленей, как слабый шум уходящих льдов.

— Ярак, — тихо заговорил Айе, когда они уселись на холмик,— Андрей и Лось говорили мне: «Летом, когда придет пароход, пошлем тебя учиться на Большую русскую землю. Там есть большое-большое стойбище Ленинград. Только в одном этом стойбище живет больше людей, чем на всей Чукотской земле». Чему-то я должен научиться там. Чему учиться, я не понял. Всю ночь думал, а придумать не мог, в голове туман стоит. Трудно одному думать.

— Поезжай, Айе! Я думаю, плохо не будет. Ты заметил, как Лось говорил с Алитетом и как с тобой? Разные глаза делались у него. Видно, что он хочет тебе не худого, хорошего хочет.

— Ярак, но они сами сказали, что на той земле нет оленей, нет моржей, нет тюленей. Как буду там жить? Умру я.

Лицо Айе выражало грусть, тоску и смятение. Страшно ехать на землю таньгов, но что же делать? Ему не хочется жить в горах, на берегу тоже нет жизни. И Айе, тяжело вздохнув, сказал:

— Поеду, Ярак. Пусть что будет.

Туман рассеивался.

Они направились в стойбище и, еще не доходя до него, увидели с другой стороны медленно идущего человека.

— Ярак, смотри: Алитет идет.

У Ярака сжалось сердце. Он усиленно начал тереть глаза.

— Ярак, ты бледным стал. Ты боишься его? Не бойся! Теперь я тебе буду помогать. Если он за-

хочет уводить Мэри, мы зарежем его. Он поселил в моем сердце такую злость, что я буду потрошить его, как оленя, — горячо и взволнованно сказал Айе.

— Правильно, Айе! Чарли кончил торговать, и, наверное, он захочет уехать в Америку. Он каждый год и раньше собирался. Он хочет увезти Мэри. Вот Алитет и охотится за ней. Побежим скорей!

В стойбище уже кричали:

— Алитет идет! Алитет!

Из полога выскочила Мэри и, заметив Алитета, вскрикнула и бросилась бежать в другую сторону.

Из-за горы навстречу ей бежали Ярак и Айе.

От сильного бега они раскраснелись, шапки на ремешке болтались за спинами.

— Не бойся, Мэри, — успокаивал Айе.

Гаймелькот стоял посредине стойбища и следил за Алитетом. Он стоял спокойно, молча. Старик думал: зачем вернулся Алитет?

Айе вытащил нож и спрятал его за спину.

— Айе, дай-ка мне нож, — сказал Гаймелькот. — Вы здоровые парни. Или вы совсем ослабли и у вас нехватит силы без ножа? Зачем поливать мою землю поганой кровью этого человека? Ягель не будет расти в этих местах. И ты, Ярак, отдай мне свой нож.

— Гаймелькот, возьми и мой, — сказала Мэри.

Старик собрал ножи, положил на снег и стал на них.

Подошел Алитет.

— Таньги пропали, — сообщил он. — Вместе с ними и Рынтеу. Наверное, свалились с обрыва.

— А почему ты не пропал? Ведь ты вместе ехал! — вскрикнул Айе.

— Помолчи, щенок! Или ты думаешь, я говорю для тебя, несчастный? Не имеющий жены!

Айе рассвирепел и бросился на Алитета, но Гаймелькот схватил его за пояс.

Гаймелькот поднял руку.

— Еще не кончен разговор, — сказал он Айе. — Говори, Алитет.

— Был большой туман. Глаза перестали узнавать места. И Рынтеу и я забыли дорожные пути. Наверное, таньги разгневали злых духов!

Алитет сел на снег и ухватился за свой живот, морщась, будто от боли.

— А как же ты отстал от них? Ты ехал на нарте Рынтеу? — спросил Гаймелькот.

— Пожалуй, я объелся жирного мяса. Часто приходилось сходить с нарты, и сейчас еще болит брюхо, — ответил Алитет.

Айе дрожал от гнева. Все хорошо знали, что единственный обрыв — Медвежье Ухо — был совсем в стороне.

— Может быть, ты нарочно указал путь к Медвежьему Уху? — крикнул Айе.

— Помолчи, или я тебя стукну так, что ты откусишь себе язык, — сказал Алитет.

— Айе прав, — возразил Гаймелькот. — Медвежье Ухо находится в стороне от дороги. Как же вы туда попали? Это — гибельное место. В прошлом году в пургу волки загнали туда восемь оленей. Олени разбились насмерть.

— Меркичин, Алитет! — выругался Ярак и, обращаясь к Айе, спросил: — Ты знаешь это место?

— Очень хорошо знаю. Недавно проходил мимо.

— Пойдем сейчас туда. Надо поискать людей.

Гаймелькот сказал:

— Итти туда далеко. Возьмите моих ездовых оленей, быстро доскачете.

Парни побежали запрягать оленей.

Алитет встал, подошел вплотную к старику и прошептал:

— Если поедут на твоих оленях, духи разгневаются, и у тебя в стаде начнется большой падеж.

Гаймелькот насторожился. Подумав немного, он крикнул:

— Ярак, подожди запрягать оленей! Пожалуй, нельзя ехать на оленях.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

У подножья обрыва стелился густой туман. Здесь, в грудах обвалившегося снега, лежал Лось. Бессознательно повернувшись на бок, он заскрипел зубами, открыл глаза и проговорил:

— Где же люди? Собаки где?.. О-о-о, чорт возьми! — простонал Лось. — Неладно что-то с ногой,— и, собравшись с силами, крикнул: — Андрю-юшко-о-о!

Это прокатилось вдоль стены обрыва.

— Эге-ге-е-е-й! — протяжно и еще громче крикнул Лось.

И опять, кроме эха, ни одного ответного звука.

«Неужели погиб Андрей? Какая нелепость!»

Превозмогая боль, Лось приподнялся, сел и ощупал больную ногу.

— Ясно. Сломана. Хорошо, что крови не чувствую.

Лось начал припоминать, как все это случилось.

«В момент падения я чувствовал Андрея совсем рядом. Значит, он должен быть где-то здесь поблизости. По весу он легче меня. Кто же должен лететь быстрее? Он был правей меня. А может быть, я перевернулся, и теперь правая сторона стала левой?.. — Лось рассуждал, как старик Рынтеу на старой стоянке кочевников. — Поползу искать...»

Опираясь на локти, преодолевая страшную боль в ноге, Лось медленно полз, оглядываясь по сторонам. От неимоверного напряжения он покрылся потом.

«Ничего, к боли можно привыкнуть», — утешал себя Лось, пристально вглядываясь в блестевшие свежими изломами комья снега. Осилив несколько метров, он передохнул и, заложив два пальца в рот, засвистел так, что у самого зазвенело в ушах.

— Мальчик! Мальчик! — прокричал Лось своему вожаку, но и этот крик потерялся в безжизненной пустыне.

«Вот так и пропадешь здесь ни за понюшку табаку. Где же люди? Лавиной завалило?» — с горечью подумал Лось и, усмехнувшись, вслух проговорил:

— До берега не доползешь отсюда...

Вспомнились Лосю гражданская война, бронепоезд

Там смерть всегда жила рядом. Она была постоянным, каждодневным спутником человека, и люди привыкли смотреть ей прямо в глаза. А здесь, вот здесь, среди этих белоснежных камней, не хочется встречаться с ней!

«Духи погубили бородатого начальника... Эх, Наташа!..»

Там, среди огня и грохота орудий, он уцелел, а здесь, в тиши, полный сил и здоровья, он должен медленно уйти из жизни. Как все это нелепо! И Лось впервые ощутил страх перед смертью. Холодок пробежал по всему телу.

Он нашупал трубку, спички в сломанном коробке и, лежа на спине, закурил.

— Нет, Лось еще поборется за жизни! — крикнул он в пространство.

Послышалось урчание собаки.

— Андрю-юша-а! — крикнул Лось.

Залаяла собака.

Лось пополз на ее голос. Силы прибавилось. И вскоре он увидел в обломках снега нарту.

В расстоянии одного метра от нарты Лось остановился и, приподнявшись на руках, вытянул шею. На нарте лежал человек, уткнувшись в баран. Лось ясно почувствовал, как тяжелые ледяные капли, словно холодные дробинки, пробежали по разгоряченному телу. Снег у нарты был залит кровью. В упряжке сидела одна собака. Она перестала лаять и жадно принялась пожирать окровавленный снег.

На нарте лежал труп старика Рынтеу с разбитым черепом.

Лось долго смотрел на него, не шевелясь.

Немало убитых приходилось видеть Лосю за его фронтовую жизнь! Но никогда еще труп человека не вызывал у него такого удручающего впечатления, как вот этот труп старика. Конец ремня, за который пристегивалась упряжка, был перегрызен. Видимо, вся упряжка, кроме одной задней собаки, убежала.

Лось отстегнул ее, привязал к своему поясу и быстро пополз в сторону. Лось заговорил с собакой:

— Видишь, это мой след. Надо ползти по новому месту.

От мысли, что он обнаружит труп Андрея, Лось похолодел. И, вспомнив, как собака пожирала окровавленный снег, подумал: «Нет, я тебе не позволю питаться моим мясом. Прежде чем расстаться с жизнью, я заколю тебя».

Собака, будто угадав его намерение, ощетинилась и зарычала. Лось вздрогнул. До его настороженного слуха донеслись какие-то неясные звуки: будто кто зевнул в стороне.

Лось скинул шапку, чутко прислушиваясь. Вокруг стояла мертвая тишина. Хотя бы какой-нибудь шорох! Хотя бы пролетела сова или куропатка! Собака молча рвалась. Лось отстегнул ее от пояса и взял лямку в руку.

— Ну, пойдем! — сказал он.

Еще издали он заметил торчащую из-под снега голову Андрея. Все туловище по самые плечи было скрыто в снегу. Лось рванулся и, едва дополз до Андрея, потерял сознание.

— Сергеич! Кажется, я спал,— проговорил Андрей, открывая глаза. Он высвободил одну руку и потрогал лицо и бороду Лося. — Сергеич! Что же ты молчишь?

И, не дождавшись ответа, Андрей попытался встать. В грудь упирался наган, причиняя боль. Свободной рукой Андрей стал отбрасывать снег и вскоре через широкий ворот меховой рубашки достал наган. Под обрывом громовым эхом прокатился выстрел, и, когда он замер, Андрей дал еще два выстрела.

— Андрюша... кто-то стреляет?..

— Сергеич, ты жив?

— Выходит, так,— усмехнувшись, сказал Лось,— не положено погибать, дела есть.

— А почему ты ползешь, Сергеич?

— Нога у меня не в порядке.

Андрей вылез из снега, встал и, пошатываясь, отряхнулся.

— А у меня ничего. Только бок немного болит. Которая нога, Сергеич?

— Левая. Закрытый перелом. Надо бы шину наложить, да где к чертям найдешь ее тут! Вот здесь, рядом... труп старика. Разбился насмерть. Видимо, не от-

цепился от нарты. Дощечки для шины можно бы взять с его нарты.

— Неужели Рынтеу погиб?

— Да. Я тут все уже «обходил», разыскивая тебя.

— А этот где? Алитет?

— Тут где-нибудь.

— Я пойду к нарте за дощечками.

— Подожди, Андрей, не ходи. Не ходи пока, а то еще потеряемся. Сядь. Давай закурим.

— Давай лучше, Сергеич, подкрепимся.

Андрей вытащил из-за пазухи толстую плитку шоколада.

Лось улыбнулся и спросил:

— У тебя склад, что ли, там?

— Так, на всякий случай засунул.

И они стали жевать шоколад.

— Погибнем мы здесь, Андрюша. Куда отсюда пойдешь? — проговорил Лось.

— Не погибнем, Сергеич!

— Да, вот какая незадача, Андрюша, — отламывая кусок шоколада, сказал Лось. — Сразу не повезло.

— Вот Томсон более двадцати лет прожил здесь. Живет себе спокойно. Зачем, спрашивается? Что привело его сюда? Во имя доллара живет, подлец!

Туман поднялся и обнажил огромный обрыв. Груды снега лежали кругом. В стороне виднелся задок нарты Рынтеу. Андрей встал и пошел к нему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

К моменту отъезда мистера Томсона в Америку обстановка для него сложилась не особенно благоприятно. Из ревкома на его имя пришло письмо, в котором предлагалось все остатки пушнины, хранившиеся в складе, вывезти для продажи по установленным ценам в губернский город на Камчатке.

Разумеется, это не устраивало мистера Томсона. Последняя партия пушнины, полторы тысячи хвостов, застрявшая из-за неприхода шкуны, по мнению мистера

Томсона, являлась его неприкосновенной собственностью.

Он давно уже договорился с Алитетом, чтобы тот отвез его в Америку. И теперь мистер Томсон нетерпеливо поджидал его. Рультина заметила волнение мужа и начала подозревать, что Чарли задумал что-то нехорошее.

Встретив у склада Рультину, он заговорил с ней мягко и почти ласково, что еще в большей степени насторожило Рультину:

— Рультина, шкуны перестали приходить ко мне. Торговать русские запретили, а продукты ведь нужны. Придется самому съездить в Америку. Без продуктов человеку жить нельзя.

— Ты сам знаешь, Чарли, что тебе нужно делать,— покорно сказала Рультина.

Мистер Томсон хотел было уже сказать Рультине о том, что он возьмет с собой Бэна и покажет ему Америку, но в самый последний момент воздержался.

Он зашел в склад, осмотрел упакованную в брезентовые мешки пушину, окованный железом старинный сундук, где хранились банковские бумаги и доллары. Он сел на этот сундук, закурил трубку и подумал: «Вся моя жизнь в этом сундуке. Она прошла не даром. Всегда я создал подходящий капиталец. Теперь только уехать и спасти от русских последнюю партию пушкины».

Вдруг он услышал крик мальчишек:

— Алитет! Алитет!

Мистер Томсон выбежал из склада и увидел на горизонте парусный вельбот.

Он поспешил в свою комнату и опустился в качалку.

— Рультина, пошли ко мне детей! — крикнул он.

Маленькая комната заполнилась детьми. В своих меховых одеждах они робко толпились вокруг сидевшего в качалке отца.

— Ближе подходите, ближе! Подойди ближе, Бэн.

Он обнял детей и сказал:

— Я не надолго поеду в Америку. Пусть каждый из вас скажет, что привезти в подарок. Просите много, и я все привезу.

— Серы жевательной привези, Чарли, — сказала бойкая, смуглая, раскосая Берта.

— Хорошо, хорошо, я привезу тебе целый ящик жевательной серы. Ну, а что же привезти другим? Тебе, Бэн, что привезти?

Бэн молчал.

— Ты ничего не хочешь, Бэн?

— Привези мне маленькое ружье. Легкое. Я буду сторожить с берега тюленя. Говорят, когда сам убьешь тюленя, очень вкусное мясо бывает.

Мистер Томсон тяжело вздохнул и почти шепотом сказал:

— Хорошо, хорошо, Бэн! Я обязательно привезу тебе такое ружье.

Рультина стояла за дверью и слушала разговор отца с детьми. Чарли хорошо разговаривал со всеми детьми, без разбора. Этого еще никогда не было с ним.

Нахлынул туман, и полunoчное солнце утонуло. Вельбот Алитета подошел к берегу, побежали ребяташики. Торопливо зашагал и мистер Томсон. Он приветливо поздоровался с Алитетом.

— Я давно поджидаю тебя, Алитет. У меня уже все готово. Скажи людям, чтобы они взяли на вельбот мешки с пушниной и сундук. Там, в складе.

Мистер Томсон посмотрел на факторию и, секунду подумав, направился к мистеру Саймонсу. Как давно он не заходил к нему!

Он тихо вошел в комнату Саймонса.

— А-а! Мистер Томсон! Очень рад.

— Вы извините меня, мистер Саймонс. Может быть, я что-нибудь плохое сделал вам, — смущенно начал он.

— Ноу, мистер Томсон! Что вы?

— Мистер Саймонс! Я решил воспользоваться вашим добрым советом, о котором вы мне когда-то говорили. Уезжаю, мистер Саймонс. Не поминайте лихом старика. Я навсегда покидаю этот край.

— Очень хорошо, мистер Томсон! Я желаю вам счастья. Когда вы думаете ехать?

— Сейчас, сию минуту, сию секунду. Гуд бай, мистер Саймонс.

— Подождите, подождите! Я пойду проводить вас.

— Благодарю вас. Не нужно. Очень вас прошу!

И мистер Томсон быстро зашагал к берегу. Он пересчитал в вельботе мешки с пушниной, взглянул на кованый сундук и тревожно спросил:

— А где же Бэн? Где он?

— Ты забыл свои перчатки. Он побежал за ними,— ответила Рультина.

Гребцы уже сидели в вельботе, Алитет на корме у руля, и только мистер Томсон все еще стоял на берегу, в нетерпением поджиная Бэна.

— А ты верно говоришь, что он убежал за перчатками?

— Верно,— ответила Рультина.

Бэн подбежал и подал отцу перчатки. Надев их, Чарли занес было ногу в вельбот, но сейчас же опустил ее на берег. Он посмотрел на Бэна и спросил:

— Бэн, хочешь посмотреть моржовую охоту?

У мальчика загорелись глаза.

И, не дождавшись ответа, мистер Томсон подхватил Бэна и опустил его в вельбот. Оттолкнув вельбот, он вскочил в него и сам.

— Чарли, у Бэна торбаза не дорожные! — закричала Рультина.

Но вельбот уже отчалил от берега. Бэн стоял в вельботе и, махая рукой, кричал:

— Рультина, мои торбаза еще хороши! Я привезу тебе свежую печеньку!

— Туматуге, парус поднимай! — крикнул Алитет.

Вельбот быстро скрылся в тумане.

Рультина стояла на берегу. Страх за сына охватил ее. «Увез Чарли Бэна. Наверное, совсем увез. Больше никогда не увидят его мои глаза. Жалко Бэна. Очень жалко!..» И Рультина закричала во весь голос:

— Бэн! Бэн!

Потом она опустилась на гальку и долго глядела в море, закрытое туманом. Сидя здесь, на берегу моря, она вспоминала всю свою долгую жизнь. Она считала себя несчастной. Она никогда не разговаривала с Чарли, как разговаривают все женщины со своими

Мужьями. Это очень трудно — жить с белым человеком. А вот теперь она вернется домой и поговорит с детьми полным голосом, а не шепотом, как всегда. От шепота горло испортилось. Она взглядалась в туманную даль. Ей хотелось еще раз увидеть вельбот. Ведь там Бэн! Слезы застилали глаза. Она долго не уходила с берега, надеясь, что туман вот-вот разойдется. Кругом никого уже не было. Где-то вдали раздались ружейные выстрелы. Люди скоро привезут душистое, свежее мясо. Будет праздник моржа.

К Рультыне подбежала Берта и шепотом стала звать ее домой.

— Берта, надо говорить громко,— сказала ей мать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Вельбот шел в тумане курсом 35° норд-ост, заданным мистером Томсоном. Алитет смотрел в упор на компас и держал руль. Изредка стали попадаться отдельно плавающие льдины.

Мистер Томсон сидел на кованом сундуке. Одной рукой он прижал к себе Бэна, словно боясь, как бы тот не вырвался и не убежал. Он молча посматривал в сторону берега, где провел безвыездно полжизни, но берег был скрыт туманом. Все-таки ему не очень хотелось расставаться с этим краем.

Теперь Чарльз Томсон направлялся в страну цивилизации. Как-то он приспособится к этой шумной и быстрой жизни? И мистеру Томсону вдруг стало страшно. Страшно настолько, что, если бы на берегу не было власти мистера Лося, он незамедлительно приказал бы повернуть вельбот. Он посмотрел на свой сундук и шепнул Бэну:

— В нем вся наша жизнь, Бэн. Мы с тобой будем достаточно обеспеченными людьми. Для того чтобы сохранить капитал, мы откроем на жизнь маленькое дело. Мы с тобой ни в чем не будем нуждаться.

Но Бэн не слушал отца. Он зорко всматривался в поверхность воды, где изредка всплывали тюлени.

Мистер Томсон перелез к Алитету на корму.

— Теперь русскэ долго ходить не будет. Ошибся немного я. Камни проехал, упал на ровный снег,— сказал Алитет, наклоняясь к самому уху Чарли.

— Ты молодец, Алитет! — похвалил его мистер Томсон и, глядя на грузы, спросил: — В твоих мешках много хвостов?

— В каждом по сто, а их восемь. Да еще в камнях припрятаны, некогда было заезжать за ними, торопился к тебе.

— Алитет, я не вернусь сюда для зимней торговли. На берегу мне будут мешать русские. Ведь они живые все-таки остались. Я буду летом привозить товары на шкуне.

— Очень хорошо! — обрадовался Алитет. — Только ты не приставай к стойбищу Энмакай. Ты приставай к ущелью Птичий Клюв. Там никто не живет, и никто не увидит. Я летом буду тебя там ждать.

Вельбот шел плавно, лавируя между льдинами. Наступило уже утро, кое-где солнечные лучи пробивали туман. Алитету хотелось поскорее посмотреть на очертания берега. Компас — хорошо, а все-таки не мешает посмотреть и на горы.

— Стой, стой! — вдруг сильным шопотом остановил Алитет гребцов. — Смотри, смотри, Чарли: морж лежит на льдине!

Мистер Томсон вскинул бинокль и, повернувшись к Алитету, сказал:

— Большой морж! Огромные бивни! Я хочу, Алитет, взять на память его череп вместе с бивнями. Надо убить его.

— Это хищный морж. Когда он был детенышем и плавал на спине самки, наверное, ее убили, а он остался один. Такой морж разгоняет от берега нерпу. Сейчас мы его убьем.

Вельбот тихо подплывал к спящему моржу. У охотников горели глаза. Туматуге положил свое весло, взял ружье и полез на нос вельбота. Алитет подготовил гарпун и воздушный пузырь.

Бэн, затаив дыхание, следил за моржом. У Бэна блестели глаза. Он впервые будет смотреть на моржовую охоту. Но Бэн уже знает, что наповал нельзя

убивать моржа: соскользнет со льдины и утонет. Надо сначала ранить его, загарпунить, а потом уже убить в голову. Бэн отлично знал все это. Наверное, сейчас Туматуге начнет стрелять в ласты или в шею. Мальчик сгорал от любопытства.

Весла бесшумно двигали вельбот. Лишь слышно было, как с весел падали в море капли.

Раздался выстрел. Морж поднял свои огромные бивни, мотнул головой, и не успел Алитет метнуть в него гарпун, как в один миг зверь свалился в море.

С напряжением все смотрели по сторонам, чтобы подсказать стрелку, в какой стороне вынырнет морж. Он долго не показывался на поверхность воды.

И вдруг — страшный удар по дну вельбота. Три доски вылетели за борт, в вельбите показались на мгновенье бивни. В пробоину хлынула вода. Люди закричали, спешно затыкая пробоину своими кухлянками. В это время вдоль борта показалась голова моржа. Морж брызгал кровью и рычал, закрыв глаза. Он опустил бивни на борт, словно взбиравясь на льдину. Туматуге выстрелил в упор, и в тот же миг под тяжестью огромной туши вельбот перевернулся. Люди камнем пошли в пучину моря.

Мистер Томсон, фыркая, как морж, плыл к ближайшей льдине. Он быстро достиг ее и, ломая ногти, вылез на лед, без очков, бледный, с него ручьями стекала вода.

— Боже мой! — проговорил он вслух.— Бэн, Бэн!

— Чарли! — услышал он крик.

Томсон вздрогнул и напряженно посмотрел в сторону, где затонул вельбот.

На поверхности воды, словно поплавок, торчала голова Алитета. Он крепко держался за воздушный пузырь и будто стоял по шею в воде.

— Алитет! Плыви к льдине! Работай рукой, как веслом! — крикнул Чарли.

Алитет послушно замахал рукой и вскоре пристал к другой ближайшей льдине. Взобравшись на нее, он быстро стал раздеваться.

— Чарли! Снимай одежду, стряхни воду. Не стряхнешь, худо будет! — кричал Алитет.

Мистер Томсон стоял, стуча зубами, и только повторял:

— Боже мой, боже мой!

— Матерчатые рубашки сбрось, они долго не сохнут! — кричал Алитет. Он стоял уже голый на торбазах и изо всей силы встряхивал свои меховые одеждуы.

— Боже мой! Сундук пошел на дно, и Бэн погиб! — проговорил мистер Томсон.

А льдины медленно расходились в разные стороны. Алитет натянул на руки кухлянку и хотел воспользоваться ею, как парусом, но ветра не было. Морские течения разносили плавающие льды.

Недалеко от льдины плыл бочонок с пресной водой. Он плыл быстрее льдины.

Алитет заметил его и крикнул:

— Чарли, смотри, бочонок с водой! Следи за ним! Бочонок проплыл совсем близко.

Проплыли мешки с пушниной.

Сквозь влажный белый туман с трудом пробивались лучи солнца, и к полудню мистер Томсон потерял Алитета из виду.

От сырой одежды охватил озноб. Томсон принялся шагать по льдине. К вечеру его бросило в жар. Мучила жажда. Он взял кусок льда, положил в рот, но сейчас же выплюнул: противный сладко-соленый вкус вызывал тошноту. Обессиленный, Томсон прилег на торос, приложив кусок льда ко лбу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Лось не выходил из ревкома. С костылем он передвигался от кровати к столу и от стола к кровати. Досадно быть прикованным к дому, но что же делать?

С тех пор как они вернулись на берег из-под обрыва вместе с Яраком и Айе, Мэри были зачислена сторожихой в ревком. Она навела в помещении порядок и старательно поддерживала его.

Мэри приходила в ревком утром и уходила поздно вечером. Работы было немного, и время уходило глав-

ным образом на изучение русского языка и грамоты.

Лишенный возможности отлучаться из дома, Лось с удовольствием взял на себя обязанности ее учителя. Обычно Лось лежал в кровати, а Мэри, присев на пол, застланный оленьими шкурами, раскладывала на скамейку бумагу и старательно выводила крючки-буквы, из которых будто бы состоит разговор человека. Она словно вышивала на этой бумаге, как на коже оленьими ворсинками.

— Очень хорошо, Мэри! — хвалил Лось.— Если и дальше так пойдет, мы скоро освоим эту премудрость. А может быть, надоело тебе, Мэри, учиться?

— Нет, нет! Это очень интересно,— живо возражала она.

— Мэри! Отец твой никогда не пробовал учить тебя грамоте?

— Нет. Он говорил, что грамота нужна только белым людям. А я ведь только наполовину белая.

И странным казалось это Лосю. Помолчав немного, он сказал:

— Да, но ты же дочь его?

Мэри промолчала.

— Наверное, в это лето отец твой уедет совсем в Америку.

— Пусть,— равнодушно ответила Мэри.

— А ты не хотела бы с ним вместе поехать?

— Нет. Я никуда не поеду от Ярака. У нас будет маленький ребенок. Мы будем жить здесь. Пусть Чарли уезжает.

Она встала и прошла в своих мягких вышитых торбазах к камбузу. Длинные черные косы качались на ее спине. Ситцевое платье облегало ее талию. Лось смотрел ей вслед и вспомнил свою Наташу. Ему представилось, что она уже здесь и хозяйствует не Мэри, а Наташа. Наверное, она приедет с первым пароходом... Не узнает, пожалуй, с такой бородищей...

Лось задумался, теребя свою бороду.

«Придет пароход, люди будут шарагаться от меня в сторону»,— подумал он.

— Мэри, дай мне, пожалуйста, зеркало.

Лось посмотрел на себя и сейчас же попросил ножницы. Он решительно отхватил бороду, бросил на пол.

Изумленная Мэри стояла с полуоткрытым ртом.

— Лось!.. Ты что делаешь? — испуганно прошептала она.

Лось улыбнулся, лукаво кивнул Мэри и взял бритву и мыло.

— Ты хочешь лицо сделать чистым? — спросила Мэри.

— Да.

— Я умею это делать. Меня Чарли заставлял. Хочешь, я это сделаю?

И Мэри побрила его.

Лось обтерся одеколоном, взглянул в зеркало, рассмеялся и спросил:

— Ну, как, Мэри?

— Лось, да ты мальчиком стал. И совсем ты не страшный теперь. Люди перестанут тебя бояться,— и Мэри громко и звонко расхохоталась.

— А мне, Мэри, и не нужно, чтобы меня люди боялись. Вот десны и ноги пухнут — это не хорошо. Движений мало. Боюсь, не заболеть бы цынгой.

— Лось, я слышала разговор от людей о твоих ногах. Утром люди говорили. Если опухоль появится, надо есть сырое тюленье мясо, — сказала Мэри.

В комнату вошел старик Ильич, бывший Умкатаген.

— Где Лось? — спросил он Мэри.

— Вон сидит, — показала она.

Старик посмотрел на Лося, потом опять повернулся к Мэри и нравоучительно сказал:

— Я не так молод, чтобы заводить со мной шутки. Я пришел по важному делу. Если тебе по молодости требуется шутить, поищи, Мэри, другого человека, помоложе.

— Ильич, я тебе правду говорю, я совсем не шучу, — смущившись, сказала Мэри.

Лось, приняв серьезный вид, сказал:

— Мэри правду говорит, Ильич. Вот я и есть Лось. Ты меня не узнал, потому что я бороду состриг.

Старик внимательно посмотрел на него.

— А, пожалуй, и вправду ты — Лось,— обрадованно проговорил Ильич.

Старику понравилось, что Лось изменил свой вид. Он решил, что Лось — человек с головой и очень разумно поступил, чтобы запутать следы злым духам при своей болезни. Теперь самые коварные духи легко спутают его с другим человеком.

Старик сел на краешек табуретки, вынул кусок тюленьего мяса и сказал:

— Слышал я, ноги у тебя пухнут. Надо вот это мясо поесть. С охоты приеду, привезу свежего. Сейчас идет собрание людей, разговаривают о промысле на моржей. Там с людьми и Андрей. Я в свою артель взял Ярака и Айе. Очень сильные парни. Охота будет хорошая. На, забери это мясо пока.

Лось привстал на одну ногу и, странное дело, почувствовал, как в горле скопились слезы. Он с силой проглотил их и, волнуясь, сказал:

— Спасибо тебе, Ильич!

— Ну, я пойду. Надо спешить. Ждать меня будут. И старик ушел.

Лось прошел к кровати и лег. Он лежал и долго думал о старице. Поступок Ильича глубоко взволновал его.

— Вот это и есть настоящее благородство души,— вслух сказал Лось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

На берегу царило большое оживление. На байдары тащили гарпуны, воздушные пузыри, ружья, бочонки пресной воды. Воздух оглашался криками. Люди спешили выехать на охоту.

Ильич уже сидел на корме, и в байдару прыгали охотники: сын Эрмен, Ярак, Айе и еще четыре парня.

Старик улыбался. Еще бы, подобрались такие здоровые парни! С ними без ветра байдара быстро пойдет. С такими парнями можно охотиться.

Ярак и Айе, соскучившиеся по береговой жизни, теперь с охотой взялись за весла. Это была настоящая жизнь! Не то, что бегать за оленями в горах.

— Где же Андрей? — спросил старик.

— Вон бежит с примусом, — сказал Эрмен.

Охотники любили брать с собой Жукова. Он помогал им таскать тяжести, тащить байдару на берег, но самое главное, за что они любили его, — за рассказы. Несмотря на свою молодость, Андрей, по мнению охотников, мог состязаться в рассказах с любым древним стариком: так много знал он забавных историй. Особенно восторгались охотники, когда Андрей рассказывал о русских докторах, которые разрезают живому человеку живот, копаются в нем, как в брюхе моржа, «вырезают» там разные болезни, потом живот зашивают иголкой, и человек ходит, как здоровый.

Конечно, в это поверить нельзя, но все-таки интересно.

Андрей прыгнул в байдару, и она тотчас отвалила от берега. Вскоре гребцы посыпали с себя одежду и, полуголые, с азартом навалились на весла. Заскрипели в ременных уключинах весла, и старик, сидя на руле, изредка выкрикивал:

— Ага-га! Ага-га!

И тогда байдара еще быстрее шла по морской глади. Другие байдары далеко отстали.

Ильич зорко всматривался вперед. Охотники верили в своего рулевого: они знали, что старик не заставит зря работать, он обязательно приведет их к моржам. Ильич был опытным зверобоем.

Байдара вошла в разреженные льды. Старик велел остановиться, вылезть на лед и посмотреть, что делается вокруг. В стороне охотники заметили на льдине что-то желтое. Они сообщили об этом старику, и байдара сейчас же двинулась в том направлении.

Старик вылез на льдину, тщательно осмотрел ее и сказал:

— Здесь лежали моржи. Вчера лежали. Два моржа: самка и самец.

В полдень байдара наткнулась на моржей. На льдине мирно дремали два крупных зверя.

Раздался выстрел, вслед за ним полетел гарпун, и воздушный поплавок, увлекаемый моржом, скрылся в воде.

Вскоре морж, раненный в шею, где у него расположены мешки с запасом воздуха, вынырнул, окрасив кровью воду.

Раздались еще три выстрела. Морж повис на поплавке.

— Готов! — крикнул старик.

Охотники вытащили его на льдину и с сияющими лицами принялись точить свои ножи о каменные бруски.

— Андрей, пока они разделяют моржа, ты заводи примус. Чай будем пить,—сказал Ильич.

Морж был разделан так быстро, что чайник не успел закипеть. Охотники сложили мясо в байдару, вымыли руки и, довольные удачным началом, принялись пить чай.

— Скорей пейте! — торопил старик.— Надо искать второго моржа, самца, он далеко не уйдет.

И снова заскрипели уключины.

— Ярак, ты положи весла, смотри кругом. У тебя глаза помоложе,— распорядился старик.

Байдара, лавируя между льдами, уходила все дальше и дальше в море.

К вечеру Ярак всполошился и тихо предупредил:

— Морж, морж!

Айе и Эрмен схватились за ружья и прошли на нос. Андрей в бинокль разглядывал добычу. И в тот момент, когда охотники готовились уже выстрелить, Андрей закричал:

— Стойте! Это человек!

Охотники опустили ружья, гребцы — весла.

На льдине лежал мистер Томсон. Лицо его горело, он тяжело дышал. Открыв глаза, он хотел было подняться, но силы оставили его.

— Пить,— прошептал он.

Андрей взял его руку, нащупывая пульс.

— Все утонули,— проговорил мистер Томсон.

— Ярак, надо его переодеть. Видишь, совсем у него сырья спина,— сказал Андрей.

Чарльза Томсона переодели в сухое, уложили в байдару. Он бредил.

Байдара шла быстро. Мистер Томсон неподвижно лежал на кусках моржового мяса, прикрытых кожей.

Андрей положил ему руку на лоб, приложил ухо к сердцу и, послушав, сказал:

— Умер... Давай к берегу.

Охотники не пошевелились, молчал и старик Ильич. Не полагалось везти труп на байдаре. Надо его опустить в море.

— Старик! Чарли — белый человек. Его надо доставить на берег. Плохого от этого ничего не будет. Едем! — настаивал Андрей.

И старик взялся за руль.

Весть о смерти Чарли быстро разнеслась по стойбищу. Вокруг толпились люди.

Мэри молча смотрела на труп человека, который был ее отцом. Она вспомнила почему-то, как Чарли тащил Ярака за ногу, сильно ругался. А теперь он лежит вот совсем бледный, без стекляшек на лице. И Мэри вдруг стало страшно. Она отошла в сторону и, подойдя к Ильичу, сказала:

— Надо похоронить поскорей его.

— На нашем кладбище нельзя. Надо его отвезти в Лорен, где он постоянно жил,— сказал старик.

Когда труп был доставлен туда, где мистер Томсон прожил более двадцати лет, на берег прибежала Рультына. Она с ужасом посмотрела на Чарли и, отойдя в сторону, где стояла Мэри с Яраком, тихо спросила:

— Мэри, а Бэн где?

— Не знаю.

— Ярак, где Бэн?

— Утонул он. Все утонули.

Рультина опустилась на гальку. Ноги перестали держать ее. Подошел Саймонс. Он посмотрел на мистера Томсона. Чарли лежал в чукотской одежде.

Рультина встала. Она подошла к Мэри и сказала:

— Надо ему сшить новую кухлянку и отвезти в камни, на кладбище.

— Рультина, пусть его хоронит Сайм по-своему, по-американски. Не надо его отвозить на наше кладбище. Чарли не был настоящим человеком,— с грустью ответила Мэри.

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В высоком иссиня-черном небе бродит круглогодуточное солнце, ярко освещая приморский берег и темнозеленую ширь океана. Ни одной льдинки на море, ни одной тучки на небе. Кажется, и солнцу одному скучно бродить в небесных просторах.

В ложбинках уже зазеленела трава, испещренная цветами, которые выскочили тут же, как только сошел снег. Даже зверь не топчет их, обходя разноцветный ковер по его кромке.

Красные, голубые, желтые, на тонких стебельках, цветы словно прислушиваются нежными, прозрачными лепестками к струящимся потокам теплого воздуха. Будто настороженно они следят за солнцем и, как только оно опустится к горизонту и охладится воздух, быстро закрывают свои лепестки.

И в ложбине сразу гаснет разноцветный ковер.

Около яранг дремлют собаки, изредка лениво открывая глаза. Теперь они уже не возят груженые нарты и, развалившись на пригретой солнцем морской гальке, целыми днями лежат вытянувшись, а не сжавшись в комок, как зимой. Они набираются сил для зимней работы.

И море в эту утреннюю пору словно разленилось. Оно еле-еле колыхалось, нежно облизывая наносный галечный берег.

Тыгрена сидит на берегу моря и, веселя своего сына Айвама, бросает в воду камешки. Сегодня и ей не хочется шить торбаза пастухам.

Тыгрена одернула цветное ситцевое платье и улыбнулась. В черных глазах ее блеснул огонек. Небрежно откинув косы за спину, она подумала:

«А как противно было надевать это матерчатое платье!»

Разглядывая цветочки на нем, она вспомнила Алитета — и сразу погасла улыбка, уступив место тревоге и страху; так гаснет цветок, почувствовав холодное дыхание ночи.

Алитет уехал на пять дней. Но прошло уже больше двадцати, а его все нет и нет. Все-таки лучше жить, когда не видишь его злых глаз.

Айвам уже научился ходить и звонко смеяться. На нем пыжиковая с капюшоном, отделанным росомахой, кухлянка, красивые маленькие торбаза, вышитые разноцветными олеными ворсинками. Он с любопытством смотрит на море, на мать, на все, что видит вокруг. Айвам тоже весел.

Тыгрена, любуясь им, следит за каждым его движением, за каждым вздохом, за каждым взглядом его черных глаз. И ею овладевает великое чувство радости. В порыве нежности она хватает мальчика, высоко поднимает его, потом, прижав к себе, целует своего Айвама.

Она держит его в своих сильных руках и говорит:

— Айвам, это море! Ты будешь великим ловцом! Я сама научу тебя ловкости. Ты станешь настоящим человеком.

Глядя на море — источник жизни, Тыгрена опять вспомнила Алитета.

«Всегда так,— с досадой подумала она: — дома нет его, а в голову все-таки лезет».

И беспокойные думы потянулись одна за другой, как морские волны:

«Опять скоро вернется. Хорошо, что недолго будет в стойбище. Живет в дороге. Луна из маленькой сделалась большой, а он все ездит и ездит. Пусть. Пусть долго не приезжает».

Удивительная пора стоит на Севере в это время! Земля так залита солнцем, что глазам больно. Оно щедро посыпает свои длинные лучи на землю, радуя человека. Но будто и этого недостаточно: из-за гор поднимается луна. Полная, огненно-красная, она улыбается солнцу.

Тыгрена показывает на нее сыну:

— Смотри, Айвам, жена солнца вышла.

Вдали возле берега показалась байдара. Тыгрена громко и восторженно заговорила:

— Смотри, смотри, Айвам! Байдара! Это Ваамчо плывет!

Байдара шла с обнаженной высокой мачтой. От самой верхушки мачты до берега протянулся длинный тонкий ремень. Пять собак бежали по краю берега и тащили на ремне байдару. Быстро скользила байдара по гладкой поверхности моря, приближаясь к стойбищу Энмакай.

Подросток-погонщик в одних нерпичьих штанах бежал рядом с собаками, и на его темнокоричневом теле играло солнце.

Подошла байдара. Ваамчо прыгнул с нее прямо в воду. Задыхаясь от желания рассказать необычные новости, Ваамчо подбежал к Тыгрене. Лицо его было взволнованно, и, хотя в байдаре он не работал веслами, пот выступил на его шее. Он молча сел у ног Тыгрены и, глядя в море, тихо проговорил:

— Тыгрена, дурные вести привез я. Я узнал их в соседнем стойбище.

— Какие, Ваамчо? — тревожно спросила она.

— Хищный морж потопил вельбот Алитета. Пропали люди. Все пропали. Много наших охотников пропало.

— Утонули?! Все? — переменившись в лице, испуганно спросила Тыгрена.

— Все утонули. Только Чарли-Красный Нос вылез на льдину. Его нашли, когда он умирал... И Алитет утонул.

Радость и горе смешались в душе Тыгрены. Она не могла стоять и села на гальку. Прижав сына к

груди, она сидела молча. Молчал и Ваамчо. Люди вытаскивали байдару на берег.

Тыгрена ласково взглянула на сына.

— Айвам, теперь, пожалуй, будет перемена жизни,— шепотом сказала она.

На мгновенье счастье отразилось на ее лице. Теперь никто не заставит ее жить в Энмааке. Нет больше Алитета. И опять на лицо набежала грусть. Сколько женщин сразу осталось без мужей! И Туматуге, и Апа, и Кейнин, и Вальхиргын. А Гырголь? Он совсем недавно женился.

«Жалко людей»,— с грустью подумала Тыгрена.

Она долго сидела молча, и Ваамчо не мешал ей думать. Даже Айвам притих, не понимая, почему мать не смеется. Вдруг Тыгрена порывисто встала, взяв сына за руку.

— Ваамчо,— решительно сказала она,— я завтра ухожу из стойбища Энмакай. Я пойду искать Аие. Теперь я буду жить рядом с ним.

— Тыгрена, он живет с русскими в одном стойбище. Ушел он от кочевников.

— Пусть. Если правда, что они стали его приятелями, я буду вышивать тем русским самые красивые торбаза. Я буду охотиться еще лучше. У нас будет много мяса. У нас будет много детей.

— Тыгрена, я отвезу тебя на своей байдаре, пристегну десять собак — и мы понесемся быстро, как весенние утки. Я сам буду погонщиком собак, а ты ведь знаешь, как я бегаю!

— Ты добрый, Ваамчо. Ты очень добрый. Ты настоящий человек, Ваамчо!.. И Айвам будет такой же. Аие будет очень любить его. Я знаю.

К берегу бежали женщины. С широко раскрытыми глазами они слушали Ваамчо. Их лица стали каменными, но ни одного вздоха не услышало солнце, ни одной слезинки не подсмотрела луна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ревкомовцы еще спали, когда в их комнату воировался продолжительный хриплый гудок парохода. Он взорвал северную тишину — и вмиг все стойбище ожило.

Уполномоченный ревкома Лось и его секретарь Андрей Жуков вскочили с кроватей и, уставившись друг на друга, улыбаясь, прислушивались к гудку.

Распахнулась дверь, и вбежавший Айе тихо, взволнованно сказал:

— Пароход. К берегу подходит...

После того как Лось и Жуков во время покушения на них Алитета свалились с обрыва и Айе помог им выбраться из тундры, он вместе с ними приехал в ревком и готовился к отъезду на Большую землю. Айе, чувствуя расположение к себе русских начальников, держался важно и, казалось, даже возмужал. Черные усики его стали гуще, с лица исчезла растерянность. Он гордился тем, что собирается в далекий путь, куда не всякий решится поехать. Но, увидев пароход, Айе испугался.

— Может, не надо мне ехать на Большую землю? — умоляюще прошептал он.

Айе сказал это так тихо, что ни Лось, ни Андрей, занятые своими мыслями, не услышали его.

Андрей бросился к окну, сорвал занавеску и, приплясывая, заорал:

— «Совет» пришел! «Совет»!

— Опоздал, друг, с новостью. По гудку узнаю «Совет», — торопливо застегивая пуговицы гимнастерки, сказал Лось и вдруг тоже пустился в пляс.

Половицы пошли ходуном, и весь ревкомовский домик задрожал.

Один Айе стоял неподвижно, не зная, радоваться ли ему или пора уже начать грустить. Ведь этот пароход должен увезти его далеко-далеко, в неведомую русскую страну. И что случится там с ним? Увидит ли он Тыгрену?

В утренней тишине, оглашая побережье, загрохотал

якорный канат. Скрежет железа казался Лосю и Жукову торжественной музыкой.

Торопливо и шумно охотники спускали байдару на воду.

Лось так налегал на весла, что они прогибались и скрипели.

— Ага-га-га! Ага-га-га! — выкрикивал рулевой — стариk Ильич, и байдара быстро неслась к пароходу.

На борту «Совета» толпились люди. Они с любопытством разглядывали подходившую байдару и, свесив головы через борт, оживленно переговаривались. Они впервые видели лодку с прозрачными бортами. Желтоватая моржовая кожа, очищенная от ворса, просвечивала, и байдара казалась таким легкомысленным сооружением, что прибывшие на пароходе люди поражались: как можно выходить на ней в море? Между тем эта байдара поднимала трех моржей.

С капитанского мостика послышался громкий, густой командирский голос:

— Приветствую вас, товарищ Лось!

Лось по голосу узнал капитана Михаила Петровича Лядова, который в прошлую навигацию высадил его на этот чукотский берег.

В ответ Лось замахал шапкой, напряженно всматриваясь в людей, стоявших на палубе, с надеждой увидеть свою жену. Но по всему видно было, что она не приехала. Она первая прокричала бы слова приветствия.

— Парадный трап спустить! — торжественно скомандовал капитан.

Взойдя на палубу, Лось радостно притопнул ногой и будто ощутил под собой родную землю.

— Товарищ Лось, капитан просил вас пройти в его каюту. Сейчас он спустится с мостика, — сказал молодой штурман.

Буфетчик, до тонкости изучивший все привычки своего капитана, уже расставлял в его каюте на бело-снежной скатерти приборы и закуску. Так он всегда делал почти механически, как только до его слуха доносился лязг якорной цепи.

Буфетчик любил важных гостей. Лось же не про-

извел на него такого впечатления: он был одет в изношенную военную гимнастерку, брюки цвета хаки, заправленные в нерпичьи, не очень красивые торбазы.

В капитанской каюте все блестело чистотой. Эта непривычная обстановка несколько смущила Лося. Он неуверенно оглянулся и под строгим взглядом буфетчика осторожно сел в кресло, обтянутое белым чехлом, потом поднялся, посмотрел на сиденье и, набравшись мужества, опять опустился в него.

— Чисто у вас здесь! — с восхищением сказал он буфетчику.

— На воде живем, — ответил тот и, подойдя к Лосю, строго добавил: — Это кресло капитана. Пересядьте на диван.

Лось послушно перешел, и буфетчик помахал по сиденью салфеткой.

Вошел улыбающийся капитан и, крепко пожимая руку Лосю, приветливо сказал:

— Ну-с, Робинзон, со свиданьем придется горилки выпить. Горилка у меня прямо для богов. Коньяк!.. А почему с палочкой ходите?

— Ногу сломал, Михаил Петрович. Но теперь все срослось.

— Вот, стало быть, еще удобный случай выпить за здоровье, — сказал добродушный капитан, придвигая к себе бутылку. — Ты смотри, что будешь пить! Звездочек на бутылке — как в созвездии Ориона! — сразу переходя на «ты», воскликнул капитан.

— Михаил Петрович, а у тебя на корабле нет ли картошечки? Целый год не видел ее.

— Митрич, доставь-ка нам сей драгоценный продукт, — распорядился капитан, обращаясь к буфетчику.

Старые знакомые чокнулись, выпили. Капитан вытер салфеткой седые усы и, лукаво подмигнув, спросил:

— Ну, как?

— Горилка добрая, а закуска еще лучше! — уплемая жареный картофель, пробормотал Лось.

Они чокнулись еще — за приход корабля, потом за хорошую погоду.

— Какие новости на материке, Михаил Петрович?
Газеты привезли?

— Все, все привез. За весь год. Будешь теперь читать старые газеты, как роман. Еле подобрали полный комплект. Где их возьмешь, старые газеты? В губревкоме из подшивки взяли. Ну-с... народу еще понавез тебе.

— Кого же?

— Три учителя. Медицинский отряд Красного Креста — пять человек. Как видишь, уйма народа! Таких специалистов этот край еще не видел.

— Добре! — радостно воскликнул Лось.

— Ревкомовских работников — шесть человек. Одного милиционера.

— Вот милиционеров маловато. Контрабанда ведь у нас здесь.

— Этот милиционер один стоит двадцати. Косая сажень в плечах, а усы — подлинней моих. Демобилизованный красноармеец из Барнаула. Заба-авный парень! Зашел как-то на мостик, смотрит на приборы, на карту, где я прокладываю курс, и спрашивает: «А трудно выучиться на капитана?» — «Потрудней, говорю, чем на милиционера», — «Но-о, говорит, милиция — самая важная должность. Охрана порядка». Служби-ист такой!

Капитан помолчал.

— Ну-с, прибыли еще работники пушных факторий. Ты знаешь, ведь Норд-компани «сгорела». Расторгли с ней договор. Ликвидироваться будет. Организовалось советское Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество. Сокращенно ОКАРО называется. Вот придумали слово! Прямо по-японски! Это ОКАРО и пушниной будет заниматься. А Норд-компани — гуд бай!

Это сообщение удивило Лося. Удивило тем, что в Москве, как он думал, не могли знать положения на месте и все-таки пришли к правильному решению. Даже досадно было, что это решение принято без участия его, уполномоченного ревкома. И, вздохнув, Лось сказал:

— До этой ликвидации Норд-компани мы здесь

сами додумались. Только, чорт возьми, почта наша лежит до сих пор в шкафу. Вот связь какая! Была бы связь, наши соображения как раз попали бы в самую точку...

— Значит, Москва предвосхитила твои мысли? — улыбнувшись, спросил капитан.

— Да-а! Удивительно! Далеко отсюда Москва, а знает, что здесь надо делать. Правильно решили. Без американцев обойдемся. Революцию сделали, а уж торговать как-нибудь научимся.

— Безусловно! — пробасил капитан. — В стране идет наступление по всему хозяйственному фронту. И что удивительно,— мне один архангельский капитан рассказывал: еще шла гражданская война, а Ленин уже дал поручение разыскать материалы по месторождению ухтинской северной нефти. Какой человек! Вот и сюда для начала привез тебе геолога. Будет разнюхивать, чем тут пахнут горы. Горжусь, горжусь молодой Россией!

— Да, для геологов работа здесь найдется,— сказал Лось, вспомнив о горах, где капризничает компасная стрелка.

Капитан глотнул коньяку и продолжал:

— А ты знаешь, с момента революции я ведь был в бегах. На Дальнем Востоке, как тебе известно, была такая правительенная чехарда, что тошно становилось. Я посмотрел, посмотрел... Вира якорь — и угнал пароход. Вот этот самый. На китайской линии работал, как извозчик, без родины! Потом пришла советская власть, я вернулся во Владивосток, замазал старое название корабля и написал: «Совет»...

Лось с улыбкой слушал капитана, который рассказывал это и в прошлом году.

— Радиста и радио привез тебе, чтобы не был ты одиноким здесь.

— Что ты говоришь! — обрадовался Лось.— Ну, Михаил Петрович, за радио придется выпить еще твоей божественной горилки.

— За такое дело не выпить — надо быть брашпилем,— сказал капитан, наливая стопки.— Да... с прошлой навигации тебе письмо вожу. Тогда, на обрат-

ном пути из Колымы, не попал к тебе. Привез его во Владивосток. Возил домой, в Шанхай, в Нагасаки, в Дайрен. И все же вот доставил адресату. Помнишь Толстухина? От него... И еще одно есть... — капитан весело подмигнул: — От жены. Но предупреждаю: читать его будешь не в моей каюте. Кто знает, что она там понаписала? Может быть, она поносит меня самыми последними словами и ты после этого не захочешь со мной и стопку держать?

Лось с волнением взял письмо, узнав знакомый почерк жены. Ему и самому хотелось прочесть письмо в уединении, подумать над ним, вспомнить далекую молодость, когда он был машинистом, а она — учительницей. Это ведь ей он обязан своей грамотностью. Лось бережно положил письмо в бумажник.

— Вы видели ее, Михаил Петрович?

— Да. Перед самым отходом из Владивостока вбегает ко мне женщина. Возбуждена, глаза горят — и сразу с допросом: «Товарищ капитан, вы все время работаете на «Совете»? — «Да, все время, — говорю, — плаваю на «Совете». Она думает, корабль — это какой-нибудь ревком или завод! «И в прошлом году, — говорю, — пла-а-авал на нем». Спрашивает, не знаю ли я Лося. «Ну, как не знать! В прошлую навигацию, — говорю, — сорок дней вместе шли». — «Где шли?» Ха, ха, ха! Она думает, что на пароходе не ходят, а обязательно ездят. Ну-с, спрашивала, где ты и что ты. Собралась к тебе. Отговорил ее, отговорил. Сказал ей всю правду. «На пустынный берег, — говорю, — высадил Лося. Что теперь с ним, и сам не знаю». Не рекомендовал ей отдавать концы, не рекомендовал...

— Пожалуй, правильно сделал, Михаил Петрович, — неуверенно сказал Лось.

— Ну, разумеется, я же знаю край. Вот обживешь место, дом выстроишь, тогда и поднимай паруса. Так я и сказал ей... А рвется она к тебе! Наши капитанские жены не отличаются этим качеством. Привыкли, чертяки, жить без мужей... Ну, давай выпьем... Митрич, еще картошки! — крикнул капитан, доставая маслины и засахаренный лимон.

— Как жизнь идет на материке, Михаил Петрович?

— Жизнь идет по курсу, заданному Владимиром Ильичем. Сталин у руля — и корабль идет прямым курсом. Идет, не обращая внимания ни на рифы, ни на подводные камни. Разумеется, не без бузотеров. Ну, да ведь их понемногу списывают с палубы. Иначе и нельзя. Я по себе сужу: распусти экипаж — и пойдешь на дно... раков кормить.

Грохотали лебедки, веселый шум стоял на палубе, в трюмах. В иллюминатор капитанской каюты доносилось: «Вира!», «Майна!»

— Домище привез тебе на двадцать комнат. Три школы. Будешь жить теперь как монахский президент.

Лось задумчиво покачал головой:

— Мало это, Михаил Петрович. Три школы... Сам знаешь, какое побережье. Это тебе не монахское государство.

— Э, батенька мой, ты думаешь, «Совет» ревновый? Хватит для начала. И Москва не сразу строилась.

Капитан крикнул:

— Митрич, старпома ко мне!

Явился старший помощник; капитан сказал:

— Иван Иванович, весь экипаж на авральные работы по сборке ревкомовского дома! Срок — двое суток.

— Есть, Михаил Петрович!

— Задымят печки ревкома — и вира якорь... А школы куда тебе развезти? — обратился капитан к Лосю.

— Одну — здесь, одну — в южную часть района, третью — в Энмакай.

— Гм!.. В Энмакай? Это больше трехсот миль по льдам.

— Надо, Михаил Петрович, очень надо!

Капитан задумался. Он молча закурил и решительно сказал:

— Хорошо, Никита Сергеевич! Рискну... — и, хлопнув рукой по столу, восторженно воскликнул: — Нра-

вится мне такая Россия! Целый корабль гонит во льды, чтобы доставить маленькую школку. Это же великий и невиданный гуманизм! — потрясая рукой, говорил капитан.

— Ну, а как же иначе, Михаил Петрович? Это же все наши обычные дела.

Они вышли на палубу. Подбежавший Андрей Жуков возбужденно крикнул:

— Вельботы! Двенадцать штук, Никита Сергеевич!

— Вельботы?! — изумленно переспросил Лось.

— Привез, — сказал капитан. — Вызывали меня на консультацию в Комитет Севера. Моя рекомендация!

— Вот за это спасибо тебе, Михаил Петрович! — и Лось, подняв подбородок и проведя по горлу рукой, сказал: — Вот так они нужны здесь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В тесном домике старого ревкома в ожидании Лося собрались вновь прибывшие работники.

Доктор Петр Петрович, лет сорока на вид, с широким добродушным лицом, стоял у самодельной схематической карты Чукотского полуострова и разговаривал с геологом Дягилевым.

— Вот смотрите, Владимир Николаевич: это, наверное, — последнее исправленное и дополненное издание картографического управления Лося? — иронически сказал он инженеру, показывая на висевшую на стене карту.

Дягилев, высокий худощавый человек с энергичным лицом, вынул из полевой сумки печатную карту и, сличая ее с лосевской, удивленно произнес:

— Надо сказать, что она все-таки подробней и лучше моей. Видите, Петр Петрович, здесь у меня сплошное белое пятно. Одна береговая полоска — и та не точна. А на карте Лося даже заливы и мысы отмечены...

Инженер углубился в изучение ревкомовской карты.

Тroe молодых людей внимательно рассматривали

тетрадь Лося с чукотскими словами и фразами. Это были учителя: Николай Дворкин, Кузьма Дозорный и Михаил Скориков. Их внимание привлекло грамматическое образование числительных в чукотском языке.

— Смотрите, ребята, это очень интересное словообразование! — сказал учитель Скориков.— По-моему, у них в основе счета не десятки, а пятерки.

— Не может быть? — усомнился Дворкин.— Видишь: один — иннень, десять — мынгиткен, одиннадцать — мынгиткен иннень пароль. Ясно, что десятка в основе.

— Ты дальше гляди! — горячо возразил Скориков.— Пятнадцать — кильхинкен, шестнадцать — кильхинкен иннень пароль. О чем это свидетельствует?

— Мне тоже кажется, что в основе пятерка,— вмешался Кузьма Дозорный.

Разгорелся горячий спор.

Лишь один начфин ревкома Прыгунов сидел в углу и мрачно молчал. Немного одутловатое его лицо выражало недовольство, и казалось, он думал: «Ну, братцы, и заехали мы в сторонушку! Охота им спорить о всякой чепухе!»

Милиционер Хохлов натужно писал что-то на полевой сумке, положенной на колено.

— Что ты пыхтишь, как паровоз? — пробурчал начфин.

— Протокол на тебя пишу, чтобы ты не закис здесь,— огрызнулся Хохлов.

Все эти люди, прибывшие сюда из разных концов России, за время пути на «Совете» уже хорошо познакомились и от вынужденного дорожного безделья подтрунивали друг над другом. Больше всего доставалось Прыгунову, который поехал на Север за «длинным» рублем.

В комнату вошли заведующие пушными факториями, — «красные купцы», как окрестили их в пути, — Русаков и Жохов.

Жохов остановился в дверях и, оглядывая комнату, с пренебрежением произнес:

— Это и есть чукотский Дворец советов?

Прыгунов прыснул от смеха.

— Подожди смеяться! — строго сказал милиционер.— Еще как радоваться будешь этому дворцу! Вот большой дом не успеют построить — и будешь щелкать на чердаке своими счетами.

С улыбкой радушного хозяина вошел Лось в сопровождении инструктора ревкома Осипова.

— Вот, товарищ Лось, почти все наши люди здесь,— сказал Осипов.

Небольшого роста, кряжистый, Осипов выглядел старше своих сорока лет. Он приехал сюда по партийной мобилизации, как работник, знающий моторное дело.

Познакомившись с прибывшими, Лось спросил:

— Кто из вас член партии?

— Я,— ответил заведующий факторией Русаков.

— Учителя — все комсомольцы,— добавил Осипов.— Их уже можно передавать в партию. Молодцов, радиист,— тоже комсомолец.

— Который из вас радиист?

— Вот он, легок на помине,— представил Осипов вбежавшего Молодцова.

— Здравствуй, товарищ Молодцов! — радостно, как самого дорогого гостя, приветствовал его Лось.— Смотри, вот твое помещение. Здесь будем размещать радиостанцию.

— Неважнецкое помещение,—разочарованно оглядывая комнату, проговорил радиист.

— Не красна изба углами, а красна пирогами. Отличная будет радиостанция,— и, обратившись ко всем, Лось сказал: — Вот видите, товарищи, как тесно мы жили: посадить даже негде. Но долго я задерживать вас не буду. Дело вот в чем. За время стоянки парохода мы должны во что бы то ни стало собрать новый дом ревкома и школу. Кроме строительной группы, капитан дает мне весь экипаж «Совета». В этот аврал придется включиться нам всем. Я обращаюсь к вам с просьбой приналечь как следует. Успеем отоспаться потом. Ночи здесь будут длинные.

— Не беспокойтесь, товарищ Лось, приналяжем,— сказал врач.— Нас и подбирали сюда с тем, чтобы мы были годны для всякой работы.

— Добре! Ты, Осипов, возглавишь бесперебойную доставку лесоматериалов. Доктор возьмет на себя руководство по доставке кирпича и глины,— словом, печное дело. С берега надо установить живой конвейер. Местные ребята станут цепочкой, и кирпичи из кунгаса пойдут из рук в руки. Я потом помогу вам, товарищ доктор, наладить это дело. Имейте в виду, что это очень важный участок работы. Если не успеем за время стоянки парохода вывести трубы — пропадем: печи у нас некому будет класть.

— Что вы, товарищ уполномоченный ревкома! Я вам такие печи сложу, сто лет будут стоять! С проволокой! — сказал милиционер Хохлов.

— Тебе сейчас же надо готовиться к отъезду в северную часть побережья. Сию же минуту. Идет попутная байдара. Высадишься в бухте Ключевой. Задание — борьба с контрабандой. Товарищ Жуков расскажет подробно, как и что.

— А я готов, товарищ уполномоченный ревкома. Сундучок подмышку — и все в порядке. Мы народ военный,— весело ответил милиционер.

— Товарища Жукова от аврала я освобождаю. С обратным рейсом «Совета» он выезжает на материк. Пусть готовится. И еще одного человека надо освободить. В стойбище Энмакай, где очень сильно влияние шаманства, теперь же надо послать учителя. Там надо выбрать место под школу, подготовить население и, когда туда придет пароход, сразу же начать работы, чтобы ни одной лишней минуты не задержать пароход. Капитан идет на риск. Учеников там будет не много: максимум — восемь человек. Кто из учителей хочет поехать туда? Предупреждаю: место не легкое.

— Любой из нас,— сказал тщедушный паренек Кузьма Дозорный.— Все мы комсомольцы и знали, куда ехали.

— А покрупней тебя нет учителя? — спросил Лось.

Поднялся высокий, крепкого телосложения, немного рябоватый учитель Дворкин.

— Такой подходящий? — с застенчивой улыбкой спросил он.

— Хорош! Инструкции получишь от товарища Жукова. Вот и все. По местам и немедленно за работу!

— Одну минуточку,— сказал геолог.— Я, товарищ Лось, конечно, не против аврала. Но, учитывая, что моя работа главным образом летом, я не хотел бы терять времени. Может быть, рюкзак на плечо, в руки геологический молоток — и в горы?

— Хорошо,— согласился Лось.— Надо только взять с собой проводника.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На рейде слабо дымил «Совет». Грохот лебедок оглашал воздух. Между берегом и пароходом сновал катер, таща за собой кунгасы.

На берегу, недалеко от старого ревкома, прямо на морской гальке укладывали венцы нового здания.

Весело стучали топоры, визжали пилы. Отовсюду слышались громкие голоса. С кунгасов непрерывным потоком поступали бревна, доски, готовые рамы.

Учитель Дворкин и милиционер Хохлов сидели уже в байдаре.

— Андрей! — крикнул Лось.— Отдай учителю мои тетрадки со словами и фразами. У меня там шесть экземпляров заготовлено.

— И милиционеру дать одну тетрадку?

— Дай и ему.

— Эрмен,— сказал Андрей рулевому,— вот эту бумажку передай Ваамчо и скажи ему, что она посыпается взамен той, которую он сжег на костре. Передай ему, что мы все равно считаем его председателем Энмакайского родового совета. Разъясни ему, пожалуйста, что шаман Корauge взял его тогда просто на испуг. Понял? Ты же сам председатель.

Эрмен кивнул головой, спрятал бумажку за пазуху, и байдара отвалила. Взвился парус, попутный ветерок подхватил его, и байдара пошла мимо новостройки.

Какой-то плотник, сидевший верхом на стене сруба, закричал:

— Товарищи, минута молчания! Милиция проезжает!

Все приветственно замахали — кто топором, кто пилой, кто доской.

Милиционер встал на перекладину байдары и, словно отдавая салют, выстрелил из винтовки вверх три раза.

Байдара взяла курс на северо-запад.

Дом вырастал со сказочной быстротой. Одновременно со стенами поднимались и печи. Плотники спешили обогнать печников, печники — плотников. Работа кипела. Короткое полярное лето торопило жить и строить.

Печник Егорыч в белом фартуке, с большой окладистой бородой, как у старообрядца, работал неутомимо. Приложив кирпич, он задорно крикнул с высоты своей печки:

— Ну, ребята, до захода солнышка будем работать!

Смех пробежал по стройке. Кто-то крикнул в ответ:

— Пока солнышко здесь закатится, можно целый город выстроить.

— Ты скажи, пожалуйста! Слыхать слыхал, что есть такие земли, где солнышко не заходит, а не верил. Думал, зря болтают, — удивленно сказал Егорыч.

Охотники отложили моржовый промысел и вместе с женщинами таскали необычные грузы. Ребятишки, забавляясь, с сияющими глазами перебрасывали из рук в руки кирпичи.

Старик Ильич степенно и молча расхаживал вокруг стоящегося дома, осторожно перешагивал через доски и бревна. Он думал о том, как бы не испортилась жизнь на берегу. Зачем понеехало сюда столько таньгов? Смотри, сколько их! И как проворно они работают! Смотри, смотри! И дружно работают! Со смехом работают. Наверное, они все родственники Лося. Иначе зачем бы они стали помогать ему? Какое большое родство! Старик заметил Лося и направился к нему.

— А, Ильич! Здравствуй! Садись, давай закурим,—
сказал Лось, вынимая папиросы.

— Это зачем строится? — спросил старик, пока-
зывая на дом.

— Жить и работать. Новые люди приехали. Помо-
гать строить вам новую жизнь. Вон вельботы пришли
с моторами. Они будут ходить за моржом без весел.
Быстро, как вон тот катер.

— Не знаю,— усомнился старик и, пыхнув папи-
роской, закашлялся.

К концу второго дня на берег прибыл капитан
«Совета». Дом вырос до крыши, уже устанавливали
стропила.

— Вот, Михаил Петрович, еще крыши нет, а одна
печка уже задымила. Скоро отпустим вас. Двери и
рамы сами установим,— здороваясь с капитаном,
сказал Лось.

— Зачем же? Все доведем до конца. Не люблю
бросать дело неоконченным. Погода стоит хорошая,
шторма не предвидится.

Солнце опустилось почти к самому морю. Раска-
ленный, ярко-огненный шар, словно боясь погру-
зиться в холодные воды океана, вдруг стал вновь под-
ниматься по небосклону.

И скоро его длинные косые лучи заиграли на оцин-
кованной крыше нового ревкомовского дома. Стекла
больших рам заблестели, привлекая внимание жите-
лей. Да и сам Лось любовался новым домом.

— Вот теперь заживем! — мечтательно проговорил
он вслух и, вспомнив жену, с тоской подумал:

«Все-таки напрасно капитан не взял ее сюда.
Смотри, какой дом! Это же хоромы!»

Подошел Андрей. Лось молча обнял его одной ру-
кой и сказал:

— Грустно мне оставаться без тебя, Андрюша.

— Что ты, Сергеич! Сколько людей теперь здесь!
Свои все люди, советские.

— Сжился я с тобой, привык к тебе... Но ты
смотри, не вздумай там застрять. Обязательно возвра-
щайся! Ведь я тебя посылаю специально толкачом.
Добивайся своего. Живой человек больше может сде-

лать, чем все наши бумажки и доклады. Главное — добивайся строительства культбазы. Твоя ведь идея. Садись вот на бревно...

Они молча посидели.

— Капитан мне сказал, что в Москве организовался Комитет Севера при самом ВЦИК. Туда поезжай. Везде ставь наши вопросы. Понял, Андрюша?

— Все ясно, Никита Сергеевич.

— Зайдете в стойбище Лорен, выступай как представитель ревкома. Помоги там Красному Кресту обосноваться, школе. Мэри посоветуй учиться на медсестру. Я уже сказал об этом врачу. Он хоро-о-ший, наш человек. Ярака зачислить заведующим пушным складом. Будем готовить из него заведующего пушной факторией. А то мне этот Жохов что-то не нравится...

Положив блокнот на колено, Андрей быстро записывал все наказы и поручения.

— Теперь о мистере Саймонсе. Он должен сдать факторию и выехать с «Советом» до Петропавловска. По ликвидационному договору американцы сдают нам все товары: ходовые со скидкой сорок процентов, неходовые — шестьдесят процентов. Ты понимаешь, в чем тут дело? Это все крупные суммы. В валюте. Все это надо помнить. Назад они не повезут товары, им просто невыгодно. Например, тонкое дамское белье, зачем оно? Кто его здесь носит? Значит, неходовой товар. На Жохова положиться нельзя, его можно купить с головой и потрохами за двадцать бумажных долларов.

— Никита Сергеевич, инструктора ревкома послать надо.

— Хватит тебя одного. Осипов поедет контролировать другую факторию. Вот все. А теперь, Андрюша, без записи. Моя личная просьба к тебе, как к другу. Постарайся во Владивостоке увидеть Наташу и, если ей здоровье позволит, тащи ее сюда. Работы здесь, сам видишь, сколько. Разные страсти-мордасти не рассказывай ей. Незачем. Приедет — сама увидит.

— Все, все сделаю, Никита Сергеевич. Можешь положиться на меня, как на себя.

Лось улыбнулся и, обняв Андрея, тихо сказал:

— Знаю, Андрюша!.. Теперь об Айе. Что ты с ним хочешь делать?

— Будет все время со мной ездить. Пусть смотрит на мир своими глазами. Это поездка для него будет все равно что университет. Вернется — будет сам рассказывать о Большой земле. Но, кроме того, у меня есть такая задняя мысль. Скажу тебе по секрету. Вот, предположим, буду я в губревкоме. Айе со мной. Живой представитель народа! Ты знаешь, какое это произведет впечатление? Там, где и нельзя что-либо получить, а дадут.

— Ну и хитер ты, Андрюшка! — Лось довольно засмеялся.— Здорово придумано! Приедешь в Лорен, выгрузит Жохов свои товары, возьми для Айе костюм, сапоги, белье — все. Понимаешь, чтобы он был и с виду настоящим человеком.

«Совет» дал отходный гудок. Все побежали к кунгасу.

Пока Лось и Жуков оформляли на пароходе грузовые документы, Айе стоял у борта и с грустью глядел на родные берега. Не один раз он подумывал сбежать по трапу, сесть к охотникам в байдару и удрать в тундру. Может быть, Айе так и сделал бы, если бы он не знал, что пароход должен зайти в Энмакай выгрузить школу. Очень любопытно посмотреть на Тыгрену, на ее малыша и позлить шамана Корauge: «Вот какой стал я, Айе! Хозяин железного парохода. Я приехал забрать Тыгрену. Она с детства предназначена мне в жены».

К размечтавшемуся Айе подошли Лось и Андрей.

— Сейчас поплыем, Айе! — радостно сказал Жуков.

И, словно кладя голову на плаху, Айе печально ответил:

— Да, поплыем.

— Не горюй, Айе. На будущий год вместе с Андреем вернешься. Встречать вас буду,— утешал Лось, тряся руку Айе.

Затем он обнял Андрея, расцеловался с ним и под лязг якорного каната с чувством невольной грусти стал сходить по трапу в байдару.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Алитет шел вдоль берега моря. Почти босые ноги его утопали в прибрежной гальке. Меховые чулки разорвались в клочья, от куклянки остались только две полосы, едва прикрывавшие спину и грудь. Не осталось ни лахтажьего ременного пояса, ни торбазов, ни камусовой шапки. Все это и даже нерпичий пузырь Алитет съел, борясь с голодом, на плавающих льдах.

Оборванный, измученный, он шел теперь по земле и бросал взгляды по сторонам. Он вспомнил Чарли, который, так же как и он, вылез на льдину. Где он теперь? И вельбот пропал. Ай, как жалко вельбот! И хвосты. Сколько хвостов!

После гибели вельбота Алитет два дня не пил воды. Губы высохли и горло сжалось. Морская вода и соленый лед вызывали тошноту.

Лишь на третий день, когда Алитета прибило к ледяному полю, он, бродя по торосам, увидел глыбу опресненного льда. Среди голубых льдов она казалась бледной. За многие годы она выветрилась, крепкие морозы выжали из нее соль.

Заметив ее издали, Алитет закричал и, как безумный, бросился бежать к ней. На бегу он выхватил нож, чтобы отколоть кусок льда. Но, добежав до этой глыбы, он бросил нож и, распластавшись, стал жадно грызть лед, не обращая внимания на кровь, сочившуюся из его пораненных губ.

Утолив нестерпимую жажду, он отколол большой кусок льда в запас и пошел, перепрыгивая через трещины, обходя разводья. Пробираясь в направлении берега с льдины на льдину, он вышел на кромку льда. Чистое море отделяло его от берега. Он стоял и с тоской рассматривал знакомые очертания гор.

Солнечные блики играли на льдах. Оранжевое раскаленное солнце светило жарко. Торосы и одинокие ропаки отбрасывали тень, и эта тень обманывала человека, казалась бездонным разводьем.

Алитет долго стоял, словно сам превратившись в ропак. Глаза остановились на вершине горы Рырка-

ляут. Сколько раз он проезжал на собаках вокруг этой горы!

Ноги задрожали, и Алитет сел. Он сжал зубы, и они вискрипели. Хотелось спать, но спать было нельзя. Руки поднялись, и он ухватился за голову. Он не почувствовал боли и даже не заметил, как в руке оказался клок его волос.

Вдоль кромки ледяного поля плыла небольшая льдина, гонимая подводным течением. Заметив ее, Алитет вдруг насторожился, мигом вскочил и, затаив дыхание, побежал к кромке. Согнувшись над морской пучиной, он жадно смотрел на эту льдину, потом с надеждой взглянул на вершину горы Рыркаляут. Нервная дрожь пробежала по всему телу. Схватив свой кусок пресного льда, он собрал все силы и прыгнул на льдину. От сильного прыжка льдина покачнулась, и по темнозеленой воде побежали круги волн. Алитет присел на корточки, втянул шею и замер.

Дул легкий ветерок, сбивая с лица крупные капли пота. Алитет отгрыз кусок льда, проглотил его и разделялся. Он натянул штаны на руки, развернул остатки своей кухлянки и, высоко подняв этот самодельный парус, стал управлять льдиной. Голод и непреодолимое желание выбраться на берег загнали его на эту опасную льдину. Он знал, что если ветер усилится, волны смоют его. И все же он в страхе убегал от прочного ледяного поля, где не было никакой еды.

Ветер тянул ровно, не переставая, и льдина шла, как байдара. Алитет стоял голый, припекаемый высоким солнцем, и ни разу не опустил рук.

Берег манил. И чем ближе льдина подплывала к земле, тем все медленнее и медленнее, как казалось Алитету, она шла.

Руки онемели. Хотелось опустить их и упасть. Но он стоял и немигающими глазами, неотрывно смотрел на берег.

Лишь к вечеру льдина остановилась на мели, почти у самого берега. И, словно теряя рассудок, Алитет схватил свой кусок пресного льда и прыгнул в воду. На четвереньках, как зверь, он вылез на прибрежную

накаленную солнцем гальку, свалился и тут же уснул.

Солнце спустилось уже к самому краю неба, когда озnob разбудил Алитета. Он открыл глаза. Рядом лежал крохотный кусочек пресного льда, и с него падали редкие тяжелые капли. Алитет уставился на него и долго смотрел на этот кусочек, потерявший теперь всякое значение.

— Растваял,— прошептал Алитет и, вскочив, побежал дальше от моря.

Согреваясь, он бежал по мягкой тундре, покрытой весенними цветами. Наткнулся на лужицу и, припав к ней, по-собачьи начал лакать. И вдруг Алитет увидел в воде, как в мутном зеркале, свое косматое, страшное лицо. Он вскочил и, с ужасом оглядываясь на лужицу, пошел прочь от нее.

Вскоре он нашел мышиную нору, разгреб рыхлую землю и забрал мышиные запасы,— все до единого зернышка и съедобного корешка,— но есть не стал. Сорвав два листика дикого щавеля, он сунул их в рот и, на ходу жуя, опять пошел вдоль берега моря.

Он шел в Энмакай, избегая встречи с людьми. А люди, заметив его еще издали, со страхом шарахались в сторону, принимая его за бродячего человека — тэррака¹.

Алитет был очень худ. Лицо его осунулось, глаза ввалились глубоко, скулы выдались, борода отросла и поседела. В своей изодранной одежде он был страшен. Он шел медленно, не размахивая руками, с трудом передвигая ноги, но не останавливался. Лишь изредка, нагнувшись, он срывал листик щавеля и опять шел. Он шел до тех пор, пока солнце не стало сильно припекать. Тогда он свернулся в ложбину, свалился на мох и крепко заснул. Он спал долго, пока солнце не сделало большой круг. И когда холодные

¹ У приморских чукчей есть поверие, глубоко укоренившееся убеждение, что тэрраки действительно существуют. Это люди, унесенные на льдинах во время охоты. Они становятся безумными, теряют дар речи, но обретают способность переносить невероятные лишения. Тэрраки изредка забегают в стойбища, воруют мясо, одежду и снова убегают во льды.

потоки воздуха разбудили его, Алитет вскочил, пожевал мышиной пищи и вновь пошел по берегу. Он шел всю ночь.

Опять засветило ярко солнце. Алитет залез на холмик. Еще издали он заметил байдару, шедшую ему навстречу. Она быстро приближалась. Вдоль берега бежали собаки, тянувшие ее за длинный ремень. Вскоре по взмахам рук погонщика Алитет узнал Ваамчо. Пристально глядываясь в байдару, он заметил Тыгрену, сидевшую на носу байдары. Алитет затаился, как волк, выследивший добычу, метнулся с холмика и спрятался.

Как только собаки выскочили на холмик, Алитет поднялся из своей засады и схватил ремень, протянутый к мачте байдары. Ваамчо осталенел. Люди в байдаре вскрикнули: Алитет поднялся будто из-под земли, как привидение.

Слабый от истощения, Алитет не сдержал собак, и упал. Не выпуская ремня из рук, он проволочился несколько шагов по гальке, пока упряжка не остановилась.

— Подойди сюда! — в первый раз за много дней крикнул Алитет, обращаясь к Ваамчо.

Но Ваамчо стоял неподвижно.

— Не бойся. Духи помогли мне спастись...

Ваамчо продолжал смотреть на Алитета застывшим взглядом.

— Иди же сюда, безумный! — громко крикнул Алитет, сидя на гальке среди собак.

Не чувствуя под собой ног, бледный, с дрожащими руками, Ваамчо безвольно шагнул к Алитету.

— Не бойся! Я голоден. Скорей хочу домой. Подтягивай байдару.

Ваамчо вцепился в ремень и, не чувствуя, как двигаются его руки, подвел байдару.

Алитет перелез через борт и свалился на мягкое дно байдары. Растинувшись, он лежал и смотрел в небо.

Тыгрена хотела отвернуться от него и не могла. Она хотела что-то сказать, но язык не ворочался в рту. Она молча сползла с носа байдары. Было так

страшно, что она уронила Айвама. Она до крови укусила губу и, схватив сына, сильно прижала его к себе.

— Поворачивай собак! — крикнул Алитет.

Собаки побежали обратно. Но рулевой был так испуган, что не знал, куда «положить руля». Байдара то наскакивала на прибрежную мель, то уходила в сторону моря, черпая левым бортом воду.

Алитет вытер мокрое от воды лицо, перевернулся и на четвереньках пополз к корме. Взмахом руки он отстранил рулевого и сам взялся за ручку руля. Он сидел неподвижно, молча, с ничего не выражавшим взглядом глубоко запавших глаз. Люди боялись смотреть на него, и все же глаза сами поворачивались в сторону Алигета. Люди удивлялись, почему они еще живы и не умирают от страха.

Домой, как всегда, собаки бежали быстрей. Ваамчо несся за ними, словно подхваченный ветром. В байдаре все молчали.

Тыгрена, прижав сына к груди, взглянула на Алигета в упор. Глаза их встретились. Собравшись с духом, она громко, чтобы придать себе силы, спросила:

— Ты кто? Тэррак?

Алигет зло усмехнулся, но улыбка тотчас исчезла с его искривленных губ. Седая борода дрогнула:

— Забыла, кто я? Ты думала, я погиб?

— Люди говорили,— уже тихо сказала Тыгрена.

— Нет. Я не погиб. Это я. Много дней я боролся с духами голода. Они бессильны оказались против меня... Воды дайте!

Охотник, сидевший у бочонка с водой, быстро налил кружку воды и дрожащими руками подал Алигету.

Алигет выпил в себя сразу всю кружку.

— Еще! — сказал он, протягивая руку.

После второй кружки он ощупал свое лицо и сказал:

— Вокруг не было никакой еды. Только один тюлень попался мне на льдине. Я подкрался к нему с подветренной стороны, схватил его за ласт, но он выскользнул из рук и свалился в полынью. Одежда была моей едой.

Голос Алигета гудел. В байдаре летали его слова.

Тыгреной овладел смертельный страх. Она потеряла сознание и свалилась на сына.

Байдара прошла уже далеко, пока Тыгрена очнулась. Не видя около себя сына, она задрожала. Ей показалось, что за это время Алитет выбросил Аивама духам моря. Она тревожно оглянулась и увидела отползшего в сторону сына. Тыгрена схватила его и злобно взглянула на Алитета.

Алитет сидел на корме, такой же страшный, как и был. Он молча глядел вперед и казался неживым. Тыгрена разглядывала его сквозь узкую щелку чуть-чуть раздвинутых пальцев руки. Она знала, что теперь Алитет захочет принести большую жертву духам, и, неизвестно почему, ей вспомнился бородатый русский начальник. Чуть заметная улыбка мелькнула на ее лице. И опять с ноющей болью в сердце пришла мысль: «А вдруг Алитет скажет, что надо принести в жертву Аивама? Ведь убивал же он детей Наргинаут?»

Все люди знали, что имя «Аивам» образовано из имени «Алитет» и «ваам» — большой ручей. Но никто не догадывался о хитрости Тыгрены. Ребенок должен был родиться от Айе, а родился от Ваамчо. Поэтому Тыгрена и взяла начало имени от Айе, а конец — от Ваамчо: Ай-вам.

Алитет сильно не любит и Ваамчо, и Айе. Вдруг он разгадает имя? Тогда наверное он захочет принести мальчика в жертву.

Показалось стойбище Энмакай.

Вдруг Алитет бросил руль, встал на корму, и по его лицу пробежал испуг. Судорожно затряслась впалая щека. Он с недоумением глядел в сторону стойбища.

Среди яранг стоял высокий деревянный дом с железной, блестевшей на солнце крышей. Оконные стекла играли светом. Люди молча переглянулись, словно спрашивая друг друга: все ли видят это?

— Откуда эта деревянная яранга? — тихо спросил Алитет, тревожно разглядывая дом.

Какое-то неясное ощущение радости вызвало в душе Тыгрены и то, что Алитет испугался, и то, что в стойбище появилась эта деревянная яранга. И опять

Тыгрена вспомнила русского бородатого начальника.

— Эй вы, люди! Что же вы молчите? — крикнул Алитет.

— Шесть дней назад мы уехали из стойбища — все оставалось по-старому, — спокойно, но с оттенком душевного подъема сказала Тыгрена. — Откуда появилась эта деревянная яранга, никто не знает.

Собаки галопом неслись к стойбищу, далеко оставив погонщика Ваамчо. Пенящаяся струйка бурлила за байдаркой.

На крыльце нового дома стоял рослый, широкоплечий парень в русской одежде и спокойно смотрел на подходившую байдару. Он курил трубку, и в прозрачном, чистом воздухе струился дымок.

Это был учитель Николай Дворкин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Все реже и реже стало показываться солнце. Оно тонуло в туманах или в белых влажных облаках. Дни стали совсем короткими. И вскоре наступила зима. Был конец сентября, а снег уже покрыл землю. Вновь прибывшие работники ревкома никогда еще не встречали зиму так рано. Глядя на белую пелену, скрывающую горизонты, они с тоской вспоминали родные места. И все же великие просторы и суровое величие Севера покоряли человека. Да и Лось не давал никому скучать.

В новом доме ревкомовцы ежедневно занимались изучением чукотского языка. Ревком напоминал собой этнографический факультет, деканом и профессором которого был Лось.

На побережье было уже три школы, приступил к работе отряд Красного Креста, торговали и вели работу с населением советские пушные фактории. Оживилась работа родовых советов. Отовсюду с оказией шли в ревком письма. Приезжали председатели родовых советов за «живыми словами».

«Вот когда начинается работа!» — радостно думал Лось, просматривая письма. Его особенно заинтересо-

вало письмо от заведующего факторией Русакова. Он положил его на стол, расправил вмятины и крикнул секретарю в соседнюю комнату:

— Петя, позови-ка мне Осипова!

И в ожидании инструктора ревкома Лось зашагал по своему кабинету. Здесь было просторно, чисто, и Лось, оглядев кабинет, внутренне улыбнулся. На стене висела карта СССР и большая, со всеми стойбищами, вычерченная им самим карта Чукотского полуострова. Над письменным столом — портреты Ленина и Сталина без рамок. На противоположной стене — маленький портрет Льва Толстого, взятый из книги.

Вошел Осипов.

— Интересное письмо пришло от Русакова, — сказал Лось. — Правда, обстановку там я достаточно хорошо знаю и сам. Дело в том, что в этом стойбище наметились две группы. Стойбище разделено оврагом. По одну сторону оврага американофильские охотники, по другую — с явными симпатиями к нам. И вот в этой части стойбища Русаков организовал промысловую зверобойную артель. Он пишет, что если мы дадим в это стойбище вельбот с мотором, то, возможно, к артели присоединится и американофильская часть населения.

— Конечно, туда нужно дать вельбот, — сказал Осипов.

— Да... Но дело там сложное. У этой группы охотников есть свой вожак. Он родственник эскимосам с американских островов. Здоровый старик, кривой. Он лучший охотник. Зовут его «Сверху видящий человек». Старик с норовом. Всю заовражную группу держит в своих руках. Непрекаемый авторитет. Склонить его нелегко. А надо! Он — большая опора для Алитета, — задумчиво сказал Лось.

— Я выеду туда, — сказал Осипов. — Помогу Русакову.

— Агитацией заниматься? Занятие очень трудное. Мы с Андреем целый год занимались агитацией, а в это время американцы товарами агитировали. Правда, мы не всегда безуспешно проводили ее, но теперь у нас есть все возможности агитировать делом. Поведем

борьбу с ним весной, перед началом зверобойной охоты, когда будем спускать артёльный вельбот. Теперь пока не стоит этому старику надоедать и портить дело. Его можно склонить на нашу сторону успешной работой на вельботе. Так мне кажется. А сейчас, Василий Степанович, я тебе даю отпуск на два месяца.

Оsipов рассмеялся:

— Какой отпуск?

— Заняться только изучением языка. Чтобы через два месяца ты свободно говорил.

— За два месяца, пожалуй, не одолеешь.

— Надо одолеть. Надо поставить перед собою такую задачу.

— Попробуем.

— Пробовать нам некогда. Надо выполнить. Без этого здесь нельзя работать.

— Хорошо,— твердо сказал Osипов.

Вошел старик Ильич. Приветствуя его по-чукотски, Лось предложил ему стул. Старик сел, но сейчас же опустился на пол, скрестив под собой ноги.

— Лось,— важно сказал старик,— новости пришли. Пароход на севере, туда дальше, во льдах у мыса стоит. И дыму нет. Совсем остановился, на всю зиму.

— Пароход?! — крайне удивленно, несколько растерянно переспросил Лось, сразу почувствовав личную ответственность за зимовку «Совета».

Лось насторожился. Эта новость о зазимовавшем пароходе его поразила. Он достал трубку и торопливо стал ее раскуривать.

Словно боясь расспрашивать о пароходе, Лось сильно затянулся и, обращаясь к старику, спросил совсем о другом:

— А еще какие новости?

— Больше нет новостей.

— Ничего не слыхал об учителе, которого возил твой сын Эрмен?

— Нет, никаких слухов нет.

— А про милиционера?

— Больше нет никаких новостей.

Лось помрачнел и, обратившись к Osипову, сказал:

— Неприятная новость!

— А что такое? — спросил Осипов.

— «Совет» затерло во льдах. На десять месяцев выведен пароход из строя. Это большая неудача,— вздохнув, сказал Лось.— Весь Совторгфлот на Дальнем Востоке насчитывает всего лишь двенадцать кораблей. И вот один из этих пароходов я, уполномоченный ревкома, загнал во льды, чтобы поставить всего лишь одну маленькую школу в стойбище Энмакай. Правильно ли я поступил? — задумавшись, спросил Лось.

— Трудно сказать, Никита Сергеевич.

— Нет, нетрудно. Я поступил правильно. Больше-вики не могут подходить к таким вопросам по-торгашески. В этом суть нашей национальной политики... Ну что же, Ильич, спасибо за новости. Еще что услышишь, приходи... Закури на дорогу.

И все же Лось при воспоминании о пароходе чувствовал себя не очень хорошо. В душе он все еще не мог решить: правильно он поступил или неправильно. Раздражало его и молчание радиостанции. Он накинул на себя кухлянку и пошел к радиисту.

Увидев виноватую улыбку на лице Молодцова, он догадался, что станция продолжает бездействовать.

— Зря ты носишь такую хорошую фамилию! — не сдержавшись, раздраженно сказал Лось.

— Сам замучился, Никита Сергеевич. Вся душа исстрадалась. Хоть в петлю полезай. Никак не удается наладить,— сказал Молодцов, и на глазах его навернулись слезы.

— Милый мой, как же ты ехал сюда? Ведь ты меня держишь без связи. Это же убийство! Работал ты по этому делу или нет?

Опустив голову, Молодцов молчал. Он и сам отлично понимал обстановку, но чем больше старался, тем все больше и больше запутывался в новой для него радиоаппаратуре.

— В Петропавловске я хорошо работал и на приеме и на передаче. Поэтому и послали меня сюда. Но вот слабоват оказался в радиотехнике,— оправдывался радиист.

— Какой же идиот послал тебя? Ведь тут не пой-

дешь за помощью к соседу-дяде. Вот и будем сидеть, как суслики в норе. Ты мне по-честному скажи: сможешь ты наладить станцию или нет?

— Не знаю, Никита Сергеевич.

Лось, махнув рукой, молча вышел из радиостанции: «Лучше бы совсем не было ее. Спокойней было бы», — подумал он.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Перелетные птицы покинули чукотскую землю, и лишь запоздалые стайки еще тянули на юг. Вдоль всего берега стояли наносные ледовые поля, уходившие далеко за горизонт. Пришла хозяйка этого края — зима. Утро было тихое. Где-то выла собака.

И на белоснежной пелене земли, неба и моря вдруг во льдах показался дым, рассекавший длинной струей небесный купол. Все население стойбища всполошилось, люди бросились к берегу.

Лось, схватив длинную подзорную трубу, полез на крышу дома. Он навел трубу на дым и увидел пароход. Было хорошо видно, как он, борясь со льдами, пробивался к полынье. Порой он отступал и, с полного хода взбираясь корпусом на льды, давил и раздвигал их; он забивал ледовые якоря и отводил льдины в стороны, но они снова стремились сомкнуться.

Вокруг ревкома собралась толпа. Все с любопытством смотрели во льды.

— Какой-то ледокол! — вдруг крикнул с крыши Лось.

Но вот ледокол пробился в полынью и стал быстро приближаться к стойбищу.

Лось рассмотрел название корабля.

— «Красный Октябрь!» — закричал он. — Бывший ледокол «Надежный».

«Красный Октябрь» продолжительно загудел, и эхо отдалось в горах.

Лось торопливо спустился с крыши, заложил собак и вместе с Эрменом помчался к кораблю. Нарта заныряла в торосях.

...Вдали от чукотских берегов, затерянный в Ледовитом океане, открытый русскими мореплавателями остров Врангеля привлек к себе внимание английских хищников. Воспользовавшись создавшейся обстановкой на Дальнем Востоке, они, вопреки всяkim законам международного права, заняли остров. Какой-то Уэлс высадился на нем со своими людьми.

Выполняя правительственное задание, экспедиция гидролога Давыдова сняла с Врангеля захватчиков и водрузила на острове советский металлический флаг.

Теперь «Красный Октябрь» возвращался с острова Врангеля и в борьбе со льдами израсходовал все запасы угля. В топки котлов пошли вся деревянная обшивка корабля, манильский трос, мука, сахар и все, что могло гореть. Экипаж оказался в крайне тяжелом положении.

Лось подъехал к кораблю, и вахтенный тотчас же провел его к начальнику экспедиции.

Профессор Давыдов, крупнейший гидролог, возглавлявший экспедицию на «Красном Октябре», встретил Лося молча. Он поздоровался с ним и сухо представил комиссара экспедиции Домникова. Их лица выражали крайнюю озабоченность. Эти два человека держали в своих руках судьбу всего экипажа в стодвадцать военных моряков. Они коротко объяснили Лосю цель своей экспедиции и тяжелое положение корабля.

Усаживаясь на металлическое кресло, Лось бросил взгляд на каюту, которая была ободрана: кругом виднелось ржавое железо.

— Это по какому же праву англичане высадились на наш остров? — спросил он.

— По праву «хватай все, что плохо лежит». Но они малость просчитались. Мы нагнали жару на этого Уэлса! — со смехом сказал комиссар. — Когда мы подходили к острову, он на шлюпке вылетел нас встречать, видимо, полагая, что это английский корабль. Но, заметив под кормой красный флаг, дал ходу назад. Пришлось остановить шлюпку двумя пушечными выстрелами. Нам важно было захватить дневник Уэлса.

— Поднимали его на палубу — трясясь, как в лихорадке.

радке. Думал, что большевики душу из него вытряхнут. Теперь успокоился, даже весел и хвалит не нахвалит водку,— добавил начальник экспедиции.

— Я покажу тебе этого Уэлса! — сказал комиссар Лосю.

— На кой чорт он мне нужен! Я уже здесь достаточно насмотрелся на них. Вы вот скажите лучше: где застрял «Совет»? Связь у вас есть с ним?

— Э, «Совет» к Владивостоку уже подходит.

— Как? — удивился Лось.— А тут у нас слухи были, что он зимует у мыса Северного.

— Это мы там стали было на зимовку. Потушили котлы и стали. А потом разглядели с марса полынью и решили выходить на риск,— разъяснил комиссар.

— Но теперь у нас катастрофа,— мрачно сказал начальник экспедиции.— Весь уголь под метелку выгребли. Как видите, одна железная коробка осталась,— и, вздохнув, он продолжал: — Не дотянули до Провиденской угольной базы. А ведь совсем немного нам нужно угля. Теперь можем лечь в дрейф, и зимовочных запасов нет. Мы стоим перед страшной перспективой: бросить корабль и сойти на берег. Сто двадцать человек экипажа!

Лось внимательно слушал начальника экспедиции и в то же время думал:

«Есть у меня сто пятьдесят тонн угля. Отдать им? Нет, нельзя. Отдать уголь — придется свернуть работу ревкома. Но ведь прозимовал же я с Андреем без угля, и работа не прекращалась. Закрыть новый дом и перейти в яранги?»

Комиссар Домников сказал:

— На корабле не осталось ничего, что могло бы гореть, и все же корабль нельзя нам бросать.

Лось закряхтел и, отстегнув ворот гимнастерки, сказал:

— Придется помочь вам.

— Каким же образом? — недоуменно спросил начальник экспедиции.

— У меня есть сто пятьдесят тонн...

— Угля? — воскликнули хором Давыдов и комиссар.

— Да, угля.

— Вахтенный, быстро сюда старшего механика! — радостно крикнул Давыдов и, обратясь к Лосю, спросил: — Этот уголь у вас для отопления ведь? Как же вы проживете зиму без него?

— О нас, товарищ начальник, вы не беспокойтесь, мы проживем, — решительно ответил Лось.

Вошел старший механик.

— Сколько нам нужно угля до базы? — спросил начальник.

Прикинув в уме, механик меланхолично произнес:

— Тонн двести.

— Сто тонн есть.

— Зачем же? Сто пятьдесят, — торопливо поправил Лось.

— Нет, нет! — поднимая руку, категорически сказал Давыдов — А кашу на чем будете варить? — И, обращаясь к механику, добавил: — Так вот, товарищ стармех, сто тонн.

— Дотянем как-нибудь, — уже весело сказал старший механик.

Радостная весть об угле мгновенно облетела корабль. Тут же раздались звуки баяна, и какой-то матрос уже отплясывал на палубе гопака.

— Как вас зовут? — спросил Лоя начальник экспедиции.

— Никита Сергеевич.

— Так чем же отблагодарить вас, Никита Сергеевич?

— Не за что благодарить, товарищ начальник. Вот одна беда и у меня есть: бездействует радиостанция. Может быть, вы, товарищи, поможете нашу радиостанцию наладить? Что-то не получается у моего паренька.

Давыдов вызвал старшего помощника и приказал:

— Товарищ старпом, назначьте авральные работы по загрузке бункера. Радистов от аврала освободить, и всю смену послать на берег. Сейчас же. Надо наладить береговую радиостанцию. Мешки у нас есть, чтобы перенести уголь?

— Есть.

— Зачем носить? Мы это значительно быстрее сде-

лаем на собачьих упряжках,— сказал Лось.— Я сейчас поеду на берег и возьму все нарты из ближайших стойбищ. Мы это быстро сделаем.

— Превосходно! Нам медлить нельзя. Ледовая обстановка меняется с каждым часом.

Спускалась ночь. На корабле загорелся прожектор, освещая льды, по которым шли группами матросы. Не успели они дойти до берега, а около угля уже стояли собачьи упряжки.

Матросы быстро набивали мешки углем, и каюры увязывали их на своих нартах. К полночи Лось пригнал еще десятки нарт из других стойбищ. И всю ночь при свете прожектора беспрерывно сновали нарты между берегом и кораблем.

Усталый после напряженного дня и бессонной ночи, Лось с последней упряжкой прибыл на палубу корабля.

Из трубы «Красного Октября» валил черный густой дым. От работы всех машин корпус корабля чуть-чуть сотрясался. «Красный Октябрь» был готов к отходу. Раздался прощальный гудок. Он хрипло и продолжительно огласил торосы ледовых полей.

Давыдов, прощаясь с Лосем, взволнованно сказал, не выпуская его руку из своей:

— Вы, Никита Сергеевич, спасли корабль, а может быть, и весь личный состав! Приношу вам от имени всего экипажа сердечную благодарность.

Лось смущенно улыбался. Он спускался на лед. «Красный Октябрь» двинулся и пошел в полынью.

С борта корабля моряки махали шапками вслед мелькающей в торосах упряжке Лося. И долго еще, пока не спустился туман, какой-то матрос, стоявший на марсе, размахивал своей шапкой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лось проснулся поздно. Приподняв одеяло, он в щелку следил за истопником и улыбался. Ковыляя по комнате, хромой Налек ступал неслышно, чтобы не разбудить хозяина. Налек очень ценил свою работу. На охоту ходить он не мог, а тут вдруг он сделался

почти богачом. За рубли — бумажки — Налек покупал в фактории все, что нужно человеку, будто он был настоящим охотником.

В дверь постучали. Налек подскочил к двери, чуть приоткрыл ее и безмолвно замахал рукой, давая знать пришельцу, что Лось спит.

— Кто там? — спросил Лось.

— Учитель, — шопотом ответил Налек.

— Заходи, заходи, Скориков! — сказал Лось, поднявшись.— Ну, как дела на ниве просвещения?

— Хорошо, Никита Сергеевич! Школа работает полным ходом. Думаю ликбезпункт открывать. Уже есть желающие. Как вы смотрите на такое дело? — спросил учитель, присаживаясь на окно.

— Добре! Мысль отличная. Вообще, Скориков, ты свою школу должен поставить так, чтобы она была показательной. Уездный центр! — подмигнул Лось.

— Я готов работать день и ночь, Никита Сергеевич.

— Добре!

— Добре, да не очень, Никита Сергеевич. Буза затевается из-за угля.

— Какая буза? — недовольно спросил Лось, расчесывая волосы.

— Утром в столовой разговорчики пошли: Лось, дескать, привык на морозе жить, ему что? Петька-секретарь с начфином по-своему решают угольную проблему.

— Права нет у них решать! — резко сказал Лось.

— Боятся, что ты можешь отдать весь остаток угля в школу.

Лось, улыбнувшись, проговорил:

— А вот тут они правильно думают. Ты, Скориков, не беспокойся. Что, что, а школа будет обеспечена углем. Это я тебе гарантирую.

— Я тоже хотел им вправить мозги, но куда там! Подняли такой галдеж, хоть святых выноси. Даже Ниловна, кухарка, и та начала их урезонивать.

Ниловна, пожилая женщина, работала на «Совете» судомойкой, но по просьбе Лося капитан списал ее на берег. Здесь в столовой ревкома она стала шеф-поваром и отлично готовила блюда из оленины и дичи. Эта

расторопная женщина успевала делать все: и готовить, и накрывать стол, и подавать.

Когда ревкомовцы пришли обедать и сели за стол, Лось сказал:

— Ниловна, ты подожди подавать. Присядь пока,— и, обращаясь ко всем, продолжал: — Плохо, товарищи, мы начинаем жить.

— Аль не нравится, как я готовлю? — тревожно спросила Ниловна.

— Нет, очень хорошо, Ниловна. О другом хочу я сказать. Среди нас оказались нытики. Мне стало известно, что отдельные члены нашего коллектива начинают бузить. Они, заботясь больше о собственной шкуре, недовольны, что я отдал уголь. Будем говорить прямо: эту склоку затевает начфин Прыгунов,— и Лось пальцем показал на него.— Такое поведение недостойно советского человека. Стыдно, товарищ Прыгунов! Даже старик Ильич — и тот сказал мне: «Ты хорошо поступил, Лось. Как настоящий охотник поделился углем», — и, побагровев, Лось крикнул: — А ты что за разговоры затеял?! Боишься замерзнуть? Рыбья кровь у тебя? — И, передохнув, спокойно добавил: — Не бойся, не замерзнешь. Кончится уголь — замок на ревком и все по ярангам. От этого будет только польза и народу, и всем вам. Вот все, и чтобы никогда больше не возникал этот вопрос. У нас есть более важные дела. Ниловна, давайте обедать.

В столовой стояла тишина, лишь слышались шаги удаляющейся в кухню Ниловны. Кто-то попросил слова.

— Никаких слов, никаких обсуждений. Все ясно и все кончено,— твердо сказал Лось.— Меня больше беспокоит судьба милиционера и учителя Дворкина, чем вся эта пустая, никому не нужная болтовня. До сих пор мы не имеем о них никаких сведений. И я решил выехать в северную часть побережья. Нет слухов и о геологе. Я уеду, может быть, сегодня. А вы больше общайтесь с народом. Это поможет вам быстрее освоить язык и понять душу народа. А душа у него хорошая... Вернусь через полтора-два месяца, всех раскомандирую по стойбищам. К весне проведем

первую конференцию. Поставим два вопроса. Первый вопрос: национальная политика советской власти и работа родовых советов. Второй вопрос: морской зверобойный промысел. И сами подумайте над этими вопросами. Если я задержусь, тебе, Осипов, придется съездить в стойбище Лорен. Надо поглядеть, как там торгует Жохов. Всеми мерами укреплять положение Ярака как заведующего пушным складом! В своих письмах Жохов подбивает под него клин: свалить хочет. Жохов — чиновник, деляга. Дальше своего носа ни черта не видит. Красному Кресту, школе понадобится помочь — окажи. Поинтересуйся, работает ли Мэри медицинской сестрой. И — что особенно важно — обязательно добейся, чтобы Мэри рожала в Красном Кресте, а не у шамана. Понял? Поговори с врачами и с Яраком. Это тебе боевое задание.

— Подозрительно что-то, Никита Сергеевич, что вы так хлопочете о ней,— с улыбкой сказал секретарь ревкома.

— Что?! — вспылив, крикнул Лось, но тут же спокойно сказал: — Секретарю ревкома полагается быть немного умней. Направление твоих мыслишек — это начало сплетен... Так вот, Осипов, это — очень важное дело. Вырвать роженицу у шамана нелегко. Врач пишет: не идут в больницу. Мэри должна положить начало этому. Так и скажи ей: Лось велел.

Ниловна принесла кастрюлю и проворно стала разливать суп.

— Я не хочу супа, Ниловна, дай мне сразу второе,— сказал Лось.

— Да что вы, Никита Сергеевич! Попробуйте. Вы такого супа во владивостокском ресторане не ели. Знаете, какой жирный олень попался?

— Разве попробовать? — улыбнувшись, спросил Лось.

— Обязательно, обязательно. А то я и от работы откажусь.

— Ну, тогда придется, раз такие крутые меры,— и Лось заставил себя есть суп.

После обеда он пошел в старый ревком, где разме-

стилась радиостанция. Он шел по скрипучему снегу, мороз приятно пощипывал лицо. Лось дышал полной грудью.

Он вбежал на крыльцо, с шумом вошел на радиостанцию и весело, ласково спросил:

— Ну, как, Илюша, дела?

Молодцов снял наушники и с сияющим лицом ответил:

— Только что Петропавловск принял наши телеграммы в губревком. Теперь выясняю позывные Колымы на всякий случай.

— Хорошо, Илюша. Я тебя премиую медвежьей шкурой. Хочешь?

— За что, Никита Сергеевич? — смущенно спросил Молодцов.— Я еще ничего не сделал.

— Потом сделаешь, Илюша.

— Да, конечно, я буду стараться. Только зачем мне медвежья шкура? Пожалуй, государству она больше нужна.

— Правильно, Илюша. Но премировать тебя мне хочется.

Молодцов растаял в улыбке.

— Знаешь, чем я тебя премиую?.. Десятью тоннами угля.

— Вот это хорошо! А то я слышал: там у вас распределили уголь и по плану выделили мне тонну с четвертью. А ведь аппаратура у меня здесь. Надо ее содержать в нормальных условиях.

— Десять тонн получишь.

— Вот за это спасибо, Никита Сергеевич!

— Губревком запроси от моего имени: не знают ли там адрес Жукова, где он теперь?

К вечеру Лось один, без каюра, выехал в северную часть побережья.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Как только пароход «Совет» ушел из Энмакая, Дворкин основательно принял изучать словарный материал по тетрадям Лося. Произнося вслух чукотские слова в пустынном здании школы, он переписывал их в

свою тетрадь и затем шел в яранги, чтобы проверить и записать какое-нибудь новое слово.

Но, прия как-то в ярангу, он не мог добиться от людей ни одного слова. Никто, даже дети, не захотели разговаривать с ним. Учитель вначале не догадывался, что шаман Короне запугал народ и запретил разговаривать с русским, поселившимся в их стойбище и живущим в деревянной яранге, от которой может случиться большое несчастье: вымрут все дети. Учитель спрашивал о Ваамче, о Тыгрене, о которых ему рассказывал Андрей Жуков. Но и о них он не мог ничего узнать.

Учитель оказался в полном одиночестве. Этот огромного роста человек даже растерялся. Было очень обидно, что люди, ради которых он приехал в этот отдаленный край и которым он стремился сделать что-то хорошее, не хотят с ним разговаривать.

И учитель ходил из конца в конец по коридору школьного здания. А когда он выходил на берег моря, где толпились ребятишки, они мгновенно разбегались по ярангам.

«Что же делать?» — думал Дворкин и не находил ответа.

Но главная беда заключалась в том, что пароход «Совет» вследствие неблагоприятной ледовой обстановки вынужден был сняться с якоря неожиданно и ушел, не успев выгрузить уголь. Стоял хороший дом с застекленными тройными рамами, а топить его было нечем. Как жить в нем зимой?

Учитель про себя решил, что рано или поздно, а народ заговорит. Не может же бесконечно продолжаться это тягостное молчание. Он уже сам начал догадываться, что все это — несомненно шамансское влияние.

Но как учить детей в холодном помещении?

Однажды Дворкин сидел у окна и тоскливо посматривал на море. Он курил трубку, пускал струйки дыма, делал колечки, развлекая себя.

Дворкину вспомнилось, как он ехал сюда, как весело было на пароходе, как люди начали строить новый ревком и как приветливо встречали там русских.

Здесь же как будто жили совсем другие люди. Правильно говорил Лось. «Место нелегкое», — подумал он.

В окно учитель увидел приближавшуюся байдару и вышел на крыльцо.

Навстречу байдаре спешил шаман Корauge. Он шел торопливо, вприпрыжку, словно боясь, как бы его не опередил учитель. Но Дворкин не сошел с крыльца. Байдара подошла, и шаман скрылся в толпе.

Бывает, что человек, попав в опасное положение, находит в себе силы долго бороться за свою жизнь, но как только опасность миновала, силы покидают его и человек становится совершенно беспомощным. Так случилось и с Алитетом: он сошел на берег и упал.

Дворкин увидел, как повели под руки больного человека в изодранной одежде, ноги которого еле-еле переступали по земле.

«Кто это?» — подумал учитель.

Толпа прошла вдали от школы. Никто не взглянул на нее. И только одна женщина посмотрела в его сторону и приветливо кивнула новому пришельцу. Это была Тыгрена.

Люди прошли в ярангу Алитета, и учитель догадался, что больной — это и есть сам Алитет.

На следующий день в школу пришел Ваамчо. Он робко и смущенно переступил порог школы.

Дворкин очень обрадовался его приходу. Это был первый человек, который зашел в школу. Дворкин заботливо усадил Ваамчо за стол пить чай.

— Ты Ваамчо? — спрашивал учитель.

Ваамчо утвердительно закивал головой.

С трудом учитель разговаривал с ним. Были пущены в ход все пальцы, мимика, самые невероятные жесты. И странное дело: они понимали друг друга. Ваамчо согласился опять быть председателем и взял новую бумажку, присланную Жуковым. Они договорились, что учеников учитель будет учить в яранге Ваамчо. Ваамчо, изображая ртом пургу, рассказывал о наступающей зиме. Ваамчо так искусно все представлял, что Дворкин легко понимал, о чем идет речь. В заключение «беседы» Ваамчо, изобразив ярангу, приложил к уху руку

и, тыча в грудь Дворкину, приглашал его переселиться на зиму к нему.

В этот день учитель записал много новых чукотских слов и даже понятий.

Ваамчо вернулся домой поздно и, окрыленный встречей с русским учителем, рассказал жене Алек о своей беседе. Алек молчала. Ее пугало то, что радовало Ваамчо. Она стала упрашивать Ваамчо бросить вернувшуюся бумажку и не пускать учителя в ярангу.

Во время этого семейного разговора забежала Тыгрена.

— Я все время боялась Алитета,— возбужденно заговорила она.— Он лежал молча и только отъедался. Мне казалось, что он придумывает, какую жертву привести духам. Но теперь все стало хорошо. Я перестала бояться за Айвама. Алитет сменил себе имя. Он стал называться Чарли. Чарли зовут его теперь. Правда, лицо его все еще осталось злым. Ушел сейчас в камни один. Может, шаманом хочет стать? Я следила за ним все время. Он все-таки побаивается этого русского.

— Тыгрена, его прислал к нам Лось,— сказал Ваамчо,— он помочь нам будет. Новую бумагу опять привез мне. Опять велят председателем стать.

— Становись, Ваамчо, председателем,— настойчиво сказала Тыгрена.

Алек разозлилась на Тыгрену и с ребенком на руках уползла в угол, сверкая злыми глазами. Она бормотала что-то непонятное и сердитое.

Ваамчо сидел, слушал Тыгрену и следил за Алек. Он оказался в очень затруднительном положении. Опять эти две женщины тянули его в разные стороны.

— Алек,— сказала Тыгрена,— Корауге тогда выдунал сам новость про бурого медведя. Бумажку на костре зря сожгли. Они свою жизнь делают на обмане. Я-то хорошо знаю, что верить им нельзя. Я думаю, Алек, надо остаться Ваамчо председателем. Может быть, они перестанут смеяться над ним. Когда Корауге вернулся с костра, я слышала, как он смеялся вместе с Алитетом. Над Ваамчо смеялись.

— Зачем, Тыгрена, зовешь ты его Алитетом? Он ведь имя сменил,— серьезно заметил Ваамчо.

— Пусть. Я нарочно, чтобы духи услышали, как он путает следы. Становись, Ваамчо, председателем.

— Алек, ты слышишь, что говорит Тыгрена? Пожалуй, правду она говорит.

— Не знаю, как. Сам знаешь... Только за корешками растений я не пойду в тундру. Я не хочу, чтобы меня расцарапал медведь, как твоего отца,—сердито ответила Алек.

— Ну что ж! Придется мне самому ходить,—недовольно сказал Ваамчо.

— Нет, Ваамчо, тебе нельзя ходить,—вмешалась Тыгрена.—Женскую работу станешь делать — люди смеяться будут. Лучше я сама вам натаскаю корешков, как только из стойбища уедет Алитет.

Ваамчо слушал, слушал и вдруг рассердился: недостойно охотника разговаривать о женской работе. Он встал и молча вышел из яранги. Его догнала Тыгрена:

— Ваамчо, подожди. Давай постоим вот здесь, чтобы не видно было нас.

— Я пойду, Тыгрена, схожу к русскому. Дворкин его зовут. Он и тебе велел приходить. А новости ты слышала, Тыгрена?

— Какие?

— Когда приходил сюда пароход, привез вот этот дом, был здесь и Айе.

— Айе? — взволнованно воскликнула Тыгрена.— Он был здесь? Зачем?

— Пароход его увез на Большую землю. К русским. Пропал теперь Айе! — со вздохом сказал Ваамчо.

— Его увезли?.. Русские?.. — тревожно спросила она.

— Да, увезли... Грустный он был здесь. Все время печаль на лице. Алек мне рассказывала.

Тыгрена молча смотрела на Ваамчо широко открытыми глазами, часто и тяжело дыша.

Показывая на школьное здание, Ваамчо сказал:

— Тыгрена, пойдем к учителю. Мы что-нибудь узнаем от него о русской земле.

Тыгрена продолжала стоять молча. Глаза ее налились злостью.

— Я не пойду к нему,—сказала она.— Я никогда не пойду к этому русскому!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Школу решено было открыть в яранге Ваамчо, так как в деревянный дом, в котором еще можно было до зимы заниматься, дети не захотели итти. Но они не пошли и в ярангу Ваамчо: родители не пустили.

И тогда учитель на байдаре Ваамчо вместе с женщинами-вдовами уехал на осеннюю моржовую охоту.

Николай Дворкин был сильный человек. Он безустали целыми днями сидел на веслах, и женщины стали привыкать к нему и даже шутили с ним. Они давно не смеялись, пожалуй, с тех пор, как узнали, что их мужья утонули. Они решили, что этот русский человек приехал, чтобы помогать им охотиться. К тому же оказалось, что он и меткий стрелок — настоящий охотник.

Случилось так, что промысел на протяжении целой недели был удачным. Каждый день байдара привозила моржей. А когда есть в хозяйстве мясо, брюхо не враждует с человеком, и сердце становится веселым. Запасы были уже достаточны, а учитель все звал и звал на охоту. Уакат — жена Туматуге — никогда не имела столько мяса, хотя ее муж и был лучшим охотником на вельботе Алитета. Уакат была счастлива. И хотя Туматуге утонул, еды хватит на всю зиму. Но удивительно, что этот русский свою долю мяса отдавал женщинам, не оставляя себе ни куска. При разгрузке байдары он таскал на берег самые тяжелые части моржа. Вся одежда учителя покрылась кровью морского зверя. Женщины наскоро сшили учителю дождевик из моржовых кишок, и когда Николай Дворкин обрядился в него, они хохотали доупаду.

Даже Алек, косо посматривавшая на учителя, стала привыкать к нему.

Дворкин за время охоты изучил анатомию моржа и сам отлично разделял тушу, но он никак не мог научиться точить нож о булыжный камень, что также смешало женщин. Каждая из них наперебой бралась точить его нож.

— А вот на будущий год из ревкома пришлют нам вельбот с машиной, тогда будет охота! — рассказывал учитель, ловко свежую моржовую тушу.

Незаметно создалась зверобойная артель. И все вдруг увидели, что учитель — совсем неплохой человек.

Он даже шутил с женщинами, смеялся и играл с ними, как настоящий хороший парень.

В артели было весело. С какой радостью Тыгрена примкнула бы к этой артели! Но она не пойдет к ним, потому что среди них русский со светлыми, как небо в ясную погоду, глазами. Русские, такие же, как вот этот учитель, увезли Айе.

Алитет сажал своих жен в байдару и тоже запасал мясо,— а то еще случится, что придется просить зимой у этих женщин из артели кусок мяса и жира!

Жизнь перевернулась для Алитета, и виноват в этом был только русский из деревянной яранги, как говорил шaman Корауге.

Но вот наступила зима, к берегу подошли льды, и моржовая охота прекратилась.

Учитель собрал женщин в холодном помещении школы и стал говорить о занятиях с детьми. Женщинам неудобно было отказывать учителю. Ведь с его помощью они запаслись мясом на весь год. Они согласились послать в ярангу Ваамчо только девочек: они все-таки побаивались шамана, а он теперь строго запретил отдавать в школу мальчиков.

Алек смирилась с пребыванием у себя в яранге учителя и делала свою домашнюю работу, не обращая внимания на учениц. Правда, их было только три. Распластавшись на животах, они рисовали какие-то крючки. Девочки с увлечением забавлялись этой новой для них «игрой».

Алек искося посматривала на них, на учителя и думала:

«Трудно понять русских людей. Сам, как ребенок, этот огромный русский. Шел бы на тюленью охоту во льды. В стойбище мало мужчин, а он забавляется с детьми».

Полуголая, в одной набедренной повязке, Алек пешагивала через учениц. Она то подвешивала над жирником чайник, то вытаскивала мокрую кислую шкуру тюленя и тут же принималась ее скоблить. Часто голосил ребенок.

Дворкин тяжело вздыхал, но продолжал занятия. В пологе было жарко и душно. Учитель сам был без рубашки: она становилась влажной. Алек поглядывала на его мощные мускулы и жалела, что они пропадают зря.

Первые дни учителю казалось, что он не сможет выдержать всей этой обстановки, но выдержать было нужно. И Дворкин ко всему привык. Девочки настолько заинтересовались школьными занятиями, что в стойбище только и говорили о школе. Вскоре пришли еще новички: две девочки и один мальчик.

Алек удивлялась, что дети так пристрастились к школе. Наверное, это от недостатка разума?

Вечером в яранге Ваамчо состоялось первое заседание родового совета, в который недавно выбрали двух женщин. Учитель говорил, что нехорошо бросать дохлых собак около жилища. В стойбище валялись две собаки Алитета с распоротыми животами, и живые собаки растаскивали их кишки.

Родовой совет постановил не бросать дохлых собак в стойбище, а уносить их подальше в тундру.

На следующий день, рано утром, Ваамчо пошел к Алитету. Он вспомнил, как еще при жизни отца, старика Ваала, он ходил к Алитету за куском мяса и жира. Не хотелось тогда ему идти к Алитету, но жалко было замерзшую в холодном пологе старуху-мать. Ваамчо вспомнил бутылку с керосином, которым Алитет залил его приманку на песцов. Вспомнились слова отца: «Пожалуй, Алитет — совсем дурной человек, если он залил нашу приманку светильным жиром». И собаку Чегыта, которую он зарезал по приказанию шамана, и все, все зло Алитета вспомнил Ваамчо.

Ободренный поддержкой учителя, теперь Ваамчо шел важно, набравшись решимости говорить с Алитетом смело — так, как учил Дворкин.

Войдя в полог Алитета и не дождавшись обычного приветствия хозяина, Ваамчо решительно проговорил заранее приготовленные слова:

— Убери дохлых собак из стойбища! Родовой совет постановил.

Алитет опешил от этого независимого тона Ваамчо, растерялся и долго смотрел на него молча:

— Нынче же убери собак! Чтобы они не валялись в стойбище,— строго повторил Ваамчо.

Алитет приподнялся, сел на шкуру, взялся руками за голые колени и, глядя в упор на Ваамчо, насмешливо, почти шопотом спросил:

— Ты из какого стойбища? Или ты в первый раз увидел дохлых собак в стойбище? А? Тебя как зовут?

— Председателем меня зовут,— вызывающе ответил Ваамчо и, развернув бумажку, добавил: — Вот она, бумажка,— председатель! Опять вернулась.

— Откуда у тебя взялась смелость так разговаривать со мной? А?

— Она была у меня всегда. Только спрятана была, теперь вылезает наружу. Потому что ты перестал быть сильным. Ты всегда пугал и хвалился приятельством американца. Нет его теперь. Зато у меня развелось множество русских приятелей,— и, загибая пальцы, Ваамчо начал считать: — Лось — приятель, Андрей — приятель, учитель — приятель, торгующий человек в русской фактории — тоже мой приятель. Видишь, сколько приятелей! Они посильней Чарли-Красного Носа. Чарли дружил только с тобой, а эти дружат со всеми охотниками. Так говорит учитель. Теперь я не буду молчать, если ты опять зальешь приманку таньгинским светильным жиром... Убери дохлых собак! — требовательно сказал Ваамчо.

— Безумец, ты хочешь навлечь на стойбище злых духов?! — угрожающе сказал Алитет.— Собаки будут лежать, пока не сгниют.

— Нет, не будут. Новый закон не хочет на них смотреть,— раздраженно сказал Ваамчо и ушел из полога.

— Наплевал я на ваш закон, у меня свой закон! — крикнул Алитет ему вслед.

Тыгрена, слышавшая их разговор через меховую занавеску, с торжествующей улыбкой смотрела на уходящего Ваамчо. Она в первый раз увидела его таким необычайно смелым. Он торопливо шел к выходной двери, не замечая Тыгрены.

Ваамчо направился прямо к учителю. Дворкин и Ваамчо пошли к дохлым собакам, и на ходу учитель сказал:

— Оттащим их, Ваамчо, в полынью.

— Не надо в полынью. Плохо будет. Можно прогневить злых духов. Морской зверь перестанет ходить к нашему берегу. В тундру их надо тащить.

Дворкин улыбнулся и согласился с Ваамчо. Они волоком за задние лапы потащили дохлых собак в тундру, подальше от берега.

Стоя в дверях яранги, Алитет следил за ними. От бессильной ярости он сжал кулаки, и его твердые, как китовые пластиинки, ногти врезались в ладони.

В школе продолжались занятия.

И вот однажды в ярангу Ваамчо явился Алитет. Он был пьян. Щеки его уже наполнились, обросли мясом, раскраснелись от сильного мороза и спирта. Алитет, одетый в легкую нижнюю дубленую кухлянку, казалось, совсем не чувствовал холода. Глаза его с ненавистью остановились на учителе.

— Зачем ты приехал сюда? Ты вздумал портить наш народ! Народ не хочет, чтобы ты здесь жил. Поезжай к русским! — злобно сказал он.

Дворкин не все понял, что сказал Алитет, и, обращаясь к нему, проговорил:

— Не мешай нам, Алитет!

— Его здесь нет. Пришел Чарли. Я Чарли! — стучался в грудь, говорил Алитет.

Дворкин заглянул в тетрадку Лося и крикнул:

— Канто!

Глаза Алитета блеснули, как у хищника, он схватил учителя за ногу и поволок его из яранги.

— Брось! — крикнул учитель.

Но Алитет яростно тащил его. Уже на улице учитель лег на спину и сильным ударом правой ноги сбил руки Алитета. Дворкин вскочил и со всего размаха ударили Алитета по скуле. Алитет прыжком бросился на учителя. Дворкин отскочил и вторым сильным ударом свалил его на снег.

Дворкин с побагровевшим лицом, сурово глядя на Алитета, ждал, когда он встанет.

Но Алитет лежал на снегу и, оскалив зубы, улыбался Дворкину. Не вставая, он сказал:

— На этом берегу никто еще не сваливал меня.

Учитель погрозил ему кулаком и пошел продолжать занятия.

На другой день, во время классных занятий, в ярангу Ваамчо пришел мальчик Гой-Гой — сын Алитета.

— Меня послал учиться отец,— сказал он.

— Очень хорошо! — ответил Дворкин.— Раздевайся.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На двенадцатый день после того, как Лось выехал из ревкома, он прибыл в бухту Ключевую. Пологий склон бухты показался ему пустынным. Здесь, на склоне горы, смутно вырисовывались лишь три верхушки яранг, занесенных снегом. Но и эти жилища были разбросаны далеко друг от друга.

Мела поземка, и небо было такое низкое, что казалось, оно придавило эти три убогие хижины. Странно было даже думать, что здесь, где-то поблизости, есть живые люди.

Лось остановил упряжку около ближней яранги. Словно из-под снега, вылез человек с непокрытой головой и приветливо встретил Лося.

— Старик,— сказал Лось,— ты не слышал что-нибудь о русском человеке, который прошлой осенью должен был высадиться в этой бухте?

— Не «качак» ли тот человек? — спросил старик.

Слово «милиционер» еще не привилось на побережье, и люди по старой привычке прозвали милиционера «качаком», то есть казаком.

— Вон мы ему построили маленькую ярангу,— показал старик костылем.

Милиционер Хохлов спал, растянувшись из угла в угол своего маленького полога. Около жирника сидела миловидная девушка в цветистом ситцевом платье и что-то шила.

— Здравствуйте,— сказал Лось.

Девушка удивленно посмотрела на него и, бросив свое шитье, принялась теребить Хохлова. Он потянулся, широко зевнул и, открыв глаза, мигом вскочил. Одетый в пижиковую штаны и милицейскую гимнастерку с петлицами, он, став на колени, быстрым движением руки расправил усы.

— Разрешите доложить, товарищ уполномоченный ревкома...

— Подожди, подожди! — перебил его Лось. — Что я тебе, Николай-чудотворец? Чего ты стал на колени?

— Иначе невозможно, товарищ уполномоченный. Во весь рост я здесь и не встану, — растерявшись, проговорил милиционер.

— И не надо. Ложись вот и давай разговаривать. Прежде всего: что это за девица у тебя здесь?

— Это не девица, товарищ уполномоченный, а жена моя.

— Что же, по-серьезному женился?

— Ну, конечно, товарищ уполномоченный, беременна уж... А как здесь одному жить? Без привычки удаваться можно с тоски. Да и то надо сказать: пищу готовить, обшить — все ведь требуется человеку. А кроме того, и разговаривать по-ихнему с ней быстрей получается. И люди относятся как к своему. Нарту уж собрал с их помощью. Казенных денег разве хватит? В губмилиции, небось, думают, что собака здесь полтинник стоит, а она — как лошадь. Право слово, у нас в Барнауле лошадь дешевле стоит. А хорошей собаке-вожаку цены нет. По пять песцов платят! А песец — сорок рублей. Вот и считай. Да, небось, вы и сами знаете.

— Ну, добре! — сказал Лось, посматривая на супругу милиционера. — Как зовут ее?

— Они зовут Таюринтина, а я переделал ее в Татьяну. Ну, Таня, чего ты смотришь? Давай чай!.. Или, товарищ уполномоченный, сначала суп будете из оленины?

— Двенадцать дней я чаем в дороге питался. Давай суп... А как с продуктами у тебя?

— Хорошо. Ездил в факторию к Русакову.

— Как работает Русаков?

— Хорошо, товарищ уполномоченный. Он там всем руководствует: и торговлей и промыслами. Он живет, как в городской квартире. Жена у него молодец: школу открыла там, пять человек ребятишек обучает. Глядя на нее, я вернулся — и давай обучать грамоте свою Татьяну. Конечно, какой я учитель! Но все-таки прошел с ней всю азбуку...

В пологе было тесно, но чисто, тепло и светло. Кругом лежали, как ковры, пушистые оленьи шкуры. Меховые стены и потолок обтянуты ситцем. На боковой стенке булавками приколоты фотографические карточки милиционера в разных видах и даже с саблей, на деревянном коне.

На улице шумел ветер, поднималась пурга.

Впервые за всю дорогу Лось с аппетитом закусил у милиционера.

— Где ты такой хлеб берешь? — спросил он, показывая на куличик.

— Приспособился печь в кастрюльке над жирником. Низ пропечется — перевернущ и опять пеку. От Русакова дрожжей привез. И в стойбище всех обучил. Теперь и они едят хлеб. Муки пропасть здесь — и все крупчатка. Пять пудовиков за песца получит и печен в кастрюльке. Да что? Наловчились самогонку гнать из муки: заквасят, ствол от винчестера снимут, вроде змеевик, из него капает и капает. Запретил: перевод муки.

Милиционер повернулся к жене и сказал:

— Давай, Таня, кофе! Пристрастился я тут к кофе. Как встал, так и за него. Сгущенное молоко, все честь по чести.

— Словом, я смотрю, ты не плохо обосновался здесь?

— Хорошо, товарищ уполномоченный. Тесновато малость, да и сидеть вот на своих ногах долго не мог привыкнуть. Ну, да ведь и зверей, говорят, приучают выкомаривать разные штучки.

— Ничего, Хохлов, завезем тебе и дом. Ты только по-хорошему живи с ней, с Татьяной-то.

— И так душа в душу живем.

Милиционер улыбнулся и привлек к себе жену огромной ручищей.

— Как с контрабандой? — спросил Лось.

— С осени одна шкуненка прошла, но далеко-далеко от берегов... Может быть, прогуляемся, товарищ уполномоченный?

— Нет, друг, я так нагулялся за дорогу, что теперь прямо на боковую — и спать бы.

— Ну что ж, ложитесь, я пойду ночевать к соседям. Все-то не уляжемся здесь.

— Так лучше уж я уйду, — сказал Лось.

— Что вы, товарищ уполномоченный! У них ведь грязновато.

Лось привык ко всякой обстановке, но от милиционера ему уходить не хотелось.

Хохлов сказал жене:

— Таня, ступай ночевать к старику.

За всю ночь Лось ни разу не проснулся. А утром, когда он встал, увидел, как милиционер, зажав мясорубку ногами, крутил ее. Таня пекла пирожки с мясом.

— Вот так и орудуем вместе, товарищ уполномоченный, — весело сказал милиционер.

Голубые глаза Лося смеялись, лицо стало необыкновенно добродушным.

У Хохлова была такая потребность разговаривать, что он не уснул всю ночь. И теперь он крутил мясорубку и подробно докладывал о своей деятельности.

— Слушай, Хохлов: а что ты никаких сообщений не давал о себе? Признаться, я уже начал беспокоиться о тебе.

— Ну, товарищ уполномоченный, есть о чем беспокоиться. Мы не пропадем. А что касаемо донесений, я все подбирал разные факты. Готовился обстоятельно написать и начал уж. Тут много есть разных штук. Вот мне, например, Татьяна рассказала, будто в устье одной реки живут какие-то русские. Поехал выяснить. Пять дней езды отсюда. Километрах в двенадцати от устья реки. Еду я на своих собаках. Пуржит. Населенных мест нет. Потерпев на начальную взяла меня оторопь. Смотрю, навстречу упряжка бежит. Остановились. Собаки —

как волки. Рослые, сильные. С нарты сходит человек. Из мехов выглядывает русское лицо. Заговаривает — женщина. Спрашиваю: «Куда едешь?» — «Капканы, говорит, посмотреть. Поезжайте к устью, там, говорит, землянка, и муж дома, а я скоро вернусь». Гаркнула на собак и скрылась в пурге. Вот тебе, думаю, история с географией! Поехал я. Искал, искал, еле нашел эту землянку. Кругом бело, а сторон четыре. Ничего не видать. По дыму нашел. Землянка вся в снегу, одна труба торчит. Захожу, эта женщина дома уж, дородная такая. А муж плюгавенький, чистенький, выбритый, в американскую робу одет. Но по разговору вижу — ученый.

— Подожди, подожди, друг. Это ты не сне ли видел? — спросил Лось.

— Да вы слушайте, товарищ уполномоченный... Землянка у них сделана из плавника. В этом месте, как он мне рассказывал, течение такое есть, морское. Во время половодья на берегах больших рек подмывает лес, он валится, и его выносит в океан. А морское течение сюда выбрасывает их. Бревна эти попадают и с Лены, и с Колымы, и с американской Юконы. С разных мест, разные породы. И вот у них в землянке стол, скамейки — все из плавника. Печка сделана из сорокаведерной бочки — тоже выброшена морем. Я и сам на берегу находил эти бочки. Вон семь штук у меня стоят по берегу на-попá с газолином, с дистиллатом, с керосином. Местное население их не берет. Ни к чему они им... Так вот хлопочут они около меня, усаживают, угождают... Муж ее спрашивает: «Вы давно с материка?» Говорю: «Не особенно». — «Вам не доводилось слышать там про закон усталости металла?» Спрашиваю: «Что это, декрет какой?» И вот этот человек начинает мне морочить голову. Будто металл, все равно как живой организм, устает, и когда приходит время, он без всякой причины, вроде ни с того ни с сего, ломается. В какой-то лаборатории этот человек работал, и будто ему с театра военных действий, как он говорил, посыпали разные обломки, для того чтобы искать этот закон усталости. Я его спросил: «Вы кто такие будете?» — «Инженер, говорит, а жена — врач. Теперь вот за-

нимаемся охотой на песцов». Ну, думаю, вот это птицы! Не знаю, как с ними и разговаривать. А все-таки говорю: «Разрешите мне, как местной власти, зарегистрировать вас».

И, обращаясь к жене, милиционер сказал:

— Таня, достань-ка вон ту полевую сумку.

Лось лежал на животе, опершись на локти, и, напхнувшись свой огромный лоб, внимательно слушал рассказ милиционера.

Хохлов посмотрел в тетрадку:

— И фамилия-то у них не русская: Саблер Вадим Петрович, а хозяйка его — Валентина Юрьевна. Вот видишь, товарищ уполномоченный, какие судаки здесь водятся. Все с помощью Татьяны обнаружил их, а так и не узнаешь.

— Откуда же они взялись? — удивился Лось.

— Вот я тоже их спросил. И тогда он мне целый вечер рассказывал. Будто еще до войны был царский указ настроить радиостанции в этом kraю. Не то десять, не то двенадцать. А когда началась война, указ этот пошел наスマрку. В 1916 году все-таки одну станцию в Колыме решили построить. Саблер и соорудил эту станцию. После революции с кем-то он там не поладил, разругался и решил бросить службу. Купил собак, посадил на нарту свою жинку и поехал по побережью. Более двух тысяч километров проехал. Доехал до этого устья, понравилось ему место, и обосновался здесь. Говорит: «Лучшей жизни, чем здесь, я никогда и не знал. Мной никто не командует и я — никем». А чего ему не жить? Все у него есть. За зиму наловит с женой сотни полторы песцов; летом запасет рыбы, грибов, ягод. Вот так и живут вдвоем в сторонке от людей. Но только, я думаю, не спроста они живут здесь. Может, металл какой ищут? Ведь летом ни одна собака там не бывает. Безлюдное место. А насчет продуктов, думается мне, он снабжался со шкун американских. Но в этом году у него с продуктами худо. Правда, он говорит: «А мне и не нужны продукты. Я могу жить на оленьем мясе и рыбе, как кочевники». Ну, тут что-то не то. Плетет чего-то.

— Товарищ Хохлов, тебе придется еще съездить к

нему. Обяжи его явиться в ревком. Но не раньше, чем месяца через два. Я сам хочу его видеть.

— Слушаюсь, товарищ уполномоченный. Только на нем дело не кончается. Я, правда, как следует еще не разузнал. Но на след напал. На берегах другой реки, далеко отсюда, почти в самых горах, американец какой-то живет. Раньше он жил там только летом. Весной на моторной лодке приезжал, а к осени уезжал. Но в эту зиму будто бы он остался здесь. Вот такой есть слух. И туда придется съездить, пошукать там.

— Да,— сказал Лось.— Имей в виду, товарищ Хохлов, что в этом году, в крайнем случае на будущий год, мы должны выселить отсюда всех авантюристов-проходимцев.

— От нас они не скроются, товарищ уполномоченный... Этого дальнего будто бы зовут мистер Ник.

На следующий день пурга стихла, и Лось вместе с Хохловым выехал к Русакову, на пушную факторию.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Заведующий пушной факторией Иван Лукич Русаков, небольшого роста, юркий, с клинообразной рыжей бородкой и светлыми глазами, был родом из Пензенской губернии.

Еще мальчиком Русаков вместе со своим отцом уехал от безземелья с переселенцами в Сибирь. Здесь, на новой земле, он увлекся охотой на пушного зверя и со всей страстью отдался этому занятию. Он бродил по тайге целыми месяцами и еще в юные годы стал знаменитым охотником. На него обратил внимание сибирский меховщик купец Бабкин и пригласил его на службу. Через несколько лет Русаков стал крупнейшим специалистом по пушнине.

Купец решил сделать Русакова зятем, выдать за него свою единственную дочь. И Русакову предстояло самому стать крупным купцом.

Может быть, все так и случилось бы, если бы купец не узнал, что его будущий зять якшается с каторжниками-белобилетчиками, как он называл всех

революционеров, живших в Сибири. Русаков запутался, по мнению купца, в нехорошем деле. И купец прогнал его. Русаков ушел в тайгу и снова стал выслеживать зверя.

В гражданскую войну он был партизаном, дрался с интервентами, не один раз попадался в руки японцев, которые, издеваясь над ним, вырезали из его спины ремни. Но случалось так, что он всегда уходил от врагов. После перенесенных нечеловеческих страданий Русаков стал заикаться. И вот теперь он жил на самом краю света, весь отдавшись своей любимой работе.

Старый коммунист, он был неутомим. Русаков работал в магазине, в складах или беседовал в ярангах с охотниками об организации и улучшении промысла. С таким недостатком, как заикание, да еще с незнанием языка ему трудно было вести беседу.

Но отличное знание охотничьей жизни и психологии охотника помогло ему завоевать расположение местных людей. Русаков не пренебрегал их пищей, и они охотно угождали его моржатиной, лучшими кусками молодого тюленя, подчеркивая этим свое уважение к нему.

Здесь, на Крайнем Севере, где время длинное, у Русакова нехватало его. Домой он заходил лишь для того, чтобы закусить и выспаться. Опасаясь, что его жену может одолеть скука, он уговорил ее открыть в факторийном доме школу для детей местных охотников.

Кем-то был пущен слух, что если детей не пустить в школу для забавы жены Русакова, он обидится и перестанет продавать патроны и табак. Детей набралось много. И Анна Ивановна, полная, добродушная русская женщина, никогда не помышлявшая о роли учительницы, стала обучать чукотских детей русскому языку и грамоте. Дети очень скоро привыкли к приветливой белолицей женщине и с радостью бегали в школу.

Когда Лось прибыл на факторию, Анна Ивановна занималась с детьми. Десять мальчиков и девочек сидели вокруг обеденного стола. На столе лежал букварь, неизвестно каким путем оказавшийся в факто-

рии. Может быть, по нему учился даже мистер Ольсен — доверенный бывшей здесь Норд-компани.

На стене в виде большого четырехугольника красовалась хорошо выделанная шкура моржа, обрамленная деревянными рейками и служившая классной доской. Мелом на ней были написаны слова и цифры.

Анна Ивановна очень смущалась и покраснела, когда в комнату вошел Лось. Поздоровавшись с ним, она сказала детям:

— Ну, ребятки, кончаем занятия.

— Зачем же? — сказал Лось. — Продолжайте, продолжайте.

— При посторонних я не могу заниматься, Никита Сергеевич. Я даже мужа не пускаю на свои занятия.

— О, какие строгости у вас! — улыбаясь, заметил Лось и, подсев к одному ученику, заглянул в его самодельную, из простой бумаги, аккуратно сшитую тетрадь.

— Какая это цифра? — басом спросил он.

— Восемь, — уверенно ответил мальчик, с любопытством разглядывая этого огромного, как медведь, человека.

— А эта?

Мальчик поглядел на свою учительницу и нерешительно сказал:

— Шесть.

— Что же ты, Ако, забыл? — спросила Анна Ивановна.

— Правильно, правильно. Вот, если тетрадку перевернуть так, то получится шесть, — ободряюще сказал Лось. — А ну-ка, прочти это слово.

— «Мама», — произнес твердо мальчик.

— Молодец! Правильно. А писать умеешь? Напиши: «папа».

Мальчик уверенной рукой вывел буквы,

— Хорошо учишься! — похвалил Лось.

Анна Ивановна все же прекратила занятия и распустила учеников.

В комнату вошли Русаков и милиционер Хохлов.

Вскоре все они сели за ученический стол обедать.

— Вот теперь здесь можно чувствовать себя как дома. Здесь русским духом затяжло, — сказал с гор-

достью Лось.— В прошлом году на этом самом месте я сидел с рыжим мистером Ольсеном. И оба мы говорили не то, что думали. Ужасно хитрили.

— И я р-р-рыжий,— смеясь, вставил Русаков.

— Так что перемена небольшая,— разливая суп, сказала Анна Ивановна.

— Большая перемена. Очень большая, Анна Ивановна. Кстати, вы подайте на мое имя заявление, и я зачислю вас штатной учительницей.

— Что вы, Никита Сергеевич! — Она замахала обеими руками.— У меня и прав учительских нет. Это я так, от безделья занялась.

— Правá, Анна Ивановна, теперь все у нас. Обязательно напишите заявление. А если вы организуете еще и ликбезпункт, я вам вынесу особую благодарность от ревкома. Это же великое дело вы развернули здесь. Десять учеников!

После обеда Лось с Русаковым пошли посмотреть склады и магазины.

— Вот, Лось, н-н-ннадули все-таки меня а-а-амericанцы.

— Надули?

— Та-а-абак — ходовой товар. В хорошем состоянии. У меня я-я-зык не повернулся отнести его в ка-а-атерию неходовых товаров. Двадцать проце-е-ентов потерял. Тысяч десять золотых рублей.

— Почему же он оказался неходовым?

— Привез я «папушу» — черкасский листовой табак. Я зна-а-ал, как сибиряки любят его. Вот и здесь охотники набросились на него. Не-е-е хотят брать плиточный американский табак,— да-ай «папушу».

В магазине было много товаров, и американских, и русских. В пушном складе висели партии песцов и лис. Лось долго ходил по складам, интересуясь работой фактории и промыслом.

Когда они вернулись в комнату, Лось попросил Анну Ивановну приготовить чай.

— Не для себя: гость у меня будет,— подмигнув, сказал он.

Гость, которого ожидал Лось, был старик «Кривой»

из заовражной стороны американофильской части селения.

Милиционер вызвался сходить за ним, но Лось остановил его:

— Пусть сам Русаков сходит, а то еще подумает, что я его милиционером хочу пугать. Как его зовут?

— Лёк,— ответил Русаков.— Ты думаешь, Ло-о-ось, я не брал его в работу? Брал. Ни-и-и в какую нейдет. Я ему о моторах, о вельботах... а он вытащит коробку спичек «Тракод», чиркнет, а они не го-о-орят. Вот и весь разговор. Я с дру-у-угой стороны подойду, а он опять про спички. Вытащит американские се-е-ерные, столбиком, отщипнет, зажжет ее, ду-у-ует на огонь, а она горит. «Вот это спичка»,— говорит он.

— Неужели? — удивленно спросил Лось.

— Я бы этого су-у-укина сына директора спичечной фабрики по-о-весил...— сказал Русаков и, оглянувшись на жену, добавил: — за ухо. Он же т-т-тормозит наше дело. На врагов работает он. Вот и погово-ри с «Кривым»!

— Нравится мне этот Лёк. Здорово нравится, а эти спички я так не оставлю,— сказал Лось.— Иди сходи за ним. Его обязательно надо оторвать от Алитета. Я эту дружбу разобью.

— Схо-о-одить, конечно, я схожу. Но ничего не выйдет и у тебя. Я его у-у-уже изучил насквозь.

— Сходи, сходи. Но ты ничего ему не говори, зачем зовешь. Просто скажи ему: «Тебя зовет самый большой русский начальник».

Русаков ушел, и Лось, радостно улыбаясь, зашагал по комнате.

— Хорошо у вас здесь, Анна Ивановна. Даже уезжать не хочется. Вот что значит одна советская семья. Может, я на это не обратил бы внимания, если бы не вспомнил прошлогодних американцев. Вещи познаются в сравнении, Анна Ивановна.

— Живем мы здесь интересно. Правда, первое время я опасалась, что умру от скуки. Но вот так привязалась к этим ребятишкам, что дня не могу жить без них. Они такие серьезные, послушные. Отпущу их и сразу

же начинаю готовиться к следующему дню. Трудно ведь, Никита Сергеевич, самой придумывать какую-то методику. Не учительница ведь я. Все-таки без прав нельзя.

— Э, Анна Ивановна, выкиньте вы эти «права» из головы. Это может только мешать вашей работе. Больше уверенности в себе! — потрясая в воздухе рукой, сказал Лось.— Вы думаете, у меня есть какие-то «правá», в вашем понимании слова, скажем по советизации этого края? Да нет же! У меня тоже не было ни опыта, ни знаний быта, когда я ехал сюда. Каждый день сам придумываю себе методику. Так вот и иду нутром, сердцем. Важно, чтобы дело двигалось вперед. Конечно, лучше когда «правá» эти есть, но ничего, поработаем и без них. Некогда нам эти «правá» получать. Но теперь я достаточно разобрался во всем. И вы, Анна Ивановна, будете отличной учительницей. Важно, чтобы человек искренне желал этого.

Вернулся Русаков, и следом за ним вошел высокий, крепкий одноглазый старик Лёк. На нем была хорошо и удобно подогнанная меховая кухлянка из тонкого пыжика, и весь он казался подобранным и опрятным. Умный глаз его остановился на Лосе, скрывая чуть пробивавшуюся насмешливую улыбку.

Лось, протягивая руку ему, просто, как старому знакомому, сказал:

— Здравствуй, Лёк!

Едва заметная усмешка опять пробежала по лицу старика.

— Садись к столу. Хочешь со мной чай пить?

— От чаю ушел. Но могу выпить и твоего,— сказал Лёк, присаживаясь на стул.

Лось взял оба чайника и, наливая, спросил:

— Крепкий любишь?

— Покрепче,— моргнув единственным глазом, сказал старик.

Лось сел напротив и, попивая чай, начал разговор:

— Приехал вот к вам посмотреть, как вы тут живете.

— Как жили, так и живем. В прошлую зиму ты же видел,— неторопливо сказал Лёк.

— В прошлом году — одно, а в этом, может, перемена какая есть?

— Нет, перемены нет. И птицы летают, и песцы бегают, и моржи плавают — все так же, как в прошлом году. И пурга вон дует так же.

— Значит, нет перемены? Ну, так вот, с тобой поговорить приехал.

Старик отставил кружку и, глядя в упор на Лося, сказал:

— Все равно не пойду в артель.

— Я знаю, что ты не пойдешь. А перемена, оказывается, все-таки есть. В прошлом году по ту сторону оврага не было артели, а теперь есть. Весной, как только откроется вода, пришлю им вельбот с мотором.

— Приплывут моржи, я и без мотора набью их.

— Правильно. Но с мотором побыстрей. Мотор, Лёк, жизнь помогает улучшить, переделать ее.

— Ты хочешь жизнь переделать?

— Да, — твердо ответил Лось.

— А как же ты ее переделаешь? Вы, русские, спички не научились делать.

Старик полез за пазуху и вытащил коробку «Тракод». Он молча чиркнул спичку, она не зажигалась, и старик подал ей коробок.

— Да, спички дрянь, — с досадой подтвердил Лось.

— А ты хочешь жизнь переделывать, — с укоризной произнес Лёк. — Вот американские спички на ветру не гаснут.

— Что ты, Лёк, заладил: все спички и спички — как будто все дело в спичках! Ты вот скажи мне: какой табак ты куришь?

Старик молча уставился своим глазом на Лося.

— Вынь, вынь кисет, покажи!

Старик неохотно полез за пазуху. Лось, увидев, что в кисете у него «папуша», и выкладывая на стол американскую плитку табака, спросил.

— Почему ты эту не куришь?

— «Папуша» покрепче, — ответил старик и, помолчав, сказал: — Без табака трудно человеку, без огня — нельзя. А в артель я не пойду. Пусть люди живут, как

сами хотят. Заовражцы в артель захотели. Пусть. Я ничего не говорю.

— А я разве заставляю тебя итти в артель?

— Ты не заставляешь, а хочешь, чтобы я туда пошел.

— Хочу, Лёк, и думаю, что ты еще будешь проситься в артель. И тогда люди подумают: принять тебя или нет.

— Они не станут думать, а сразу примут, если я захочу.

— Чаю хочешь еще?

— Налей.

И, разливая чай, Лось сказал:

— Ладно, Лёк, оставим пока этот разговор. Весна придет — посмотришь дело.

— Я знаю, что будет весной. Больше всего моржей будет у меня.

— Посмотрим, дело покажет.

Старик поднялся и проговорил:

— Я пошел домой. Мне надо байдару делать.

— Ну, до свиданья, Лёк. Приезжай в гости ко мне.

— К тебе? Можно приехать, — сказал он.

После его ухода Хохлов проговорил:

— Вот это штучка! Но сдается мне, что будет артель и в заовражной стороне.

— Обязательно будет, — подтвердил Лось. — Вечерком я еще зайду к нему в ярангу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

За последнее время в стойбище Лорен произошли большие изменения. Здесь уже не было ни хижины Чарльза Томсона, ни склада из гофрированного железа.

Рультине не нужны были эти постройки, и она сказала Яраку:

— Они все время в глаза лезут, эти постройки. Надо их сломать.

Рультине хотелось, чтобы ничто не напоминало ей о белом муже.

Из всего этого материала была построена яранга не

у прибрежной полосы, а рядом с другими, на склоне горы.

Яранга поблескивала железной крышей, и Рультина жила со своими детьми спокойно, как все люди, будто заново.

Кроме бывшей американской фактории мистера Саймонса, в которой теперь хозяйничал Жохов, в селении появилось еще два дома: школа и больница Красного Креста.

Попрежнему на склоне горы стояли яранги местных охотников, но среди них уже не было яранги Рынтеу. Дочь его вышла замуж за охотника из соседнего стойбища вскоре после того, как старик Рынтеу свалился с обрыва, разбился и умер. От яранги его осталось лишь круглое основание, выложенное камнями; из-под снега виднелись кости морских зверей и брошенный закопченный светильник. Угас навсегда огонь этой яранги. И дочь ушла к другому огню.

Ярак и Мэри поселились в факторийном доме. Они спали на кровати, на которой спал сам Чарли, ели на столе, на котором кушал мистер Саймонс, и вообще жили, как танги.

Рультина часто заходила к ним и, по старой привычке «распоряжаться» в белом доме, наводила у них порядок. Рультина знала, какие порядки должны быть в таких домах. Она удивлялась, как скоро Ярак и Мэри привыкли жить «по-белому». И все-таки она не совсем верила, что так удобней им жить. Наверное, они смирились с такой новой жизнью потому, что Ярак работал в пушной фактории, а Мэри — в больнице. Пусть живут по-новому.

Рядом с ними, за стеной, жил заведующий пушной факторией Жохов. По ночам он сильно хранил, и Мэри, смеясь, говорила Яраку:

— Морж вылез на лежбище!

Это было очень смешно потому что Жохов был сильно похож на моржа: у него и брюхо было такое же толстое, и усы торчали так же, и рычал он, как морж.

Каждое утро Мэри варила кофе и подавала Яраку завтрак, будто за столом сидел сам Чарли. Они были

постоянно веселы, разговаривали громко и носили матерчатые одежды. Мэри раздобрела и стала совсем похожа на белолицую женщину. И несмотря на то, что Ярак редко ходил на морскую охоту, больше для развлечения, еда у них была всегда. Ярак не ловил песцов, но товаров покупал не меньше, чем самый лучший охотник. Да и сама Мэри часто получала от доктора деньги, за которые в фактории продавались любые товары.

Все это немало удивляло Рультину, хотя и она теперь ходила не сгорбившись, как раньше, при Чарли, а выпрямившись, подняв голову. С веселым криком прибегала из школы Берта и с радостью рассказывала о том, что они делали с учителем.

«Незачем эта школа,— думала Рультина,— но пусть веселится, пока маленькая».

В стойбище началась какая-то неведомая жизнь.

Однажды утром Рультина зашла навестить свою беременную дочь. Ярак важно сидел за столом в ожидании кофе. И когда Мэри поставила ему на стол кружку, из которой шел пар, он вдруг стукнул кулаком по столу и, в точности изображая Чарли, грозно крикнул:

— Год дэм? Почему холодный кофе?!

И Рультина, и Мэри, и сам Ярак громко рассмеялись.

Напившись кофе, Ярак съел вдобавок кусок тюленьего мяса и пошел в свой пушной склад. Мэри ушла в больницу. Рультина принялась убирать комнату.

В складе было много песцов, и до самого прибытия парохода хозяином их был Ярак. Он мурлыкал песенку и чистил шкурки. Ярак хорошо знал, что на мездре нельзя оставлять жир, хотя он и засох. Придет лето, растопится жир, будет мех желтоватым, а песцы должны быть белыми, как снег. Об этом и напевал песенку Ярак.

В склад вошел Жохов. На нем была богатая пыжиковая доха с воротником из двух выдр. На голове бобровая шапка.

— Здравствуй! — приветливо сказал Ярак.

Жохов молча прошел вдоль линии висевших песцов и, встряхивая шкурки за хвосты, сухо проговорил:

— Надо их уложить в мешки, и я запломбирую каждое место.

— Зачем? — удивленно спросил Ярак. — Пусть висят. Так им лучше. Положить в мешки успеем, когда пароход увидим в море. Сквозняк сделаем, они проветриваться будут.

— Ты вздумал учить меня пушному делу? — суро-во спросил Жохов. — Сопляк ты еще! У меня в Красноярске громадные склады были. Я двадцать пять лет работаю по этому делу.

Ярак стянул с веревки песца и, вывернув шкурку чулком, сказал:

— Жохов, смотри: вот жир на мэдре. Охотники не привыкли хорошо обрабатывать шкурки. У них нет отрубей. У Чарли я всегда чистил отрубями. Чарли хорошо знал, что надо делать со шкурками. И Рультина чистила, и Мэри чистила — все мы чистили.

— Пошел к черту со своим Чарли! Я получше Чарли знаю, что мне делать. Брось эти отруби и делай, что велят.

Ярак взволнованно взлохматил свои густые волосы, причесанные по-русски, и сказал:

— Пожалуй, так испортится пушнина, Жохов. Чарли говорил, что если такие шкурки попадут в трюм парохода, растают они там. Тепло в трюме. Жир просачиваться будет в ворс. Желтыми станут шкурки.

— Делай, что велят тебе. Закажи женщинам пошить мешки. Начнем упаковывать всю эту партию.

— Как хочешь. А я хотел сначала почистить их, потом на улицу вывесить. Иней сядет на шкурки, и они будут белые, белые!

— Делай, что говорят. Мешки закажи! — раздраженно крикнул Жохов и ушел со склада.

Ярак долго смотрел на дверь, за которой скрылся Жохов.

— Неправильный человек, — со вздохом сказал Ярак и пошел в яранги разговаривать с женщинами.

Он шел и думал о шкурках.

В одной из яранг он встретился с доктором.

— Ну, как дела, красный купец? — добродушно спросил Петр Петрович.

— Дела хорошо, только немножко плохо,— ответил Ярак и рассказал доктору о разговоре с Жоховым.

Доктор заинтересовался и долго расспрашивал Ярака о пушнине, о ее хранении, обработке. Шел снег, а они все стояли и разговаривали.

Жохов сидел у себя за столом, щелкал косточками на счетах и что-то записывал, когда вошел доктор.

— Здравствуйте, Наум Исидорович! Живем в одном месте, а встречаемся редко.

— Это к лучшему, доктор. Меньше мешаем друг другу,— угрюмо сказал Жохов.

— Слушайте-ка, гражданин хороший. Я сейчас беседовал с Яраком. Интересные вещи он мне рассказал насчет пушнины. Он недоволен вашим распоряжением.

Жохов отодвинул счеты в сторону и, глядя на доктора поверх очков, безразлично сказал:

— А мне какое дело, доволен он или недоволен... Вы слушайте его больше! Может быть, приучите его к ябедничеству.

Доктор нервно зашагал по комнате:

— Нет, извините! Тут дело не в ябеде. В его рассуждениях о пушнине есть резонные соображения.

Жохов расхохотался, и руки его на трясущемся животе то поднимались, то опускались.

— Слушайте, доктор: вы же образованный, ученый человек, а понять того не можете, что он ведь дикарь еще,— пренебрежительно сказал Жохов.— Я четверть века работаю с пушниной. Теперь учиться я у него должен? Тыфу, противно даже разговаривать!

Пыхнув папироской, доктор, строго глядя на Жохова, сказал:

— Я очень далек от того, чтобы Ярака считать дикарем. Скажу больше: я убежден, что он прав. Мне непонятно лишь одно: почему его разумный совет вы не хотите использовать? Нельзя упаковывать пушнину в мешки, пока Ярак ее не обезжирит.

— Знаете что, доктор,— вспылил Жохов,— я заведующий факторией! Меня послало ОКАРО на эту работу, а не вас. И за работу фактории отвечаю я. А по-

этому прошу вас не совать свой нос в мои дела. Я не хожу к вам в больницу и не учю вас, как лечить людей. Кстати сказать, и больные-то к вам не идут. Вот об этом вы позаботьтесь.

Доктор молчал. Лицо его покрылось пятнами, нижняя губа задрожала. Он встал и, не простившись, пошел к двери.

— Гусь нашелся какой! — крикнул ему вслед Жоков.

Взволнованный доктор почти бежал к больнице. За все время жизни на Севере он никогда еще не был так раздражен. Доктор и без того тяжко переносил свое вынужденное бездействие. Все меры, принимаемые им совместно с учителем, не давали никаких результатов. Люди не шли в больницу. Единственно, что ему удалось,— это вылечить от чесотки одного мальчика-ученика.

Доктор добежал до больницы и, взявшись за перила крыльца, остановился, тяжело дыша от возбуждения.

— Доктор, ты что стоишь здесь? — участливо спросила Мэри, заметив его необычайно расстроенное лицо.

— Ничего, ничего, Мэри. Я сейчас приду. Но только я должен сходить к учителю.

Учитель Кузьма Дозорный стоял у плиты и жарил на сковородке оленье мясо.

— А, доктор! Проходите, проходите в комнату! Сейчас будем оленину есть,— радушно проговорил он.

Доктор подошел к небольшому самодельному шкафчику, заполненному книгами, безразличным взглядом пробежал по корешкам книг и сел на стул.

В маленькой комнате учителя было чисто и уютно. Самодельный диванчик накрыт олеными шкурами. Эти шкуры лежали около кровати и под ногами, у письменного стола. Доктор как будто впервые заметил все это и подумал: «Хорошо у тебя, Кузьма».

Учитель вошел с шипящей сковородкой.

— Вы что мрачны, доктор, как осенняя туча?

— Знаешь, Кузьма, очень меня обидел этот торгаш. Так полоснул по сердцу, что я в состоянии аффекта чуть не заехал ему в морду... Но сдержался.

— А ну его к чорту! Стоит на него обращать внимание, Петр Петрович! Давайте закусывать. Отличная оленина. Сама тает во рту.

— Сходи, Кузьма, ко мне. Там у меня в буфете стоит бутылочка. Сходи, пожалуйста. Мне это нужно сейчас как лекарство.

Учитель быстро сбежал и по дороге прихватил большую мороженую рыбину.

— Сосед мой привез целую нарту рыбы. Голец. Сейчас мы его мигом приготовим,— учитель поставил рыбу головой на стол и острым ножом стал настругивать ее.

Стружка, завиваясь, падала в тарелку. Эта мерзлая строганина, как называлась она здесь, посыпанная перцем, была необычайно вкусна.

Они выпили по рюмке, закусили, и доктор сказал:

— Отличная закуска эта строганина... Так вот, Кузьма, пошел было я к тому торгашу по делу, а он довел меня до такого состояния...

— Какое с ним может быть дело! Я к нему хожу раз в месяц. А теперь думаю взять бочку масла, мешок сахара, поставлю их у себя в сенях и больше никогда не зайду к нему.

Доктор рассказал историю с пушниной. Учитель предложил написать об этом в ревком.

— Нет,— сказал доктор.— Надо обождать. Говорят, Лось еще не вернулся. Приедет кто-нибудь другой из ревкома и не сумеет вправить ему мозги. Тут надо Лося.— И, помолчав, доктор спросил: — А может быть, я действительно бездельник, Кузьма? А? Ты работаешь в школе, он все-таки тоже работает в фактории, а я собак гоняю. Это ведь тягостно. Как ты думаешь?

— Ничего, доктор. Наладится дело. Давайте есть оленину.

Они просидели до позднего вечера, обсуждая больничные дела.

Из фактории шли женщины и несли материал для пошивки мешков.

— А ведь народ хорошо относится к нему, к этому

торгашу. Народ считает, что он главный здесь,— сказал учитель.

— Я знаю. Мне Мэри рассказывала, что он говорит охотникам. Он внушает им мысль, что и без школы, и без больницы жить можно. А вот без него, без его товаров жить нельзя. Видишь, куда гнет! Вредный человек! Сплошная демагогия!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стояли тихие, солнечные дни. Полярная ночь кончалась, но до весны было еще далеко. Несколько дней подряд дули южные ветры. Лед оторвало от берегов, и вдоль всего побережья открылась чистая вода. В воздухе было тепло, снег сверкал на солнце.

Лось возвратился в ревком. Стоя около упряжки, не заходя еще в дом, он разговаривал с инструктором Осиповым. Лось предложил ему немедленно, пользуясь открытой водой, выехать на двух вельботах в северную часть уезда.

— Один вельбот сдашь Русакову, другой — учителю Дворкину. Останешься там до весны и подготовишь в каждом стойбище по мотористу. Не мешает обучить этому делу и учителя, и Русакова.

— Не обледенеют вельботы в пути, Никита Сергеевич?

— Ничего, будете окалывать. Возьмите с собой топоры. Нелегко, но добраться можно.

— Хорошо. Я могу выехать сегодня же. А что у тебя со щекой?

— Обморозил малость. Что здесь нового?

— Жуков прислал телеграмму. Отпущены средства на строительство кульбазы. Начальником базы назначен он.

— Молодец Андрюшка! — восхликал Лось.

К нарте подбежал Илюша Молодцов:

— С приездом, Никита Сергеевич! Что же вы остановились на улице? Подъезжайте к радиостанции. Я вам уже оборудовал койку. Все в яранги ведь перешли.

— Да, уголь у нас почти кончился, — сказал Осипов.

— Спасибо, Илюша. Но я расположусь у Ильича. А койку убери, вместо нее поставь мой письменный стол.

— Уставим как-нибудь, Никита Сергеевич, и койку, и письменный стол.

— Нет, нет! — категорически отрезал Лось.

— Одного начфина отопляем,— сказал Осипов.— Заболел он цынгой: ноги и десны опухли.

— От злости, что ли, он заболел? Или от чрезмерного сна? Весны еще нет, а цынга — весенняя болезнь.

— Хотели в больницу его отправить — не поехал.

— И не надо: я его сам вылечу здесь.

Лось отвязал мешок на нарте, вскинул его на плечо и пошел к начфину.

Бледный, заросший бородой, начфин лежал на койке. Он безучастно взглянул на вошедшего Лося.

— Заболел, начфин?

— Да, Никита Сергеевич.

— И уголь не помогает тебе.

— Пропаду я здесь,— со вздохом ответил тот.

— Конечно, пропадешь. Вот подожди, скоро зубы начнут вываливаться.

— Злой вы человек, Никита Сергеевич.

Лось достал из мешка мерзлый кусок сырого тюленьего мяса:

— На вот, ешь. Грызи, пока есть зубы.

— Что вы, Никита Сергеевич! Что я, чукча? Я не могу это есть.

— Приказываю тебе есть! — повысив голос, властно сказал Лось.— Нехватает храбрости у одного — давай вместе,— и Лось, присев на кровать начфина, стал грызть мясо.

Начфин неохотно взял кусок, повертел его в руке и стал грызть, болезненно сморщившись.

— Это же самое радикальное средство против цынги. Небось, Амундсен — не тебе чета, а мясо это ел за мое почтение. В каждой яранге мне чукчи об этом рассказывали с восторгом. Любят они, когда не пренебрегают их пищей: Отличное противоцынготное средство. По себе знаю. В прошлом году заболел, только этим мясом и спасся.

— А действительно — оно как будто ничего,— промычал начфин, пережевывая мерзлые куски.

Пришел радиист Молодцов:

— Никита Сергеевич, вас спрашивает какой-то Саблер.

— А, Саблер? Зови его на радиостанцию, сейчас приду.

Был уже вечер. На радиостанции ярко светила лампа. Саблер внимательно рассматривал радиоаппаратуру. Он не хотел интересоваться станцией, и всё же профессиональное чувство, еще не совсем заглушенное, вдруг проснулось в нем.

— Хорошо работает станция? — спросил он у Молодцова.

— Хорошо. Регулярно связь держу с Петропавловском, — с гордостью ответил Молодцов.

И Саблер заговорил, компетентно вставляя радиотермины в свою речь.

— Вы понимаете в радиотехнике? — удивился Молодцов.

— Раньше понимал, — с едва заметной ironией ответил Саблер.

Вошел Лось и молча сел за стол радииста.

— Здравствуйте, — Саблер приподнялся.

— Здравствуйте, гражданин Саблер, — сказал Лось, пристально разглядывая маленького человечка с птичьим лицом, поросшим густой черной щетиной.

— Садитесь.

— Я местный охотник и прибыл по вашему вызову. Лось, пытливо глядя в глаза Саблеру, сказал:

— Мне известно, что вы инженер, а не охотник.

— В прошлом инженер, а сейчас охотник.

— Вы не родственник обер-прокурора святейшего синода Саблера?

— Однофамилец... Разрешите раздеться?

— Пожалуйста.

Саблер снял малахай, сбросил через голову легкую пыжиковую кухлянку, с подчеркнутым спокойствием повесил на гвоздик. Не спеша он расчесал сбившиеся длинные пышные волосы и присел на скамейку. Глаза его беспокойно забегали. Остренская бородка выдава-

лась вперед, и во всей его фигуре было что-то настороженно-звериное.

— Вы действительно инженер?

— Да,— поспешил ответил Саблер.

— А если я поинтересуюсь вашим дипломом?

— Я сжег его. Охотнику на пушного зверя нужен капкан, а не диплом.

— И жена ваша врач?

— Да, в прошлом врач.

— Почему же вы променяли такие прекрасные профессии на занятие полудиких охотников?

— Мы вполне удовлетворены своей жизнью здесь. Даже больше: мы счастливы. Нам нравятся простор и абсолютная независимость. Мной никто не командует... Мы не хотим жить в обществе, где люди грызутся, как голодные волки... Если хотите, жизнь наша здесь — это и есть истинная свобода. Вот чем привлекает Север меня и мою жену,— сказал инженер, доставая трубку.

— А вам известно, что на территории бывшей Российской империи строится новое, социалистическое общество и что волчьи законы уже ликвидированы и взаимоотношения людей строятся на совершенно иных началах?

— Я слышал... Но все это в будущем. А мне уже пятьдесят лет. Я хочу пользоваться свободой теперь же.

— Извините! Это не будущее, а уже настоящее.

Илюша молча прислушивался к разговору и внимательно рассматривал странного человека.

— Забавно получается,— сказал Лось: — женщина-врач, инженер ушли из общества и занимаются охотничьим промыслом...

— Философия охотника очень проста: убить зверя и быть сытым. Я полностью разделяю их образ мыслей и жизнь.

— Но до революции вы ведь работали?! — вдруг крикнул Лось.— Вас интересовал закон усталости металла! Почему же пропал у вас интерес ко всему этому после революции?

— Да, я работал. И я очень сожалею, что так поздно обрел свою теперешнюю жизнь.

Лось нервно закурил, у него пропало желание про-

должать разговор. Но, взяв себя в руки, он спокойно спросил:

— Ваша жена как врач помогает местному населению?

— Нет. Она пришла к заключению, что в организме человека не следует вмешиваться. Сам организм — достаточно совершенный механизм, чтобы противостоять заболеваниям. А медицина, по ее мнению, — это шарлатанство, подобное шаманству.

— Интересно. Ну, а если человеку нужно отнять ногу? Организм сам не может этого сделать.

— Она считает, что человек без ноги — не человек, а поэтому и не следует создавать для него видимость счастья.

— Странная у вас философия.

— Каждый сам себе философ.

Они помолчали. И Саблер, подавая письмо Лосю, сказал:

— Вот геолог ваш просил передать это письмо.

Лось взял самодельный конверт, прошитый ниткой во многих местах. Он тщательно осмотрел его, взял бритвенный ножичек, обрезал нитки. Он прочитал письмо, изредка бросая взгляды на молча сидевшего Саблера.

— Вы не прочли это письмо? — вдруг сказал Лось.

— Я? — удивленно спросил Саблер. — Я порядочный человек. Я никогда в своей жизни не читал чужой корреспонденции...

— Охотно вам верю, — прервал его Лось.

— Не говоря уже о том, что меня это очень мало интересует, — добавил инженер.

— Теперь вот что, гражданин Саблер. Я предлагаю вам вместе с вашей женой примерно за месяц до навигации явиться в ревком. Я должен выслать вас на материк.

Саблер спокойно, как будто он был давно готов к этому, сказал:

— Позвольте вас спросить, чем я заслужил эту ссылку?

— У меня есть соображения, о которых вы узнаете, когда прибудете сюда с женой. Вот и все. Не пытайтесь

уклоняться от моего распоряжения. Вас доставит сюда милиционер Хохлов. А теперь вы можете поехать обратно к себе.

Инженер встал, накинул кухлянку и, держа в руках малахай, спросил:

— Сейчас уже ночь. Вы разрешите мне переночевать в стойбище, с тем чтобы я мог выехать утром?

— Пожалуйста.

Инженер ушел, и Лось долго смотрел на захлопнувшуюся дверь.

— Шкура! — сказал Лось. — Создал себе экзотическую философию и думает морочить мне голову!

— А что такое, Никита Сергеевич? — спросил радиост.

— Геолог пишет, что американские шкуны ходят к этому «философу». В тундре геолог нашел даже локомотив.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Эрмен вместе с инструктором Осиповым собирался отгонять вельботы. Старик Ильич молча стоял на берегу и внимательно взглядывался в открытое море. Он повернулся кругом и, посматривая на небо, сказал:

— Четыре дня будет дуть южный ветер. Потом опять придут льды к берегу. Пожалуй, мне самому надо поехать вместе с вами.

— Поедем, отец, — сказал Эрмен. — Может быть, трудно будет в пути? Оттуда на собаках приедем. Две упряжки погрузим в вельботы.

— Подождите, — сказал Ильич, — я поговорю еще со стариком Комо.

Южный ветер гнал льды от берега, они уже отошли далеко, и только припай оставался вдоль всего побережья. Море чуть-чуть плескалось, но вдали уже белели барабашки. Низкое небо закрывало и море, и землю. Солнце еще не показалось.

Одетый по-дорожному, вернулся старик Ильич.

— Поехали, — сказал он.

Вельбот скользнул по припай в воду, за ним другой,

и люди быстро стали грузить собак. Охотники несли их в вельбот на руках, как младенцев. Псы скучали.

Застучали моторы, взвились паруса, и вельботы пошли вдоль побережья.

Лось стоял, на берегу и глядел на отходившие вельботы. Ильич сидел на руле и зорко смотрел вперед.

Лось вспомнил всю историю с удушением этого старика и с удовлетворением подумал:

«Вот так и надо поступать. Надо вырывать здешний народ из цепких лап суеверий, тьмы и невежества. И мы, большевики, это сделаем».

Вельботы скрылись из глаз, и Лось пошел в ярангу Ильича, где теперь он жил.

В пологе старика Ильича, несмотря на отсутствие двух мужчин, было тесновато. Лось разделся и, укрывшись байковым одеялом, быстро уснул.

Утром приехал Ярак. Жена Эрмена стала угождать его. Они тихо обглядывали тюленьи косточки, готовясь к чаепитию. У другой стенки лежали дети. Все молчали, чтобы не разбудить Лося.

С улицы доносился шум шелестящей крыши. Внезапно Лось проснулся и, прислушиваясь к шуму, не поворачиваясь к людям, спросил:

— Какой ветер дует?

Женщина отложила косточку и торопливо ответила:

— Хороший. Южак дует. Теперь вельботы далеко ушли. С мотором и парусом они быстро побежали, на собаках не догонишь.

Лось повернулся на другой бок и увидел гостя. Ярак был в матерчатой рубашке и молча улыбался, поправляя прическу.

— Яра-а-ак приехал! — радостно крикнул Лось, поднимаясь с постели.

— Да, приехал. Опять помогай, Лось, — сказал Ярак.

— С Мэри что-нибудь случилось?

— Нет. С ней ничего не случилось. Маленький родился. Она лежит у доктора. Все очень хорошо. И Мэри, и Рультина говорят: шибко хороший доктор.

— Ну, поздравляю тебя! А что же случилось?

— Пушнина пропадает, — тихо, с грустью ответил

Ярак.— Много пушнины пропадает,— и он неторопливо рассказал о своем столкновении с Жоховым.— Железными пломбами запер мешки с песцами. Вот какие новости,— закончил Ярак.

— Нехорошие новости,— сказал Лось.

— Совсем плохие. Жохов — неправильный человек. И доктор сердился на него. Письмо писал тебе, но только я забыл его, торопился.

— Хорошо, Ярак. Ты очень хорошо сделал, что приехал. Ты привез важные новости. Сегодня же вместе с тобой я поеду к Жохову.

— Опять на охо-о-ту, Лось?— спросила женщина.

Лось чувствовал, что дорога уже утомила его. Ежедневно просиживать на нарте по восемь — десять часов было нелегко: часто заставали пурги, постоянный холод изнурял его. И все же Лось выехал вместе с Яраком в тот же день.

На пятые сутки ночью они прибыли в селение Лорен. Мэри все еще лежала в больнице. Ярак сам подготовил кофе, и, закусив, они легли спать.

Рано утром Ярак убежал в больницу взглянуть на Мэри и новорожденного сына. В комнату вошел Жохов. С притворной учтивостью и с беспокойством в глазах он обратился к Лосю, разглядывавшему букварь:

— Здравствуйте, Никита Сергеевич. Редко вы нас навещаете.

— Да, очень, очень редко... И это очень плохо,— ответил Лось.

— Конечно, плохо. Вон и Ярак отбивается от рук. Взял да и уехал больше чем на неделю, не спросясь. Увез ключи, и в пушной склад не попаду. А пушину надо проветрить.

Лось молча смотрел на Жохова.

— Да, нехорошо,— неопределенно сказал Лось.

— Это самовольство поселял инструктор Осипов. К дисциплине, к порядку их надо приучать, товарищ Лось, а не к самовольству. Народ они темный. Прислушиваться должны, учиться у нас, у русских.

Жохов грузно опустился на стул. Стул заскрипел. Лось, кружка по маленькой комнате, сказал:

— Но кое в чем они и нас могут поучить...

— Конечно, к примеру, в тюленьей охоте они лучше понимают.

— Вы раньше где работали, Жохов? До революции?

— Я?.. В Красноярске работал. Двадцать пять лет там работал меховщиком. Я — в Красноярске, Русаков — в Чите. Мы крупные специалисты. Из Красноярска меня вызывало ОКАРО. Председатель правления меня хорошо знает. Дружок мой,— подчеркнул Жохов.

— Что ж, покажите мне свою факторию.

— Пойдемте, пойдемте. С удовольствием.

Они зашли в комнату Жохова. В ней было просторно, несмотря на то, что вся она была заставлена мебелью. Здесь стояли: гардероб, кровать, буфет, диван, шесть стульев и старая качалка мистера Томсона. На полу — ковры из оленевых шкур.

— Может, кофейку хотите или ликерчику? — спросил Жохов.

— Нет, я ничего не хочу.

Лось оглядывал комнату, пока Жохов одевался.

— Прямо мебельный магазин у вас, а не комната. Вы живете холостяком, а у Ярака, вашего служащего, пустая комната, причем Ярак — семейный человек и с такими же правами в вашей торговой системе, как и вы. Правильно вы поступаете? Неправильно. Я думаю, вот этот гардероб или шкаф, пару стульев следует отдать ему.

— Так они непривычны к этим вещам.

— Трудно привыкнуть к тому, чего нет. Привыкнут. Ну, пойдемте в магазин и склады.

В магазине Лось нашел полный порядок. Пришли к пушному складу.

— Вот видите, замок — у Ярака ключ.

— Пошлите за ним.

Но Ярак уже сам бежал, размахивая ключом.

— Ты что же так делаешь? Скрылся без спросу! — строго сказал Жохов.

— Это я вызвал его в ревком по срочному делу, — сказал Лось.

Склад был завален мешками с пушниной, и около тысячи хвостов висело еще на веревках.

— Говорят, пушнина у вас не в порядке, не обезжирена? — спросил Лось.

— Это все болтуны какие-нибудь говорят, непонимающие люди, — ответил Жохов. — С пушниной-то мы знаем, как обращаться.

— Не болтуны говорят, а вот сам Ярак. Он тоже кое-что понимает в пушнине. Покажи мне, Ярак, парочку песцов.

Ярак быстро сдернул песца и, вывертывая его чулком, сказал:

— Смотри, Лось. Сам смотри. Видишь, сколько жиру на мэдре?

— Что вы скажете на это, Жохов?

— Что сказать? Я собирался обработать пушнину попозней.

— Нет, не собирался, — вмешался Ярак. — Собирался и эти хвосты в мешки зашить. Не успел только. Уехал я.

Ярак вывернул песца ворсом наверх и, дуя в мех, сказал, обращаясь к Лосю:

— Смотри, смотри: вот она, ость, корешки ее стали желтеть. А подпарится еще в трюме — вся вылезет.

Жохов злобно смотрел на Ярака и не узнавал его.

«Откуда такая наглость? — думал он. — Еще совсем недавно он лебезил передо мной, как голодный щенок, глядящий на кусок хлеба».

— Товарищ Лось, я отвечаю за пушнину перед правлением. Я знаю, что я делаю, — сказал Жохов.

— Я не сомневаюсь в том, что вы хорошо знаете. Но почему вы задумали сгноить такую большую партию пушнины, этого я пока не знаю. Когда Ярак вам предлагал обезжирить пушнину, почему вы не разрешили ему? Или вы умышленно все это делаете?

— Что вы, что вы, Никита Сергеевич, помилуй бог! — испуганно воскликнул Жохов. — Может быть, правда, я тут оплошку дал. Мы в Красноярске вот так и отсылали прямо на фабрику, в Москву...

Лось выхватил у Ярака песца и, поднеся к самому лицу Жохова, гневно сказал:

— На, смотри! Я никогда не был пушником, а ясно вижу, в чем тут дело. Вы за двадцать пять лет не на-

учились понимать простых вещей в меховом деле? Я не верю вам. Вы разве не знаете, что пароход находится в пути сорок — пятьдесят дней? Вы хотите сгноить пушину в душных трюмах парохода?

— Что вы, Никита Сергеевич?! Мне и дума такая в голову не приходила. Может быть, это от моего упущения, незнания местных условий.

— Вы все отлично знаете. И мы знаем ваши эти штучки. Не выйдет это! — и Лось угрожающе замахал пальцем под носом Жохова.

Ярак торжествующе смотрел на Лося.

— Вам доверили огромное государственное имущество, а вы хотите уничтожить его всякими хитрыми способами? Вы знаете, как это называется?

Жохов молчал.

— Десять дней сроку вам на приведение пушкины в полный порядок.

— В пять дней все сделаем, — сказал Ярак.

— И еще одно предупреждение: если вы после моего отъезда вздумаете отыграться на Яраке, я немедленно отстранию вас от работы. Понятно?

— Меня нанимал Бурагов, правление. Только правление может снять меня с работы. Так у меня в инструкции записано, — угрюмо проговорил Жохов.

— У меня найдется достаточно решимости снять вас и без правления, если это понадобится. Вот и все, — и Лось, повернувшись, ушел из склада.

Он зашагал к больнице, все еще находясь в раздраженном состоянии. Его встретил доктор.

— Ну, как? Навели там порядок? — доктор кивнул в сторону фактории. — Насколько я понял со слов Ярака, там дело не шуточное.

— Спасибо вам, доктор, что надоумили Ярака приехать в ревком. Вы знаете, что могло получиться? Нас бы потом обвинили. «Не коммунисты, — скажут там, — а так, недотепы какие-то. С одним полуграмотным специком не могли справиться».

— Это вы что, в мой огород? — обиженно спросил доктор.

— Нет, это я между прочим, к слову, — и Лось,

обняв доктора, рассмеялся.— Ну, рассказывайте, как тут у вас дела?

— Неважно, Никита Сергеевич. Не идут в больницу. Сколько рожениц упустил за зиму! Заполучил вот Мэри и радуюсь. Но это не в счет: она наша медсестра. Давно нужно выписать ее, а мне все жаль расставаться. Все-таки функционирует больница. Но надо сказать, что нам здесь негде и операцию сделать.

— В этом году будем строить кульбазу и при ней больницу на двадцать коек, с операционной.

— Вот это замечательно! — поднимаясь на крыльце больнички, сказал доктор.

— Петр Петрович, я хотел бы навестить Мэри.

— Пожалуйста, пожалуйста. Халатик только наденьте.

Мэри лежала в кровати и что-то писала. Ее голые круглые плечи вдруг напомнили Лосю о Наташе. Мэри не отрывалась от письма. Распущенные волосы ее падали на подушку. Мэри показалась Лосю удивительно красивой.

— Здравствуй, Мэри! — сказал Лось.

Мэри вздрогнула и восторженно воскликнула:

— Лось!

Он подошел к ней, поздоровался и сел на табуретку:

— Мэри, ты что пишешь?

— Письмо тебе,— сказала она улыбнувшись.

— А ну, давай почитаю.

В письме было всего несколько строчек:

«Лось, ты стал совсем плохой, испортился ты. Приехал и не хочешь говорить со мной...»

Лось засмеялся:

— Вот и ошиблась. Неправильно пишешь. Видишь, еще письма я не получил, а пришел. Ну, как ты живешь, Мэри?

— Очень хорошо, Лось. Теперь у меня есть сын. Посмотри, какой! Он будет такой же силач, как Ярак.

Лось заглянул в кроватку и удивленно протянул:

— О-о-о! Нет! Этот, пожалуй, будет посильнее Ярака.

Мэри, не стесняясь своей наготы, до пояса вылезла из-под одеяла и присела на кровати.

В палату вошла Рультина и села на корточки у порога.

— Здравствуй, Рультина. Пришел навестить твою дочь и внука.

Старуха с улыбкой закивала головой. Лось подошел к ней и подал руку.

Рультина держала его руку и, глядя на него снизу вверх, сказала:

— Ты сделал Мэри счастливой. Ты настоящий человек.

— А как зовут малыша? — спросил Лось.

— Андрей, — ответила Мэри.

— Андрей? Вот это замечательно! Андрей Яракович.

— Я хотела, чтобы они назвали Бэном, — печально сказала Рультина. — Мальчик Бэн у меня был... Но они назвали по-своему. Пусть Андрей, — и, добродушно махнув рукой, ушла.

Мэри возбужденно рассказывала, как она работает в больнице, как доктор учит ее, как ей нравится жить в факторийном доме и какой у нее сильный муж Ярак.

Лось смотрел на нее и думал:

«Да, она счастлива. А ведь этого могло и не быть».

Уходя, Лось крепко пожал руку Мэри. Она задержала его руку в своей и вдруг прикоснулась к ней губами... Лось порывисто отдернул руку.

— Что ты, что ты, Мэри! Это нехорошо! — нахмурив брови, проговорил Лось.

Мэри испугалась и покраснела. Она не знала, что это нехорошо.

Лосю показалось, что она обиделась, и, положив руку на ее горячее плечо, он нагнулся, поцеловал ее в лоб и молча вышел.

— Она способная девушка. Грамотности, а вернее, образования у нее нехватает, — сказал Петр Петрович, встретившись с Лосем.

— А вы знаете, доктор, я бы на вашем месте стал из нее готовить акушерку. Это очень важно.

— Надо подумать, — ответил доктор.

В пушном складе уже работало десять женщин. Крупным размолом ржаной муки они чистили песцо-

вые шкурки. Рультина хорошо знала, как обезжиривать их. Каждая женщина показывала ей свою работу, и если Рультина говорила: «Хорошо», — шкурку относили в другой угол. Рультина работала с таким усердием, с каким ни разу не трудилась за всю свою жизнь с Чарли. Ярак сказал, что хотя все шкурки висят в складе Жохова, хозяин им Лось.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Алитет лежал в пологе на старенькой оленьей шкуре. Он неподвижно смотрел в потолок, лицо его было мрачно, и никто не решался с ним заговорить. Он лежал и думал:

«Что случилось на берегу? Почему люди становятся такими, какими никогда не были? Пожалуй, все это от учителя. Даже Гой-Гой любит бегать к нему. Сильный человек! К сильному всегда бегут. Но ведь он не товарами сильный человек? У него, кроме бумажек-рублей, ничего нет. Что это за сильные бумажки? И в торговой яранге начали торговать за рубли-бумажки».

Алитет достал из ящика бумажный рубль и долго вертел его в руках.

«Разве эта бумажка лучше песцовой шкурки?»

Он пренебрежительно бросил ее в ящичек и опять уставился в потолок.

Алитет вспомнил вчерашний разговор с сыном: Гой-Гой весело рассказывал, что русский переселился от Ваамча в свою деревянную ярангу. Учитель наставил там пять жирников, и Уакат еле успевает следить за огнем. При каждом зарождении луны учитель дает ей за это сильные бумажки-рубли, за которые привозят ей столько сахара, патронов, муки, табаку, будто она посыпала лучшие песцовые шкурки. Вдобавок она еще — родовой совет и за это получает рубли-бумажки. Она даже забыла дорогу в ярангу Алитета.

Наргинаут жалостливо посмотрела на мужа, взяла хорошую оленью шкуру и положила ее рядом с Алитетом.

— Чарли,— сказала Наргинаут,— эта шкура помягче.

— Я перестал быть человеком, сильным товарами. Придется уходить в горы, надо привыкать к жесткой постели. Убери ее! — раздраженно крикнул он и ногой отшвырнул шкуру.

Дремавший в углу Корауге вздрогнул, услышав голос Алитета. Он лениво потянулся к бубну и ударил по нему. Бубен зазвенел.

— Не надо! — сердито крикнул Алитет.— Думать мешаешь. Все равно духи перестали слушаться тебя.

Корауге с недоумением взглянул на него бесцветными глазами и положил бубен.

В пологе опять воцарилась тишина. Алитет напряженно думал:

«Непослушны стали люди. А Тыгрена? Она всегда подставляла свои уши, когда летели новости от русских; она бежала туда, где останавливались русские, и трудно было уследить за ней. А теперь она ни разу не заглянула к русскому. Учитель звал ее, она не пошла. Учитель пришел сам в ярангу, и Тыгрена не открыла уши для его слов. Все перевернулось, все перепуталось, как собаки в упряжке при быстром беге с горы».

Тыгрена жила в отдельном пологе, редко выходила из яранги и неустанно шила торбаза. Она примирилась со своей судьбой. Все равно теперь нет Айе. И она даже рассердилась, когда Алитету в русской фактории отказали в товарах. Только на два песца дали, а остальные Алитет привез обратно. Он не захотел отдать пушнину за бумажки-рубли. Заскучал Алитет. Ездить перестал. Наверное, стыдно ему с пустой нартой ездить.

И в первый раз за все время Тыгрене вдруг стало жалко его.

Алитет пришел в ее полог, Тыгрена покорно взглянула на него.

— Не надо шить торбаза,— сказал он.— С одними торбазами не поедешь к кочевникам. Патронов нет, табаку нет, спичек нет. Осталась только таньгинская пища: мясо в железных коробках, фрукты, масло, лук,

перец,— и Алитет, сморщив нос, добавил: — Кому они нужны?

Тыгрена молча смотрела на Алитета.

— Если Браун не приедет в это лето к ущелью Птичий Клюв, надо уходить в горы. Подальше от русских. Их много прибавилось на побережье за этот год. Кочевать надо. Соберу всех оленей, собью их в одно стадо. Мало только оленей. Наверное, две тысячи. Смеяться будут кочевники. Еще надо купить. За песцов надо купить оленей.— И, с грустью покачав головой, добавил: — Только не станут продавать оленей за песцовые шкурки. Им товары нужны.

От тяжелого раздумья лицо Алитета покрылось испариной. Он присел на оленю шкуру рядом с Тыгреной.

— Ты слышал, Чарли, новость? — называя его новым именем, спросила Тыгрена.— На реке Кувэт объявился какой-то новый русский. Из горячего железа делает ножи и топорики. Всем делает, кто принесет кусок железа, а железа у людей нет. Из старых топориков делает новые.

— Откуда эта новость? — оживленно спросил Алитет.

— Приезжий кочевник говорил. Очень хорошие топорики, какие любят оленеводы.

Алитет задумался, и лицо его сразу повеселело.

— Ты сама слышала эту новость?

— Да, я сама слышала.

Алитет подбежал к своему складу и ногой стал разгребать снег. Здесь лежала груда полосового железа, брошенного американской шкуной. Когда-то контрабандисты привезли его, но Алитет не дал за него ни одной шкурки, и американцы бросили железо, чтобы не везти обратно.

Теперь Алитет смотрел на железо горящими глазами и что-то шептал. Схватив железную полосу и выдернув ее из снега, он почувствовал как к железу прилипла рука. Алитет бросил полосу и, посасывая ссадину на пальце, зашептал:

— Один нож — один олень, один топорик — три оленя.

К вечеру он нагрузил одну нарту железом, другую — таныгинской пищей: маслом, фруктами; сверху положил мешок с песцами и, забрав сына Гой-Гоя из школы, в ночь выехал на двух нартах в устье реки Кувэт.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вскоре после отъезда Алитета учитель услышал стук мотора, доносящийся с моря. Дворкин крикнул Ваамчо, и они пустились бежать во весь дух к морскому припаю. Вслед за ними ринулась толпа ребятишек, побежали и женщины.

Вельбот приближался с необычайной быстротой.

И когда он ударился носом о припай, учитель восторженно закричал:

— Осипов! Василий Степанович! Здравствуй!

Люди ухватились за вельбот, он скользнул по ледяному припаю и вмиг оказался на берегу.

— Здравствуй, Коля,— сказал Осипов.— Жив?

— Конечно.

— Вельбот вот пригнал для артели. Один оставил у Русакова. Подготовлю здесь моториста и уеду на собаках к нему

— Вот здорово! Сколько же ты проживешь у нас?

— Недельки две придется.

— Ваамчо, иди сюда! — крикнул учитель и, представляя его Осипову, сказал: — Председатель родового совета.

Осипов поздоровался.

— Вот с ним мы и будем учиться у тебя моторному делу,— сказал Дворкин,— а сейчас давай в школу.

— Надо мотор взять с собой,— озабоченно сказал Осипов.

Они вынули из гнезда руль-мотор, и учитель, взвалив его на плечо, понес к себе. Мотор блестел железом и разноцветной краской. Толпа людей сопровождала учителя. А в это время старик Ильич осторожно, по-хозяйски скальвал топором лед с бортов вельбота.

— Дворкин, это чей вельбот? — спросил Ваамчо.

— Наш, Ваамчо, наш. Артельный. И мотор наш.

— О-о-о! — восторженно сказал Ваамчо.— Пожалуй, надо собрание устроить.

— Правильно, Ваамчо! Собирай всех в школу.

— И женщин, и ребятишек?

— Всех, всех собирай. Всех, кто хочет.

Ваамчо побежал. Около яранги Алитета стояла Тыгрена и следила за толпой.

Ваамчо подбежал к ней и сказал:

— Тыгрена, Лось прислал нам артельный вельбот... с машиной. Не обманул Лось. Сейчас собрание будет. Пойдем, Тыгрена!

— Нет, Ваамчо, я не пойду.

— Как хочешь, Тыгрена,— и Ваамчо побежал в крайнюю ярангу.

Тыгрена смотрела вслед ему и думала:

«Перестал быть робким. Смелым становится. С русским подружился».

И вдруг ей самой захотелось пойти в школу, куда бежали люди из всех яранг. Самой захотелось поговорить с учителем, которого прислал сюда бородатый начальник. «Аие любил его, этого бородатого. Но зачем он услал Аие с нашей земли на русскую землю? Ваамчо вчера сказал: за новым законом Аие поехал. А новый закон пришел сюда сам. Везде на побережье говорят о новом законе. Обманывает Ваамчо. Пожалуй, он научился у таньгов обманывать, как Алитет у американов».

К ней подошла Алек.

— Пойдем, Тыгрена, в школу,— сказала она.— Там много новостей будет. Любопытно послушать. Он хороший, этот учитель.

Тыгрена молча смотрела на женщину, которая всегда тянула Ваамчо назад, а теперь Алек вздумала повести ее по новой тропинке.

Тыгрена недовольно нахмурилась и сказала:

— Иди в школу. Одна.

А когда Алек скрылась, Тыгрена побежала вслед за ней.

Школьный класс был забит народом. За столом президиума сидели старик Ильич, Ваамчо, школьная сторожиха Уакат и учитель.

Войдя в школу, Тыгрена почувствовала себя здесь чужой. Ей показалось, что все смотрят на нее, смеются над ней. Из школьного коридора она посматривала внутрь помещения, и взгляд ее остановился на Уакат, которая сидела рядом с Ваамчо. Эта женщина вместе с ним хотела заставить Алитета убрать дохлых собак. Раньше она всегда ходила с опущенной головой и разговаривала с Алитетом тихим голосом. А теперь голова ее торчит высоко. Что случилось? Не оттого ли, что она часто ходит в эту деревянную ярангу и каждый раз разговаривает с русским учителем?

Тыгрена перевела взгляд на старика Ильича. Он сидел, важно посматривая на людей.

Учитель взял мотор и положил его на стол.

— Товарищи! — сказал он.— Вот он, мотор. А на берегу стоит ваш вельбот. Теперь вы никогда не будете знать, что такое голод. Весной у нас будет настоящая охота. На вельботе с этим мотором мы будем быстро настигать моржей.

— Он говорит правильно,— сказал старик Ильич.— За дорогу я видел, как он ходит. Без паруса ходит, сам. За три дня мы доехали к вам, ни разу не махнув веслом. Учитель правильно сказал: весной будет настоящая охота.

Все с любопытством и возбуждением смотрели на мотор.

— В нем живет добрый дух! — торжественно сказал Ильич.— И зовут его Бен-Зин. Так сказал инструктор.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Красноармеец Кузаков демобилизовался из частей особого назначения, которыми командовал приятель Лося — Толстухин. За время пребывания в армии Кузаков вступил в партию и теперь возвращался коммунистом. Пробираясь из Колымы к Берингову морю, где чаще ходили пароходы, Кузаков застрял на побережье и вынужден был остаться на зимовку.

Поселившись в яранге охотника, Кузаков от нечего делать как-то взялся починить сломанный топорик. Он

отковал его заново, чем вызвал немалый восторг в среде охотников стойбища. Кузнец по профессии, Кузаков отдался этому занятию с любовью и неторопливо ковал топорики и ножи, коротая длинную зимнюю ночь.

Кузаков лежал в пологе и над жирником калил кусочек старого, обломанного ножа, когда вошел Алитет.

— Здравствуй! — заискивающе сказал Алитет.

— Здравствуй, здравствуй,— ответил Кузаков и принялся молоточком отбивать на булыжном камне раскаленное железо.

Алитет зорко наблюдал, как мягкое, горячее железо изменяло свой вид. Потом Кузаков опять повесил нож над жирником.

— Ты русский начальник? — испытующе спросил Алитет.

— Какой я начальник! Кузнец я.

Алитет взял топорик, сделанный Кузаковым, и долго вертел его в руках.

— Очень хороший топорик. Купцы привозят только американские и русские топоры. Кочевники любят топоры мотыжкой, вот такие, как этот.

— Было бы железо, знаешь, сколько можно наделать их!

— Есть железо,—торопливо сказал Алитет.—Много есть железа. У меня на нарте лежит.— И, заглядывая в лицо Кузакову, спросил вкрадчиво: — Хочешь посмотреть?

— Пойдем посмотрим.

Они подошли к нарте, и Кузаков вскрикнул от восторга:

— Ох ты! Да железо какое! — и профессиональное чувство заиграло в нем.— Эх, если бы мне настоящую наковальню да горн — завалил бы всех топорами!

— А что такое наковальня, горн? — живо заинтересовался Алитет, глядя в глаза Кузакову.

Кузаков объяснил, и Алитет вспомнил, как несколько лет тому назад он все это видел в тундре, брошенное американцами у камня Лысая Голова.

— Есть это! — радостно сказал Алитет.— Через два дня привезу. День и ночь буду ехать. На легкой нарте быстро доскачу.

Через несколько дней Алитет привез горн, наковальню и уголь, собранный там же из-под снега.

Алитет поставил палатку и в ней оборудовал кузницу. Алитет безустали работал молотобойцем — только искры летели из-под его молотка. Каждый день Алитет уносил груду топориков и все складывал и складывал на свою нарту. Через неделю Алитет нагрузил нарту топориками, отдал Кузакову всю тангинскую еду, мешок песцов и спешно выехал домой, чтобы привезти еще нарту железа.

К Кузакову приехал Ваамчо вместе с инструктором Осиповым. Кузаков, соскучившийся давно по русской речи, очень обрадовался приезду Осипова. Он рассказал о своей жизни здесь, об Алитете, о кузнечной работе.

Осипов выслушал его с мрачным видом и спросил:

— Говоришь, коммунист ты?

— Да. До лета поживу здесь и уеду к пароходу. Алитет обещал дать мне упряжку собак. Вот мужик какой! Толковый! Такого молотобойца я в жизни не видал!

— Эх ты, голова садовая! — вздохнув, сказал Осипов. — Горе-коммунист! Да знаешь ли ты, кто такой Алитет? Кулак он. Контрабандист. Он всю тундру держал в руках. Но это еще куда ни шло: он начинает закабалять коммунистов, вроде тебя дурака!

— Ну, ты! Не очень-то! — растерянно возразил Кузаков.

— Слушай! — рассердился Осипов. — Мы проводим в отношении кулаков политику ограничения и вытеснения из экономики, а ты ставишь Алитета опять на ноги. Ты подумай своей дурной головой. Ты же разлагаяешь у нас тут работу! Алитет купил тебя на корню со всеми потрохами. Этот мироед так обвел тебя вокруг пальца, что ты и не заметил. Ведь если об этой кузнице узнает уполномоченный ревкома Лось, он тебе башку свернет.

— Да я ж ничего такого и не знал! — испуганно проговорил Кузаков.

— Кончай здесь всю эту лавочку и поедем вместе с нами. В ревкоме найдется тебе работа. Если руки

чешутся, по крайней мере, будешь работать не на кулаков.

Ваамчо погрузил на нарту горн, наковальню, а утром все они выехали в стойбище Энмакай.

Светило солнце. Собаки бежали по твердому насту, не оставляя следа. Льды вновь вернулись к берегу. Необозримые ледовые поля уходили далеко за горизонт. Ваамчо бежал около нарты; когда он садился отдохнуть, вскакивали с нарты Осипов и Кузаков.

К вечеру они встретили нарту Алитета. Она была так нагружена железом, что Алитет, помогая собакам, сам тянул ее за баран. Поровнявшись, нарты остановились. Алитет растерянно, упавшим голосом, тихо спросил:

— Кузаков, ты куда?

— В ревком поехал,— с чувством жалости к Алитету ответил Кузаков.

— Трогай, Ваамчо,— сказал Осипов.

Алитет долго смотрел вслед Ваамчо, на свою нарту, нагруженную железом, и вдруг ни с того, ни с сего ударил ногой собаку-вожака.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Утопая в снегу, низко опустив морды, собаки медленно тянули нарту. Встречный пронизывающий северо-западный ветер нес острые, колющие снежинки и больно хлестал лицо Алитета. Но он сидел на нарте неподвижно, подставив щеку под ветер, и даже не кричал на собак. Пурга кружила всюду, звезды исчезли, и, кроме мелькающих хвостов задней пары собак, ничего не было видно. Стояла глубокая полночь.

Щека служила Алитету компасом, и он ехал, определяясь по направлению ветра. Он не обращал внимания на свистящую пургу и думал только о Кузакове:

«Зачем его увезли? Наверное, этот новый русский — тоже начальник? Но какой совсем дрянной человек стал Ваамчо! Это он привез его сюда».

— Меркичкин! — громко выругался Алитет.— Пусть. Теперь я и без Кузакова сам наделаю топори-

ков. Я возьму молотобойцем Омрытагена. Он сильный, а держать и поворачивать горячее железо буду сам!

И, обрадовавшись предстоящей работе, он соскочил с нарты, крикнул на собак и, борясь с пургой, стал помогать упряжке, вцепившись за баран нарты.

На щеке образовалась наледь. Алитет смахнул ее, сел на нарту и, взяв горсть снега, стал растирать щеку. От боли он усмехнулся и подумал: «Что случилось? Никогда не обмораживал. Перестал быть мужчиной».

Растерев щеку, он опять вскочил и, покрикивая на собак, побежал рядом с нартой в беспространную тьму.

В стойбище, где стояла кузница, все спали. Люди не ожидали приезжих, и Алитета никто не встретил. Он подъехал прямо к палатке, остановил собак и торопливо вбежал в нее. Чиркнув толстой американской спичкой, он осветил палатку и сразу увидел, что наковальни и горна нет. Алитет застонал. В темноте он присел на корточки, низко опустив голову, и долго сидел молча, пока не онемели ноги. Палатка гудела, шум полотнищ леденил душу.

Алитет зажег спичку, взял дощечку и, нащипав луchinок, развел костер. Положив в него несколько угольков, он стал раздувать их. Языки пламени осветили всю палатку. Алитет увидел в углу маленький молоток и пристально уставился на него.

На улице завыла собака, поднялся лай. В палатку вошел человек из соседней яранги.

— Чарли, зачем ты здесь сидишь? Пойдем в мой полог. Там чай есть, и Гой-Гой спит у меня,— сказал он.

Алитет поднял на человека глаза и молча смотрел на него.

— Пойдем, Чарли. Здесь холодно.

— Кто увез отсюда все это? — показав на чурбак, где стояла наковальня, спросил Алитет.

— Русские увезли. Они сначала ругались, потом Ваамчо стал грузить все в нарту. Их не поймешь, этих русских. Новый русский сердитый. Ваамчо привез его. Ваамчо тоже начальником стал. Он сам сказал мне об этом.

— Я догоню их, отобью Ваамчо, заарканю, как ди-

кого оленя, и привезу его сюда, в эту палатку. Я сниму с него штаны и посажу на холодное железо, и ты посмотришь тогда, какой он начальник... Куда он повез Кузакова?

— К бородатому повез.

— О чём они говорили здесь?

— Разве можно понять птиц, о чём они разговаривают?

— А что говорил Ваамчо, этот безумец, достойный презрения?

— Он сказал, что один человек из нашего стойбища должен поехать на большой праздник к бородатому начальнику. Омрытаген вызвался ехать.

— Омрытаген? Я с ним хотел делать топорики.

— Только они оставили ему связку пуговиц. Он их по одной снимает каждое утро. Кончится вся связка, тогда он поедет на праздник говоренья.

— Не рассказывай! — раздраженно закричал Алитет.— Не надо. Лучше пойдем чай пить.

Гой-Гой сидел на оленьей шкурке и, положив листок бумаги, что-то писал маленьkim карандашом. Алитет вырвал у него и бумагу и карандаш. Он разорвал листок в мелкие клочки и с остервенением изгрыз карандаш. Мальчик удивленно посмотрел на отца и тихо сказал:

— Отец, ты сам велел мне учиться.

— Не надо. Пойди запряги свою упряжку, я скоро поеду на ней. Отдохнут мои собаки — вернешься на них домой.

— Чарли, может быть, один он не найдет дорогу? — спросил хозяин яранги.

— Найдет, — пробурчал Алитет.— Давай скорей чай.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Напившись чаю, Алитет забежал еще раз в кузницу. Все, что осталось от нее, — это забытый молоток. Алитет стоял и долго смотрел на него. Алитет поднял молоток и постучал им о деревянный чурбак. Разобрав палатку, он положил ее в нарту и помчался в Энмакай.

На третий день ночью Алитет вернулся домой. Он разбудил Тыгрену и велел засветить жирник.

Укрыл Аивама пыжиковым одеялом, Тыгрена подожгла смоченный тюленым жиром мох. Язычок памени осветил полог. Горящей лучинкой она сделала еще язычок и, быстро соединяя их, зажгла широкую ленту пламени.

В полог вошла Наргинаут.

Алитет сердито глянул на нее и проговорил:

— Зачем пришла? Ты, глупая! Займись-ка лучше собаками. Распряги их и накорми. Только не сразу. Подольше надо их выдержать. Они бежали быстро и разгорячились. Ступай!

Наргинаут молча удалилась

Тыгрена сняла с потолочной балки оленью шкуру, развернула ее и положила рядом с Алитетом. Он перекатился на мех, растянулся и, глядя в потолок, спросил:

— Сколько в стойбище русских?

— Один. Только один учитель,— ответила Тыгрена.

— А другие где?

— Двое утром уехали.

— И Ваамчо уехал с ними?

— Нет. Сн здесь.

Алитет быстро повернулся к Тыгрене и шепотом спросил:

— Здесь?!

Поднялась меховая занавеска, и в пологе показалась голова шамана Корauge с пожелтевшим лицом.

— Ты приехал, Чарли? — послышался его дребезжащий голос.

Алитет сказал:

— Ступай к себе спать! Все равно помочь не приходит от тебя. Ступай!

Корauge растерянно взялся дрожащей рукой за свою бороденку и, уставившись на сына, сказал:

— Ты непочтительным становишься, Чарли.

— Я устал. Я очень устал.— Алитет махнул рукой.— Иди спи.

Корauge с шипением скрылся из полога.

— Чарли,— сказала Тыгрена.— Скажи ему, чтобы он никогда не заходил в мой полог. Плохо будет, Чарли, если он станет ходить ко мне.

Алитет промолчал,— это означало, что он согласен с Тыгреной.

Она подвесила чайник над жирником и принялась дробить мерзлое оленье мясо.

— Много дум скопилось в голове,— сказал Алитет.— Разных дум... Убери мясо. Я не хочу есть...

Тыгрена насторожилась, и вдруг тревога охватила ее.

Сверкая глазами, Алитет приблизился к ней и тихо, злобно прошептал:

— Я пойду к нему и убью его.

— Ты хочешь убить Ваамчо? — спросила Тыгрена.

— Очень сильно хочу. Мешает он мне, этот безумец.

С необычайным спокойствием, скрывая свое волнение, Тыгрена спросила:

— Ты чем хочешь убить его? Ножом или ружьем?

— Я задушу его руками.

Тыгрена молча достала кирпичный чай и, отковыривая ножом кусочки, стала бросать их в чайник. С тем же спокойствием она сказала:

— Чарли, если ты задушишь Ваамчо, тебя убьет учитель. Он в большой дружбе с ним. Учитель — сильный человек... И кто тогда соберет твоих оленей во многих стадах чаучу?

Алитет набил трубку, закурил.

— Ты думаешь, не надо убивать Ваамчо? — глотнув дым, спросил он.

— Не надо. Русские начнут охотиться за тобой, если ты даже нынче ночью убежишь в горы. Их много появилось на побережье, этих русских. Ваамчо — их большой приятель. И сам он стал другим, перестал быть робким.

— Откуда взялась у него сила? — спросил Алитет.

— Не знаю. Пожалуй, от русских. Они пригнали ему вельбот для охоты на моржей. Научили его злить железный мотор. Каждый день около школы Ваамчо дергает мотор за ремешок. Мотор выпускает дым, злится, фырчит и шумит. А в середине у него огонь.

Мотор будет возить вельбот на охоте. Этот мотор пригнал вельбот сюда от самого мыса Чукотского Носа.

Алитет насторожено слушал рассказ Тыгрены.

— А где он, этот мотор? — спросил он.

— Его взаперти держат, в школе. А вельбот на берегу, против яранги Ваамчо.

Тыгрена налила ему кружку чая.

— Пей, — сказала она.

Алитет отодвинул кружку и, возбужденный, со злостью в глазах, вылез из полога.

— Тыгрена, — послышался его голос из сенок, — засвети огонь. Темно здесь.

Светя горящей лучинкой, Тыгрена тревожно спросила:

— Чарли, ты куда?

Алитет взял американский топор с длинной ручкой.

— Ты хочешь Ваамчо убить топором? — спросила Тыгрена.

Не ответив, Алитет скрылся в темноте.

Тыгрена быстро оделась, побежала к яранге Ваамчо, остановилась, но из полога слышалось только сонное дыханье людей.

Тыгрена подумала:

«Его здесь нет. Наверное, Алитет пошел к вельботу».

Она нырнула в полог Ваамчо, ощупью нашла его и, растолкав, тихо сказала:

— Ваамчо, Алитет пошел к вельботу с топором.

Алек проснулась, зажгла огонь. Ваамчо уже сидел на своей постели и быстро надевал торбаз, не попадая в него ногой.

— Иди, скажи учителю, — сказала Тыгрена.

Сквозьочные облака кое-где пробивались звезды. Как большой гранитный валун, из тьмы выступал школьный дом.

Ваамчо бежал мимо школы, прямо к берегу. Алитет сидел верхом на киле вельбота с топором в руках.

Увидев Ваамчо, Алитет вздрогнул, топор вывалился из рук и с шумом скатился по днищу вельбота. Ваамчо схватил его за длинную ручку и громко спросил:

— Ты зачем пришел сюда с топором, ночной человек?

Алитет продолжал молча сидеть на вельботе.

Не дождавшись ответа, Ваамчо бросил топор и столкнул Алитета с вельбота. Алитет свалился, тут же поднялся, и они, разделенные вельботом, оказались друг против друга.

— Сколько женщин осталось без мужей, которых ты утопил! — сказал Ваамчо. — Теперь ты хочешь, чтобы они умерли с голода без вельбота!

— Не вызывай дух умерших, — проговорил Алитет и, помолчав, добавил: — Это крепкий вельбот. Я пришел изрубить его и не мог. Жалко стало. Топор не послушался. Пожалуй, он лучше моего затонувшего... Кружится голова у меня. Отдай топор — и я пойду к себе.

В пологе Алитет долго не мог успокоиться. Задумавшись, он пил чай.

— За свой вельбот я много заплатил американу. Откуда Ваамчо возьмет плату за этот вельбот? — спросил он Тыгрену.

— Говорят, все будут платить. Вся артель.

Алитет криво усмехнулся:

— Не болтай зря. Или у женщин-вдов найдется плата? Или ты не знаешь, что в их ярангах валяются одни гнилые олени шкурки? До них таньги не большие любители, они любят песцовые. Не разузнали об этом еще русские. Пойди к учителю и расскажи ему об этом. Только от меня они могут получить хорошую плату.

— Я не пойду к нему. Язык не послушается говорить с русским, — ответила Тыгрена.

— И у меня не послушается, — довольно согласился Алитет.

— Слух есть: пять зим будут платить за вельбот, понемножку. Шкурками моржа, бивнями, бумажками-рублями.

— Эти русские совсем не понимают толк в песцах. За такой хороший вельбот я много отдал бы песцов! Браун никогда не сменял бы его на одни моржовые шкуры. Он понимает.

Тыгрена, вспомнив Брауна, сказала:

— Наверное, он обманщик, этот Браун. Глаза у него плохие. Пожалуй, не привезет тебе товар. Когда они пили огненную воду, я все время следила за американами. Вот увидишь, обманут они. Не привезут товар.

— Замолчи! — крикнул Алитет. — Ты слишком болтлива стала. Женщине дай только волю, она много наговорит вздора.

Тыгрена замолчала и, повернувшись к жирнику, стала поправлять огонь.

Алитет потянулся на шкурах, тяжко вздохнул и сказал:

— Надо уходить в горы... Глаза здесь устанут смотреть на русских... и на эту артель... Топориков много есть, но без спирта они дешевыми будут... Я сам сделаю спирт.

Тыгрена удивленно смотрела на Алитета. Ей показалось, что он начинает сходить с ума.

— Что ты уставилась на меня, как сова на зайца? — сердито сказал Алитет.

— А ты можешь сделать спирт? — спросила Тыгрена.

— Могу. Надо развести жидкую муку, закрыть ее теплыми шкурами, потом поставить на огонь, и по стволу от винчестера потечет огненная вода. Муки нет. Русский купец больше одного пудовичка не дает мне. Дурной он. Как будто ему совсем не нужны мои песцовые шкурки. Бумажки-рубли давал мне за них.

Наступило утро, а Алитет все думал и думал. Он крикнул Наргинаут:

— Сходи к соседям и обменяй одного песца на один пудовичок муки. У них глаза вылезут от радости, и они обменяют все свои запасы муки. Русский за одного песца дает четыре пудовичка, а я отдаю за один.

Наргинаут ушла. Алитет наелся тюленьего мяса и лег спать. Он спал беспокойно и недолго. Пришла Наргинаут.

— Чарли, муки нет. Один мешочек выменяла у Гуматугиной жены, но учитель не велел ей брать своего песца. И муку взяла она обратно. Учитель сказал:

«Поезжайте сами в торговую ярангу, у вас есть собаки». Она послушалась его, Чарли.

— Меркичкин! — выругался Алитет.

Нахмутив лоб, он задумался.

— Тогда пусти слух, что Чарли за один мешочек муки отдает одну собаку,— сказал Алитет.— За двенадцать мешочков отдам целую упряжку собак. Все равно их много. Корм только съедают.

Наргинаут ушла, и слух, пущенный ею, немедленно проник в каждую ярангу.

Ваамчо тут же побежал к учителю. Выслушав новости, Дворкин сказал:

— Пожалуй, Ваамчо, надо завести тебе хорошую упряжку.

— Да, да. Надо,— твердил Ваамчо.— Ой, как надо хорошую упряженку! Быстро можно ездить. Только муки у меня четыре мешочка, а нужно двенадцать.

— Хорошо, Ваамчо, я дам тебе восемь мешочков своей муки. Потом ты мне вернешь.

— Да, да. Я верну тебе. Есть у меня песцы и рубли-бумажки. Быстро поеду к Русакову.

— Хорошо, Ваамчо. Покупай у него собак. Это же не дорого?

Ваамчо лукаво подмигнул и тихо сказал:

— Совсем даром. Он, наверное, с ума сходит. Русаков за одного песца дает четыре мешочка. А собака стоит пять песцов. У него все хорошие собаки.

— Иди, Ваамчо! Покупай! — твердо сказал Дворкин.

Добежав до своей яранги, Ваамчо оперся о косяк наружной двери и стал разглядывать небо, будто только оно интересовало его.

Посматривая в торосы моря, около своей яранги стоял Алитет.

— Чарли! — не выдержав, вдруг крикнул Ваамчо.— Ты хочешь обменять упряженку на муку?

— Да,— ответил Алитет.

— Правда, у меня и свои собаки есть, но, если ты хочешь, я дам тебе двенадцать мешочков. Только за хороших собак.

Лицо Алитета передернулось, и он крикнул:

— Безумец! Разве когда-нибудь ты видел у меня плохую собаку? Возьмешь упряжку, на которой вернется Гой-Гой.

— На эту упряжку я, пожалуй, сменяю. Я поеду встретить Гой-Гоя.

— Муку сначала принеси.

Ваамчо быстро положил в нарту двенадцать мешочеков, запряг своих собак, по пути свалил муку у яранги Алитета и помчался встречать Гой-Гоя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Все, что творилось на побережье, люди называли новой жизнью. И все это выводило Алитета из терпения. Дома он запретил говорить о новой жизни. Торговля, которой он отдавался весь, кончилась. И Алитет растерялся, не зная, что ему делать. Все товары находились только у русских. Не осталось ни одного торгующего американца. И вельбот утонул. И шкуна не пришла. Где взять товары? Эти думы сводили Алитета с ума.

Он копался около нарты и с тоской укладывал на нее топорики и огненную воду — самогонку, разлитую в моржовые мочевые пузыри. Правда, это были хорошие товары, но ведь в нарте нет ни ружей, ни патронов, ни табаку, ни бус, ни жевательной серы. Не было иголок, наперстков, гребешков, колокольчиков.

Алитет увязал нарту, постоял над ней и, задумавшись, пошел в полог.

— Тыгрена,— сказал он,— пожалуй, надо надеть матерчатую рубашку: все-таки буду походить на американца. Товаров мало в нарте. Совсем мало. Одни топорики.

Алитет взял рубашку и неохотно надел ее.

В кармане рубашки зашелестела бумажка мистера Брауна — Тэки-Черного Жука.

Алитет вытащил бумажку, осторожно развернул и тупо уставился на нее.

— Вот она! — потряхивая ею в воздухе, сказал он Тыгрене.— В ней много товаров. Летом Браун приве-

зет. Он знает, куда привезти,— я ему указал место. Никто не увидит.

Тыгrena промолчала.

Засунув бумажку в кармашек, Алитет оделся подорожному и выехал в горы, к своему приятелю оленеводу Эчавто.

Старик Эчавто кочевал все в тех же местах, что и в прошлые два года. Но жизнь в его стойбищах тоже чуть было не нарушилась. Слухи о какой-то новой жизни стали проникать и в горы. Потом вслед за слухами приехал русский и разговаривал с пастухами. Эчавто не стал вести пустой разговор с ним. Русский не был торгующим человеком. Эчавто не о чем с ним разговаривать. Пусть с пастухами говорит. А когда Эчавто узнал, что хозяином его стойбища назначены три пастуха, прозванные родовым советом, он рассмеялся.

После отъезда русского он вызвал этих трех пастухов и сказал:

— Запрягите мне белых быстроногих оленей. В стадо мне ехать надо.

Подвели оленей. Эчавто сел на нарту, взялся за вожжи и сказал:

— Вот вы, родовой совет, бегите за мной в стадо.

Он хлестнул вожжами оленей, и они, сорвавшись с места, понеслись по крепкому насту, от копыт оленей взлетали комья снега. Три пастуха во весь дух бежали за ним.

И когда они прибежали в стадо, Эчавто в легкой пестрой кухлянке, подпоясанной ремешком, уже похаживал, разглядывая выпасающихся оленей. Они рассыпались у подножья горы, и глаз не мог охватить все стадо: так много было здесь оленей.

— Подойдите ко мне! — визгливо крикнул Эчавто.

Пастухи подошли и, задыхаясь от усталости, сели у его ног на снег.

— У тебя сколько оленей своих? — спросил Эчавто самого старшего пастуха.

— Двадцать, — ответил пастух.

— А у тебя? — обратился он ко второму.

— Только восемь. Мало еще.

— А у тебя сколько?

— Одиннадцать,— ответил третий.

— Ага-а! — протянул Эчавто.— Много развелось у вас оленей. Первый раз, когда вы пришли ко мне, у вас ничего не было... Отбейте своих оленей и уходите из моего стойбища. Отдельно живите. Мне не нужен родовой совет.

Пастухи переглянулись.

— Эчавто,— робко сказал пастух, у которого было только восемь оленей,— как будем жить? И яранг нет, и нарт нет, и ездовых оленей нет. Как будем кочевать? На берег придется уходить, к мышеедам.

— Пропадем мы, Эчавто,— сказал другой.

— У меня еще много пастухов есть,— и Эчавто одернул штаны.— Живо отбивайте своих оленей.

Пастухи молча стояли, опустив головы.

— Ну-ну, живо! — вскрикнул он.

Когда в стойбище приехал Алитет, Эчавто лежал в пологе и тянул из бутылочки спирт.

— Чарли приехал? — нараспев спросил Эчавто.

Алитет с удивлением посмотрел на старика: откуда у него огненная вода? Он разделся и, одернув рубашку, изумленно спросил:

— Ты знаешь, что я Чарли?

— Идут в тундру всякие слухи,— тоненько произнес Эчавто.

Женщины молча смотрели на Чарли-Алитета.

— Товаров много привез,— сказал Алитет.— Кейпа,— обратился он к одной из жен Эчавто,— принеси-ка один топорик из нарты.

Кейпа мигом скрылась из полога и тут же вернулась с топориком, который Алитет заранее положил наверху нарты.

Эчавто повертел топорик перед носом, словно обнюхивая его, и весело сказал:

— Хороший топорик!

— Много привез я их,— сказал с подчеркнутой гордостью Алитет.

— Еще какие товары привез?

Алитет закурил, проглотил дым и, слегка покашляв, ответил:

— Крепкую огненную воду привез. Кейпа, принеси-ка с моей наrtle маленький моржовый пузырь. Он сверху лежит.

Эчавто придинулся к Алитету и пощупал матерчатую рубашку.

— Ты таньгом стал,— сказал он.

— Да! Американом! — важно произнес Алитет.

— Американов, говорят, нет на берегу. Слух такой пришел в тундру. Русские понаехали. И ко мне приезжал один. Пустой разговор вел. Одни слова возит. Родовой совет сделал у меня. Три пастуха. Прогнал я их. Теперь ни один хозяин их не возьмет.

— Куда они пошли, эти пастухи? — насторожился Алитет.

— К морю покочевали. Пешком покочевали.

Кейпа давно уже стояла с пузырем в руках, прислушиваясь к разговору.

Алитет взял у нее пузырь и, показывая его Эчавто, сказал:

— Вот огненная вода. Очень хорошая. Совсем не мерзнет.

— Хе-хе-хе, что-то я не видал, чтобы в такой посуде возили огненную воду,— насмешливо сказал Эчавто.

— Эта посуда для кочевой жизни, не бьется.

— Только теперь у меня у самого есть огненная вода. Много огненной воды.

— Откуда? — спросил Алитет.

— Хе-хе,— начал старик,— на Горячих ключах американ объявился. Ник зовут его.

— Он торгующий человек? — перебил его Алитет.

— Нет. В речках что-то ищет да в камнях. Товаров у него нет. Одна огненная вода. Раньше на лето приезжал, теперь на зиму остался. Лодка испортилась у него. На Горячих ключах я ему ярангу поставил, мясо посыплю. Оленей даю ему ездить. Любит смотреть нашу землю. Речки, горы рисует на бумажке. Он дает мне огненную воду.

Алитет, пораженный этой новостью, напряженно вслушивался в рассказ Эчавто. Но, придя в себя, он налил кружку самогонки из пузыря, сказал:

— Попробуй моей, приятель.

Эчавто не отказался. Он придинулся к кружке, выпил и, облизывая свои влажные губы, проговорил:

— Хорошая огненная вода... А еще какие товары привез?

Алитет замялся. Стыдно было сказать, что товаров больше нет. Выпив свою кружку, он с чувством горечи ответил:

— Все американцы за товарами уехали. Летом привезут.

— А-га-га! — и Эчавто с открытым ртом, притворившись дурачком, в упор смотрел на Алитета.

Алитет смущенно отвернулся и стал наливать самогонку в кружки. Они выпили еще.

— Эчавто, — сказал Алитет, — пора мне собирать своих оленей. Кочевать хочется.

— Кочуй, кочуй.

— Пожалуй, я догоню трех пастухов и возьму их для своего отдельного стада? А?

— Они рады будут жить и в твоем стаде. Все-таки лучше у тебя, чем съедать своих последних оленей. Возьми, возьми. Они теперь, пожалуй, не захотят в родовой совет.

— Я им головы разобью о камень, если они опять захотят в родовой совет, — и Алитет налил в чашки огненную воду.

— Постой, постой, — перебил его Эчавто. — Не надо много пить. Все равно товаров у тебя нет. Я теперь понемногу пью. Целая железная бочка огненной воды, — вот она, — и Эчавто ползком направился в угол. Он сдернул оленьи шкуры, показался трехведерный бочонок. — Еще больше половины есть. Вот столько, — и, оскалив зубы, Эчавто радостно прочертил по железу жестким ногтем.

У Алитета от зависти перехватило дыхание. Он сидел и молча смотрел на своего приятеля, не зная, что сказать.

— Товаров у тебя нет, одной огненной водой не развеселишь сердце.

— Топорики есть, — глухо сказал Алитет. — Много. Полная нарта.

— Хе-хе-хе! Мне хватит десяти топориков. По одному на каждое стадо,— сказал Эчавто и, взглянув на топорик, добавил: — Хорошие топорики. Можно еще десяток прибавить. Песчишки у меня есть. Все шкурки отдам тебе за топорики.

— Песцовые шкурки мне не нужны. Мне надо живых оленей.

— Хе-хе-хе! Разлюбил, что ли, песчишек? А у меня их скопилось много. Все собирал для тебя.

— Кочевать хочется, Эчавто. Надоело жить на берегу, а стадо все еще маловато.

— Хе-хе-хе! Кочевать хочется? Ну, ладно. Все-таки ты мой приятель. За двадцать топориков я дам тебе оленей десять раз по двадцать.

Они договорились об отборе оленей, выпасавшихся в стадах Эчавто, и Алитет помчался догонять трех пастухов, чтобы взять их в свое новое стадо.

Едва он скрылся за горой, как в стойбище въехало восемь нарт, груженных разными товарами. Это заледеневший пушной факторией Русаков прибыл с развозным торгом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Под толстым слоем льда глухо шумела Амгуэма. Она несла свои воды по каменистому руслу от Анадырского хребта в Ледовитый океан. Извиваясь в просторных долинах и тесных ущельях, сдавленных высокими горами, Амгуэма протянулась на сотни километров. Неисчислимymi притоками и ручьями разорваны ее берега. Огромный бассейн реки с его обильными сочными ягельниками был излюбленным местом крупных оленеводов. Здесь в полудиком состоянии выпадали десятки тысяч оленей.

Ползучий ивняк, карликовый березняк, ольховник — вся эта северная древесная растительность до самого лета исчезала под снегом. Лишь на склонах гор, там, где буйные ветры сносили снежный пласт, виднелись одинокие стволы деревьев, обглоданные зайцами.

Белое низкое небо сливалось с глубокими снегами,

и все живое терялось в этом просторе, как в безграничной вселенной. Места эти казались пустынными, безжизненными. Лишь изредка вспархивали белые как снег куропатки и мгновенно исчезали.

По льду реки бесшумно неслись снежинки, ветер сметал их, и прозрачный, чистый лед блестел, как Млечный путь.

Алитет мчался вниз по реке, слегка притормаживая нарту железным наконечником остола. На льду позади него оставалась длинная черта, по которой можно узнать, что здесь проехал человек.

Молчаливо стояли каменные выступы скал, резко выделяясь своей чернотой в этой белоснежной тундре.

Вдруг Алитет сильно затормозил, оставляя остолом на льду глубокую черту. Цепляясь когтями и скользя по льду, собаки остановились.

Алитет взял винчестер, стал всматриваться в камни. Вверху, по каменным выступам отвесной скалы, скакал горный баран. Он делал такие удивительные прыжки, что Алитет залюбовался им и следил за бараном, не поднимая ружья. Алитет выстрелил, и баран на мгновенье словно застыл. Казалось, он повис в воздухе, но в следующий миг баран стремительно полетел вниз, задевая за выступы камней и отскакивая от них. Он будто и мертвый продолжал скакать. Вдруг он зацепился крепкими кольцеобразными рогами за острый выступ камня и повис, слегка раскачиваясь в воздухе.

Алитет вложил в винчестер восемь патронов и стал отстреливать бараны рога. Он выпустил все патроны, но баран так и остался висеть неподвижно.

— Пусть ветер сорвет его,— проговорил Алитет и пошел к нарте; он сел на нее, искоса поглядывая на тушу барана.

«Любят американцы это мясо. Больше оленевого мяса любят»,— подумал он и взялся за новую пачку патронов.

Он долго вертел ее в руках и размышлял. Жалко было тратить эти патроны, и все же, зарядив винчестер, он опять прицелился и выпустил разрывную пулю. Баран оторвался, а вслед за ним и камни посыпа-

лись к ногам Алитета. Он отскочил в сторону и, когда шум и грохот прекратился, подошел к туше. Осмотрев излом рога, Алитет взялся за оставшийся рог и поволок тушу к нарте.

«Я подарю его американу Нику и куплю у него всю огненную воду. Пусть не останется ни капли огненной воды для Эчавто», — мелькнула мысль у Алитета.

Думы об американе Нике не покидали его. Алитет так стремился встретиться с ним, что забыл даже о пастухах, которых хотел догнать. В душе его затеплилась надежда на улучшение своей расстроенной жизни. Алитет гаркнул на собак, и они стремглав понеслись по чистому льду вниз по реке. На поворотах нарту бросало к берегам, и, чтобы она не разбилась об острые камни, торчащие из-под снега, Алитет отталкивался ногами, рискуя сломать их.

Вскоре он услышал грохот водопада, разносившийся по молчаливой тундре. Собаки, вздернув уши, насторожились. Алитет не любил это место, относясь с суеверным страхом к не замерзающему даже в сильные морозы водопаду. Он свернулся собак на склон горы и с высоты увидел, как вода с ревом вырывалась из-под ледяного покрова и, стремительно закручиваясь валом, падала вниз. Здесь река была живой и буйной. Две скалы сдавили ее, но река вырывалась из-под ледяного покрова и падала, широко разливаясь по долине. Наслед растекался, образуя корку бледнозеленого льда.

За долгую зиму здесь нарастили ледяные горы, и казалось, что никакое солнце не может растопить их. Но разрушительная сила половодья поднимала всю эту массу льда, ломала его и выносила в океан.

Люди считали это место пристанищем злых духов. Объезжая его, Алитет тихо покрикивал на собак. Он повернулся к Горячим ключам, где, так же как и у водопада, обитали злые духи.

Алитет никогда не заехал бы в это место, если бы не сильное желание встретиться с американом Ником, жившим на этих ключах.

Он гнал собак всю ночь, стремясь скорей увидеть американца.

Лишь к утру Алитет заметил вдали клубы пара над землей. Гремя кольцами о стола, он крикнул на собак и пустил их во весь дух.

Вскоре он увидел одинокую ярангу, черневшую, как валун, на фоне снежной белизны. Здесь, в этой белой пустыне, и жил мистер Ник в полном одиночестве, не считая единственного друга — Томи, коричневого пуделя.

Яранга стояла под склоном горы на самых ключах. Их было здесь до тридцати, ключей. Они были из-под земли и стекали в реку.

Около самого большого ключа образовался снежный грот высотой более десяти метров. Пурга наносила сюда снег, и от действия паров он затвердевал. С потолка грандиозной пещеры падали крупные капли воды. Каменистое дно пещеры, покрытое зеленою пленью, омывалось ручейками горячей воды.

На дне пещеры было углубление, выложенное бульжными камнями, служившее ванной для мистера Ника. Сюда он подвел холодную воду через пожарный шланг. Температура ключей достигала девяноста четырех градусов по Цельсию, и дощий американец полностью использовал их тепловую энергию для своих потребностей. В ключе он варил кофе, оленье мясо. Завернув в марлю рис, он опускал его в ключ и вынимал через короткое время кашу, в которую оставалось положить соль и масло. В яранге, построенной пастухами Эчавто, стоял меховой полог. Внутри этот полог был дважды опоясан пожарным шлангом, по которому беспрерывно циркулировала горячая вода.

Когда подбежала упряжка Алитета, перепуганный насмерть коричневый пудель с визгом бросился в пещеру, где в ванне по самые плечи сидел мистер Ник, покрыв голову теплым махровым полотенцем. Пудель, потеряв рассудок, прыгнул прямо на грудь своему хозяину.

— Хэлл-о-о-о! Какой чорт так напугал моего друга Томи?! — крикнул мистер Ник.

Услышав человеческий голос, Алитет насторожился и с винчестером в руках неуверенной походкой двинулся к пещере.

— Эй, ты! Брось винчестер! Положи его рядом с моим.

Алитет молча и покорно опустил на камни свое ружье. Мистер Ник продолжал сидеть в ванне, поддерживая руками пуделя на поверхности воды. Он сидел до тех пор, пока не истекло время, назначенное для принятия ванны.

Алитет молча смотрел на этого удивительного американца.

Потом мистер Ник поднялся из воды и, неся мокрого пуделя в руках, ступая по обзеленевшим камням, вышел на берег. Он бросил пуделя наземь, быстро накинул на себя мохнатый халат, затем пыжиковую доху и, пробегая мимо Алитета, крикнул:

— Беги за мной!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В пологе мистера Ника стояла походная складная кровать, складной, на треноге, стол и такой же стульчик. На меховой стенке довольно ярко светил карбидный фонарь. Из-под кровати виднелся небольшой кованый зеленый сундук. Весь пол устлан олеными шкурами. И яранга, и полог были точной копией чукотского жилища.

Войдя к себе в «дом», мистер Ник сбросил одежды и, указав Алитету место у входа, сказал:

— Садись вот здесь!

Ник принял усилиенно растирать свое мускулистое тело, раскрасневшееся от ванны. Это был человек лет тридцати пяти, с живыми, хитрыми карими глазами. Выбранные щеки отдавали синевой. Всю свою сознательную жизнь он провел на Аляске в поисках золота. Он казался нелюдимым, угрюмым и даже злым. Ник настолько привык к самым невероятным условиям жизни, что не мог уже и представить себе иного существования. На нем был отпечаток одичания и грубости... Север, постоянное одиночество были его стихией, золото — целью жизни.

Здесь, в бассейне реки Амгуэмы, он провел уже че-

тыре лета, разыскивая золотоносные месторождения. Каждую осень он уезжал на Аляску и ранней весной возвращался на своем моторном боте.

Крупные золотопромышленники, после того как «выработалась» Аляска, устремили свои помыслы на Чукотский полуостров, который, по мнению некоторых ученых, в отдаленные геологические периоды не был отделен от Аляски проливом.

Исходя из предположения, что золотоносные жилы Аляски продолжаются и на Чукотке, промышленники всячески стремились разведать и застолбить чукотские золотоносные месторождения.

Предприимчивый и опытный золотоискатель, мистер Ник, выполняя поручение компании золотопромышленников, уже несколько лет обнюхивал чукотскую землю.

И вот однажды, возвратясь в свою хижину, он обнаружил беспорядок в своем хозяйстве. Более половины банок с бензином были пусты. Не то от чрезмерной ревности, не то в поисках пищи, проказник бурый медведь не только продырявил бензиновые банки, но камнем разбил даже ящик с патронами. Видимо, блестящие патроны ему понравились, и он, играя ими, разбросал их в разные стороны. Мистер Ник долго собирал патроны, посыпая проклятья бурому медведю. Бурый медведь и заставил мистера Ника зазимовать в бассейне реки Амгуэмы.

Длинная зима, скрывшая породу в глубоких снегах, сковавшая ручьи и реки, обрекла его на бездействие. Охоту на пушного зверя он не любил, и хотя к его жилищу подбегали песцы и лисы, он ни разу не выстрелил в них. Охоту он считал не достойным настоящего золотоискателя занятием.

Изредка, когда Эчавто присыпал ему ездовых оленей, он в хорошую погоду скакал по долинам рек, по горам, изучая рельеф и приглядываясь своим наметанным глазом к местности, определяя по характеру геологического строения породы, где и что могло быть.

— О-о-о! У тебя американская рубашка! — удивленно вскрикнул мистер Ник.

Алитет свернул кухлянку комом и сел на нее. В погоде было тепло.

— Я очень люблю американского человека,— льстиво проговорил Алитет.— Моими приятелями были всегда только американцы. Я не люблю русских. Они портят наш народ, как плохой наездник своих собак.

— Довольно болтать вздор! — крикнул мистер Ник.— Мне не нравятся эти собачьи разговоры. Ты лучше расскажи, кто ты и зачем приехал ко мне.

Мистер Ник быстро оделся в синий комбинезон, закурил трубку и сел на стул, закинув ногу на ногу.

— Я — Чарли,— тихо сказал Алитет.— Меня зовут Чарли.

— Ого! Чарли! — рассмеялся Ник.

— Я долго торговал пушниной. Теперь русские не дают мне торговать. Я знаю всю тундру от самого мыса Пэек и до Чукотского Носа. Они худое делают для кочевого народа.

— Правильно делают. Никчесное занятие торговля пушниной. Надо искать золото.

Мистер Ник открыл сундук и взял горсть золотого песку. Медленно пересыпая его из руки в руку, он сказал:

— Вот что надо искать! Это — благородное занятие. Не то что торговля жалким шкурьем. Понял?

Алитет молча и равнодушно смотрел на золотой песок и не находил, что сказать этому американцу.

— Ты говоришь, знаешь всю тундру? А такие штуки ты встречал когда-нибудь на дне ручьев? — спросил Ник и бросил золотой камешек в руки Алитета.

— Встречал,— ответил Алитет, разглядывая золотой самородок.— Но не собирал эти камни. Они не нужны мне.

— А где ты их видел? — живо спросил Ник.

— В притоках реки Кувэт.

Мистер Ник торопливо развернул карту, разложил ее на столе и, подозвав Алитета, спросил:

— Где эта река Кувэт?

Алитет долго смотрел, согнувшись над картой, и сказал:

— Нет здесь реки Кувэт. А это что?

— Амгуэма со всеми ее притоками.

Алитет отрицательно закивал головой и сказал:

— Неправильная Амгуэма. И притоки неправильные.

— Неправильная? Поправь. На тебе карандаш.

— Я не умею здесь поправлять. Пойдем на снег.

Они вышли за ярангу, и Алитет осталом стал чертить на снегу весь бассейн реки Амгуэмы.

— А вот здесь река Кувэт,— и Алитет, шагая на цыпочках, чтобы не портить снега, повел длинную и извилистую черту.

— Олл рейт! — изумленно вскрикнул мистер Ник.— В твоей голове есть мозги.

И он тут же стал переносить на бумагу все, что Алитет начертил на снегу. Они вернулись в хижину, и мистер Ник, вытащив бутылку спирта, поставил ее на стол.

— Ты деловой человек. Я хочу угостить тебя. Сядь на этот стул,— и хозяин присел на кровать.

Они разговаривали о красном железе, валявшемся в руслах рек и ручейков, о том, не согласится ли Алитет на веслах доставить мистера Ника на американский остров, так как мотор остался без бензина.

Не успели они выпить по кружке огненной воды, как собачий визг привлек их внимание. Они выбежали и увидели, как собаки Алигета рвали коричневого пуделя. Он истошно визжал. Мистер Ник бросился на помощь Томи в свору алигетовских собак. И сам Алитет принялся колотить осталом псов.

Истекающий кровью Томи скулил и жалостливо посматривал на своего хозяина, а тот, прижав его к груди, озлобленно кричал:

— Год дэм! Если Томи сегодня ночью умрет, я перестреляю твоих поганных собак! Всех до одной!

Алитет молча и с недоумением смотрел на Ника. Неразумно кричал американ: или он не знает, что собаки не виноваты, если им попалась эта беспомощная и неизвестно зачем живущая собачонка! Алитет с омерзением посмотрел на коричневого пуделя.

Алитет молча пошел в ярангу, где лежала его кухлянка. На ходу одеваясь и ни слова не говоря, он направился к своей нарте:

— Постой, постой! Куда ты? — закричал Ник. — Может случиться, что Томи и не умрет. Мы еще не выпили огненной воды и не закончили разговор. Или ты не любишь огненную воду?

Алитет остановился в нерешительности.

Мистер Ник, держа одной рукой пуделя, другой взялся за пояс Алитета и потащил его к себе.

Алитет сразу невзлюбил Ника. Разве то дело, которым занимается этот американ, достойно взрослого человека? Как мальчишка, он играл камешками из красного железа, найденными на дне ручейков. И лишь огненная вода прельстила Алитета.

Войдя в полог, мистер Ник смазал раны Томи иодом, перевязал марлей и уложил его на свою подушку. Алитет молча и недовольно следил за американом. Все не нравилось здесь Алитету. И лишь после того, как они выпили по второй кружке огненной воды, Алитет заговорил:

— Торгующий человек Чарли, который жил в Лорене, был мой большой приятель. Теперь я взял его имя. И Браун мой приятель. Мы хорошо с ним торговали.

— Жулики они, эти торговцы! — крикнул Ник. — Надо искать золото, и ты будешь очень богатым человеком. Покажи мне, где находится красное золото, и ты увидишь, как ты разбогатеешь. Ты поедешь со мной в Америку, и когда ты будешь итти по улице большого города, все будут говорить: «Смотрите на него! Это очень богатый человек! Это он нашел самородок с лошадиную голову».

Алитет ничего не понял, о чем говорит Ник, и сказал:

— Налей еще огненной воды.

Выпив сразу всю кружку и закусив оленым жиром, напоминавшим сливочное масло, Алитет достал из кармана обязательство Тэки-Черного Жука и сказал:

— Смотри: это бумага Брауна. В ней много товаров

есть. Он скоро привезет их мне в ущелье Птичий Клюв.

Мистер Ник читал, и Алитет, следивший за ним, увидел, что у Ника такое же лицо, как и у Чарли-Красного Носа, когда тот смотрел эту бумажку.

Вдруг мистер Ник громко расхохотался.

— Подлец твой Браун,— сказал Ник.— Он жулик и обманщик. Эту бумажку нужно разорвать в клочки и бросить в пасть самому черту. Ты знаешь, что здесь написано? Он сукин сын, этот Браун. Его честь — ложь, обман, воровство! — гремел всерьез разгневанный мистер Ник.

Затаив дыхание, силясь понять смысл того, что говорит американ, Алитет осторожно спросил:

— А что, или плохая эта бумажка?

— Дрянь это, а не бумажка. Браун издевается над тобой. Он смеется над тобой. Он и не подумает привезти тебе товары,— и Ник подробно растолковал, что написал Браун.

Низко опустив голову, угрюмо поглядывая снизу вверх, Алитет молча ловил слова Ника.

— Расскажи еще, что говорит Браун в этой бумажке,— сказал он.

Мистер Ник, заглядывая в бумажку, стал читать, добавляя слова от себя:

— «Гуд бай, косоглазый дьявол. Ты мне основательно испортил печенку своей торговлей. Но ничего, чертяка, остатки пушнины, которую я забрал у тебя даром, поправят мои дела. Еще раз гуд бай — и на всегда. Больше никогда меня ты не увидишь». Вот что написал твой торговый друг Браун, этот мошенник и сукин сын.

Алитет давно уже протрезвел, но от злобы голова его кружилась больше, чем от спирта.

— Этого Брауна я знаю по Аляске,— продолжал Ник.— Таких мошенников свет не видывал. Да, да, я правильно говорю. Брось эту торговлю. Золото надо искать. Это — честное и благородное занятие. Наступит лето, и ты меня отвезешь на американский остров. А сейчас давай спать. Завтра поговорим о делах,— и мистер Ник разорвал бумажку.

Алитет тяжело вздыхал, расстилая на полу оленьи шкуры. Мистер Ник улегся на кровати, и вскоре погасился его могучим храпом.

Алитет лежал и не мог заснуть. Вспомнилась торговля с Брауном, разговор с Тыгреной об американцах.

«Она, пожалуй, правильно угадала, что они обманщики. А Чарли-Красный Нос? Этот приятель по же-не! Зачем он сказал мне, что бумажка хорошая? Зачем сказал, что я все по ней получу? А? Обманщик Чарли-Красный Нос! Он прикинулся хитрой лисой и путал след, забирая мою пушину. Все они такие — белые люди!»

Алитет сел на своей постели и шопотом выругался:
— Меркички!

В пологе было тихо. Слабо светил карбидный фонарь. Алитет глянул на спящего Ника и подумал:

«Белые люди. Все они обманщики. Их язык болтает ласковые слова, а голова думает об обмане»

И сердце Алитета заколотилось от бессилия отомстить Брауну и Чарли-Красному Носу, ушедшему к верхним людям.

Алитет в упор смотрел на раскинувшегося на кровати Ника. В пологе было очень тихо. Слышно было даже, как горячая вода журчала в пожарных руках. Она словно рассказывала о том, какие плохие белые люди — все, и этот спящий Ник.

«Наверное, и он задумал обмануть меня. Не-ет, я не повезу его! Хватит! Чуть не погиб, когда возил Чарли-Красного Носа. Духам не угодно, чтобы я возил американов».

И Алитет злобно посмотрел на Ника.

«А может, послать его к верхним людям? Пусть расскажет Ник Чарли-Красному Носу о моем великом гневе», — подумал Алитет и уткнулся носом в оленью шкуру. В голову полезли разные мысли.

...Вот он вскакивает, прыгает на кровать Ника. Очутившись верхом на нем, Алитет хватает его за горло. Глаза Ника широко открылись, — обезумев, он болтал руками и ногами. Они скатились на пол, опрокинув складной столик. Не выпуская горло из цепких

рук, с большим усилием Алитет опять забирается на Ника и душит его, как волк зайца.

Ник хрюпит, и сила уходит из его рук. Они разжимаются, изо рта вываливается кончик языка. Алитет долго сидит на вздрагивающем его теле, не выпуская горла из рук. Он сам тяжело дышит, посматривая на мерцающее пламя фонаря. Вздохнув, он говорит:

— Ушел американ к верхним людям.

Алитет слезает с трупа, снимает с себя американскую клетчатую рубашку и, бросив ее в угол, надевает кухлянку на голое тело. Не спеша он подпоясывается, поднимает труп и несет его из полога. Он несет его медленно, раскачиваясь из стороны в сторону. Собаки Алитета вскакивают. Но он проходит мимо упряжки и бросает труп в самый горячий ключ. Затем он возвращается в полог и видит перевязанного коричневого пуделя, жалобно смотрящего на него. Алитет с омерзением наступает ему на шею. Потом он вытаскивает из-под кровати сундук, открывает его и, опрокинув, высыпает на пол золотой песок и самородки. В пустой сундук ставит огненную воду Ника, разбивает карбидный фонарь, чтобы никогда здесь не светил огонь американца, и выходит на улицу. Привязав сундук к нарте, он мчится из этого пристанища злых духов...

Алитет испугался этих своих размышлений. Он был весь мокрый. Алитет сбросил американскую рубашку и, проводя ладонью по мускулам руки, подумал:

«Какие думы приходят в голову! Надо скорей уезжать отсюда».

Он надел кухлянку на голое тело, посмотрел на спящего Ника и потихоньку вылез из полога. Алитет сел на нарту и поехал догонять пастухов, которых прогнал Эчавто. Ему ведь нужно отбивать оленей и сгонять их в одно большое стадо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страшно. Очень страшно.

Айе видел, как Алитет занес нож над мальчиком Тыгрены — Аивамом, Тыгрена бросилась спасать сына и схватила лезвие ножа. Кровь брызнула из ее руки. Она закричала, и Айе проснулся.

В тревоге он вскочил и ощупал себя. Все еще дрожа от страха, он сел на краю постели, огляделся кругом, и облегченный вздох вырвался из его груди. «А может быть, и вся моя жизнь на этой Большой земле — тоже сон?» — подумал Айе, продолжая ощущать себя.

В полумраке он оглядел свою кровать, напомнившую ему широкую, на высоких копыльях грузовую оленью нарту. Айе долго смотрел на нее, разглядывая все эти диковинные, совсем необычные вещи.

Рядом на такой же кровати лежал Андрей Жуков, чуть-чуть всхрапывая. Айе перевел на него глаза и подумал.

«Все-таки не один я здесь. Слышно дыхание Андрея».

Да, это не тундра, где даже в пургу Айе сразу узнает местность. Там по снежным застругам видно, где север и где юг. Северные ветры располагают заструги от моря к хребтам. Там по направлению рек и ручейков человек всегда узнает, где находится. Че-

ловек там не пропадет. А вот здесь, на этой Большой земле, все загорожено высокими стенами, даже ветру негде пронестись. Тут сразу пропадешь. И Айе почувствовал полную свою зависимость от Андрея.

Айе слез с кровати, и ковер защекотал ступни его босых ног. Затаив дыхание, чтобы не разбудить своего друга Андрея, он быстро натянул носки.

Сквозь тяжелую бархатную портьеру, похожую на занавеску из моржовых шкур, отделявшую их спальню от второй комнаты, в соединениях двух половинок пробивался луч владивостокского солнца.

Осмотревшись, Айе на цыпочках прошел к занавеске и осторожно, словно подкрадываясь к зверю, немного раздвинул ее. Айе проскользнул в образовавшуюся щель, зажмурился. Свет резал глаза.

«Как в тундре весной, хоть гляделки надевай», — подумал Айе.

В большой комнате все напоминало домик ревкома. Здесь также были окна, только большие; стол, стулья, скамьи, только широкие и мягкие, будто мохом покрыты.

Айе ходил по комнате голый, в одних носках, приглядываясь к каждой вещи, которые вчера поздно вечером, когда они поселились здесь, он не успел еще как следует рассмотреть. Вон на столе стоит черный разговаривающий ящичек, Айе уже знает его! Вчера Андрей кричал в него, разговаривал с кем-то невидимым. Айе захотелось погладить этот ящичек, но, подойдя к телефону, он вдруг сказал:

— Хо-хо, он привязан веревкой!

Айе не решился тронуть его и отошел к окну.

Город шумел, и этот шум напоминал морской прибой. Айе посмотрел в окно. В бухте Золотой Рог на рейде стояло много кораблей. С высоты третьего этажа Айе смотрел вниз, где с грохотом бежал домик-трамвай, а вслед за ним в обгон мчался черный жук — автомобиль. Айе высунулся в окно, и у него сразу закружилась голова. Он долго следил за трамваем и автомобилем, пока они не скрылись из глаз.

«Вот оно какое, большое и шумное русское стойбище!» — удивился Айе.

Наконец оторвавшись от окна, он прошел по комнате и остановился у картины, висевшей на стене. На ней был изображен пожар. Длинные языки пламени охватили жилище, и, окутанные дымом, бежали люди с ружьями в руках. Война!

— Айе! — крикнул Андрей.— Ты уже встал?

— Да, да! — обрадовавшись голосу Андрея, ответил Айе и подбежал к портьере.

Андрей вышел.

— Что же ты ходишь голым?

— Тепло тут, как в пологе.

— Ну, хорошо, сейчас пойдем в ванну.

— Опять туда?

— Да, да.

— И мне итти?

— Конечно.

— Часто залезать в воду — я превращусь в тюлена,— сказал Айе.

После ванны Айе подошел к Андрею и, держа в руках галстук, спросил:

— Эту удавку опять набрасывать на шею?

— Обязательно, обязательно,— сказал Андрей.— В этом городе закон такой.

Айе нарядился и, проходя мимо большого зеркала, незаметно для Андрея показал себе язык и важно заходил по комнате. Он даже заложил руки назад, как это делал Андрей.

Айе стал неузнаваем: на нем отлично сидел темносиний костюм; волосы не торчали, привыкли уже лежать в короткой русской прическе; белая сорочка оттеняла его смуглое, несколько растерянное лицо; вместо сапог теперь на ногах были ботинки. Их принес сюда китаец, и Айе никак не мог понять: почему китаец принес ему эти ботинки? Подошвы их были твердыми, будто сделаны из дерева.

«В такой обуви не пробегать целый день за стадом»,— подумал Айе, разглядывая носки ботинок.

— Каким важным парнем ты стал, Айе! — сказал Андрей, любясь им.— Сейчас закусим и пойдем искать жену Лося. Ты, наверное, сильно захотел есть?

— Нет. Что-то я расхотел.

— Видишь эту кнопку? Вот так нажать ее — сейчас же придет сюда человек.

— Нет, не придет, — усомнился Айе.

Но в комнату бесшумно вошел китаец. Андрей запротестовал ему завтрак, и китаец, раскланиваясь, удалился.

Айе подбежал к кнопке и стал рассматривать ее.

— Смотри, смотри! Как рыбий глаз! — вскричал он и нажал кнопку.

Вошел китаец и, ожидая приказания, остановился на середине комнаты. Айе смотрел на него с удивлением.

— Ну, что тебе нужно, Айе? Говори. Ты же вызвал его, — сказал Андрей.

Айе смущился и, покачивая головой, тихо проговорил:

— Мне ничего не нужно.

Они сидели за столом, и Айе ел колбасу. Мясо было слабое для зубов, не то что моржовое, но есть его все-таки можно. Айе выпил стакан чаю и спросил:

— Андрей, можно еще чаю?

— Вон нажми «рыбий глаз» — принесут, сколько хочешь. Китаец принесет.

— Пожалуй, китай не послушается меня.

— Почему не послушается? Нажми кнопку.

И когда китаец опять вошел, Айе, набравшись храбрости, учтиво сказал:

— Чай. Можно чай?

Айе долго потом разглядывал «рыбий глаз» и восторгался им.

— Андрей, это твоя яранга? — спросил Айе.

— Нет, не моя. Это заезжий дом, Айе. Все равно как у Рынтеу. Помнишь, заезжая яранга у него была?

В дверь послышался стук. Андрей поднялся и встретил женщину.

— Андрея Михайловича Жукова можно видеть? — спросила она.

— Вот я, перед вами.

— Здравствуйте! — радостно проговорила она. — Я жена Никиты Сергеевича Лося.

— Наталья Семеновна! — вскрикнул Андрей и крепко пожал ей руку. — А мы только что собирались вас разыскивать.

— Я уже была на «Совете», и капитан Лядов сказал мне, что вчера вечером вы перебрались в гостиницу. Вы знаете, я уже час хожу около вас, думала, что вы спите еще.

— Проходите, проходите, Наталья Семеновна. Вот позвольте вам представить — Айе. Этот человек был пастухом у оленевода.

Наталья Семеновна подала Айе руку, вглядываясь в его лицо.

— Этот человек, Наталья Семеновна, нас с Никитой Сергеевичем спас от неминуемой гибели. Мы свалились с обрыва, собаки убежали, и мы остались одни в тундре. Он нам помог. Айе зовут его.

Наталья Семеновна благодарно посмотрела на Айе и молча еще раз пожала его руку.

— Айе, ты знаешь, кто это? Это жена Лося, — сказал Андрей. — Садитесь, садитесь, Наталья Семеновна.

Айе неотрывно смотрел на эту женщину, жену человека, который, по его мнению, был самым большим русским начальником. Эта белолицая женщина, крепкая, невысокого роста, трясла его руку и приветливо смотрела в глаза. На ней было белое платье, как будто кругом лежал снег и она собралась на охоту. На ногах ее смешная обувь, в которой просто невозможно стоять. Ее черные волосы пестрили сединой, но карие глаза смотрели молодо и весело. Все рассмотрел Айе в один миг.

— Ну, о чем же вас расспросить, товарищи? — сказала Наталья Семеновна. — Так много вопросов, что, право, не знаешь, с чего и начать.

— Никита Сергеевич чувствует себя превосходно, занят по горло работой, но по вас скучает. И ждет вас, Наталья Семеновна. Теперь у нас там отличный дом и очень много интересной работы. Люди какие там, Наталья Семеновна!

— Андрей Михайлович, поедемте ко мне на дачу. Я живу на «Океанской». Там у меня очень хорошо.

Лес, цветы. Походим, поговорим. Сядем на поезд и быстро будем там.

— Очень хорошо! И Айе посмотрит лес. На Чукотке ведь нет леса. Только зачем же на поезде? Сейчас закажем машину. Айе, нажми-ка «рыбий глаз».

Айе быстро подбежал к кнопке и нажал ее, не отпуская пальца. Андрей засмеялся и сказал:

— Подними палец скорей, Айе. А то там беспрерывный звонок.

Они вышли из гостиницы. У подъезда уже стоял жук-автомобиль.

Андрей открыл дверку к шоферу и сказал:

— Садись здесь, Айе, и смотри в окно.

— А ты куда? — тревожно спросил Айе.

— Мы сядем позади тебя.

— Уж лучше я с тобой рядом сяду. Я боюсь без тебя, Андрей.

— Не бойся, Айе! Что ты?!

— Все вместе сядем,— сказала Наталья Семеновна.

Машина легко тронулась, и Айе крепко вцепился руками в Андрея. Машина мчалась, как дикий олень. Из-за поворота выскоцил, стуча железом, домик-трамвай. Он несся прямо на машину. Айе вскочил и ударился головой о потолок машины. Андрей схватил его и усадил на место. Машина выбежала из города и еще быстрей понеслась по берегу Амурского залива. И казалось Айе, будто море бежит им навстречу. Глядя на залив, обрамленный горами, Айе успокоился.

Когда машина въехала в лес и они вышли из нее, Айе обошел ее кругом и подумал:

«Вот бы гоняться на ней за волками. Не убегут».

— Ну, как, товарищ Айе? Понравился вам наш Владивосток? — спросила Наталья Семеновна.

— Понравился. Но в тундре у нас лучше,— ответил Айе.— У нас тихо. Здесь шум лезет в уши, в нос — дым.

И Айе, задрав голову, стал рассматривать высокую, толстую вековую сосну.

За эти первые дни пребывания на Большой земле у Айе было так много впечатлений, что он устал удивляться всему, что видел.

На пароходах, в поездах, на автомашинах они проехали огромный путь, измерявшийся десятками тысяч километров!

И, когда они вновь вернулись во Владивосток, Айе сказал:

— Андрей, мы с тобой живем, как ветер.

Айе уже отлично говорил по-русски. Его назначили в Москве помощником Жукова — начальника строительства чукотской культурной базы. Оба они жили у Натальи Семеновны, и все трое с нетерпением ожидали начала северной навигации, чтобы скорей попасть на угрюмые, но влекущие к себе берега чукотской земли.

Андрей следил за строительством домов, заказывал школьный инвентарь, больничное оборудование и всевозможную мебель. Айе учился на старшину катера, который направлялся на Чукотку. Он уже настолько привык к городу и так хорошо ориентировался в нем, что всюду бродил один. В свободное время он заглядывал в магазины, в кинотеатр, в парки, где гуляло множество людей.

Он уже самостоятельно водил катер и называл себя капитаном маленького парохода. Этот катер был приобретен для чукотской культбазы и находился в распоряжении Жукова.

Однажды во время обеда у Натальи Семеновны Андрей предложил покататься на катере по Амурскому заливу. Айе с радостью принял это предложение. Все, что было связано с морем, его всегда радовало. Он с нетерпением ждал выходного дня.

В воскресенье к стоянке катера пришло человек десять. Здесь были строители, учителя, которые также собирались на Чукотку. Было очень весело. Айе уже подружился и с этими людьми. Он с гордостью взялся за штурвал. Катер понесся по заливу, и Айе, глядя вперед, мечтал о своем море, мечтал о том, как он будет ходить на этом катере вдоль берегов своей Чукотки. Теперь там начинается весенняя моржовая охота...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Одноглазый Лёк ходил кругом нового остова байдары. Этот остов напоминал скелет какого-то давно вымершего гигантского животного. В течение многих лет Лёк подбирал лесной материал для постройки новой байдары. Не всякий мог построить ее, а вот Лёк был искусным мастером. Нужно, чтобы байдара поднимала большой груз, была легка и устойчива в шторм. Всю зиму Лёк любовно и неторопливо сглаживал ножом малейшую неровность на шпангоутах, аккуратно просверливал дырочки, в которые должны пройти скрепляющие ремни. Длина байдары была пятнадцать шагов. Основная балка, служившая килем, сделана из березы, ее обрамляли боковые, изогнутые, сходящиеся к носу и корме балки, скрепленные аккуратно сделанными переплетами. Все это составляло днище байдары. По краям днища стояли в наклонном положении шпангоуты, обрамленные вверху бортовыми круглыми ободками. Все составные части остова байдары отделаны единственным инструментом — ножом. Было бы неверно утверждать, что при постройке байдары у Лёка не было технического расчета. Расчет был у него, не на бумаге, правда в голове.

Теперь остов был готов. Лёк ходил вокруг него с чувством большого удовлетворения и торжества. Он заходил к остову со всех сторон, приглядываясь к нему вблизи и издали.

Наконец Лёк крикнул охотников и велел принести мокрую оболочку; сшитую из новых моржовых шкур по размерам остова. Пять человек бросились к яме и быстро стали вытаскивать шкуры из воды. Взвалив на плечи, они потащили их к остову. Лёк сам расправил оболочку и сказал:

— Надевайте ее на остов.

Скелет байдары скрылся под моржовой оболочкой. Шкуры этой оболочки были сшиты особым, закрытым швом. По краям оболочки были разрезы, в которые прошли толстые моржовые ремни до самых боковых балок днища. Ремни туго натянули, и байдара приняла настоящий вид.

Лёк взял весло, размахнулся и с силой ударил по борту. Моржовая шкура загудела, как гигантский барабан.

— Натяните еще покрепче у кормы,— сказал Лёк.

Упираясь ногами, люди изо всей силы тянули ремни.

— Готово. Теперь отнесите байдару поближе к морю.

Восемь человек, подставив плечи под борта, потащили байдару, а Лёк пошел гулять, направляясь к подножию мыса. Он шел беспечно и так лениво, как будто ему совсем нечего было делать. Но у Лёка только вид был такой, на самом деле он вышел из яранги по очень важному делу.

Охотники из заовражной стороны, заметив его, всполошились и стали перебегать из яранги в ярангу, словно в стойбище пришел белый медведь. Они сразу догадались, куда и зачем пошел Лёк. Вдруг один охотник оторвался от толпы и побежал в факторию.

Запыхавшись, он сказал Анне Ивановне:

— Ай-ай, Анна! Лёк пошел узнавать, не идут ли моржи, а Русакова все нет. И охотников наших нет. Восемь человек уехали с ним в развозный торг к ко-чующим. Ай-ай! Лёк знает, когда придут моржи!

Анна, как звали ее и дети и взрослые, хорошо понимала, что волнует охотника, и успокаивающе сказала:

— Ты не волнуйся, они должны скоро вернуться. Ведь они знают, что скоро начнется моржовая охота.

— Да, да, они знают, но ведь их нет.

А сезон охоты действительно наступал. Об этом знали все, даже собаки чувствовали его и часто пробегали от яранг к берегу моря. Школьные занятия уже прекратились, так как ученики вчера еще сказали:

— Анна, хватит учиться. Скоро моржовый промысел.

И как она их ни уговаривала, чтобы они не бросали школу и что учиться еще можно до тех пор, пока охотники не уйдут в море, дети на другой день не явились на занятия. С раннего утра они уже рыскали по берегу, охотясь на уток и ловя сетками рыбу.

У всех было приподнятое настроение, и звонкие голоса детей оглашали теплый весенний воздух.

Одноглазый Лёк, как старая лисица, путающая следы, дошел до подножия мыса и, к удивлению следивших за ним охотников, не полез на камни, а сел у берега моря и стал покидывать камешки в воду.

Льды отошли от берегов; море было спокойно. Оно всегда спокойно, когда показывается почти не заходящее солнце.

Лёк долго бросал камешки, любуясь кругами на воде, и вдруг исчез. Распластавшись на животе, он, как морж на лежбище, пополз в камни, взбираясь все выше и выше на мыс.

Огромный мыс состоял из гранитных обломков самой различной величины. Они лежали беспорядочно, словно сам чорт играл здесь в свайки. Камни были черные, лишь кое-где виднелись серые пятна лишайников, неизвестно как присосавшихся к ним.

Лёк долго лез по камням, пока не взобрался на самую вершину мыса. Он подыскал камень с плоской поверхностью, нагретой солнцем, снял кухлянку и, постелив ее, растянулся лицом к морю. Отсюда, с высоты мыса, было видно далеко во все стороны. Прибрежная полоса, пересеченная мысами, уходила и в ту и в другую сторону. Вдали виднелись разреженные льды. Лёк прицелился своим глазом и определил, что льды медленно движутся с юго-востока на северо-запад.

«С этими льдами должны притти моржи», — подумал он и, вытащив кисет, стал крошить «папушу».

Не отрываясь от моря, он набил трубку и закурил.

Полдня прошло, а Лёк все лежал и лежал на камне. Он вспомнил, что не мешало бы попить чайку и закусить хотя бы тюленым мясом. Лёк собрался было уже уходить домой, как вдруг до его слуха донесся знакомый ему звук. Он встрепенулся, насторожился и, сняв шапку, присел на корточки.

Да, это отдаленный рев моржей. Их еще не видно было, но Лёк уже знал, что они лежат на льдинах парами и плывут, не затрачивая своей силы. Лёк

напряженно уставился на льды своим единственным глазом. Рев моржей все усиливался и усиливался.

Лёк кубарем свалился с гранитного обрыва и, прыгая с камня на камень, побежал к стойбищу. Спустившись к подножию мыса, Лёк опять обрел спокойствие, и когда дыхание стало ровным, он направился в свою ярангу той походкой, по которой совсем ничего нельзя узнать о настроении человека. Он шел неторопливо, рассчитав, что моржи против стойбища будут к вечеру. С важностью он прошел мимо яранги артельных охотников, спустился в овраг, вылез на свою сторону и остановился, глядя в тундру. Затем он залез на лежавший около своей яранги валун и зычно крикнул:

— Моржи-и-и-и!

Из яранг немедленно выбежали люди.

Лёк крикнул еще раз. «Моржи!» — и, забыв о чае и еде, побежал по тропинке вниз, к морю, где стояла уже наготове новая байдара. Вслед за ним ринулись охотники, таща промысловые снасти: гарпуны, воздушные пузыри, ружья, парус. Они бежали и на ходу одевались.

Лёк обошел байдару, оглядывая хорошо заделанные швы. Он размахнулся веслом и опять изо всей силы ударил по борту. Звенящий, громкий гул огласил стойбище, известив о начале моржовой охоты. Это была самая большая байдара в стойбище. Она могла поднять четырех моржей.

— Живо тащите байдару! — громко и повелительно крикнул Лёк.

Охотники спустили байдару на воду. И вот она уже плавно покачивается на поверхности моря. Охотники маленькими веслами направляли ее кормой к берегу, где в окружении мальчишек, женщин и стариков стоял Лёк. Он прыгнул в байдару, сел на корму и взялся за руль. Он сидел, подняв голову, с величественным видом важного человека. Взгляд Лёка был устремлен вперед.

Байдара отвалила. Длинные весла, мелькнув в воздухе, быстро легли в ременные уключины.

— Кухлянки долой! — громко крикнул Лёк.

Охотники разделись догола и, напрягая мускулы,

под команду Лёка: «А-ха! А-ха!» слаженно заработали веслами. Байдара скоро скрылась из виду.

Артельные охотники тоже суетились около своей байдарки. Она была маленькая, поднимала всего одного небольшого моржа. Самые опытные артельные охотники уехали с Русаковым, и теперь при спуске байдарки не было той слаженности в работе, с какой выходил в море Лёк.

Сюда же прибежала и Анна Ивановна, ругая Русакова за то, что задержал в горах людей в такой момент. Ей хотелось чем-нибудь помочь охотникам.

— Товарищи, а вы бы на вельботе поехали, ведь вот он стоит.

— Нет, он тяжелый, а моторный человек тоже с Русаковым уехал,— недовольно сказал один охотник.

Когда артельные охотники, наконец, спустили на воду свою байдару, послышались частые выстрелы: Лёк со своими охотниками уже бил моржей.

Лёк убил девять моржей. Их вытащили на плавающие льдины, которые покачивались под огромными окровавленными темнокоричневыми тушами морских зверей. Лёк распоряжался, а охотники большими кусками укладывали мясо в байдару.

— Разделайте четвертого моржа. Ничего, байдара поднимет,— уверенно и гордо сказал он.

Охотники быстро и весело точили ножи, готовясь выполнить распоряжение Лёка, а он торопил и торопил людей. До берега было километров десять, нужно успеть отвезти добычу и вернуться, чтобы забрать остальные моржовые туши.

Тяжело груженная байдара направилась к берегу и повстречалась с байдарой артельных охотников.

— Эгей! — крикнул Лёк.— Кончились моржи. Больше не видно моржей. Через три дня будут еще.

Лёк сказал правду. Основной ход моржа еще не начался. Одиночек-моржей Лёк перебил, и теперь ждать моржей можно было не ранее, как через три-четыре дня. Артельные охотники повернули обратно. Хотя их байдара была пустая, все же они не могли угнаться за байдарой Лёка. Она шла быстро: удачный промысел вселял в его гребцов силу.

Лёк быстро разгрузился и ушел за остальными тушами.

Но льдины так переместились, что, когда Лёк вернулся, уже нельзя было найти убитых моржей. До утра Лёк ходил на байдаре между льдинами, высматривая добычу. Под утро байдару окружило льдами, и Лёк велел вытащить ее на ледяное поле. Теперь самих охотников, как убитых моржей, несло на льдах на северо-запад. Лёк залез на высокий торос, осмотрелся и крикнул:

— Байдару на плечи и нести за мной!

Он пошел в направлении берега. Вслед за ним, спотыкаясь под тяжестью байдары, восемь охотников понесли ее к кромке льда.

Когда байдара скользнула в воду, Лёк сказал:

— Домой надо ехать. Жалко пять моржей. Но пусть. Убьем еще. Один морж на берегу дороже десяти в воде.

Прибыв на берег, Лёк, веселый и довольный, пошел в факторию.

— Анна,— сказал Лёк,— артельный вельбот спит, мотор спит, а я привез четыре моржа. Лёк правиль но сказал, что он много набывает моржей.

— Лёк, заходи в комнату, я тебя чаем напою крепким,— предложила Анна Ивановна.

— Пойдем, пойдем,— с улыбкой сказал Лёк.

Он прочно уселся на венском стуле и насмешливо смотрел на русскую женщину.

— Что ты на меня так смотришь, Лёк?

— Я видел, как ты провожала артельную байдару. Меня не пришла проводить. А я ведь лучший охотник,— обиженно сказал старик.

— Я не успела, Лёк. Ты очень быстро уплыл. Но ты должен помочь мясом артельным людям. У всех ведь мясо вышло.

Лёк усмехнулся, отхлебнул чай и сказал:

— Я велел отдать заовражцам две моржовые туши, а то, чего доброго, с мотором они останутся без еды.

— О, ты хороший человек, Лёк!

— Конечно, хороший,— великолдушино согласился он.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наступила весна. Русаков вернулся домой по последнему снегу. За два с половиной месяца он объехал много стойбищ и установил хорошие отношения с оленеводами. Его всюду встречали радушно, как самого желанного гостя.

По всем кочевым стойбищам шла хорошая молва о русском купце. Правда, некоторые считали Русакова глупым, потому что он не знал цены своим товарам. Он слишком много давал товаров за каждую шкурку; даже за шкуру оленя, которая совсем ничего не стоила, он платил пачку патронов и один кирпич чаю.

— О-хо! Так никто еще не торговал. Плохо только — спирту не возит.

Развозный торг Русаков организовал по своей инициативе и был очень доволен результатами своей поездки. Единственно, что вызывало у него сомнение в целесообразности торговой экспедиции,— это то, что девяносто шесть собак — упряжки восьми нарт — съели за это время более шестисот оленей.

«Ведь это же целое стадо! Это не по-хозяйски,— размышлял Русаков, возвращаясь домой.— Так можно перевесги оленей. Надо переходить на олений транспорт, который обеспечивается подножным кормом».

Русаков был не просто торговцем: он менял шкурки на товары и думал: как бы в горах организовать советскую власть? В кочевых стойбищах он видел, что родовые советы разваливались и исчезали бесследно на другой же день после того, как уезжал их организатор — ревкомовский работник. Люди в горах жили по своим законам, вели натуральное хозяйство, думали только об оленях, и всякие разговоры ревкомовцев о перестройке жизни на новых началах забывали немедленно.

Люди в горах — кочевники-оленеводы — были наиболее отсталой частью населения чукотской земли. Их кочевой образ жизни затруднял организацию советской власти. Но, несмотря на это, слух о новой жизни, о новом законе проник и сюда.

«Через торговый аппарат надо проводить здесь со-
ветизацию,— думал Русаков.— Через кооперацию
середняков-оленеводов».

Когда Русаков приехал домой, Анна Ивановна
встретила его упреками.

— Ты с ума сошел! — проговорила она.— Мор-
жовый промысел начался, а ты увез охотников
в горы.

— Моржи появились? — живо заинтересовался Ру-
саков.

— Конечно. Лёк ходит да подтрунивает над ар-
тельщиками. «Вельбот спит, мотор спит», — так и го-
ворит все время. Ты сам организовал артель и сам
же ее разрушаешь.

— Пра-а-вильно. Но ведь и в го-о-орах нужна со-
о-советская власть. Сколько там ра-а-работы!

— На берегу, среди оседлого населения, нет еще
настоящей советской власти, а ты — в горах! Вы
здесь сначала покажите, что такое советская
власть! — горячилась Анна Ивановна.

— Воюют сра-а-азу на всех участках, а не на
о-о-одном. Ко-о-операцию надо там. Наступление
везде на-а-а-адо вести сразу по всем фронтам.

— Наступление! Вон Лёк набил моржей, а ты
всю артель увез в кочевья. Их родственники хо-
дят по берегу да тебя поругивают. Вот тебе и
кооперация!

Русаков вскочил и побежал к мотористу Тэвлянкау,
подготовленному еще Осиповым. В яранге Тэвлянкау
не было. Все вернувшиеся с гор охотники, бросив со-
бак, тут же сели в байдару и ушли в море, словно
на берегу не было ни вельбота, ни мотора.

Русаков рассердился, что охотники ничего не ска-
зали о своем выходе на охоту.

— Вот что делают! Все еще смотрят на мотор как
на забаву, — сказал он, поглядывая в море.

По берегу, около самой воды, с морской капустой
в руках навстречу Русакову шел Лёк

— Здра-а-австуй, Лёк, — сказал Русаков.— А ты
почему не на о-о-охоте?

Старик лукаво усмехнулся и ответил:

— Наверное, ленивым стал Лёк.

— Не хитри, Лёк.

— Сегодня нет моржей,— покачивая головой, уже серьезно сказал он.

— А почему же а-а-артельщики ушли на охоту?

— Ха-ха! Упущенное наверстать. Артельщики поехали подбирать то, что бросил Лёк. Пять моржей вчера я бросил на льдах...

Вдруг послышался стук мотора. И-за мыса показался вельбот. Он шел, как белый лебедь в горном озере. Лёк умолк, направив на вельбот свой зоркий глаз.

Еще издали он разглядел, что в вельботе одни женщины.

Вельбот приближался быстро, хотя никто на нем не махал веслами. Равномерный звук мотора разносился по побережью.

— Это кто? — спросил Русаков.

— Пожалуй, на руле сидит Ваамчо,— удивленно сказал Лёк и быстро зашагал ближе к воде.

Мотор вдруг заглох, вельбот, развернувшись, замедлил ход и пошел на береговую стмель.

— Русаков! — крикнул с вельбота учитель Дворкин.

Русаков бросился встречать его. Дворкин прыгнул на гальку и, улыбаясь, поздоровался с ним, как с отцом. Он давно не видел русских людей.

К нему неторопливой походкой подошел Ваамчо и важно подал руку Русакову. Лёк, прищурив глаз, следил за Ваамчо.

«Хо! Трясти руку научился!» — подумал Лёк и подошел ближе к вельботу.

— Русаков, мы за бензином приехали,— весело сказал Дворкин. — Запас надо сделать перед началом промысла.

— Скоро моржи будут,— добавил Ваамчо.

Лёк посмотрел на вельбот, на женщин, сидевших в нем, и, кивнув головой, насмешливо спросил:

— Кататься вздумали?

— Нет,— серьезно ответила Уакат. — Ваамчо велел нам ехать, может, моржи встретятся, охотиться придется.

— Ого! Что-то я не видел таких смелых баб. Вы всех моржей распугаете своими широкими рукавами. Вы, наверное, спутали моржей с парнями? — и Лёк сказал такую веселую непристойность, что все женщины рассмеялись.

Подбежал Ваамчо:

— Эгей! Мой приятель Русаков зовет всех женщин чай пить. С сухарями.

Лёк скосил свой глаз в сторону Ваамчо и, полагая, что он врет, пренебрежительно спросил:

— Откуда он твой приятель? Горный баран твой приятель.

— Все русские, живущие на побережье, мои друзья. Так мне говорил учитель,— задорно сказал Ваамчо.

— И Лось твой приятель?

— Конечно! — Ваамчо гордо поднял голову и пошел с женщинами к фактории.

Хотя Лёк и слыл на побережье великим ловцом и мастером по байдарам, которого уважали все охотники, Ваамчо изменил свое мнение о нем. Этому обстоятельству способствовал один разговор, как-то произошедший у Ваамчо с Алитетом.

Алитет сказал, что Лёк — его дружок, потому что он, подобно вожаку в упряжке, знает дорогу жизни. Без Лёка и без Алитета люди пропадут. Ваамчо не понравилось хвастовство Алитета, он рассердился и сказал тогда: «Не пропадут. Мы сами найдем дорогу и без тебя и без Лёка — твоего дружка». Поэтому Ваамчо теперь при встрече с Лёком и обошелся с ним так непочтительно.

Лёк стоял на берегу и неодобрительно смотрел вслед Ваамчо. Затем он резко повернулся к вельботу и, сев на корточки, начал разглядывать его.

«Если эта лодка и за моржами так же быстро будет бегать, плохо будет Лёку,— подумал он.— Но разве Ваамчо знает жизнь так, как знает ее Лёк? Ого, таких людей, как Лёк, мало на побережье. Кто может сделать такую байдару, как я? Никто».

И он пошел к фактории.

Около склада на двух больших ящиках пили чай приехавшие женщины. Их угождала Анна Ивановна. Не доходя еще до фактории, Лёк услышал их звонкие голоса. Женщины из артели Ваамчо впервые видели белолицую, и поэтому Анна Ивановна вызывала у них веселый, добродушный смех.

На море Лёк заметил байдару заовражной артели.

«Пустая идет. С высокими бортами», — подумал Лёк и присел на выступ камня, следя за проходившей байдарой.

Тэвлянкау первым спрыгнул с байдары и, не замечая Лёка, пробежал в факторию.

Лёк узнал, что охотники вернулись только потому, что заметили проходивший вельбот Ваамчо.

Сгорая от любопытства, Лёк тоже направился к Русакову.

— Анна, где мужчины? — спросил он.

— Они в комнате.

— И Ваамчо, и Тэвлянкау?

— Все там, Лёк.

«Гм, приятели нашлись», — подумал он про Ваамчо и Тэвлянкау.

В другое время Лёк и не подумал бы пойти в эту компанию. Но теперь, утратив чувство собственного достоинства, он молча направился в дом. Так нерешительно он никогда еще не входил к Русакову.

Лёк открыл дверь и остановился, прислонившись к косяку. Приезжие и Тэвлянкау сидели за столом и пили чай, за тем же столом, за которым сидел не один раз и Лёк.

— Са-а-адись, Лёк, — предложил Русаков.

С улицы послышался крик:

— Моржи! Моржи!

Все выбежали. Люди стояли, прислушиваясь к реву огромного стада моржей. Они ревели, как десятки кораблей.

Лёк бросился бежать к своей байдаре. Его охотники уже столкнули байдару на воду, и Лёк с ходу прыгнул в нее.

Моторист Тэвлянкау побежал к своему вельботу, но Ваамчо остановил его:

— Постой, Тэвлянкау, не торопись. Всех моржей Лёк не перестреляет. Слышишь, как они ревут. Мы же не договорились.

Тэвлянкау с удивлением посмотрел на Ваамчо.

— Собрание надо устроить и вашей и нашей артели.

— Что ты, Ваамчо! — вмешался учитель. — Какое тебе собрание? Надо скорей выходить в море.

— Маленькое собрание. Может быть, вместе будем охотиться на двух вельботах. Надо женщинам рассказать.

На берегу около вельбота Ваамчо говорил о совместной охоте, и пока шел этот разговор, пока устанавливали мотор, заливали бензин и складывали снасти, в море раздались выстрелы: это Лёк уже начал охоту.

Собрание кончилось, и два вельбота устремились в море. И когда они подошли ко льдам, где происходила охота, Лёк, уже нагружившись тушами моржей, возвращался на берег. Вельботы пронеслись мимо байдары, и Лёк, сидевший на корме, встал и что-то крикнул.

Ваамчо круто развернул свой вельбот, быстро догнал Лёка и спросил:

— Что ты сказал, Лёк?

— Там остались три моих моржа!.. Возьмите их!.. Я дарю их вашей артели! — кричал Лёк.

— Мы сами набьем моржей. Нам твоих подарков не нужно,— ответил Дворкин.

Учитель стоял на носу с ружьем в руках. Женщины во все глаза смотрели, не покажется ли морж. Уакат приготовилась метнуть копье. Рука у нее твердая, и она не промахнется.

Тэвлянкау согласился на совместную охоту, если женская артель набьет моржей не меньше, чем мужская.

Вельбот Ваамчо наткнулся на маленькое стадо моржей. Они плыли, высунув из воды четыре страшных головы. Раздались сразу два выстрела — с носа и с кормы. Одновременно с выстрелом полетел и гарпун. Морж потянул за собой тюлений мешок с воздухом.

Вельбот быстро настигал уходящих моржей, и вскоре все четыре моржа висели на поплавках. Женщины, учитель и Ваамчо быстро разделяли туши.

— Давай скорей, Ваамчо, к берегу,— сказал учитель.— Один морж пойдет на буксире.

Не доходя еще до берега, вельбот догнал Лёка. Его охотники гребли изо всех сил, блестя потными темнокоричневыми спинами.

— Эгей! Лёк! Догоняй нас! — крикнул Ваамчо и показал ему кончик ремня, что означало: «Прицепляйся ко мне на буксир».

Лёк отвернулся и в знак своего возмущения подал команду прекратить греблю.

Женщины, сидя вдоль бортов, посмеивались.

Вскоре байдарку Лёка обогнал и второй вельбот, тоже груженный моржами.

Вельботные артели успели привезти моржей уже по два раза, а Лёк только что вернулся ко льдам. Потревоженные выстрелами, моржи ушли со льдов, и охота продолжалась на воде.

Лёк стоял в байдаре и следил за Тэвлянкау, вельбот которого уходил не в ту сторону, куда пошел скрывшийся в воде морж, а в противоположную от него. Тэвлянкау не был еще таким опытным охотником, как Лёк.

— Ай-ай! Какой плохой охотник! — возмущался Лёк.

Тэвлянкау, заметив вынырнувшего далеко от него моржа, развернул вельбот и быстро настиг его. Тут же открылась стрельба. Стрелял и Русаков.

В этот день охота продолжалась до самой ночи.

Промысел оказался очень удачным. Хорошо ходил вельбот! Ни одна байдара еще никогда не привозила тридцать два моржа за один день. Такого промысла еще не было здесь. Тэвлянкау, не веривший еще до сих пор в вельбот, теперь торжествовал. Он долго не вылезал из вельбота, гладил мотор и похваливал его, как умную собаку-вожака.

Даже женская артель Ваамчо добыла двадцать пять моржей. Весь берег заовражной стороны завалили мясом. Кругом оживленно сновали люди; собаки

пожирали не только кровь моржей, но получили и по большому куску мяса.

Лишь по ту сторону оврага было тихо. Здесь, на берегу, лежало всего восемь моржей. Лёк не хотел даже смотреть в заовражную сторону. Он старался стать к ней спиной, как будто там ничего примечательного и не было. Стариk болезненно переживал свое поражение и, чтобы не терзать себя, ушел с берега в ярангу.

В один день померкла слава великого ловца и искусного мастера — строителя байдар.

Лёк сидел в пологе, молча пил чай и думал о вельботе, который не давал ему теперь покоя.

«Я сделаю такой же вельбот сам... Только где возьму доски?.. И мотор, пожалуй, не сделаешь?» — размышлял он.

Он вспомнил бородатого начальника Лося, вспомнил его слова о переделке жизни, американские спички и русский табак — «папушу». «А? Вельбот? Какой вельбот! А? Бабы — и те сколько навозили моржей!.. А Тэвлянкау? Разве он охотник? Разве он лучше меня знает жизнь и повадки зверей? Мотор подвозит его к самому носу моржа! Пусть он на байдаре попробует угнаться за мной... Они веселы теперь, эти заовражцы. Пожалуй, над Лёком посмеиваются».

И стариk велел позвать к себе Тэвлянкау.

Тэвлянкау незамедлительно прибежал.

— Лёк,— сказал он,— ты хочешь получить два моржа, которые давал нашей артели? Теперь мы отдадим четыре. У тебя все-таки маловато моржей.

Лёк сердито нахмурил лоб, прищурил глаз и плонул в берестянную коробочку. Он хотел выгнать Тэвлянкау, но, сдержавшись, сказал:

— Не за этим позвал тебя,— и, подняв на него глаз, промолвил: — Спросить хочу: ты лучший охотник, чем я? А?

Тэвлянкау молчал.

— Или ты больше меня знаешь жизнь? А?

— Ты самый лучший охотник, Лёк. Об этом все люди знают. У нас только мотор очень хороший охотник,— сказал Тэвлянкау.

— Мотор? — спросил Лек. — Он хорошо охотится. Я все время следил за вами. Пожалуй, трудно угнаться за мотором.

— Лёк, когда мы торговали в кочевьях на Горячих ключах, мы в снегу нашли мотор. Американ Ник там жил. Мы ждали его два дня. Корму для собак не стало. Теперь этот мотор у Русакова в складе. Он сказал: если бы Лёк был в артели, можно мотор поставить на его байдару. Она будет ходить еще быстрее, чем вельбот. Так говорит Русаков.

Лёк привескочил. Глаз его заиграл, и он сказал:

— Пожалуй, он правильно думает. Моя байдара крепкая, легкая.

— Только и этот мотор взяла наша артель. Вот так, Лёк, — сказал Тэвлянкау.

Старик задумался. Он накрошил «папуши», закурил и решительно сказал:

— Я пойду в артель. И все мои охотники пойдут. А как ты думаешь: можно воткнуть мотор в мою байдару? Ведь в вельботе колодец сделан для мотора.

— Русаков сказал, что мотор можно подвесить сзади кормы твоей байдары. Говорит, очень хорошо пойдет. Там нужно прибить большими гвоздями толстую доску.

— Нет. Гвоздями нельзя. Ремнями я ее прочно привяжу.

Тэвлянкау был очень рад, что Лёк захотел присоединиться к артели. Все знали, что Лёк — самый опытный охотник в стойбище. И то, что старик решил итти по трёпинке новой жизни, его бесконечно обрадовало. Всем было ясно, что артель нуждалась в совете такого человека. Тэвлянкау весело сказал:

— Пойдем, Лёк, к Русакову.

— Не, не, подожди. Ты моторный человек?

— Да! — гордо ответил Тэвлянкау.

— А председателем артели я буду сам. Вот, — сказал Лёк. — Потому что ты молодой и мне нельзя слушаться тебя.

— Хорошо, Лёк, я согласен. Только собрание надо сделать. Новый закон такой. Собрание меня выбирало. Теперь пусть тебя выберут.

— Не надо собрания: Зачем выбирать? Разве люди не знают, какой я великий ловец? Ты скажи им, что я буду председателем артели.

— Лёк, ты сам скажешь им об этом. Они все захотят выбрать тебя председателем.

Старик подумал и сказал:

— Пусть будет собрание. Только баб энмакайских не пускай. Не дело путаться женщинам с мужчинами на охоте.— И, помолчав, Лёк добавил:— Если ты говоришь правду, что мотор будет быстро возить мою байдару, мы будем охотиться так: я возьму из твоей артели лучших стрелков и гарпунщиков, а своих, тех, которые похуже, отдам на твой вельбот. Я буду бить моржей, а ты на своем вельботе возить их на берег. Он тяжелый, твой вельбот, к нему можно еще пристегнуть маленькую байдару на буксир.

— Очень хорошо, Лёк, очень хорошо! — радостно подтверждал Тэвлянкау.

— Ступай, зови людей на собрание,— распорядился Лёк.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Инженер Дягилев, предполагая провести в горах только лето, остался и на зиму. Привычный к полевой жизни, он кочевал от стойбища к стойбищу, работая над топографией местности на этом огромном белом пятне. Он готовил схематическую геологическую карту. Он ставил перед собой узкую цель: дать предварительные материалы для предстоящих экспедиций, которые проведут инструментальные съемки. Оленеводы охотно доставляли его в любой пункт, так как Дягилев каждый раз писал записки в ближайшие фактории, по которым проводники получали табак и патроны. Он жил жизнью кочевника-оленевода, питался тем, чем питались они сами, одевался в такие же удобные, легкие и теплые одежды, как и они.

За время своего зимнего путешествия он почти месяц прожил у Саблера, о котором уже успел сообщить Лосю. Дягилев возмущался тем, что американ-

ские хищники проникали в эту чужую для них страну. Следы их пребывания он находил не один раз.

К весне Дягилев решил спуститься на побережье, в ревкоме обработать предварительные материалы и сделать по радио краткий отчет своему управлению.

Спускаясь с гор, он узнал от проводника, что на Горячих ключах живет американец. Заинтересовавшись его деятельностью, Дягилев велел проводнику свернуть на Горячие ключи.

Мистер Ник, озабоченный выездом на Аляску, ездил к Саблеру, чтобы решить вместе с ним эту немаловажную для него проблему. Выбираться одному на вельботе было довольно затруднительно. Алитет неожиданно исчез. Саблер оказался тем зверем, который сам бежал на ловца. Ему не очень нравилась перспектива встречи с Лосем и возвращения на материк, в Советскую Россию. Ник и Саблер договорились очень быстро.

И теперь в хижине Ника сидели гости — Вадим Петрович Саблер и его жена Валентина Юрьевна. Втроем они отлично дойдут на веслах хоть до самого Сан-Франциско. Вскроется река, они спустятся в устье, а там — рукой подать — и Америка. Желание Саблера удрать в Америку соответствовало и планам мистера Ника: Саблер располагал интересными материалами, и можно будет довольно выгодно продать этого русского «свободолюбивого» инженера.

Когда мистер Ник привез гостей в свою хижину, он сразу заметил исчезновение мотора.

— Какому дьяволу понадобился мой мотор? — воскликнул мистер Ник, взявшись за бока и расставив крепкие ноги. — Не этот ли косоглазый Чарли приезжал еще раз за время моего отсутствия? Он может додуматься, что эта вещь ему пригодится.

— Не огорчайтесь, мистер Ник, — сказал Саблер. — Я не думаю, что мотор без горючего представляет для нас какую-нибудь ценность.

— Но около вельбота осталась одна банка бензина. Ее вполне достаточно, чтобы развить скорость в критический момент.

— Чепуха! Вскроется на-днях река — и бурное течение само нас вынесет в океан. Вот, может быть, нам следует подумать о парусе?

— Чорт возьми, здесь не растут орегонские сосны! Где мы возьмем мачту?

— На берегу есть плавник,— сказал Саблер.

— Вадим, ты ребенок,— вмешалась Валентина Юрьевна.— Ты думаешь, можно разгуливать по берегу в поисках мачты, где шныряют эти ревкомовцы. Вероятно, и так уже нас ищет этот верзила-милиционер. Благодарение богу, что все они ездят в одиночку, и втроем мы сумеем постоять за себя. Вы, мистер Ник, не смотрите на меня, как на слабую женщину. В юности я пробовала заниматься боксом. Но благоразумие — великая добродетель. Нам лучше все же избегать встреч с ними.

— Год дэм! Нам опасаться нечего. У нас есть крепкие кулаки и безотказно действующий пистолет.

— Надо бы заказать оленя на дорогу,— сказала Валентина Юрьевна.

— Зачем? Уже тепло, и он у нас протухнет. Ящик консервов вполне обеспечит нас питанием до Аляски. Кстати, миссис, пора вам сбросить эти чертовские меховые одежды, солнце достаточно дает тепла. Я могу вам предложить свой запасной рабочий костюм. Женщина вы крупная, и он как раз подойдет вам,— и мистер Ник достал комбинезон из темносинего демисса, отличные полевые ботинки и гетры.

— Чудесно! Я немедленно же хочу превратиться в культурную женщину.

Валентина Юрьевна переоделась и предстала перед мистером Ником:

— Ну, как вы находите меня теперь?

— Миссис, вы чертовски хороши! — вскрикнул Ник.— Вы согласны со мной, мистер Саблер?

— К этому заключению я пришел двадцать лет тому назад,— улыбаясь, ответил Саблер.

И, глядя на Саблера, мистер Ник подумал:

«Если бы не так много долларов стоил этот плюгавенький мужчина, его имело бы смысл ошпарить и утопить в Горячем ключе».

Но, думая так, он сказал:

— Олл райт! Будем пить кофе.

— Вадим, ты же отличный специалист варить кофе.

Сходи завари кофе в ключах.

— Предложение жены для меня всегда было законом,— сказал Саблер и вышел из полога.

Вскоре они втроем сидели за столом, пили кофе и закусывали галетами, густо намазанными сливочным маслом. Они планировали свой выход на берег реки Амгуэмьи, где в кустарнике ожидал их вельбот.

Вдруг за занавеской полога послышались голоса. Саблер выбежал и увидел Дягилева, писавшего записку своему проводнику.

— А, инженер Дягилев! — настороженно сказал Саблер.— Как вы попали сюда?

— Потребность в культурном общении заставила меня сделать крюк. В гости заехал.

Вышел мистер Ник, а вслед за ним жена Саблера, не менее встревоженная, чем ее муж.

— Мистер Ник,— сказал Саблер,— позвольте вам представить русского инженера Дягилева, о котором так много я вам рассказывал.

Мистер Ник молча протянул руку.

Здороваясь с женой Саблера, Дягилев, улыбаясь, сказал:

— А вы, Валентина Юрьевна, цветете в этих снегах. Вам так идут этот синий комбинезон и гетры!

— Благодарю вас. Это мужской костюм. Немного широковат, но ничего. Подарок мистера Ника.

Мистер Ник изучающе рассматривал русского инженера, обросшего черной бородой.

— А вы как попали сюда, Вадим Петрович? — спросил Дягилев.

— Потребность в культурном общении,— пожимая плечами, ответил Саблер.

Оглядываясь вокруг, Дягилев сказал:

— А здесь чудесная местность. Смотрите, какой превосходный снежный грот! Он не успеет растаять за лето. А эти ключи, вероятно, вулканического происхождения?

— В них можно сварить живого мамонта. Девяносто четыре градуса по Цельсию,— сказал мистер Ник.— Олл райт! Приглашаю вас в дом.

Они вошли в меховой полог. Валентина Юрьевна присела на складной стульчик. Ник, садясь на кровать, предложил сесть рядом с собой Саблеру и Дягилеву.

— Благодарю вас. Я человек полевой и привык полулежать на оленых шкурах,— опускаясь на пол, устланный шкурами, ответил Дягилев; рядом с ним растянулся и Саблер.

— Отличное жилье у вас, мистер Ник. Центральное отопление!

— Мы, американцы, практический народ,— ответил Ник, сидевший на кровати настолько прямо и неподвижно, что казался истуканом.

— Каковы результаты ваших исследований? — повернувшись на локте к Дягилеву, спросил Саблер.

— Я удовлетворен,— коротко ответил тот.

— Слушайте, Владимир Николаевич, я в вас чувствую квалифицированного инженера. И сейчас у меня мелькнула интересная мысль,— подняв палец вверху, сказал Саблер.

— Какая? — насторожился Дягилев.

— В таких невероятных условиях на кой чорт вам трудиться на этот самый коммунизм? — произнес Саблер, скривив пренебрежительную гримасу.— Все равно вас не оценят. Эти красные — они же варвары, Владимир Николаевич! До революции я работал с крупнейшим инженером, выявляя закон усталости металла. Это был талантливый человек. Он мог обогатить русскую науку. И вы знаете, что они сделали с ним?

— Что? — резко спросил Дягилев, чувствуя, к чему клонится разговор.

— Расстреляли!..

— Ну и что же? Видно, заслужил того? — спокойно спросил Дягилев.— Когда рубят лес, летят и шепки. А у нас ведь произошла революция. Она сметает все препятствия на своем пути.

— Мой расстрелянный друг не был щепкой. Думаю, что и вы стоите на голову выше тех людей, волю кото-

рых вы выполняете. Вы же получили в Германии блестящее образование, как сами мне говорили... В Америке очень ценят русских инженеров. Наднях вскроется Амгуэма, и мы с мистером Ником уезжаем в Америку. Я предлагаю вам составить нам компанию.

Дягилев чуть приподнялся и, в упор глядя в глаза Саблера, гневно сказал:

— Вадим Петрович! Вы — подлец!

Саблер вспыхнул от гнева, затем привскочил и почти шепотом, угрожающе спросил:

— Что?! Как вы сказали?

— Я сказал, что вы подлец. Это — мое частное мнение. Я отношу к этой категории всех, кто меняет Родину на чечевичную похлебку, кто не любит свой русский народ.

— Как вы смеете! Я вам никогда этого не прошу! — взвизгнул фальцетом Саблер.

— Боже меня упаси просить у вас прощения.

— Что вы? Что вы?! — всполошилась Валентина Юрьевна.— Из-за чего вы скандалите?

Ник сказал деловитым тоном:

— Мистер Дягилефф! В Америке вы можете получить очень много долларов. Геологический профиль этого полуострова тождественен Аляске, поэтому американцы проявляют к этим местам большой интерес. И я не сомневаюсь, что эта земля будет куплена американцами.

— А я очень сомневаюсь в этом,— сказал Дягилев.

— Американцы — деловые люди,— продолжал Ник,— и умеют ценить полезных инженеров.

— Но я не подходящий для вас товар, мистер Ник. А лично меня, мистер Ник, возмущает до глубины русской души ваше пребывание здесь. Я знаю, что Советская Россия не приглашала вас сюда. Это называется залезть в чужой дом через окно и шарить по его углам, разыскивая ценности, не принадлежащие вам. Если хотите — это граничит с бандитизмом, а вернее — имеет непосредственное отношение к нему. И я лично приму все меры к тому, чтобы отрезать вам путь в Америку.

— Как вы представляете себе все это осуществить, мистер Дягилефф? — деланно спокойно спросил Ник.

Дягилев промолчал и, заметив, что Ник шарит под подушкой, крикнул:

— Оставьте в покое свой пистолет! — и вытащил кольт.

Ник вскочил. Саблер перекатился на другой бок.

Сдерживая волнение, Валентина Юрьевна встала и, наклонясь над Дягилевым, с укором проговорила:

— Владимир Николаевич! Милый! Что вы делаете? Ведь здесь же собирались культурные люди! — И она вдруг упала на него, схватив за руку, державшую пистолет; тут же прыгнули на него мистер Ник и Саблер.

— Вязать его! Вязать! — неистово кричал маленький Саблер; он схватил кольт Дягилева и, победно размахивая им, иронически спросил: — А вы действительно намеревались проконвоировать нас до ревкома?

Дягилев тяжело дышал. Верхом на нем сидел мистер Ник, охватив его своими цепкими руками.

— Может быть, теперь вы согласитесь поехать с нами в Америку? — спросил Ник. — Я невижу другого пути для вас.

Дягилев молчал.

— Владимир Николаевич! Это лестное предложение вам следует принять, — сказала Валентина Юрьевна, опутывая веревкой ноги Дягилева.

Дягилев посмотрел на нее и с чувством горечи проговорил:

— Я никак не предполагал, что вы, женщина, считающая себя культурным человеком, так превосходно владеете навыками отъявленных бандитов.

Валентина Юрьевна звонко расхохоталась:

— Ведь я же охотник.

— Мистер Дягилефф! Я жду вашего решения, — сказал Ник. — Повторяю, у вас нет другого пути. Все ваши материалы будут у меня в руках, и я найду возможность сообщить, чорт возьми, что они приобретены за двадцать тысяч долларов.

— Шантаж и бандитизм! — гневно проговорил Дягилев. — Но имейте в виду, что Амгуэма вскроется

не ранее чем через пять дней. А за это время здесь будет милиционер Хохлов.

— Ах, вот что! — взвизгнул Саблер.— В таком случае мы расправимся с вами поодиночке! — и неожиданно для всех он в упор выстрелил в лоб Дягилеву.

— Собака! — крикнул на Саблера мистер Ник.— Чорт возьми, вы соображаете не больше, чем морж! Вы поверили ему, что кто-то действительно едет сюда!

— Мистер Ник, вы не понимаете всей обстановки, в которой мы находимся. Я же вам говорил, что меня обязали явиться в ревком. Мне прямо сказали, что если я сам не явлюсь, меня доставит милиционер. Вы знаете, какой это великан?! Если придется встретиться с ним, и ему без всяких промедлений надо всадить пулю в лоб. Иначе он перевяжет всех нас.

— Вы ни черта не понимаете, сэр! Из-за вашей трусливой глупости я потерял очень много долларов. Этот инженер дорого стоил даже в связанном виде, а теперь он годен, чорт возьми, только на приманку пescам.

— Дело сделано,— сказал Саблер.— Теперь разговаривать об этом бесполезно. А в конце концов я тоже кое-чего стою... Надо поскорей ликвидировать труп. Не исключено, что милиционер действительно нагрянет сюда. И тогда нам трудней будет доказывать целесообразность нашего поступка.

Через три дня мистер Ник, Саблер и его жена шли по мшистой тундре, таща на себе продукты и материал для паруса. Они шли к берегу Амгуэмы, где стоял вельбот.

Река очищалась ото льда, вынося последние льдинки в Ледовитый океан. Моросил весенний дождь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Всю ночь не спал Омрытаген. В пологе было темно, и все же глаза не закрывались. Совсем необычные думы овладели им. Вот уже много лет, как Омрытаген завел жену, шесть собак, но до сих пор никому не приходило в голову пригласить Омрытагена даже на праздник

тюленя. А тут вдруг Ваамчо сказал, что бородатому начальнику вздумалось позвать Омрытагена на праздник Большого говоренья. Ого! Было от чего потерять сон!

Каждый день, правда, не очень быстро, но праздник приближался. С каждым днем связка пуговиц уменьшалась и уменьшалась. Теперь на связке оставалась всего одна пуговица. Поэтому Омрытаген и ворочался на шкурах всю ночь.

Лишь к утру сон все же одолел его, и Омрытаген крепко заснул.

Проржавленный чайник бушевал над жирником, крышка дребезжала. Женщина нащипала кирпичного чаю и бросила его в булькающую воду чайника.

— Омрытаген! — окрикнула она.— Чай вскипел!

Омрытаген вскочил. Заспанные глаза уставились на стенку, где висела связка пуговиц. Он схватил связку, снял пуговицу и, окончательно проснувшись, сказал:

— Все! Последняя пуговица. Надо собираться на праздник Большого говоренья.

В это утро в жизни Омрытагена произошло потрясающее событие: он потерял аппетит, чего никогда еще не было с ним. Он не стал есть тюленье мясо, ограничившись тремя большими кружками чая. Но и чай он пил торопливо, обжигаясь. Он пил молча, и только когда жена налиvalа ему следующую кружку, успевал сказать: «Мясо положи мне в сумку», «Запасные торбаза не забудь, путь не близкий».

Выпив последнюю кружку чая, он с гордостью сказал:

— Ого! Пожалуй, Омрытаген становится настоящим человеком!

Он торжественно снял пуговицу, тщательно рассмотрел ее и, подавая ее жене, велел пришить этот удивительный амулет к поясу.

Затем он надел новые нерпичьи штаны, хорошо расправил на руке меховые чулки, сам положил в торбаза соломенные стельки, всунул в торбаза чулки, залез в них рукой и до самого носка разгладил все морщинки на подошве чулка. Теперь можно было обуваться.

Омрытаген оперся на локти, задрал ноги вверх и важно сказал жене:

— Завяжи-ка получше ремни!

Женщина запеленала ногу белыми широкими нерпичьими ремешками и с помощью зубов сделала крепкий узел.

Надев одинарную кухлянку, Омрытаген взял сумку, посох, вышел из яранги — и делегат конференции был на полном ходу.

В это утро ярко светило солнце. Весело было на душе Омрытагена. Берег чернел морской галькой, и эта черная прибрежная полоса уходила далеко-далеко. Над морем летали белоснежные криклиевые чайки, стремительно неслись морские ласточки, а дальше покоилось чудесное северное море.

После душного полога Омрытаген вздохнул полной грудью и сказал:

— Ого! Одна чайка огненная.

Он посмотрел на подошедшую собаку и крикнул жене:

— Собак не корми. Побереги мясо на песцовую приманку. Пора обзавестись хорошим ружьем. Пусть бегут в тундру ловить мышей.

— Эгей! — послышался из полога голос жены, что означало: «Так и будет сделано».

Сделав еще кое-какие наказы по хозяйству, Омрытаген заложил посох за спину и, поддерживая его согнутыми в локтях руками, легко и важно зашагал. Наткнувшись на уголек, валявшийся в гальке, Омрытаген остановился, поднял его и подумал:

«Палатка здесь стояла. Топорики делал Алитет... А почему Алитета не позвали на праздник Большого говоренья?.. Новый закон?..»

Омрытаген недоуменно покачал головой, бросил уголек и вышел из стойбища.

На второй день, прия в соседнее стойбище, Омрытаген увидел Пиляка: тот держал в руках палку с зарубками на ней и озабоченно думал. С досадой Пиляк объяснил Омрытагену, что он совсем сбился с толку. Нельзя было узнать, когда нужно выходить на праздник Большого говоренья.

В то время как Пиляк ходил на нерпичью охоту, его сын, глупый еще, нарезал на палке свои зарубки. Он так искусно их нарезал, что Пиляк не мог отличить свои зарубки от сыновних. Получилась сплошная путаница. Хорошо, что Омрытаген зашел в это стойбище. Иначе как узнаешь, когда выходить?

Пиляк быстро собрался, и они пошли вдвоем.

Подходя к ущелью Птичий Клюв, они увидели над камнями тонкую струйку табачного дыма и заметили человека, лежавшего в камнях.

В камнях лежал Алитет. На всякий случай он все-таки пришел в обусловленное место. Он лежал здесь уже несколько дней, со смутной надеждой встретить Брауна. Правда, он знал теперь, что Браун — обманщик, и все же тайная надежда и безвыходность привели его в это ущелье.

Алитет лежал на камне и разглядывал тихое, спокойное море. Но горизонт был чист. У Алигета даже глаза заболели, так напряженно он всматривался в море.

Здесь, вдали от людей, Алитет обдумывал пути своей дальнейшей жизни. Он вспомнил старика Лёка, который оказался крепким человеком. По слухам, как ни уговаривали его пойти в артель, он не пошел.

«Лёк — разумный человек. Если Браун и в это лето обманет, придется продавать пушину русским через Лёка. Русские все-таки торгуют с ним. Они продают ему товаров сколько он хочет, а мне — только на два песца. Гм! Как будто эти русские приехали сюда совсем не за песцами. Безумные, они не понимают, что таких песцов, как у меня, ни у кого из охотников нет. Ого! И сколько их у меня! Я передам, чтобы Лёк привез ко мне в гости, и поведу с ним большой разговор».

Алитет перевел глаза на пещеру, где была спрятана пушнина, и вдруг увидел шедших по берегу людей. Как самка, спасающая своих детенышей, Алитет, чтобы отвлечь охотников от норы, бросился бежать на прибрежную гальку. С камня на камень, он несся, как горный баран.

Встретившись с Пиляком и Омрытагеном, он сказал:

— Место себе ищу. Переселиться хочу из Энмакая.

— Плохое место здесь,— сказал Пиляк.— Люди никогда не жили здесь. И дед мой не помнит, чтобы здесь стояли яранги. Дурное место.

— А вы куда идете? — перебил его Алитет.

— На Праздник Говоренья велели приходить.

— Хе! И ты, Омрытаген, на Праздник Говоренья? — ехидно улыбнувшись, спросил Алитет.

Он хотел им сказать, что они глупые, зря подошвы стирают, но, лишь подумав об этом, сказал совсем другое:

— Идите, идите! Все идите. И Ваамчо собирается. Только захватите с собой учителя. На русский праздник без русского не примут, зря проходите.

Путники кивнули головой в знак согласия и пошли.

В Энмакае их встретил Ваамчо, и все они, шумно переговариваясь, направились в школу.

— Дворкин! — сказал Ваамчо.— Пришли. Вот они. Теперь можно выезжать?

— Садитесь, садитесь, товарищи,— приветливо приглашал Дворкин, подставляя делегатам стулья.— Попьем чайку и поедем. На вельботе поедем.

Омрытаген и Пиляк посматривали на русского учителя и робко стояли, не решаясь сесть.

— Садитесь! — сказал Ваамчо и сам сел на стул с таким знанием дела, что гости удивились.

Они напились чаю с хлебом, который они считали лакомством, и Дворкин начал собираться в дорогу.

Омрытаген и Пиляк слышали уже об энмакайском самоходном вельботе,— слух быстро идет по берегу. И теперь их нетерпение скорей увидеть этот самоходный вельбот разгорелось до предела.

Уакат в ситцевом платье с важным видом унесла чайник и кружки. Она ходила так, как будто она была хозяйкой всей этой деревянной яранги. Вернувшись, она спросила:

— Дворкин, а женщины не поедут на этот праздник?

— Это Праздник Говоренья. Там будут только мужчины,— важно заметил Ваамчо.

— Ничего, Уакат, потом будет отдельно и женский праздник. Теперь собираются только охотники-зверобои,— добавил Дворкин.

— А мы, энмакайские женщины, разве плохие охотники? Ты не видел? — лукаво спросила Уакат.

— Ты слишком многоговорливой стала! — рассердился Ваамчо и, взвалив мотор на плечо, пошел к берегу.

На море сталкивались вельботы. Женщины, подростки, ребятишки, облепив вельботы, с трудом волокли его. Подбежал Омрытаген, и сразу вельбот легко заскользил килем по костяным китовым подкладкам. На берегу, поводя носами, сидели собаки.

Тыгрена, стоя около своей яранги, следила за отходящим вельботом и с грустью думала:

«Радость жизни пришла к ним. Веселыми становятся. Уйду я от Алитета. Не поеду с ним в горы. Пусть едет Наргинаут... А куда я пойду? К учителю? Следить за жирниками и скоблить деревянный пол? Не пустит Уакат. Она, пожалуй, привыкла к этой школьной яранге. К кому же мне пойти?.. Почему Ваамчо не хочет взять вторую жену? У него ведь теперь еды хватит. Две нарты собак завел! Моторным человеком стал. Сильным человеком стал. Не хочет. Новый закон не велит вторую жену брать. Глупый он, Ваамчо».

Из школы выбежала Уакат в блестевшем на солнце пестром, ярком платье. Она пробежала к берегу, будто там выезжал на охоту сам Туматуге.

«Привыкает к матерчатым одеждам. Наверное, учитель велел ей носить такое платье. Не хочет ли она стать женой белолицего?» — подумала Тыгрена.

Вельбот покачивался на воде. Омрытаген и Пиляк сидели на поперечной скамеечке и неотрывно с суеверным страхом следили за Ваамчо, устанавливающим мотор. В колодце вельбота плескалась вода, и вельбот казался дырявым. Ваамчо поднял мотор, опустил его в колодец и крепко завинтил. Потом он взял банку с бензином и начал заливать мотор.

— Смотри, смотри, Пиляк! — тихо сказал Омрытаген.— Пьет мотор!

Ваамчо завинтил пробку, обеими руками пошевелил голову мотора — диск.

«Гм,— удивился Омрытаген,— Ваамчо научился таньгинскому шаманству. Недаром он стал начальником».

Готовя мотор, Ваамчо отлично знал, о чем думают сейчас Пиляк и Омрытаген. Он чувствовал на себе их взгляды и поэтому, неторопливо замедляя каждое движение, показывал свое уменье обращаться с такой замысловатой штукой.

Ваамчо обвел голову мотора тонким ремешком и, держа конец в руке, крикнул учителю, сидевшему на корме, у руля:

— Готово, Дворкин!

Ваамчо с силой дернул шнур — мотор кашлянул, фыркнул, и вельбот пошел, быстро удаляясь от берега.

Пиляк и Омрытаген схватились за руки и смотрели с удивлением то на Ваамчо, то на мотор.

А мотор словно пел какую-то песню. Может быть, он пел про новую жизнь, про новый закон? Будет что рассказать, когда вернется Омрытаген к себе!

А в это время в квартире Русакова происходило совещание. У него были председатель родового совета Анчоу, моторист Тэвлянкау и вновь избранный председатель зверобойной артели — старый Лёк. Все они сидели за столом и разговаривали о предстоящей поездке в ревком. Русаков повторил еще раз, какие вопросы там будут обсуждаться.

— Во-о-от Анчоу обязательно до-о-олжен поехать. О родовых советах там будет разговор.

Тэвлянкау согласился принять участие в разговоре, как лучше охотиться на морского зверя.

Лёк сидел молча и не выказывал недовольства на своем лице. Не всякий может скрыть то, что делается у него на сердце. Лёк сердился очень сильно, а заметить это никто не мог.

— Так во-о-от, товарищи, решили? — спросил в заключение Русаков.

И тогда с обидой в голосе Лёк заговорил:

— Нет. Не решили. А я? Или ты, Русаков, не слышал, как вот на этом самом месте Лось звал меня в гости? А?.. Про Тэвлянкуа я что-то не слышал, чтобы Лось звал его. Ты забыл? Я помню. Если там будут говорить об охоте на морского зверя, как будут говорить без меня? Разве я перестал быть великим ловцом? Или ты думаешь, что Тэвлянкуа знает охоту лучше меня? Не-е-ет! Он не знает.— И, обратившись к Тэвлянкуа, он строго спросил: — Тэвлянкуа, ты убивал когда-нибудь кита?

— Нет, Лёк, я не убивал кита.

Лёк торжествующе смотрел на Русакова, ожидая, как русский купец выпутается из создавшегося положения.

Но Русаков молчал, словно он действительно был озадачен Лёком.

— Вот видишь,— продолжал Лёк,— а я убивал. И не одного кита я убил за свою жизнь. Сколько китовых праздников я справил! Я тоже поеду на Праздник Говоренья. Нельзя без меня. Я — председатель артели.

— Лёк, я предложил э-э-э-это, потому что Тэвлянкуа — сам моторист.

— Пусть Тэвлянкуа едет на вельботе, а я — на своей байдаре. Только моторного человека у меня нет. А-а-а! — застонал Лёк.— Не научился все еще мой парень.

— Хо-о-орошо, Лёк. Я буду у тебя мотористом,— согласился Русаков.— Мотор Тэвлянкуа поставим на байдару, а тот, который я привез из кочевий, поставим на вельбот.

— Когда мы поедем? — возбужденно спросил Лёк.

— Надо бы подожда-а-а-ть Ваамчо. Вместе поедем. А по пути будем собирать и дру-у-гих делегатов.

— Пойдем, Тэвлянкуа, я заберу твой мотор,— безапелляционно сказал Лёк.— Пусть он лежит поближе к моей байдаре.— И, выходя из комнаты, он весело добавил: — Мы захватим с собой охотничьи снасти. Случится, встретятся моржи. Весенний ход моржей еще не кончился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Милиционер Хохлов вернулся домой в крайне удрученном состоянии. Он пришел к заключению, что его милицейская служба уже кончилась: Саблер удрал, и этого Лось ему никогда не простит.

По всему видно было, что Саблер поспешил бросил свою землянку: в печке бумажный пепел, никаких ценных вещей в землянке не было, разный хлам разбросан повсюду.

— Таня, ты не слышала ничего про того русского, который жил на реке? Не проезжал он в ревком? Не было слухов? — озабоченно спросил Хохлов жену.

— Нет. Вот бумагу тебе привезли,— и она подала ему письмо в закрытом конверте.

Хохлов разорвал конверт и беспокойно погрузился в чтение. В письме сообщалось:

«Товарищ Хохлов! За время развозного торга я натолкнулся на жилище американца Ника. Юрта его стоит на Горячих ключах. Я ее обследовал. Видно, что он куда-то отлучился. Из-за кормов я не мог дождаться его. В сенках юрты обнаружил мотор, завернутый в шкуры, который на всякий случай я забрал. Есть слухи, будто американец со вскрытием реки собирается утекать. Советую обратить на это дело суровое внимание и революционную бдительность. Поскольку есть мотор, должен быть и вельбот.

С коммунистическим приветом Русаков.

Жена моя, Анна Ивановна, шлет тебе поклон, часто вспоминает нашу поездку на пароходе «Совет» и сердится, что редко приезжаешь к нам. При сем прилагаю записку инженера Дягилева. Может быть, понадобится».

Хохлов развернул вторую записку:

«Зав. факторией Русакову.

Прошу подателю сей записки оленеводу Камэрину выдать три пачки патронов 30 на 30, одну пачку

30 на 40, четыре кирпича чаю, один килограмм табаку (папуша), десять коробков спичек (желательно серных), четыре метра кумачу и на восемь рублей товаров по его усмотрению.

Это замечательный проводник. Очень прошу отнестись к нему повнимательней. Сейчас он привез меня на Горячие ключи.

Сердечный привет милейшей Анне Ивановне.
Крепко жму руку.

Ваш инженер Дягилев.

P. S. На Горячих ключах у американца Ника предполагаю пробыть три-четыре дня. На всякий случай сообщаю координаты Горячих ключей: среднее течение реки Амгуэмы, ниже водопада километров двадцать, правый берег по притоку Ичунь — километров тридцать пять.

19 мая.

В. Д.»

— Э-ге! — воскликнул Хохлов, прочтя письмо.

Он запустил пятерню в свою пышную прическу и с душевной болью подумал:

«Вот если все они соберутся там у Ника и дернут в Америку! Не сносить, Хохлов, тебе тогда головы».

Милиционер крякнул, и тут же у него родился план. Раз есть у них вельбот, то они должны спускаться к устью Амгуэмы...

— Таня! Иди скажи старику, пусть готовит байдару. Отвезет нас в устье. Там в палатке поживем.

И вскоре милиционер Хохлов перебазировался в устье реки Амгуэмы.

— Вон на том островке яйца есть. Гусиные. Много их там,— сказал старик-тесть.

Этот островок в устье реки и назывался Гусиным. Во время половодья его заливало водой, и он исчезал. Но как только вода спадала, на нем буйно принималась расти высокая трава. Это было безопасное место для перелетных птиц: там не водились ни песцы, ни лисы.

Оставив зятя в устье, стариk направился домой пешком.

Милиционер разбил палатку, расстелил олены шкуры и лег спать, наказав Тане строго-настрого следить за рекой и немедленно разбудить его, если она что-либо увидит.

Расчет у Хохлова был прост: сидеть на берегу и караулить беглецов с винтовкой в руках; предупредительными выстрелами заставить их пришвартоваться к берегу; выгнать беглецов на прибрежную полосу, заставить их раздеться догола, прогнать их голыми метров на сто в глубь тундры, а тем временем произвести обыск; затем, заняв корму вельбота, рулить, а их силой оружия заставить грести. Таким образом за какие-нибудь десять дней можно доставить их живьем в ревком.

Таня была посвящена в этот план и, сидя на береговом холмике, зорко следила за всем, что делалось в устье реки.

Днем милиционер спал, а ночью следил за рекой сам. Ночи были светлые и от дня отличались только прохладой.

Хохлов поехал на остров Гусиный и привез почти полную байдарку яиц. Он ловил рыбу, спуская в реку сетку длинным шестом. Рыбы попадалось так много, что вдвоем они не успевали ее обработать. Рыбу нужно было выпотрошить, развесить на шестах, чтобы она вялилась на солнце. А когда надоедала эта работа, Хохлов поднимался на холмик, усеянный морошкой, ложился и ел ягоду прямо с корня, посматривая на реку. Единственno, чего опасался Хохлов,— это туманов: в тумане можно не разглядеть вельбота. И он решил вместе с Татьяной в туманные дни крейсировать на байдарке и прислушиваться к говору людей: ведь не молча же они будут плыть, в тумане тоже надо советоваться.

Места эти были пустынны на сотню километров и в ту и в другую сторону побережья.

Однажды, когда милиционер спал, Таня прибежала в палатку.

— Вельботы! — крикнула она.

Хохлов схватил винтовку и выбежал наружу.

Вдоль берега моря шла байдара, а за ней два вельбота. Шум моторов оглашал воздух, и лодки приближались с удивительной быстротой. Было совершенно ясно, что это не беглецы. Хохлов залез на холмик, выстрелил вверх и замахал шапкой.

Но Лёк и без того давно уже заметил палатку и взял курс на нее. Разве можно пройти мимо жилого места? Тем более, что надо же показать людям, как ходят байдара.

Лёк первым вошел в устье; встречное течение замедлило ход байдары.

— Ты что-о-о здесь делаешь, Хохлов? Рыбу ловишь? — глядя на вешала, спросил Русаков, здороваясь с милиционером.

— Судаков ловлю. По моим расчетам, скоро должны спускаться по реке Саблер и этот Ник. Сбежал Саблер, а бежать ему, кроме как к Нику, некуда.

— О-о-они на вельботе, а ты на берегу? Как же ты их думаешь за-а-адержать?

— А винтовка на что? На худой конец перестреляю их — и всему делу венец.

— Привал! — зычно крикнул одноглазый Лёк.— Чай пить!

Несмотря на то, что жарко светило солнце, Лёк был одет в нарядную пеструю кухлянку, в красивые перпичьи, с вышивкой торбаза. Голова его была обнажена, и свежевыбретая макушка блестела на солнце. Вокруг головы свисали венчиком волосы. Лёк ехал на праздник в отличном расположении духа.

— Я пойду на горку. Надо посмотреть, не видно ли моржей,— с хозяйской озабоченностью сказал он и важно зашагал по берегу.

— Хохлов, какое замечательное место ты выбрал! Это что, твоя дача? — спросил Дворкин, присаживаясь на гальку.

Хохлов не ответил и с завистью сказал:

— А вы ездите, как флотилия. Прямо даже красота смотреть. Вот бы мне моторчик!

— Закажи. На бу-у-удущий год привезут,— сказал Русаков.

— Закажи-и-и... — протянул милиционер. — Так и отвалит тебе губмилиция столько денег! На собак и то как следует не дали.

— А ты са-ам не проси, пусть Ло-о-ось похлопочет. Тогда вы-ыйдет дело.

Ваамчо и Тэвлянкау заливали бензином свои моторы.

— Тэвлянка-а-ау! Залей и мой на байдаре! — крикнул Русаков.

— Да вы, кажется, хотите уезжать? — с грустью спросил милиционер.

— Попьем чайку — и в путь. Мы спешим, — сказал Дворкин.

— Эх ты, друг! Вместе еще с тобой ехали сюда. Дайте поговорить с людьми. Месяцами по-русски не разговариваю. Уху сейчас сварим. Смотри, какая рыба здесь! Вон сетка стоит. Вытащи ее — и рыба будет. Факт.

— Где сетка? — заинтересовался Дворкин.

— Вон колышек стоит. Видишь?

Дворкин побежал к берегу и вытащил сетку. Почти полуметровые гольцы трепыхались в ячеях сети, и Дворкин с азартом вынимал рыбу и бросал подальше от воды.

— Двадцать девять штук! — крикнул он.

— Вон шест возьми, задвинь сетку — и через полчаса опять будет столько же, — сказал Хохлов.

— Эх, Хохлов, вот жизнь у тебя какая! Умирать не надо! — восхищался Дворкин.

— А я и не собираюсь. Немного погодя красная рыба пойдет икру метать. Сам я еще не видел, но говорят — все устье будет так заполнено, что одни спины торчат.

Вернулся Лёк, присел на гальку и спокойно сказал:

— Моржей нет, а лодка там есть. Около кромки льдов. Три человека на ней.

— Что? Что? — вскричал Хохлов, схватив винтовку.

— Может быть, это охотники? — спросил Дворкин.

— Не-е-т,— уверенно сказал Лёк.— Охотники — три человека — не пойдут в море. Это белолицые люди..

— Батюшки! — почему-то шепотом сказал Хохлов.— Это они. Дай-ка, Русаков, твой бинокль,— и милиционер побежал на бугорок.

— Там, почти напротив бухты Ключевой! Около льдов! — вслед ему кричал Лёк.

Хохлов посмотрел в бинокль и увидел вельбот. У Хохлова даже задрожали руки. Он привстал на колено, утвердил неподвижно бинокль и ясно увидел трех человек.

— Они! — закричал милиционер.— Прохлопал, осел я эдакий!

— Дай-ка бинокль, я посмотрю,— сказал Русаков.

Милиционер даже и не заметил, как около него появились Русаков и Дворкин.

— Ах, гады! Под монастырь меня подвели, язви их в душу! — по-сибирски ругался милиционер.— Хватит глядеть на них! Надо догонять скорей,— сказал он Русакову.

— По-о-о-дожди! Не-е-е во-о-о-олнуйся. На двух ве-е-еслах да-а-алеко не уедут. На вельботе до-о-ого-ним. Пла-ан какой у тебя? — спросил Русаков.

— Живьем надо взять. На вельботе нельзя. Надо на байдаре. Видел, как она лупит у вас передом.

— Ну-у, пошли.

Лёк ел вяленую рыбину, держа ее в обеих руках.

— Лёк,— сказал Русаков,— эти лю-ю-юди в море обманули Ло-о-ося. Их надо догнать и до-о-оставить в ревком.

— Попьем чайку и догоним. Никуда не денутся.

— У них собаки в вельботе и нарта,— рассматривая в бинокль, сказал учитель.

— Ножниц ни у кого нет? — тревожно спросил Хохлов.

— Зачем они тебе понадобились?

— Прическу чукотскую сделать. Вот как у Лёка.

Старик Лёк удивленно посмотрел на милиционера и, попивая чай, сказал:

- Если хочешь, я тебе прическу ножом сделаю.
- Давай, Лёк. Делай, только поскорей.
- Что ты выдумал? — спросил учитель.
- План есть, — ответил Хохлов.

Лёк наточил нож и быстро сбрил ему макушку, а концы волос зачесал на лоб. В такой прической Хохлов вызвал смех даже у Тани. Впрочем, она этому очень обрадовалась: теперь ее супруг безусловно походил на настоящего человека.

Хохлов посмотрел на высокого Омрытагена и сказал:

— Дай-ка, друг, мне твою кухлянку.

Хохлов обрядился в нее и стал настоящим чукчей.

— Хо-о-о-орош план! — догадался Русаков.

А милиционер распоряжался:

— Ты, Дворкин, ляжешь на дно байдары. Как только мы подойдем к вельботу борт к борту, я брошусь на американца, ты выскакивай — и на помошь мне. А ты, Русаков, получай мой наган, — здесь полная обойма, — тоже выскочишь со дна байдары и Саблеру наставишь в лоб. Он плюгавенький и трус — сразу поднимет руки.

— Пра-а-авильный план! Поехали, Лёк! — весело сказал Русаков.

— Я тоже с вами поеду, — сказал Ваамчо.

— Тэвлянкау, ты оставайся здесь. И если услышишь выстрел, заводи мотор — и к нам, — распорядился Русаков.

— Поехали на охоту, — улыбаясь, проговорил Лёк.

Байдара, подняв нос, понеслась по спокойному морю к кромке льда.

В байдаре все молчали. Лёк сидел на корме у руля. Около ног его лежал Русаков, изредка регулируя мотор. Хохлов без шапки сидел вдоль борта, упираясь ногами в спину Дворкина. Ваамчо, Анчоу и Пиляк сидели в центре байдары.

Когда вельбот беглецов был уже виден простым глазом, Лёк сказал:

— Они бросили грести. Остановился их вельбот. Один человек смотрит на нас в одноглазую трубу.

Байдара шла быстро на сближение с вельботом

Хохлов уже хорошо различал, где находится американец. Саблер и его жена сидели рядом, держа в руках весла, а Ник стоя смотрел в подзорную трубу. Наконец он сел на корму, убрали весла и Саблер с женой. По всему было видно, что они не беспокоились; Саблер даже замахал шапкой.

Лёк с ходу направил байдару вдоль борта вельбота, толкнул ногой Русакову в живот — условный знак,— и мотор заглох.

Хохлов ухватился за борт вельбота, и байдара остановилась. В один миг Хохлов набросился на Ника, вскочил и Дворкин.

— Р-у-уки вверх! — крикнул Русаков, направляя наган на Саблеров.

Ник хрюпал и силился вырваться, но Хохлов и Дворкин прочно придавили его к днищу вельбота. Ваамчо и Анчоу связывали руки Саблеру и его жене.

Хохлов, тяжело дыша, сел на зеленый сундук и злобно смотрел на Саблера:

— Вот язви тебя в душу! Улизнуть хотел? Под монастырь чуть не подвел меня!

Саблер сидел со связанными руками и, казалось, был очень спокоен.

— В чем дело? — спросил он.— Я ведь и направляюсь в ревком. Что вы от меня хотите? Мистер Ник хотел завезти меня по пути.

Мистер Ник лежал около кормы и рассматривал милиционера Хохлова, его необыкновенную для белых людей прическу. Ник молчал и, наконец, заносчиво проговорил:

— Вы не имеете права так обращаться со мной! Я — гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов. Я нахожусь в экстерриториальных водах!

— Не разговаривать! Иначе пуля в лоб! — крикнул милиционер.

Байдара тащила вельбот на буксире. Лёк сидел на корме ее, Ваамчо следил за мотором.

«Враждают белолицые люди»,— думал Лёк.

Русаков крикнул Лёку, чтобы он остановил байдару, и сказал Хохлову:

— Пе-е-ересади этого Саблера на байдару, чтобы не пе-е-ереговаривались.

Когда Саблера высаживали на байдару, Валентина Юрьевна тряслась от страха.

Вскоре они прибыли к палатке милиционера и, не задерживаясь, направились в ревком. Байдара Лёка шла впереди; на ней были Саблер, Русаков и милиционер, на вельботе Тэвлянкау — жена Саблера, а на буксире — захваченный вельбот и в нем один мистер Ник. Флотилию замыкал вельбот Ваамчо с учителем Дворкиным.

Хохлов торжествовал:
«Вот, гады! Все-таки попались мне!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ревкоме все было готово к встрече делегатов конференции. В просторном зале стояли в ряд самодельные длинные скамейки и на маленьком возвышении — стол президиума, накрытый кумачом. Портреты Ленина и Сталина на стене, красные полотнища, и, хотя не ожидалось понимающих русскую грамоту делегатов, на них большими буквами были написаны лозунги: «Да здравствует родная советская власть!» «Да здравствует дружба народов!»

Над ревкомом развевался новый большой флаг и шелестел, словно зазывал людей в этот большой дом.

На берегу в ряд, перевернутые вверх килем, лежали десять вельботов, на которых прибыли из разных стойбищ делегаты. Делегаты разместились в ярангах и делились новостями. Еще никогда не было здесь такого скопления людей со всего побережья.

Лось сидел у себя в кабинете и в последний раз просматривал свой доклад «Родовые советы и национальный вопрос». Удивительная история! Лось сам поймал себя на мысли, что он волнуется. Все казалось предельно ясным, и все же он думал, что в докладе чего-то нехватает. Огорчало его и то, что ни один делегат из кочевий еще не прибыл, вероятно, и не прибудет.

Он взял протоколы родовых советов и снова стал просматривать их. И вдруг то, на что он раньше не обратил особого внимания, сейчас ему показалось особенно важным: это был протокол Энмакайского родового совета о запрещении выбрасывать в стойбище дохлых собак.

Потом он позвал Осипова и сказал:

— Просмотри еще и ты свой доклад. Короче строй его. Все-таки длинноты у тебя там остались. В отношении нерпичьего промысла ты пока пропусти. Не это решает промысел. Морж — вот что. На этом и строй. И главное — организация промысла. Проведи мысль такую, что от моржа зависит и пушной промысел. Понимаешь, больше мяса — больше приманок можно разбросать. Непременно остановись поподробней, что мы планируем завоз еще десяти вельботов. Моторных вельботов.

— Это, Никита Сергеевич, у меня хорошо разработано.

— Ну, добрे. А Петр Петрович где?

— С учительями он.

— Может, его самого выпустить в прениях по медицинскому вопросу?

— Конечно.

— Нет, лучше я сам на этом остановлюсь. Да, ты, пожалуйста, хорошенько проинструктируй Ярака, чтобы он выступил в прениях и сказал, как обрабатывать шкурки песцов. Пусть расскажет. Это тоже очень важно. Надо внедрять культуру промысла.

Лось ходил по своему кабинету с чувством большой ответственности за предстоящее дело. Всегда в своей жизни он считал свой участок работы самым важным. Когда он работал еще машинистом, он думал, что весь мир держится только на железной дороге: не будь ее — и человечество пропадет. Во время гражданской войны бронепоезд, по его мнению, решал все. Без бронепоезда нельзя выиграть войну. И теперь работу ревкома он считал самой наиважнейшей в государстве.

Казалось, Лось даже помолодел. Он был чисто выбрит, прядь волнистых волос спадала на левую

сторону крутого лба. На нем отлично сидел военный костюм, с которым он никак не хотел расставаться. Этот костюм он сам скроил и сшил. Широкий пояс охватывал его располневшее тело. Сапоги были так начищены, что блестели, как китовая кожа.

В окно Лось вдруг увидел подходившие вельботы.

— Едут еще делегаты! — обрадованно воскликнул он.

Вместе с Осиповым он пошел встретить прибывающих гостей. Галька шумела под ногами, и небольшой ветерок доносил стук моторов.

— Смотри, смотри, Осипов! — удивленно вскрикнул Лось. — Это ведь моторная байдара! Вот это здорово! Это, друг мой, целая проблема.

На лице Осипова расплылась улыбка. Он молча, словно зачарованный, глядел на байдару.

— Гляди, гляди, она впереди вельботов мчится!.. Как же они присобачили мотор к коже? Вот интересно! — с чувством восторга проговорил Осипов.

— Но что такое? Там еще вельбот на буксире! Откуда? И два мотора? Что они, сами, что ли, сделали мотор? — удивился Лось.

К берегу бежали жители селения, прибывшие делегаты, учителя, ревкомовцы и даже доктор Петр Петрович.

Было совершенно необычное зрелище. Байдара на много опередила вельботы и с ходу почти половиной корпуса вылетела на прибрежный песок. Лёк важно сидел с рулем в руке и победно глядел на сбежавшуюся толпу.

Люди радостно здоровались, тряся и пожимая друг другу руки, как родные.

Здороваясь с Хохловым, Лось строго взглянул на него и недовольно сказал:

— Ты что, в шута превратился? Комедианничашь?

Хохлов застенчиво провел рукой по блестевшей макушке, по космам, спускавшимся кругом головы, и сказал, показывая на Саблера, сидевшего в байдаре:

— План надо было провести, товарищ уполномоченный ревкома. Этот гад чуть не удрал в Америку.

Лось внимательно выслушал доклад Хохлова и приказал:

— Взять под стражу и всех в разные комнаты!

Заметив Лёка, Лось радушно проговорил:

— Лёк, здравствуй! И ты приехал?

— Да, приехал. Приехал в гости к тебе.

— Очень хорошо!

Лёк лукаво посмотрел на Лося и тихо, как о самом сокровенном, заговорил:

— Много дней я думал о нашем разговоре. Помнишь, когда ты приезжал к Русакову и заходил в мою ярангу?

— Помню, помню. Об американских спичках мы с тобой говорили?

— Не в спичках дело,— вздохнув, сказал Лёк.— Огонь я могу добыть вертелом. Потру дерево о дерево, нагреется — и огонь будет. Мотор — вот штука! Его сам не добудешь. Долго я думал. Много думал. Посмотрел, посмотрел и решил пойти в артель. Я великий ловец, а пришлось отстать от обычновенных охотников. От энмакайских баб отстал! Мотор обогнал меня. Ох, как обогнал! Я не захотел оставаться человеком, достойным насмешки, и пошел в артель. Но теперь у меня тоже есть мотор. Видел, как ходит моя байдара?

— Замечательно ходит! И ты правильно сделал, Лёк, что вошел в артель. Ты великий ловец, ты много трудишься, ты не какой-нибудь Алитет, который задарма забирал у охотников песцовые шкурки. Ты труженик, Лёк, и поэтому у тебя большой охотничий опыт. Ты хорошо знаешь жизнь, и люди должны слушаться тебя,— взволнованно говорил Лось.

Старик испытывал великое наслаждение от того, что сам Лось был такого высокого мнения о нем. Но все же, не умаляя своего достоинства, Лёк сказал:

— Да, немножко жизнь я знаю. Ты говоришь, слушаться должны меня? — переспросил он.— Да, слушаться меня надо. Я теперь председатель артели.

— Тебя выбрали в председатели? — удивился Лось.

— Да, я велел меня выбрать.

В ревком принесли зеленый сундук мистера Ника.

— Ну, Хохлов, открывай. Что в этой копилке? Смотрели? — спросил Лось.

— Нет, товарищ уполномоченный ревкома, некогда было,— ответил Хохлов и вытащил из кармана ключ, отобранный у Ника.

Звякнул замок, и милиционер открыл крышку.

— Ого! Да тут, кажется, золотишко валяется,— сказал он.— А в этом углу бумаги.

— Вынимай все,— сказал Лось.

— Только здесь, товарищ уполномоченный, ничего не разберешь. Не по-русски нацарапано.

— Клади, клади. Разберутся кому нужно.

— Карты... Э-э! А вот тетрадь, по-русски написано.

— Ну-ка, давай ее сюда,— и Лось нетерпеливо стал перелистывать тетрадь.

— Вот еще одна.

— Так это Дягилева тетрадь!— удивленно воскликнул Лось.

Хохлов и Русаков переглянулись. Лось побагровел.

— Еще вот такие же тетради,— подал милиционер. Но Лось не взял их и тревожно спросил:

— Как же они попали в этот сундук?

— А где моя записка?— вспомнил Русаков.

Хохлов вытащил записку Дягилева, адресованную Русакову, и подал Лосю.

Лось прочитал записку и, взявшись за голову, крикнул:

— Они же убили его! Бандиты!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Конференция началась рано утром. Старик Ильич, Лёк, Русаков, доктор Петр Петрович, Ваамчо заняли места за столом президиума. Лось присел рядом с Ваамчо. На скамьях в зале разместилось около полсотни делегатов и гостей, прибывших из разных стойбищ. Они с любопытством разглядывали стены, украшенные красными полотнищами. И хотя делегаты были еще неграмотны и не могли прочитать то, что было написано, полотнища радовали их своим ярким,

праздничным цветом. Все делегаты сидели в меховых кухлянках, хотя в зале было достаточно тепло.

— Товарищи! — торжественно сказал Лось.— Мы с вами в первый раз собрались на эту конференцию. О нашем собрании уже известно на всей Большой земле. Нас поздравляют и желают успеха в работе из Петропавловска, из Хабаровска и даже из Москвы.

Лось взял бумажки со стола, зачитал и разъяснил радиограммы, полученные из губревкома, из Дальнекрайисполкома, из Комитета содействия народам Севера при ВЦИК.

— Сегодня поступила еще одна радиограмма из Владивостока, от людей, которых вы очень хорошо знаете. Нас приветствуют Андрей и Айе.

Доктор Петр Петрович и Русаков заапплодировали. Лёк и Ильич переглянулись и, видя, как Ваамчо захлопал в ладоши, тоже принялись хлопать руками. И вдруг все ударили в ладоши, восторженно улыбаясь.

Ничего особенного не происходило в зале, но, слушая аплодисменты, Лось сиял,—он переживал все это, как самый радостный момент в своей жизни: он увидел результаты своей работы. В зале сидели люди, которых он вот уже второй год вел к новой жизни. И он тоже шумно хлопал в ладоши, радостно улыбаясь.

— Товарищи! — сказал он взволнованно, начиная доклад.— Сейчас мы поговорим с вами о том, что такое советская власть, что хочет сделать для вас советская власть, что такие родовые советы и что они должны делать.

Лось показал на портреты, висевшие на стене, и продолжал:

— Вот эти два человека — Ленин и Сталин — устроили советскую власть. По их учению, все народы на нашей земле должны жить в дружбе, уважая друг друга. Это они, вот эти два человека, создали новый закон. Они создавали этот закон в постоянной борьбе с плохими людьми. Вы сами теперь знаете, что и здесь новый закон нелегко проводится. Нам с вами мешают

проводить этот закон такие люди, как Алитет, как его стец — обманщик шаман Корауге. Они пугаются этого закона, потому что он им невыгоден. Они ездили на лучших собаках, у них никогда не переводилось мясо. А люди, которые добывали им моржей, потом приходили просить у них кусочек мяса. Такой закон — неправильный закон. Советская власть отбрасывает этот закон и создает новый закон жизни, справедливый...

Лось говорил медленно, стараясь донести каждое слово до сердца сидящих в зале делегатов. Впервые за всю историю этого народа шел разговор о том, как сделать жизнь удобной для всех людей.

И когда Лось умолк, зычно крикнул Лёк:

— Эй, вы, люди! Я буду говорить. Послушайте меня... Все видели мою байдару?

— Видели! Видели! — послышались голоса из зала.

— А кто еще не успел посмотреть, пусть сходит на берег. Хорошая байдара. Крепкая байдара. Но все-таки я отстал от вельботных артельщиков. Стыдно стало мне. Многие люди знают, какой я великий ловец, а отстал. И я пошел к новому закону жизни. Когда зимой Лось приезжал к нам, много мы говорили с ним. Не верил я. Пришла весна — вспомнил его, — и Лёк показал на Лося. — Поверил. Все-таки один глаз-то у меня есть. Бабы, которых возил мотор, и те набили моржей больше, чем я. И вот я захотел стать председателем.

Старик Ильич вдруг захлопал в ладоши.

Лёк посмотрел на Ильича и тихо спросил:

— Правду я говорю?

— Правду, правду, — подтвердил Ильич.

Лёк сел на свое место.

И все захотели говорить о новой жизни.

Выступили Ваамчо, Ярак, Осипов и другие делегаты. Многие говорили, отвлекаясь от доклада Лося, но все говорили о новой жизни.

— А мне можно говорить? — робко спросил Омрытаген.

— Конечно. Обязательно даже, — ответил Лось.

— В нашем стойбище у одного охотника сгорела яранга. Он схватил только одежду и выбежал. Потом

шаман сказал: «Надо отдать огню одежду и все, что не успел взять огонь». Сожги. Теперь голый сидит у меня в яранге. Шаман прислал ему свою старенькую. Подумал охотник и сказал: «Лучше не надо. Две зимы придется ловить песцов за худую одежду». И вот все сидит голый. Как быть? — и Омрытаген сел на скамью.

Вдруг с улицы донеслись крики:

— Pey! Pey! Pey!

И вмиг весь зал опустел. Впереди всех бежал Лёк. В море показался кит. Убежал и Русаков.

— Никита Сергеевич! Что же это такое? Вся советская власть убежала,— улыбаясь, спросил доктор.

— Ничего, Петр Петрович. Перерыв,— сказал Лось.

Между тем Лёк уже распоряжался на берегу.

— Больше пузырей давайте! Покрепче надувайте их! — возбужденно кричал он.

Кругом на гальке сидели парни и надували воздухом тюленьи мешки через маленькое отверстие. Выдохнув, парни затыкали отверстие языком и, набрав через нос воздух, вдували его в мешок. Мешки росли и казались настоящими живыми тюленями с ластами, только без головы.

Над гладкой поверхностью моря кит выбрасывал мощный, искрящийся на солнце фонтан.

— Гарпунщики! В байдару! Русаков, к мотору! — кричал Лёк.

— Не будем торопиться, Лёк,— сказал Ильич.— Бен-Зин с нами. Это добрый дух.

И два старых китобоя занялись распределением обязанностей: Лёк пойдет вперед, и самые ловкие гарпунщики будут бросать с его байдары гарпуны в кита; вельботы, по пять с каждой стороны, пойдут на окружение кита и будут стрелять разрывными пулями в голову; на переднем вельботе пойдет Ильич.

— Эй! Рулевые! Ко мне! — громовым голосом командовал Лёк.

Кит плыл медленно и спокойно. Набрав воздуха, он погружался головой в морскую пучину, и тогда обнажалась его огромная, как гора, черная, блестя-

щая, словно отлакированная спина. Она, как остров во время наводнения, медленно погружалась, и, взметнув хвостом, кит скрывался. Но сейчас же, разрывая поверхность моря уже в другом месте, появлялась голова, и вновь был мощный фонтан. Брызги летели ввысь, сверкая на солнце радугой.

Лёк, давая указания вельботным рулевым, напряженно следил за китом.

«О, сейчас будет большая охота! Это совсем не то, что тюлень, которого можно сдержать левой рукой!»

Как гусь-вожак впереди стаи, неслась байдара по морской глади. Позади нее, стуча моторами, один за другим шли пятерками вельботы. Лёк сидел на корме байдары и, оглядываясь на вельботы, торжествовал:

«О, такой большой охоты еще не было!»

Вдоль бортов байдары сидело восемь опытных гарпунщиков, по четыре человека с каждой стороны. Каждый из них первым хотел загарпунить кита. На китовом празднике, когда под удары бубнов будут петь и танцевать девушки, первый гарпунщик сядет на одно из самых почетных мест. Поэтому гарпунщики сидели настороженно, держа наготове гарпуны. В ногах у них лежали воздушные пузыри, соединенные с гарпунами толстыми моржовыми ремнями.

Байдара обогнала кита, и, круто развернув ее, Лёк пошел навстречу гиганту. Лёк взмахнул рукой — и мотор заглох. Все понимали Лёка с одного взгляда. Кит спокойно лежал на воде и смотрел по сторонам. Он не мог видеть байдару, которая бесшумно шла на маленьких веслах прямо к его голове. Фонтан окатил сидевших в байдаре охотников, и тотчас голова кита провалилась в воду.

— Гарпун! — закричал Лёк.

Байдара коснулась спины кита, четверо охотников метнули в него гарпуны, и четыре пузыря легли на воду. И тотчас же кит хвостом нанес сильный удар по поверхности воды. Море забурлило, и байдару вскинуло на гребень волны.

— Мотор! — крикнул Лёк.

Побледневший Русаков дернул шнур, мотор фыркнул, и байдара, развернувшись, пошла в сторону.

Гарпуны застряли в теле кита, и воздушные пузыри скрылись в море.

— Сердиться начал,— сказал Лёк про кита.— Пусть потаскает четыре пузыря,— сказал он, посматривая на вельботы, устремившиеся в сторону кита.

Но вот пузыри всплыли, вслед за ними забил фонтан, показалась голова кита, и Ильич поднял руку. Раздались выстрелы с вельбогов.

Байдара вновь зашла навстречу киту. Мотор работал, хотя у Русакова уже пропало желание приближаться к киту. Но ничто уже не могло остановить Лёка.

— Гарпун! — пронзительно закричал он.

Еще четыре гарпуна вонзились в кита, и кит увлек за собой восемь воздушных пузырей. Они хлопали по воде, как живые тюлени.

Лёк отступил, и опять вельботы под командой Ильича направились за китом.

Байдара делала круг на малом ходу, и один гарпунщик заносил на нос особый пузырь, из пятнистого тюленя, с длинным ремнем.

Лёк сделал два больших круга, наблюдая за стрельбой и воздушными пузырями.

— Пусть привыкнет возить восемь пузырей,— сказал Лёк Русакову.

Лёк развернул байдару, и на полном ходу она понеслась к вельботу Ильича.

Громко стучали моторы. Толпы людей с берега следили за большой китовой охотой.

Байдара догнала вельбот, гарпунщики схватились за борта, и Лёк оказался рядом с Ильичем.

— Хорошая охота, Ильич! — весело сказал он.

— Большая охота! — ответил тот.

Прекратив преследование кита, но не теряя его из виду, спаренные вельбот и байдара ходили по кругу.

— Пусть потаскает пузыри,— сказал Лёк.

— Пусть помучается,— добавил Ильич.

Они накрошили «папуши» в трубки и закурили.

— Быстрая охота,— пыхнув трубкой, сказал Ильич.

— Очень быстрая. А ты помнишь, Ильич, как я

трое суток гонялся за китом? Теперь мы быстро упра-
вимся.

— На праздник кита надо Лося позвать. Если бы не он, так и не довелось бы мне посмотреть хорошей охоты. А теперь вот молодым стал. Видел, как я направлял вельботы?

— Хорошо стреляли люди,— подтвердил Лёк.— Без промаха. Туда, куда нужно.

Вельботы рассредоточились, и всюду, словно переговариваясь о хорошей охоте, стучали моторы.

Раненый, измученный кит таскал за собой восемь пузырей, нырял с ними в глубину, но они тянули его на поверхность моря.

Покурив, Лёк оторвался от вельбота и вновь пошел на кита.

— Гарпун! — крикнул он и, бросив руль, побежал с кормы на нос байдары.

Теперь он сам выпускал длинный ремень от пятнистого пузыря. Ремень заскользил в его руках. Выпустив его много метров, Лёк задержал ремень, и кит потащил байдару. Русаков выключил мотор.

— Кататься поехали на ките! — весело крикнул Лёк.

Все гарпунщики улыбались, и лишь Русаков с опаской поглядывал на кита.

Почувствовав, что кит пошел в глубину, Лёк быстро выкинул пятнистый пузырь.

— Мотор! — крикнул он Русакову.

Мотор фыркнул, и новый рулевой направил байдару вслед за пятнистым пузырем. Лёк, свесившись с носа байдары, вытянул руки, чтобы схватить этот пузырь. Он с ходу вцепился в него и стал выбирать ремень в запас, чтобы кит, рванувшись, не утопил байдару. Но он плыл на поверхности и тащил ее за собой.

Лёк держал ремень в руках, как вожжи, словно ехал на оленях. Кит то бросался в открытое море, то плыл вдоль берега, то вновь поворачивал, а Лёк крепко держал ремень, и байдара, рассекая воду, неслась вслед за зверем. Наконец кит круто повернулся и пошел на прибрежную отмель.

— Тащи! Тащи! — кричал Лёк, весь сияя.

Кит выбросился на отмель недалеко от селения и замер. Половина его гигантской туши оказалась на гальке. Толпы людей окружили его. Подошли вельботы, и тут же началась разделка туши. Прибежали и ревкомовцы.

— Ну, Русаков, поздравляю тебя с успешной охотой,— сказал Лось.— Расскажи, как там у вас все это происходило.

— По-о-о-том! Я еще не пр-и-и-шел в себя. Ду-у-ша в пятках все еще сидит.

— Неужели так страшно? — улыбаясь, спросил Лось.

— Разве можно та-а-ак? Они на спину на-е-е-езжают киту. Думал, щепки останутся от байдары. Шу-у-тишь ты! Кит! Пу-у-у-шки надо кито-о-бойные!

Разделка кита шла быстро. Десятки людей, вооружившись острыми ножами, ползали по голове кита, как мухи. Вот уже обнажились нижние челюсти кита, как два телеграфных столба. На огромном языке кита стояла толпа человек в пятьдесят.

— Большой праздник будет! — сказал Лёк, обращаясь к Лосю.

— Сначала закончим наше собрание, а потом и праздник устроим.

Лёк, заметив радиста Молодцова с фотоаппаратом, закричал:

— Не надо это! Не надо! Убери!

— Почему «убери»? Что такое? — спросил радист.

— Нельзя,— твердо сказал Лёк.

Молодцов, махнув рукой, приготовился снимать. Лёк подбежал к нему, взялся за треногу, сдвинул аппарат и строго сказал:

— Нельзя!

— Никита Сергеевич! — крикнул Молодцов.— Не дают снимать!

— Почему, Лёк, нельзя? — спросил Лось.

— Один раз я убил кита, и американцы вот так сделали. Потом три года я не видел кита. Нельзя!

— О, тогда другое дело! — согласился Лось.— Убери, Илюша, аппарат.

— Чепуха какая, Никита Сергеевич,— недовольно проговорил Молодцов, опять нацеливаясь фотоаппаратом.

— Нет, не чепуха. Убери свой аппарат! — сердито сказал Лось.

И Лёк по достоинству оценил поступок Лося.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Конференция продолжалась три дня. Она действительно превратилась в праздник Большого говоренья. Еще никогда на этом берегу не собирались такого множества людей. Говорил один человек, и все слушали; говорил другой, третий, и опять все слушали. Даже Омрытаген, который никогда не собирал больше трех слушателей, теперь говорил для всех.

«Ого! Все-таки и меня слушают!» — подумал он с гордостью.

Люди говорили о родовых советах, о торговле, о русском докторе, о школе, о морском промысле и о китобойных ручных пушках, из которых, как из ружья, можно издали стрелять гарпуном. Говорили о моторной байдаре Лёка. Говорили о жизни и как ее лучше устроить. Каждый говорил о том, что считал самым важным.

Ваамчо долго рассказывал о своей жизни, о их взаимоотношениях с Алитетом. Он рассказал всем людям, как Алитет когда-то залил его приманки керосином, как шаман обманул его, приказав сжечь бумажку председателя на костре. Об этом он говорил с возмущением, смело и решительно.

И люди удивлялись:

«Ай, каким храбрым сделался Ваамчо!»

После заседания Лось позвал Ваамчо в кабинет и, пожимая его руку, сказал:

— Молодец, Ваамчо! Хорошо выступил. Так вот и нужно бороться за новую жизнь. Вот такие люди, которые борются за правду, за справедливую жизнь, коммунистами называются.. Хочешь записаться в партию коммунистов? Понимаешь, в артель коммунистов.

— Очень хочу, Лось. Очень. Мне еще Дворкин — мой постоянный друг — много рассказывал про коммунистов. Я сделаю так, как советуешь ты. Ты правильный человек. Правду жизни я долго видел издали. Теперь близко вижу ее. И сворачивать назад теперь не буду.

— Я хочу сделать тебя уполномоченным ревкома по всем стойбищам северной части уезда. Будешь иногда ездить по родовым советам и рассказывать, как нужно работать. Учитель Дворкин тебе будет помогать. Понял, Ваамчо?

— Хорошо, Лось. Я согласен. Теперь мне можно ездить. Хорошая упряжка собак Алитета теперь перекочевала ко мне.

В кабинет вошли Осипов и Русаков.

— Ну, вот, товарищи, вся наша партийная ячейка в сборе. Товарищ Ваамчо хочет вступить в партию. Надо принять его. Как вы думаете?

Спустя некоторое время, встретившись с Лёком, Ваамчо показал ему свой партийный билет. Они сели на днище вельбота, и Лёк внимательно рассматривал красную книжечку. Ваамчо сказал ему, что Лось — коммунист и что он, Ваамчо, тоже коммунист.

— А что такое «коммунист»? — спросил Лёк, не отрывая глаз от книжечки.

— Это такой человек, который хочет переделывать жизнь.

— Переделывать жизнь? — скептически спросил Лёк.

— Да,— твердо ответил Ваамчо.

— А ты разве белолицым стал, что берешься за такое дело? У тебя много товаров есть, ружей, патронов? Много вельботов у тебя есть, много моторов? Это все у Лося,— утвердительно сказал Лёк.— Видел, как Русаков слушается его? Пусть он сам и переделывает жизнь. Пусть. Только мешать не надо ему.

— Лёк, правда, товаров у меня нет. Я не торгующий человек. Но я буду помогать Лосю переделывать жизнь. Сам знаешь, какой длинный берег.

— Помогать?.. А я не могу помочь? Я председатель,— сурохо сказал Лёк и, забрав партийный билет

Ваамчо, проговорил: — Ты посиди здесь. Я скоро вернусь.

Лёк нашел Лося и, поманив его пальцем, повел в сторону, на берег лагуны. Лось шел следом за ним.

— Ты куда меня ведешь, Лёк? — спросил он.

— Пойдем, пойдем. Новость есть у меня.

Они дошли до лагуны, и Лёк, вскинув глаз, сказал:

— Пожалуй, ты правильный человек. На собрании ты хвалил мою байдару. Ты понимающий человек. Цля переделки жизни ты велел торгующим людям привезти моторы и для байдар. Пусть те байдарные люди, которые обзаведутся мотором, приедут ко мне. Я им расскажу, как нужно привязать мотор к байдаре. Так и быть, я начну, пожалуй, помогать тебе переделывать жизнь. Она все-таки начала переделываться.

Заложив руки назад, Лось стоял и внимательно слушал старика. Он был доволен, что у Лёка пробуждается такая активность, а тот продолжал:

— Ты думаешь, я попрежнему невижу перемены жизни?.. Вижу. Вот он, глаз. Он смотрит хорошо. Все видят он. А рука? — и Лёк показал широкую ладонь. — Сильная рука! Она много знает, эта рука. Вот этой рукой я сделал байдару. Она может сделать и вельбот, если доски будут. Ваамчо не сможет сделать вельбот, а я сделаю. За одну зиму сделаю. Мотор не сделаю, а вельбот сделаю. — И Лёк тихо добавил: — Потому что мотор железный.

— Я очень рад, Лёк, что мы вместе с тобой будем переделывать жизнь. Я очень рад, что ты стал председателем артели. Это все очень хорошо. Значит, ты решил окончательно итти к новому закону?

— Да, — вздохнув, сказал Лёк; он разжал руку и, показывая партийный билет Ваамчо, спросил: — А почему мне не дал такую? Ваамчо дал, а мне не дал.

— А ты, Лёк, где взял эту книжку? — удивился Лось.

— Забрал у Ваамчо. Тебе показать.

— Хорошо, Лёк. Я думаю, что тебе тоже можно дать такую книжку. Ты хочешь?

— Конечно, хочу!

— А ты знаешь, что это за книжка, товарищ Лёк?
Садись, и я тебе сейчас расскажу.

Они сели на гальку, закурили «папушу» из кисета Лёка, и Лось, попыхивая трубкой, рассказал ему, каким должен быть человек с такой книжкой.

Через несколько дней после партийного собрания Лёк получил членский билет и, уходя, сказал:

— Завтра устроим праздник кита, и я поеду домой. Я буду расчищать дорогу правильной жизни.

Весь вечер бродил Лёк вдоль морского берега один. Лёк думал о жизни и держал в руке партийный билет. Его некуда было положить: на одежде Лёка не было ни одного кармана. Лёк вынул кисет, положил билет вместе с «папушей», затянул кисет опять за пояс и ушел далеко-далеко от селения. Завтра утром начнется праздник кита. Лёк будет сидеть на самом почетном месте. Рядом с ним сядет старик Ильич, по другую сторону — гарпунщик Кмой, Лось.

«А Русаков где сядет? Пожалуй, он сядет рядом с Ильичем. Он все-таки ловко гонял мотором мою байдару. Девушки будут петь, танцевать. Будет танец кита. Его Лёк станцует сам. Кто лучше его может показать, как плыл кит, как он ударял хвостом? Никто. Только Лёк. А потом люди наложат полные вельботы китового мяса и разъедутся по своим стойбищам. Люди будут везде говорить: «Это Лёк убил кита. Лёк — великий ловец!»

Так он шел вдоль берега, размышляя о предстоящем большом празднике.

На пути попался валун. Лёк присел на него, отвязал кисет и, прежде чем закурить, полюбовался на красную книжку.

«Гм! Смотри, смотри, как прилепился Лёк к этой бумаге!» — удивленно проговорил он, разглядывая свою фотокарточку.

Он долго смотрел на нее и вспомнил Молодцова, который сделал ее. Этот юноша хотел снять кита. Он не понимает еще, что кита снимать нельзя. Потому что кит — все-таки не человек. Кит не может понять того, что понимает человек. И Лось хорошо это

знает, он согласился с Лёком, что нельзя снимать кита. Хол! Он понимающий человек, этот Лось.

Лёк вытянул руку с билетом и издали посмотрел еще на свою фотокарточку.

«Правильно сделал, с одним глазом», — оценил он работу радиста.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как только закончилась конференция, Ярак спешно выехал в Лорен. Ему нужно было срочно упаковать пушнину, так как пароход находился уже в пути. Эту новость о пароходе сообщил радиостанция Молодцов, который с помощью мотора и натянутых вверху проволочек знал все, что делалось на белом свете. Удивительный этот человек Молодцов! Даже Лось — и тот выспрашивал у него новости. Конечно, без новостей человеку жить нельзя.

Снег уже растаял, и нарта скользила по мокрой тундре. Упряжка шла медленно.

Покрикивая на собак, Ярак думал о белых людях. Ярак считал себя знатоком белых людей и, кроме того, многоязычным, так как разговаривал не только по-чукотски, но и по-американски, и по-русски. Но и он не мог понять, почему так непохожи друг на друга русские и американцы. И поступки их и обычай разные, и к народу русские относятся не так, как американцы. Совсем разные, хотя и белые люди.

Ярак вспомнил всю свою жизнь: как отверженным мальчиком — носителем злого духа — он попал к Чарли-Красному Носу; как Чарли отдавал его на все лето капитану американского китобойного парохода за десять ящиков патронов. Тогда не было удивительно, что работал на китобойце Ярак, а патроны забирал Чарли-Красный Нос. Только теперь понятно стало, что Чарли был неправильный человек. А капитаны-китобои? Сколько людей с побережья забирали они на китовый промысел! И женщин, и девушек! Американские люди хотели не только промышлять но заодно и веселиться с женщинами. Они просто заби-

рали их, хотя, конечно, не мешало бы спросить об этом мужей и отцов.

О! Никто так не знал жизнь и обычаи белых людей, как знал Ярак. Американцы хорошо наловчились приказывать, махая руками то туда, то сюда, и покрививши на охотников, как наездники на собак.

Люди с побережья за свою работу по разделке китов получали только корм, который они сами же и добывали. «Вот это жизнь! — думали люди.— На палубе корабля можно было есть китовое мясо, сколько хочешь!» Мяса действительно было так много, что все равно его приходилось бросать в море. Американцы не особенно любили запах китового мяса и жира: они предпочитали есть пищу из железных банок. От кита они забирали только ус да копались в его желудке, разыскивая какую-то амбру¹. И когда ее находили, веселился не только один капитан — все. Да, Яраку казалось, что он хорошо знает их жизнь. И только теперь Ярак ясно увидел, что он совсем не знал американцев.

Вспомнив, как Чарли-Красный Нос тащил его за ногу от Мэри, Ярак улыбнулся. Тогда он покорно ушел из железного дома. Что же! Надо было подчиняться обычаям белого человека. С белым человеком не будешь шутить. Чарли был владельцем товаров, к нему приходили капитаны-друзья. Чарли совсем не ездил по побережью: все ездили к нему. Он говорил только о песцах.

Русские на празднике Большого говоренья сказали, что люди все равны: и эскимосы, и чукчи, и русские. Все люди: и белые, и черные, и желтые. Что же? Пожалуй, это правда. Гм... Конечно, нелегко разобраться в новых обычаях. Поди попробуй понять все сразу. Жохов — тоже русский. Но он похож на американца: любит разговаривать криком.

И, вспомнив секретное сообщение Лося о том, что на смену Жохову едет другой, правильный человек,

¹ А м б р а — смолистое бурое вещество, очень дорогое, встречается не у каждого кита. Употребляется при изготовлении дорогих духов. Амбра не издает запаха, но обладает способностью сохранять на длительное время другие запахи.

Ярак преисполнился гордости от того, что он один знает этот секрет. Конечно, Жохов сам не хочет уезжать отсюда, но поедет. Так сказал Лось.

Всю дорогу Ярак размышлял о белых людях.

На склоне горы мелькнули яранги стойбища Лорен. Ярак прикрикнул на собак и подъехал к факторийному дому. Его встретил Жохов.

— Ну, как дела, делегат? — насмешливо спросил он. — Заходи ко мне, расскажешь.

Они зашли в комнату, и Жохов поставил на стол бутылку водки.

— Придется угостить тебя огненной водой. Ведь мы с тобой торговые товарищи.

Ярак очень удивился доброте Жохова и, как ни трудно было ему отказаться от такого угощения, все же сказал, почесав затылок:

— Не надо... Мэри сердиться будет. Придется и ей рассказывать новости.

— Расскажешь, — и Жохов налил две стопки водки.

Ярак вздохнул, глядя на стопку, вытащил из кармана красную книжечку и сказал:

— В артель коммунистов записался. Вот она.

— В коммунисты? — удивился Жохов. — Ну-ка, дай я посмотрю.

— Нет. Вот так, издали, смотри.

— Брось дурака валять! Дай-ка я посмотрю, — протягивая руку, строго сказал Жохов.

— Нет. Тебе не надо смотреть, — и Ярак спрятал свой членский билет.

Жохов выпил стопку водки и, подняв глаза на Ярака, презрительно сказал:

— Какой ты коммунист? Голову только тебе морочат зря. Что ты понимаешь в этом деле?

— Это правда, немножко мало еще я понимаю, но Лось сказал, что я потом все пойму.

Жохов полез вилкой в банку и, вытащив пикули, молча стал грызть их.

— Жохов, — сказал Ярак, — я знаю новость: скоро придет пароход. Надо скорей пушнину заложить в мешки.

— Гм!.. Коммунист?! — покачивая головой, сказал Жохов.— Ну, так о чём же там был разговор?

— Я пойду домой. Надо скорей посмотреть сына да торопиться пушнину упаковать.

Ярак зашел в свою комнату и, склонившись над кроваткой спящего сына, с улыбкой прикоснулся пальцем к щеке Андрея. Ребенок открыл глаза.

— Как Чарли, ты лежишь в кровати. Круглые какие у тебя глаза! Ишь ты! — сказал Ярак.

Ребенок надул щеки и заплакал.

— Плачешь? Зачем ты плачешь? Вот смотри,— и Ярак, вынув партийный билет, замахал красной книжечкой перед самым носом Андрея.— Видишь, какая книжка завелась у нас? Ты знаешь, что это за книжка? О, это такая книжка! С такой книжкой плакать нельзя.

В окно Ярак увидел, как бежала домой Мэри в белом халате и с красным крестом на косынке. Вслед за ней медленно шла Рультина.

Ярак спрятался в гардероб, прикрыв за собой дверку.

Мэри вошла в комнату и бросилась к сыну. Она взяла его на руки и, высоко подняв, спросила:

— А где отец?

Рультина, войдя, удивленно сказала:

— Собаки лежат у дома, а Ярака не видно. Где он?

Открылась дверца гардероба, и Ярак вышел на середину комнаты, широко улыбаясь.

Все засмеялись.

Когда сели за стол, Ярак рассказал новости о празднике Большого говоренья.

— Пароход скоро придет. Надо поторопиться уложить пушнину в мешки.

— Какой богатый Лось! Сколько у него пушкины! — сказала Рультина.

— Тут надо разобраться, чья эта пушнина,— задумчиво проговорил Ярак.— А разобраться не очень-то легко. На празднике Большого говоренья сказали, что эта пушнина государства.

— Кто такой Государства? Белый человек? — спросила Рультина.

— Нет. Государство — народ. Ты, я, Мэри, доктор, учитель, Лось — все. Много, много людей! Вот чья пушнина. По правде говоря, это трудно понять. Но только... это не одного Лося пушнина.

Рультина и Мэри удивленно смотрели на Ярака.

Он позвал Рультину в склад, крикнул еще двух парней и стал укладывать песчевые и лисьи шкурки по пятьдесят хвостов в каждый мешок. Жохов подвешивал на мешки железные пломбы-замки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стоял яркий, солнечный день. Голубое прозрачное небо отражалось в спокойном море. На горизонте еще не было видно парохода, но все население стойбища Лорен уже находилось в том приятном возбуждении, которое охватывает людей Севера, когда вдали над морем струится дымок. Ребятишки исступленно кричали:

— Пароход, пароход!

Пароход стал на рейд, и люди с шумом и веселым гиканьем бросились к моторному вельботу. Одновременно от борта парохода отвалил катер. Мерные звуки мотора огласили воздух, и катер стремительно понесся к берегу. Вельбот задержался. С катера донесся громкий, восторженный крик Аье:

— Яра-а-ак!.. Это я!.. Верну-улся!

Аье стоял у штурвала и, гордо подняв голову, направлял катер на прибрежную отмель, хотя никто из людей, стоявших на берегу, и не подумал, что катером управляет Аье. Да и кому это могло притти в голову?

На замедленном ходу катер ударился о песчаное дно, остановился. Аье бросился на нос катера и, взмахнув руками, прыгнул на берег.

— Какомэй, Аье! — закричали все.

Но Аье не мог выговорить ни слова от радости. Он только улыбался, поглядывая на свои высокие резиновые сапоги.

Вместе с Андреем Михайловичем Жуковым приехала Наталья Семеновна — жена Лося.

— Батюшки мои! — восторженно прокричал доктор.— Вот обрадуется Лось!

Жуков рекомендовал приезжих:

— Это товарищ Бодунов — производитель работ по строительству кульбазы. Двенадцать больших домов будем строить! — радостно сказал он.— А это новый заведующий пушной факторией — товарищ Смелов...

Люди шумно приветствовали друг друга.

Между тем Айе уже обрел дар речи. Он трепал Ярака за плечо и, смеясь, говорил:

— Видишь, Ярак, не пропал я на Большой земле. Помнишь, как мы советовались с тобой в тундре?

— Я же говорил тебе, что не пропадешь.

Айе дернул Ярака за пиджак и, щеголяя новыми словами, сказал:

— А костюм у тебя, как у боцмана во Владивостоке. Ну, как ты живешь, Ярак?

— Живу вот в том доме. Пушником работаю. Живем вместе с Мэри. Сын родился у нас.

— Ну?! Сын родился? Вот хорошо! — восторженно вскрикнул Айе.— А я много, много ездил. Как ветер, носились мы с Андреем. К теплому морю ездили. Потом вернулись во Владивосток, начал учиться управлять этим катером. Теперь я капитан! — важно сказал Айе.— А это мой приятель Смелов,— указал он на высокого человека с серьезным, вдумчивым лицом.

Айе потянул его за рукав кожаного пальто и, подчеркивая приятельские отношения со Смеловым, сказал:

— Смотри: мой друг Ярак. В фактории работает, пушником.

— А, Ярак! Очень приятно. Будем знакомы,— приветливо сказал Смелов.

— Жохов кончил? — спросил Ярак, лукаво улыбаясь.

— Да, кончил. Теперь вместе с тобой будем работать.

— Очень хорошо. Ты коммунист? — спросил Ярак. Смелов удивился, что этот парень с живыми чер-

ными глазами задает ему такой странный для этих мест вопрос.

— Да, я коммунист,— ответил он.

— И я коммунист. Вот книжка есть! — гордо заявил Ярак.

Айе с завистью сказал:

— А у меня нет такой книжки. Зато я капитан. Ярак, хочешь, прокачу на катере? И люди пусть поедут! А? — вдруг обратился Айе к своему старому товарищу.

Они подошли к катеру, и Айе громко предложил всем прокатиться к пароходу.

Люди нерешительно переглянулись.

— Садитесь, садитесь! Все садитесь! — кричал Айе.

Первыми бросились мальчишки, потом, недоверчиво посматривая на Айе, полезли и взрослые охотники.

— Миша, заводи машину! — крикнул Айе в окно маленькой избушки, построенной на палубе катера.

Айе взялся за штурвал и, поворачивая его с торжественным выражением лица, круто развернув катер на полном ходу, повел его к пароходу.

— Какомэй, Айе! Капитан Айе! — восторженно кричали люди, восхищаясь его уменьем ходить на такой большой железной лодке.

Катер подошел к борту парохода. Айе ловко дернул ручку — внутри избушки что-то звякнуло. Катер дал задний ход и остановился.

— Ну, ступайте теперь на пароход в гости,— сказал Айе людям.

И хотя побывать на пароходе считалось величайшим счастьем, желающих не оказалось, никто не захотел уходить, все с любопытством разглядывали катер, которым управлял Айе.

И самому Айе было приятно, что его сородичи не ушли с катера. Он и подвез их к пароходу с тем, чтобы показать свое великое мастерство.

Айе дернул за ручку — опять что-то звякнуло, машина заработала, и Айе, обойдя на катере кругом парохода, направил его к берегу.

— Айе, товары скоро начнут выгружать? — спросил Ярак.

— Мы привезли двенадцать домов и десять вельботов. С товарами придет другой пароход.

Айе разговаривал и управлял штурвалом с таким спокойствием, будто ехал на собаках, которые сами знают, куда нужно везти хозяина.

И все удивлялись: Айе все знает! Он знает даже, что везет пароход! Вот тебе и Айе — пастух, не имеющий жены! Очень удивительно это все!

Андрей Жуков стоял на берегу и, глядя на приближающийся катер, заполненный людьми, улыбался. Он понимал, что Айе показывает сородичам свое искусство управлять катером.

Катер подошел к берегу. Андрей сказал:

— Айе, придется тебе сейчас же ехать в командировку. Наталью Семеновну надо отвезти. Хочет сегодня попасть в ревком.

— Пожалуйста! — восторженно сказал Айе.

Поехать вдоль побережья и самому управлять катером — о такой новости заговорят все люди!

— А мы, Айе, скоро снимемся с якоря и пойдем в залив Лаврентия, куда ты вернешься на катере. Только не задерживайся. На обратном пути в стойбищах набери побольше людей, чтобы скорей можно было разгрузить пароход. Ясно? — улыбнувшись, спросил Андрей.

— Задание ясно, товарищ Жуков,— по-русски ответил Айе и весело подмигнул.

Айе с наслаждением поехал бы не только в ревком, но и до самого Энмакая. Вот удивилась бы Тыгrena! И, вспомнив о ней, Айе тяжело вздохнул.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На галечной косе, поросшей многолетней травой, где гнездились утки, началось строительство культбазы.

Лесовоз разгрузился и ушел. Люди разместились в палатках, под опрокинутыми вельботами. Строительная группа осталась на зимовку. В первую очередь нужно было выстроить школу-интернат и больницу на двадцать коек.

Вне всякого плана появилась баня. Она заменяла здесь больницу: вымокшие под осенними дождями строители отогревались в бане, сушились, парились и, прия в свои палатки, залезали в меховые спальные мешки.

Вскоре на косе выросли фундаменты двух больших зданий.

Самые разнообразные слухи пошли по всему побережью и в глубь тундры. Шаманы говорили, что русские будут отнимать детей, запирать их в клетки больших домов и затем на пароходах увозить в неведомую страну.

Ближайшие оленеводы, бросив свои исконные пастбища, откочевали в глубь тундры. В тундре рассказывали, что пастух Айе стал машинным человеком, потерял рассудок и перестал быть настоящим охотником.

Но в береговых стойбищах у морских зверобоев авторитет Айе вырос недосягаемо. Он часто разъезжал по побережью, собирая людей на строительство.

Даже Лось не предполагал, что катер, управляемый Айе, привлекший всеобщее внимание, явится таким могучим агитатором за переделку жизни.

Сезон охоты на моржа окончился, и люди охотно ехали на строительство, где, по совершенно проверенным слухам, за работу платили рубли-бумажки. И, странное дело, во всех факториях за эти бумажки, как за песцовые шкурки, отпускали самые разнообразные товары: и сахар, и табак, и даже ружья. Эти рубли-бумажки проникали всюду, они были сильнее песцовых шкурок. И люди ехали на нартах, шли пешком, чтобы работать на строительстве.

О! Это совсем не то, что работать на американском китобийном корабле только за один корм.

Наступила зима.

В канун Октябрьской годовщины строители перешли из палаток в новый школьный дом, который стоял уже под крышей.

Айе ускакал на нарте в прибрежные стойбища приглашать людей на большой праздник.

В яранге собралось множество людей, и Айе, прихлебывая чай, рассказывал:

— Этот праздник устроил Ленин. Я сам видел, как люди Большой земли радостно праздновали его. Они шли с красными полотнищами. Их было так много, что даже на птичьих базарах не бывает столько птиц. Вот сколько людей! На их лицах была радость, будто они увидели солнце после долгой зимы. Другой большой человек — Сталин, товарищ Ленина, — велел устроить такую же новую жизнь и у нас. Теперь вы сами видите: вельботы пришли с моторами. И вы сами видите, как ловко на них охотиться. И теперь у нас будет русский праздник! — Айе подумал и торжественно сказал: — Это наш праздник Правильной Жизни.

Айе сидел в пиджаке, из-под которого виднелась яркая рубашка. Густые черные волосы его были подстрижены по-русски коротко и торчали кверху.

Айе долго, при всеобщем молчании, рассказывал о чудесах Большой земли, об огромных, как скалы, домах, о больших огнях их стойбищ, о железных нартаках, которые с грохотом, подобно раскатам грома, и в два раза быстрее собак мчатся по дорогам, сделанным из железа.

Айе рассказывал, как угожали его там, на Большой земле, и как все русские люди стремились сделать ему что-нибудь хорошее.

Охотники, женщины, дети молча слушали Айе и не верили: это совсем не тот Айе, которого они видели раньше. Не потерял ли тот Айе разум, сделавшись машинным человеком? Кто знает, что стало с Айе — оленным пастухом, не имеющим жены. Впрочем, он и раньше умел рассказывать разные сказки.

Около светильника лежал старик. В руках у него торчала потухшая трубка. Старик внимательно прислушивался к словам Айе.

И когда Айе закончил свой рассказ, старик привстал и сказал:

— Люди, смотрите на него. Он потерял человеческий облик. Его волосы перестали быть такими, какие носят все наши люди. Они не спускаются на лоб, а торчат кверху. Разве можно быть с такими волосами

настоящим охотником? Его лицо наполовину побледнело. Он стал нашим человеком только наполовину. А ведь был слух, что Айе ловил даже чернобурых лисиц. Был слух, что он хороший стрелок. Теперь он, пожалуй, не застрелит тюленя поблизости. Слушать нам его непристойно. Его тело не одето в оленью шкуру, оно завернуто в таныгинское полотнище. Худое нам может принести такой человек! — закончил старик с дрожью в голосе.

Айе с волнением слушал старика. Охотники переглядывались между собой.

— Старик,— нарочито спокойно сказал Айе,— от того, что мои волосы легли по-другому, я не разучился стрелять.

— Люди, поставьте ему дальнюю цель! Пусть отстрелят кончик оленевого рога. Тогда мы посмотрим, наш ли ты человек! — сказал старик.

Охотники быстро выползли из полога. Какой-то парень подбежал к старику и передал ему ветвистые оленьи рога.

Старик внимательно осмотрел их, не торопясь, вынул свой нож и сделал надрез на самом кончике маленького отростка.

— Вот сюда,— указал старик.

— Хорошо,— ответил Айе.

Ему дали винчестер, и тот же молодой парень поставил рога в снег.

— Дальше, дальше ставь! Еще хорошо вижу отросток! — крикнул Айе.

Охотники удивленно переглянулись:

«Не безумный ли он стал? На таком расстоянии трудно попасть даже в глаз тюленя!»

Охотникам жалко стало Айе, и даже старик подумал, что Айе достоин сожаления. Но Айе спокойно уселся с винчестером в руке на снег и спросил:

— Давнишнее ружье?

— В прошлую зиму выменяли,— ответил старик.

— Чужое ружье,— сказал Айе, прицеливаясь.

Он поставил локти на согнутые колени и долго целился. И вдруг, приблизив к глазам ствол ружья, стал внимательно рассматривать мушку.

— Хорошая мушка,— сказал владелец винчестера.— Американскую снял, свою приделал. Ружье пристреляно.

Айе вновь прицелился. Он целился очень долго. Люди с напряжением смотрели на него, и сам Айе волновался. Он опять снял ружье с колена и посмотрел на мушку. Это было нелегкое дело!

Наконец Айе выстрелил.

Люди побежали к рогам.

— Промах! — послышался крик.

Айе сидел на снегу и чесал затылок.

— Промахнулся Айе. Стариk прав,— сказал пожилой охотник.

Айе вскочил и сердито сказал:

— Это ружье твое. Ты хозяин ему. Попробуй сам отстрелить кончик отростка!

Владелец ружья сел, прицелился, выстрелил и тоже промахнулся.

Стариk, затеявший испытание Айе, с важностью проговорил:

— Айе, наверное, научился хвастовству у белых людей. Поставьте рога там, где велел я.

Рога перенесли ближе.

Раздался выстрел, и опять вся толпа бросилась к рогам. Айе остался вдвоем со стариком.

— Есть, есть! — радостно закричали охотники.

Айе вскочил и облегченно вздохнул.

Старику поднесли рога. Он ощупал пальцами отбитый пулей отросток и сказал:

— Теперь я вижу, что ты остался настоящим человеком нашей земли. Пожалуй, надо посмотреть, что за праздник, будут устраивать русские.

— Праздник хороший,— сказал Айе.— Будут бега на собаках, состязания в стрельбе, в беге, будет борьба. За все будут выдаваться призы. Готовьте собак. Лучший наездник получит ружье!

— Хо! Ты, пожалуй, врешь? — недоверчиво спросил стариk.

— Нет, не вру. Приезжай — увидишь сам.

И все стали готовиться к празднику Правильной Жизни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Удивительный обычай возник в стойбище Энмакай: бабы принялись за охоту на пушного зверя. Ну, бабье ли это дело — ездить на собаках в тундру, разбрасывать приманки на зверя, ставить капканы и затем ежедневно осматривать их?

И все это сделал русский учитель Дворкин.

Люди стойбища верили ему и объединились в обиде на Алитета. В их ярангах поселилась и прижилась радость жизни.

Сами женщины, услышав в первый раз от учителя, что им нужно ловить песцов, смеялись над ним.

— Вы попробуйте, а потом мы и собак хороших разведем. У каждой будет хорошая упряжка,— уверял их учитель.

И чтобы не огорчать учителя, которого уже полюбили, женщины решили попробовать заняться охотой.

В тот вечер они поздно разошлись, и Дворкин, слушая их смех, доносившийся с улицы, сам улыбался.

И по всему побережью русские с настойчивостью принялись помогать бедным людям. Это они изгнали голод с побережья своими вельботами-самоходами и новым законом жизни.

— О, это только начало! — говорил учитель.

Мяса было много, и каждая из женщин без ущерба для хозяйства могла отвезти в тундру приманку на песца.

А сколько было радости, когда Уакат привезла первого песца, за которого можно получить сорок бумажек-рублей!

Женщины тоже научились понимать толк в бумажках-рублях. Чтобы отметить это небывалое событие — первого песца, пойманного женщиной,— Ваамчо устроил собрание.

Виновница торжества Уакат была в центре внимания. Все только и говорили о ней. После собрания она не спала всю ночь, а рано утром, когда еще не взошла луна, Уакат уже умчалась осматривать капканы

Вот он какой, новый закон! Неплохой закон. Каждый, у кого есть глаза, видит это сам.

Ваамчо, обзаведясь хорошей упряжкой, успевал разбрасывать приманки на песца и ездить по соседним стойбищам, развозя великие слова правды.

И лишь Алитета ничего не радовало. Скучно стало ему в стойбище Энмакай. Он давно отвык от охотничьей жизни и теперь не находил себе дела. Днем он спал, чтобы не разговаривать с людьми, а ночью, как хищник, бродил по стойбищу или в торосах моря. Когда же в стойбище заезжал кто-либо из ревкома и люди бежали в школу послушать новости, Алитет уходил в камни и не возвращался до тех пор, пока не уезжал русский. Ушла радость жизни. Перестал Алитет дружить с удачей. Сердце ныло от тоски по торговле. Безделье угнетало его, оно порождало лишь мрачные думы. Браун и в это лето обманул. На всем побережье негде было взять товаров. Всюду сидели русские купцы из племени Лося. Трудно стало жить Алитету: вся семья переселилась в один полог, потому что не стало хватать жира, чтобы отопить и осветить три полога. Но и в единственном пологе огонь светил тускло.

В полумраке с открытыми глазами молча лежал Алитет. И никто не знал, о чем думал он. Всем было тягостно, и все старались молчать.

Тыгрена догадывалась, что скоро, скоро Алитет покинет побережье и навсегда уйдет в горы.

Озлобленный, он лежал и неприязненно посматривал на своего отца Кореуге. Алитет возненавидел и его. Недовольство и вражда поселились в пологе.

— Ты все лежишь? Не мешало бы позаботиться о жире,— напомнил Кореуге сыну.

Алитет поднялся с оленьей шкуры и, сидя, долго смотрел на отца. Потом недовольно сказал:

— Ты перестал видеть, что настала трудная жизнь. Не мешало бы тебе подумать об уходе к верхним людям. Что-то давно я не вижу от тебя никакой пользы. Или ты все еще думаешь, что помогаешь мне в моих делах?

Шаман вздрогнул и с глубокой обидой сказал:

— Где это видано, чтобы человеку кто-то предлагал уходить к верхним людям? Разве у меня перестал ворочаться язык во рту, чтобы самому попросить смерти? Разве я перестал быть хозяином своей жизни? Или ты думаешь, что я не могу сам вымолвить последнее слово?

Алитет вскочил и резко, непочтительно, повысив голос, сказал:

— А ты не видишь, нас кругом окружил новый закон, привезенный русскими!?

Алитет в ярости сорвал деревянных и костяных прокопченных божков, висевших на стенках, и торопливо вылез из полога. Он схватил топор и озлобленно начал рубить их на мелкие кусочки, приговаривая:

— Вот вам, помощники в жизни!

Он собрал кусочки божков в пригоршню и, выйдя из яранги, разметал их на снегу. Затоптав их, он вернулся, взял ружье и ушел во льды сторожить нерпу.

Давно не сидел он у отдушины. Скучно сидеть и бесконечно долго ждать, когда покажется эта глупая нерпа подышать воздухом. Но Алитет терпеливо сидел и думал. Он долго сидел и, разозлившись, бросил ружье в отдушину, сказал:

— Все! Нечего делать здесь на берегу. Пора уходить в горы.

Вернувшись домой и встретив около яранги Тыгрену, он крикнул:

— Живо собак! Скорей надо готовиться к кочевой жизни.

Лицо Алитета было необыкновенно злым и страшным, когда, одетый по-дорожному, он вышел к нарте, где Тыгрена пристегивала собак. Она запрягала собак торопливо и не могла скрыть радости, что Алитет наконец-то уезжает из стойбища. Слишком тяжело стало жить вместе, хочется отдохнуть без Алитета.

Алитет бросил озлобленный взгляд на Тыгрену и предостерегающе сказал:

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты опять перестаешь ненавидеть русских... К тебе возвращаются прежние думы. Не вздумай зайти к учителю. Знай, худо будет и тебе и мальчишке.

Тыгрена промолчала: она уже хорошо знала, что лучше не говорить в таких случаях.

Алитет сел на нарту, гаркнул на собак, и они, сорвавшись с места, сразу взяли в галоп. И хотя нельзя было пускать собак вскачь, пока они не втянулись, Алитет не стал тормозить.

Тыгрена долго смотрела вслед убегающей упряжке, пока она не скрылась за холмом.

Она вернулась в ярангу с тяжелым чувством. Впереди все казалось мрачным и тревожным. Тыгрена, предчувствуя что-то недоброе, остановилась в раздумье. Ей захотелось с кем-нибудь поговорить, но с Наргинаут и с ее сестрой она давно перестала делиться своими думами. Она решила сходить к Ваамчо и поговорить с ним.

Она шла к яранге Ваамчо медленно, ноги не слушались, печаль не сходила с ее лица.

Встретившись с Ваамчо, она долго не могла заговорить с ним. Они молча стояли около яранги и смотрели в ту сторону, где скрылась упряжка Алитета.

— Уехал? — спросил Ваамчо.

Тыгрена кивнула головой.

— Что случилось с тобой, Тыгрена? Ты сама всегда подталкивала меня на дорогу новой жизни, а потом ушла в сторону. Аие увезли на Большую землю совсем не для того, чтобы убить его там. Он должен вернуться. Так говорит учитель. У тебя есть глаза, а ты перестала видеть, что русские — не враги нам. Посмотри сама, своими глазами. Сердце русских несет нашему народу радость и дружбу. Смотри, Тыгрена, кругом: сколько людей освободилось из капканов Алитета, и теперь они резвятся, как песцы весной. Только одна ты сидишь в капкане. Русские хотят вытащить тебя из этого капканы, но ты огрызаешься. Почему так? Тебе нравится сидеть в капкане?

— Нет, Ваамчо. У меня, наверное, скоро лопнет сердце от злости. Вот как мне не нравится.

— Новый закон есть, Тыгрена. Не хочешь жить у Алитета — можно уйти от него. Так говорит учитель, и так говорил мне Лось. Я всегда с ним говорю о тебе.

Когда не было нового закона, который теперь прижился на берегу, сколько раз ты убегала от Алитета? Теперь есть новый закон, но ты не хочешь уходить от него. Почему так?

— Куда итти? Разве у меня есть где-нибудь другой муж?

— В школьную ярангу иди. Будешь убирать школу, топить углем печи, кипятить чай. За это учитель будет давать тебе бумажки-рубли. Уакат уйдет. Она согласна. Все равно она получает рубли-бумажки по родовому совету. Ей хватит их. И учитель сказал: «Пусть приходит Тыгрена». Он тебя в обиду не даст. Ты же знаешь, какой он сильный. Ты забыла, как он свалил Алитета?

— Ты не знаешь, Ваамчо, каким стал Алитет теперь. У него кружится голова. Он стал походить на бешеного волка. Он не будет драться с учителем, как раньше. Он застрелит и его, и меня, и Айвама. Наверное, и тебя застрелит. Скоро заберет всех нас в горы. Я не хочу туда. Я не хочу туда. Я не умею жить в горах.

Мальчик Гой-Гой, заметив Тыгрену, стоящую с Ваамчо, побежал сообщить об этом Корauge.

Наргинаут, прислушиваясь к словам Гой-Гоя, сердито сказала:

— Помолчи. Пусть Тыгрена говорит с Ваамчо. Разве он не отец ее сына Айвама? С каждым днем Айвам становится все больше и больше похожим на него.

Тыгрена пришла домой и, не глядя на шамана, почувствовала на себе его пронизывающий взгляд. Она села к нему спиной и про себя решила напомнить этому дрянному старику, что пора ему уходить к верхним людям.

— Этот мальчишка Айвам чей сын? — послышался голос Корauge.

Тыгрена вздрогнула и, не оборачиваясь к старику, без признаков почтения в голосе сказала:

— Мой сын.

— А кто его отец? — испытующе протянул Корauge.

— Не знаю.

— Нет, ты знаешь. Ты хочешь спрятать отца? Мальчишка становится похожим на этого презренного Ваамчо, сына строптивого старика Ваала, разодранного бурым медведем. Мальчишка не нашего рода — взвизгнул Корауге и затряс костлявой рукой.

Лицо Тыгрены зарделось. Она молча в упор посмотрела на старика.

— Молчишь? Что-то я не помню, чтобы Алитет сам выбрал Ваамчо в невтумы. Не потому ли мальчишку и зовут Айвам? А?

— Я сама выбрала Ваамчо в невтумы. Он настоящий человек и ловкий охотник. Айвам — сын двух отцов.

— Безумная! — закричал старик. — Прикуси скорей язык! Он слишком разболтался. Разве сами женщины выбирают невтумов?

— Новый закон жизни, — волнуясь, сказала Тыгрена, и ей захотелось подбежать к старику и наступить на его тощую шею ногой, чтобы из его горла вылетели не слова, а хрип.

— Если ты перестала бояться гнева духов, берегись гнева Чарли. Он скоро вернется.

— Перестань болтать вздор. Не лучше ли тебе подумать о том, что сказал тебе твой сын? Ты надоел всем людям, живущим на земле, и пора тебе уходить к верхним людям.

— А-а-а! — застонал Корауге и в знак своего возмущения принял биться головой о шкуру.

— Тыгрена! — послышался из сенок окрик.

Взволнованная разговором с Корауге, Тыгрена не узнала голоса Ваамчо.

И когда окрик повторился, она стремительно подняла меховую занавеску и увидела Ваамчо. Он молча кивнул ей в сторону наружной двери и вышел из яранги.

«Что случилось? Давно Ваамчо не заходил сюда», — подумала Тыгрена, быстро оделась и догнала его.

— Что случилось, Ваамчо?

— Тыгрена, большие новости пришли. Приехал Эрмен, сказал, что Аие вернулся с Большой земли.

Машинным человеком стал. Капитаном стал. Живет в заливе Лаврентия с русскими и строит много деревянных яранг...

— Вернулся Айе?! — удивилась Тыгрена.—Значит, он не умер там?!

— Нет, его видел Эрмен сам. Он привез бумаги учителю: одну — мне, другую — тебе.

— Мне бумагу? Зачем?

Глаза Тыгрены широко, удивленно раскрылись.

— Пойдем, Тыгрена, к учителю. Он велел позвать тебя. Не бойся. Мы постоим за тебя. Ты ведь знаешь, что я теперь начальник многих стойбищ!

— Пойдем, Ваамчо,— согласилась Тыгрена.

В школе было тепло, лампа «молния» светила ярко, как солнце.

— Здравствуй, Тыгрена,— сказал Дворкин, протягивая ей руку.— Садись! Садись и ты, Ваамчо.

Учитель разбирался в каких-то бумагах. Тыгрена следила за каждым его движением.

— Тыгрена, тебе пришло письмо от Айе. Вот что он пишет: «Тыгрена, я, Айе, вернулся с Большой земли. Теперь я стал помощником Андрея. Помнишь, который приезжал к вам с Лосем? Теперь я стал совсем другим человеком. Если ты не перестала думать обо мне, забирай Айвама и приезжай ко мне. Я говорил с Андреем, с Лосем, и они мне сказали: «Пусть Тыгрена приезжает». Теперь Алитет не заберет тебя обратно, как раньше. Кончилась его сила. Вот все. Айе».

Тыгрене показалось, будто она спит и видит сон. Голова закружилась, в глазах потемнело. Кто знает: слова ли Айе она слышит или это говорит сама бумага? Никогда она не слышала таких слов от Айе. Да и откуда знает Айе, как вложить слова в бумагу? Не сам ли учитель придумывает такой разговор?

И восторг на лице Тыгрены сменился недоверием.

— А может быть, это говорит не Айе? Он никогда не умел разговаривать по бумажке,— тихо спросила Тыгрена.

Дворкин встал со стула и, показывая письмо, мягко сказал:

— Смотри, Тыгрена. Вот письмо. Его написал сам Айе. Наверное, он научился так же, как и мои ученики. Ведь они тоже раньше не разговаривали по бумажке. Я говорю тебе правду: письмо написал Айе.

Тыгрена осторожно взяла бумажку, посмотрела в нее, и ничто не напомнило в ней Айе. Она напряженно глядела в бумагу, силясь понять смысл и значение рассыпанных крючков, и не могла. Она перевернула бумажку и вдруг с изумлением проговорила:

— Смотри, смотри, Ваамчо! Здесь нарисовано стойбище Янракенот, где мы с детства жили с Айе. Смотри, вот яранга моего отца Каменвата, вот яранга Айе, вот яранги соседей. Всего их было десять яранг. Вот все они здесь. А это наша гора. Айе всегда палкой рисовал это стойбище на снегу. Это его рисунок!

Дворкин с улыбкой слушал восторженный рассказ Тыгрены.

— Я тебе и говорю, Тыгрена, что эта бумага написана Айе. Я не выдумываю. Я совсем не хочу шутить над твоей тяжелой жизнью. Я говорю тебе правду. Тебя зовет Айе к себе, и ты немедленно поезжай. Ничего не бойся и не опасайся. Там у тебя найдутся защитники. Давно пора бросить к чорту этого Алитета. Вот завтра же вместе с Ваамчо и поезжай. Его вызывают туда на праздник.

Тыгрена вопросительно взглянула на Ваамчо.

— Поедем, Тыгрена, а то увезет еще тебя Алитет в горы, оттуда трудней будет убежать.

Тыгрена поспешила встала и сказала решительно:

— Едем, Ваамчо.

Запыхавшись, она прибежала домой. Айвам смеялся, что-то лепетал, держа в руках круглые морские камешки.

Тыгрена подняла его на руки и пристально взглянула на него, ища в его лице черты Айе. И несмотря на то, что их не было в лице Айвама, она увидала их.

— Играй, Айвам,—сказала она.

— Ты куда ходила? — злобно спросил Кораяге.— К учителю ходила? Блудня!

Тыгрене трудно было промолчать, скрипучий голос

старика раздражал ее, но ей совсем не хотелось вступать в разговор с ним. И она молчала.

— Я знаю, куда ты ходила! — визгливо прокричал старик.— Ты умножила свои проступки. И худо, ой, как худо будет тебе!

Айвам подошел к старику и поднес ему камешки.

— Убери его, этого мальчишку! Он не нашего рода, этот волчонок! — И шаман сунул жесткую, костлявую руку прямо в лицо Айвама.

Мальчик закричал, свалился на шкуры, из носа его потекла кровь.

Тыгрена бросилась к старику. Она сгребла его своими могучими руками, оторвала от пола и со всего размаху выбросила дряблое тело в сенки, на галечный пол. Старик грохнулся, как мешок с костями, и, распластавшись, остался лежать неподвижно.

Тыгрена схватила Айвама и с побагровевшим лицом побежала к учителю.

— Сейчас я хочу ехать! — крикнула она.

Вслед за ней вбежал Ваамчо.

— Запрягай собак, Ваамчо! Я хочу ехать сейчас!

— Сейчас? — удивился Ваамчо.— Ночь. Утром поедем.

— Луна скоро засветит. Сейчас едем. Иди, иди, Ваамчо,— и она выпроводила его на улицу.

— Учитель, пусть Айвам побудет здесь. Пожалуй, я запрягу своих собак.

Подбежала встревоженная Наргинаут.

— Старик умирает,— шепотом сказала она.

— Пусть умирает,— равнодушно ответила Тыгрена.

— Да, пожалуй, ему все-таки пора умереть,— согласилась Наргинаут.

Разъяренная Тыгрена быстро заложила собак и подкатила к школе, где уже стояла нарта Ваамчо.

Она взяла в одну руку сына, в другую — остол и, садясь на нарту, сказала:

— Едем, Ваамчо!

— Подожди, Тыгрена. Мне надо что-то сказать учителю.

— Что такое, Ваамчо? — спросил Дворкин, провожавший их.

— Пусть Алек с ребенком, пока я не вернусь, проживет у тебя в школе.

— Хорошо,— сказал учитель.

Едва нарты выехали из стойбища и скрылись яранги, Тыгрена остановила упряжку.

— Ваамчо, пристегни моих собак к своей нарте. Мне трудно управлять упряжкой.

Ваамчо пристегнул собак к своей нарте, и длинная вереница в двадцать четыре собаки, извиваясь вдоль морского берега, тронулась в путь. Тыгрена сидела рядом, прижав к себе Айвама.

— Тыгрена, ты убила старика? — спросил Ваамчо.

— Нет. Он сам уился.

На небе, одетая в рубашку, смеялась луна — предвестник пурги.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

К октябрьским праздникам в заливе Лаврентия, на галечной косе, выросли два огромных дома: школа-интернат и больница. Уже задымили печи, и строители временно переселились в теплые дома.

Такова уже традиция советских людей — ознаменовывать годовщину своего великого праздника производственными достижениями.

Так встречали праздник и на берегах холодного северного моря.

На зданиях стояли высокие флагштоки с развевающимися алыми полотнищами.

Наступила уже настоящая зима.

Всюду на приколах лежали собачьи упряжки. Охотники ходили вокруг зданий, с любопытством заглядывая во все уголки невиданного русского стойбища. Хозяином этого стойбища был Андрей Михайлович Жуков.

Люди удивлялись тому, что этот русский юноша Андрей так неожиданно разбогател. Ведь первый раз, когда он приехал к ним, у него, кроме упряжки собак, ничего не было. Теперь он вернулся совсем другим. У него даже выросли усы!

— Смотрите,— говорили люди,— сколько он навез дерева в нашу безлесную страну.

В здании будущей больницы стоял «титан», привлекший всеобщее внимание. О, это был чудесный чайник! В нем беспрерывно кипела вода, и здесь, как началось с утра чаепитие, так и продолжалось до самого позднего вечера. Хозяйничала Мэри. Она была одета в белый халат, выделявший ее из общей массы людей, одетых в меха. Мэри гордилась тем, что ей поручили угождать приезжих на праздник. В ее распоряжении находились «титан», чай, сахар и мешки сухарей. Как приятно угождать людей! Такого множества гостей у Чарли Томсона никогда не собирались.

В большой комнате-классе, где пока разместился Андрей Жуков, тоже было очень оживленно. Здесь были Лось, его жена Наталья Семеновна и Ярак.

Лось впервые за время пребывания на Чукотке нарядился в костюм.

В таком же костюме был Андрей и даже Ярак. Андрей рассказывал, что до конца года предстоит построить еще дома ветеринарно-зоотехнического пункта, жилые дома с благоустроенными квартирами, столовую, пекарню, прачечную и механические мастерские — для ремонта рульмоторов, капканов и оружия.

Лось посмотрел на Ярака и сказал с восхищением:

— Погляди, Андрюша, какой стал Ярак! Настоящий спец.

— Айе и Мэри велели все это надеть,— сказал смутившийся Ярак, словно извиняясь за свою одежду.— Айе говорил, в Москве все люди наряжаются на праздник. И удавку эту сам привязал мне, — держая за длинный яркий галстук, проговорил Ярак.— Вот и Лось так же оделся. В первый раз я его вижу в такой одежде.

— Хорошо, хорошо, Ярак! — сказал Лось.— Как ты работаешь, Ярак, с новым заведующим факторией?

— Хорошо, очень хорошо, товарищ Лось! Смелов — правильный человек. Всегда позовет меня и спросит: «Ну, как ты думаешь, Ярак?»

— Советуется, значит?

— Да, да. Мы хорошо работаем. Я ему говорю: надо факторио перевести сюда, поближе к культбазе. Люди приедут торговать, будут заходить и в школу и в больницу. Весной на вельботах факторио быстро можно перевезти.

— Андрей Михайлович,— впервые обратившись к Жукову по имени и отчеству, оживленно заговорил Лось.— А ведь это интересная мысль! Ты понимаешь, помимо культурных мероприятий, здесь будет и центр экономического тяготения. Это очень хорошо. Организовать здесь заездный дом, скажем, Дом охотника. Посадить в него политпросветработника, украсить этот дом плакатами, кинопередвижку выписать. Да ты знаешь, какую работу можно развернуть с приезжающими! Сколько людей ездит в факторио! Твое предложение, Ярак, очень ценное.

— Блестящая мысль! — сказал Андрей.— Молодец, Ярак! Твою идею мы осуществим непременно.

Ярак слушал этот разговор с большим удовлетворением; он не знал еще, что такое идея, но он видел, что предложил что-то дельное, и оживленно, с восторгом опять заговорил:

— Конечно, надо факторио перенести сюда. И Смелов тоже так думает. Мэри захочет работать в большой больнице,— как тогда будем жить? В разных местах?

— Правильно, правильно, Ярак, — подтвердил Лось.

— Придется заказывать еще дом,— сказал Андрей.

— Зачем? Дом уже готов. Ведь лоренская больничка закрывается. Доктор Петр Петрович сюда же переводится. Перевезем сюда его больницу — вот тебе и Дом охотника.

— А меня назначьте в него политпросветработником,— предложила Наталья Семеновна.

— Нет, это не выйдет. Как тогда будем жить? В разных местах? — усмехнувшись, сказал Лось, глядя на Ярака, словно ища у него сочувствия.— Тогда и ревком надо переводить сюда?

В комнату вбежал Айе и, от удивления широко раскрыв глаза, громко воскликнул:

— Какомэй! Лось! Наташа — дорожный товарищ!

— Здравствуй, здравствуй, Айе! Вот и мы приехали на ваш праздник. Наташа вот даже соскучилась по тебе. Давно, говорит, не видела Айе,— сказал Лось.

Наталья Семеновна, полюбившая Айе и действительно соскучившаяся по нему, с улыбкой подала ему руку.

— Ну, как живешь, Айе? — ласково сказала она.

— Хорошо живем. Дома строим, праздник делаем.

— А где ты живешь?

— Вот рядом с Андреем моя комната. Пойдем, я тебе покажу.

Они вошли в комнату Айе, напоминавшую не жилое помещение, а какую-то мастерскую. На кровати Айе, у стола сидели охотники и с любопытством рассматривали детали рульмоторов. Посредине комнаты стояли козлы, прикрепленные болтами к полу, и на них висел в полной готовности рульмотор.

— Здравствуйте, товарищи! — обращаясь к охотникам, сказала Наталья Семеновна.

— Это жена Лося и моя приятельница. Я жил у нее во Владивостоке! — гордо и весело представил Айе Наталью Семеновну.

Здесь были преимущественно молодые парни, которым предстояло стать мотористами. Наталья Семеновна с каждым из них поздоровалась за руку, чем привела парней в немалое смущение.

— Айе, что у тебя здесь? Комната или мастерская?

— Мастерские еще не построили. А людям надо показывать мотор. Эрмен, открой окно, я сейчас покажу.

Айе подошел к козлам, дернул шнур маховичка. Мотор затарахтел и сразу напустил полную комнату дыма.

На шум вбежали Лось, Андрей и Ярак.

— О, что тут делается! — крикнул Лось.— Завод здесь!

Айе выключил мотор и серьезно сказал:

— Это я немножко показывал. Дым уйдет в окно.

— Пусть выходит. Пойдем, Айе, в комнату Андрея,— предложила Наталья Семеновна.

В комнате Андрея стояли кровать, стол, шкаф. На столе лежали всевозможные чертежи, бумаги, книги Порядка в комнате не было.

Наталья Семеновна с упреком сказала:

— Андрей Михайлович, я не в восторге от вашего быта. Ну, что это такое? В комнате Айе не то жилье, не то мастерская, не то склад. У тебя тоже не поймешь что. Надо создавать культурный быт, дорогой товарищ.

— Только одну женщину привезли — и уже пошла критика,— улыбнувшись, сказал Лось.

Андрей смущился.

— Во-первых, Наталья Семеновна, комнату Айе в таком виде я сам только что увидел. И все это он настроил не иначе, как к празднику.

— Вчера ночью я поставил мотор,— сказал Айе.

— Во-вторых, мы с ним не обзавелись еще женами и живем на холостом ходу. В-третьих, только перед вашим приездом мы вылезли из палаток. Приезжайте к нам на майский праздник,— тогда ваша строгая и справедливая критика отпадет сама по себе. У нас будет три дома с настоящими, очень благоустроенными квартирами.

— Правильно, правильно, Андрюша. И Москва не сразу строилась,— поддержал его Лось.— Подожди, Наташа. Всему свое время. В этом году невеста Андрея окончит университет и к концу навигации будет здесь. Посмотришь, какие хоромы у нас тут вырастут к ее приезду,— лукаво поглядывая на Андрея, заговорил Лось.— Ну, хорошо, какой у тебя план проведений праздника?

— Сегодня торжественное собрание, а завтра состязания. Бег на собаках, стрельба в цель, борьба. Будем выдавать призы. Первый приз, например за собачьи бега,— винчестер.

— Винчестер? — удивился Лось.

— Не удивляйся, Никита Сергеевич. У меня на это есть ассигнования. Ты спроси Айе, какой уже начался ажиотаж, когда стало известно, что первый приз — винчестер. Это же замечательный стимул для улучшения породы собак.

— Ну, доброе. Посмотрим.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ваамчо и Тыгрену задержала пурга. Они приехали на кульбазу в тот момент, когда праздник уже начался. Оставив Айвама в яранге Рультыны, они подъехали к большому русскому стойбищу, к огромным домам, ярко освещенным большими лампами. Сквозь залепленное снегом окно Ваамчо разглядел множество людей, сидевших на скамьях.

— Пойдем, Тыгрена, внутрь. Видишь, на улице никого нет. Наверное, это — большое собрание и все люди там,— сказал Ваамчо, оторвавшись от окна.

Они прошли по коридору и попали в большую комнату, переполненную людьми. Люди стояли даже в проходах дверей. Ваамчо протискался немного вперед и, подняв голову, ловил слова Лося. Тыгрена, затаив дыхание, смотрела на возвышение, где за столом сидели русские и чукчи. И вдруг среди них она увидела Айе. Он сидел среди таньгов и сам был одет, как таньг. Айе весело шептался то с Андреем, то с Мэри, сидевшей рядом с ним. Тыгрене показалось, что Айе стал чужим. Он завернулся в матерчатые одежды, как и Лось и Андрей. А волосы? Как некрасиво лежат они на его голове!

«Вот он какой, машинный человек! — подумала Тыгрена, не отрывая взгляда от него. Она не слышала, о чем говорил Лось.— Чужим стал Айе! Зачем же звал он меня? Или учитель наврал мне, выдав свои слова за слова Айе? Но ведь рисунок был его?»

Горькое чувство охватило Тыгрену. Стало жарко и невыносимо тяжело. Она не могла заставить себя стоять здесь и решила уйти на мороз. Сильный мороз изгонял тяжелые думы, как снег тушил огонь костра.

Тыгрена шагнула уже к выходу, как вдруг услышала голос Айе:

— Сейчас будет говорить Наталья Семеновна,— сказал он.

Да, это настоящий голос Айе. Совсем не изменился голос. Только стал крепче и смелей.

На возвышение поднималась белолицая русская женщина.

— Это очень хорошая женщина. Мы вместе с ней ехали на пароходе с Большой земли,— пояснил Айе.

Женщина смелой походкой прошла к столу, тихо что-то сказала Айе и улыбнулась ему. Затем лицо ее стало очень серьезным, даже строгим, и она заговорила быстро что-то совсем непонятное. Тыгрена смотрела на нее, не отрываясь. В первый раз она видела белолицую женщину. Она заметила, что и Айе смотрит на эту женщину и слушает так, будто она рассказывает самую красивую сказку.

«А может быть вот эта белолицая испортила Айе, устроив ему такую прическу и завернув его в русские одежды? Такая женщина легко может уговорить любого: смотри, как беспрерывно слетают с её языка слова!» — с неприязнью подумала Тыгрена.

Наталья Семеновна вдруг замолчала, нагнулась к Айе и опять что-то сказала ему. Айе поднялся, одернул на себе матерчатый мешок с разрезом на животе и весело сказал:

— Сейчас я вам переведу, о чем говорила Наталья Семеновна. А потом она еще будет говорить. Она говорила: женщины должны быть равны с мужчинами...

Тыгрена настороженно прислушивалась к словам Айе, и все лицо ее загорелось от злобы и негодования.

«О, вдобавок он научился еще и врать! — думала она про Айе. — Разве он забыл, что рождение девочки считается удачей только наполовину? Разве он не знает, что женщины никогда не были равны мужчинам? Или он забыл, что ли, как меня украл Алитет из-под самого его носа? Что он говорит? Или он думает, что всего этого не было? Другим стал Айе. Он одинаково думает с этой белолицей русской женщиной».

И Тыгрену охватила такая злость, что она крикнула:
— Неправду он говорит!

Айе повернулся на голос Тыгрены и, приподнявшись, увидел ее. В один миг он соскочил с возвышения и, раздвигая толпившихся у входа людей, бросился к ней.

Но Тыгрены уже не было. Айе выбежал из дома, разыскивая ее. Ярко светила луна. Бревна нового дома потрескивали от мороза, под ногами хрустел снег. Неисчислимое множество звезд сверкало на небе, где-то хором выли собаки.

Тыгрена стояла, прижавшись к стене дома. Она подняла меховой капюшон, обшитый мехом, и ее глаза, словно из норы, следили за Айе. Она видела, как он искал ее глазами. Ему, наверное, было не очень тепло в этой матерчатой одежде. А штаны какие! Как у американца в летнее время. Она молча следила за ним и не хотела подать голоса.

И вдруг сам Айе увидел ее.

— Тыгрена!.. — восторженно вскрикнул он.

Айе прыгнул к ней, взялся за капюшон, заглянул в ее сверкающие глаза.

— Уйди! От тебя таньгом пахнет! — сердито сказала она.

— Сколько времени я поджидал тебя, Тыгрена! Глаза устали смотреть на подъезжавшие нарты. Потерялась, как в пургу олень...

Тыгрена молча слушала Айе и вдруг вспомнила, как они вот так же стояли около яранг стойбища Янракенот и разговаривали о будущей жизни.

И Тыгрена тихо спросила:

— Бумага, которую привез Эрмен,— это твоя бумага?

— Да, да! — обрадовался Айе.— Это я сам написал ее. И рисунок мой там.

— Я опять убежала от Алитета. И теперь я не вернусь к нему. Лучше я зарежусь! — гневно сказала она.

— Вот хорошо! — переминаясь от холода с ноги на ногу, восторженно проговорил Айе.

— Пожалуй, Айе, я убила шамана Корauge. Я не хотела его убивать. Я только выбросила его в сенки, когда он разбил нос Айваму.

— Не бойся, Тыгрена. О, каким сильным я стал! В Москве все начальники мои дружки. Теперь нам бояться нечего...

И хотя Айе хорошо знал, что Тыгрену не удивишь

начальниками неведомой Москвы, но слова сами срывались с языка. Он видел, что Тыгрена равнодушна к тому, что говорит он, и сразу переменил разговор:

— А где малыш?

— Я оставила его пока у Рультыны. Она добрая и хорошая женщина.

— Надо его забрать от нее.

— Нет. Подожди... А ты прежним остался? Зачем тебя испортила эта русская женщина, языком которой только что ты говорил неразумные слова? Видишь, какая на тебе одежда. В ней замерзнешь и летом. И волосы твои стали некрасивыми.

— Это домашняя одежда, Тыгрена. Сменить одежду всегда можно. Одежда — не сердце.

— А белолицая, которая говорила твоим языком, кто она? Зачем приехала на нашу землю?

— Ты не знаешь? Это жена Лося.

— Она — жена Лося?! — удивилась Тыгрена.

— Она тоже начальник, — сказал Айе.

— А разве женщины могут быть начальниками? Что-то я этого никогда не слыхала, — недоверчиво проговорила Тыгрена.

— Она будет начальником женского вопроса.

— Что такое «вопрос»?

— Новый закон о женщинах. Хороший закон. Она о тебе все знает. Она сказала, что будет тебе помогать уйти от Алитета. О, это очень хорошая женщина! Мы с ней вместе были на Большой земле, на пароходе вместе ехали.

— Айе, а мне показалось, что ты стал чужим, не настоящим человеком, — тихо сказала Тыгрена.

— Нет, Тыгрена! — горячо воскликнул Айе. — Разве твои глаза не видят, какой я? Разве уши твои не слышат моих слов? Я такой же, каким был всегда. Только теперь я стал очень сильным человеком по новому закону. Посмотришь, как я справлюсь с Алитетом, если он покажется здесь.

В первый момент встречи Тыгрена злорадствовала, что Айе мерзнет в таньгинской одежде, но теперь ей стало жалко его. Видя, как он дрожит, она сказала:

— Поди, Айе, согрейся. Добеги до той горы.

Айе сорвался с места, замахал руками и побежал во весь дух, забыв и о собрании и о том, что он переводчик.

Около Тыгрены неожиданно вспыхнул огонек. Она вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Испугалась? — спросила Наталья Семеновна и потушила свет электрического фонарика.

Она взяла Тыгрену за талию, и рука утонула в мягких, пушистых мехах. Наталья Семеновна мягко сказала:

— Смотри,— это электрический фонарик.

Появился опять свет. Тыгрена молча присматривалась к русской женщине и, немного осмелев, коснулась пальцем толстого выпуклого стекла фонарика. Огонь был холодным.

— Что же ты стоишь здесь одна? Такая нарядная женщина!

Тыгрена не понимала, о чем говорила белолицая, но все же любопытно было стоять с ней рядом и слушать непонятный ее разговор.

«Вот она какая, жена бородатого начальника. Может, и вправду она хорошая женщина?» — подумала Тыгрена.

Запыхавшись, красный от мороза и быстрого бега, с обнаженной заиндевевшей головой, от которой валил пар, подбежал Айе.

— Что же ты убежал с собрания? Эх ты, переводчик! Андрею пришлось переводить,— сказала Наталья Семеновна.

— Тыгрена вот приехала! — с радостной улыбкой сказал Айе.

— Ах, вон что! Это Тыгрена?

— Да, да. Она теперь совсем убежала от Алитета.

— Тогда пойдем в комнату Андрея. Ты замерзешь, Айе.

— Нет, мне жарко,— ответил он, сияя от счастья.

В комнате Андрея Жукова было тепло, и никто не мог помешать беседе.

Наталье Семеновне хотелось поговорить с Тыгреной, о которой она много знала и которая давно при-

влекала ее. Наталье Семеновне не терпелось поскорей приступить к обязанности заведующей отделом по работе среди женщин.

И она горячо заговорила о положении женщины в Советской Стране. Говорила она долго, взволнованно, быстро, Айе еле успевал переводить.

В тот момент, когда Наталья Семеновна так усердно просвещала Тыгрену, тихо вошел Андрей и, прислушиваясь к разговору, остановился в дверях. А когда Наталья Семеновна, наконец, умолкла, он улыбнулся снисходительно и проговорил:

— И ты думаешь — разъяснила? Все это, Наталья Семеновна, у нас делается по-другому. Одним словом, экзамен на политработника ты не выдержала.

— Ты вот знаешь, как, и объясни,— с оттенком легкой обиды сказала она.

— Эх, и прытка же ты, Наталья Семеновна! Всему свое время. Неужели Лось не ввел тебя в курс наших дел?

— Я смотрю, вы тут с Лосем обленились, как волы на пашне. Небось, ни разу не удосужились поговорить с этой женщиной?

Андрей поздоровался с Тыгреной и сказал Айе:

— Тебя, Айе, разыскивает Лось. Он с народом беседует о вельботах, о рулмоторах, о курсах.

— Тыгrena, я скоро вернусь,— сказал Айе и убежал.

— Андрей, предложи хотя раздеться девушке. Ведь жарко! — раздраженно сказала Наталья Семеновна.

— Она не может раздеться. Видишь, на ней дорожный комбинезон. Для этого ей предварительно нужно разуваться. Сердишься, а не права. Вот и речь свою на собрании, Наталья Семеновна, неправильно построила.

— Ты еще будешь учить меня!.. Я во Владивостоке в райкоме...

— Для «материка» речь твоя превосходна,— перебил ее Андрей,— а здесь... — он пожал плечами и добавил: — пустой звук. Без учета быта и нравов. Ты спроси у Лоя, как он готовился к своим выступлениям. По неделе! Тогда и толк бывал. Это дело с виду только

кажется простым. Хорошо, что Айе убежал... Ты меня извини, а я все-таки, оказавшись переводчиком, по-своему перевел твое выступление.

— А что такое? — взволнованно спросила Наталья Семеновна.

— Ну, об этом потом поговорим. Садись, Тыгрена, поближе к столу. Будем пить чай. Помнишь, как мы пили чай у старика Баала? Хороший был человек!

— Да,— тихо и робко сказала Тыгрена, следя за русскими.

Тыгрене казалось, что Андрей, молодой начальник, ругал русскую женщину за то, что она привела ее, жену Алитета, в его жилище. Она села к столу, движением плеч спустила по пояс свою кухлянку, и рукава с росомашней опушкой упали к полу. На ней было яркокрасное платье. От жары лицо разрумянилось. Две толстые косы лежали на высокой груди. Встряхнув головой, она перекинула косы за спину.

— Пей чай, Тыгрена. Мне приятно угощать тебя. А вот Алитету я не дал бы и чашки чая. Плохой он,— сказал Андрей, словно угадывая ее мысли.

Тыгрена молча вскинула глаза на Андрея.

— Я убежала от него и не вернусь в Энмакай. Наверно, он захочет приехать сюда и отбить меня. Очень злым стал:

— Ничего, Тыгрена. Здесь он будет кротким, как заяц. Мы его отсюда выставим так, что он не забудет этого до самой смерти.

— Не знаю... У Айе яранга здесь есть?

— Да, конечно. Вот рядом со мной его комната.

Теперь Наталья Семеновна прислушивалась к непонятному разговору, следя за выражением лица Тыгрены.

— Андрюша, переводи, пожалуйста, дословно все, что говорит она. Ты сам все равно никогда не поймешь женщину.

— Учись сама говорить.

— Андрей Михайлович, вы говорите глупости. Вы отлично знаете, что за один день я не могу овладеть языком. Право, я была лучшего мнения о вас,— вспыхнув, сказала Наталья Семеновна.

— Подожди, подожди, Наталья Семеновна. Мне не хочется прерывать разговора с ней.

— У меня трудная жизнь,— рассказывала Тыгрена.— Сколько зим она тянется! Постоянно сердце хочет кричать от боли. Сколько раз я хотела зарезать себя...

Вошли Лось и Айе.

— Вот это не дело. Там люди собрались, а вы уединились,— сказал Лось.

— Никита Сергеевич, и здесь важное дело,— сказал Андрей, с улыбкой глядя на Айе.— Тут свадьбой пахнет.

— Замечательно! Люблю гулять на свадьбах. Это Тыгрена? Здравствуй, Тыгрена.— Лось с веселой улыбкой подал руку Тыгрене, она испуганно протянула ему свою.

Лось говорил с ней мягко, ласково, а Айе, наблюдавая за ними, испытывал сладчайшие минуты в своей жизни. Ноги его задрожали от переполнившей сердце радости, и Айе сел на пол в своем новом костюме.

Лось смеялся, шутил. Таким Тыгрена еще никогда его не видела, она думала, что этот человек, носивший бороду, не умеет смеяться.

— Ну что же? Женитьбенную бумагу будем делать,— сказал Лось и, увидев Айе, сидящего на полу около двери, широко развел руками.— Дружище! Что же ты сидишь так? В Москве, что ли, научился?

— Я забылся,— смущенно проговорил Айе.

Пришли Ярак и Ваамчо.

— А где же Мэри? — спросил Лось.

— Она теперь всю ночь будет угождать приезжих. Очень ей это нравится,— сказал Ваамчо.

— Ну, доброе. Садись, Ваамчо.

Но Ваамчо чувствовал себя стесненно. Он думал, что Айе и Ярак перестали быть его товарищами, они были в русских одеждах.

— Раздевайся, Ваамчо. Будешь моим гостем,— предложил Андрей.

Смутившись, Ваамчо тихо сказал:

— Учитель дал мне рубашку, а я второпях забыл ее надеть.

— Ах, вон что! Ну, пойдем сюда.

Они зашли в комнату Айе, и вскоре Ваамчо вернулся в рубашке и пиджаке.

Увидев его в этом наряде, Тыгрена звонко рассмеялась.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Прибывшие на праздник гости бродят по новостройке толпами. Они все разглядывают с любопытством. Сколько здесь дерева! Из каждой дощечки можно сделать весло, каждая щепочка — большая ценность в этой безлесной стране.

Внимание гостей привлекают два огромных дома, которые так неожиданно выросли здесь. Прибрежная полоса извечно была вотчиной несметных стай уток: белокрылых, вилохвостых, серебристых. Бойкие кулички спокойно бегали здесь по намывному песку.

В стороне от моря пролетают другие дачники: лебеди, белые и голубые гуси, рогатые жаворонки, пурпурочки, подорожники. Тихие, спокойные места!

И вот этот берег завален бревнами, досками и различными строительными материалами.

С тех пор как ушли корабли, ежедневно эти тихие места оглашаются стуком топоров, визжанием пил, говором советских людей. Необычно стало на этом берегу.

Доктор Петр Петрович стоит в толпе охотников и, показывая бумажную мишень Осоавиахима, тыча пальцем в нарисованные круги, с возбуждением говорит на общедоступном языке.

— Пух! Пух!

Охотники смеются и отрицательно покачивают головами. Они стоят с винчестерами в руках, готовясь к состязанию в стрельбе. В стороне, поблескивая донышками, лежат бутылки.

К доктору подходит пожилой охотник и рукой отстраняет бумажную мишень. Показывая на бутылки, он очень серьезно говорит:

— Голова тюленя лежит на воде, как бутылка на снегу. Бумага — плохо, а бутылка — хорошо. Она все равно, что тюлень на воде.

Но доктор упорно и настойчиво твердит свое:

— Пух! Пух!

Кое-где уже раздаются ружейные выстрелы, это идет тренировка.

Пришли Лось, Андрей, Ярак, Айе и Тыгрена с Натальей Семеновной. Женщины быстро подружились и шумно разговаривают. Хочется быть веселой и Тыгрене, но какое-то чувство неуверенности в своих поступках тяготит ее. Слишком много любопытствующих глаз.

Вот стоит толпа нарядно одетых женщин. Заметив Тыгрену, они зашушукались, и Тыгрена хорошо знает, что они шепчутся о ней. Женщины сами не знают, как отнестись к поступку Тыгрены. Даже старики — и те пришли в замешательство: как оценить бегство Тыгрены под защиту русских? Она нарушила обычай народа, но ведь и сам Алитет нарушил его. Русские одобряют поступок ее: вон как приветливо разговаривают с ней.

Ильич стоял в сторонке и неотрывно следил за лицом Тыгрены. Наконец он подошел к ней и заговорил:

— Тыгрена, эти русские — справедливые люди. Они искатели правды. Ты ведь давно была предназначена в жены Айе. Вот русские тебе и помогли.

Тыгрена внимательно слушает старика, и радостное чувство охватывает ее все более и более. Она улыбается:

— Спасибо тебе, Ильич. У тебя доброе сердце.

— Иди, Тыгрена, состязайся. Ты ведь хорошо стреляешь.

Охотники уже сидели на снегу, высоко подняв колени — упор при стрельбе.

— Тыгрена, вот тебе ружье, очень хорошее ружье, — предложил Айе.

Тыгрена волновалась, глаза ее засияли. Она внимательно осмотрела винчестер, пощупала мушку и возвратила его Айе:

— Я не буду стрелять, Айе. Чужое ружье. Промахнешься — люди смеяться будут.

— Это — хорошее ружье, мое ружье.

— Нет! И без того люди слишком много разговаривают обо мне. Стреляй сам.

Выстрелы уже гремели. Охотники с нетерпением ожидали своей очереди. Ведь, кроме почета и всеобщего признания, победитель в соревновании получит примус, банку керосина и десять пачек патронов!

С замиранием сердца каждый прицеливался в свою бутылку. Ружейный гул наполнял сердца охотников радостью. Уже отгремело свыше трехсот выстрелов, как бы салютуя новому празднику на этих холодных берегах.

Парни бегают к бутылкам и громко выкрикивают имена охотников, попавших в цель. Волнение все более и более охватывает людей.

— Айе,— вдруг сказала Тыгрена,— пожалуй, давай мне ружье.

— Бери, бери! — Айе с радостью подал ружье.— Ваамчо попал только два раза, а нужно три.

Сядясь на снег, Тыгрена посмотрела на Ваамчо и, смеясь, сказала:

— Эх ты, Ваамчо! Примус потерял.

Ваамчо смутился и промолчал.

Раздался выстрел Тыгрены, и Айе стремительно побежал проверить.

— Есть, есть! — радостно кричал он. Айе отступил от бутылки на шаг и закричал: — Стреляй еще!

— Уйди подальше. Дрогнет рука — беда будет! — крикнул кто-то из толпы.

— Стреляй, стреляй, Тыгрена! — настойчиво кричал Айе, веря в глаз Тыгрены, как в свой.

После второго меткого выстрела Айе схватил бутылку и, на весу подставляя донышко ее, крикнул:

— Так стреляй, Тыгрена. В руке пусть будет бутылка!

Тыгрена молча опустила ружье.

— С ума сошел этот парень! — с укоризной сказал Ильич, — Заставьте его положить бутылку на снег,

Раздался третий выстрел — и пуля прошла мимо цели.

— Глаз испортил мне Айе,— недовольно сказала Тыгрена.

Ваамчо сочувственно улыбнулся ей.

В полдень начался бег на собаках. Десятки нарт стояли наготове в один ряд. Псы скулили и нетерпеливо рвались вперед.

Они запряжены по-праздничному, не длинной вереницей, а веером. В корню каждой упряжки по четыре собаки, дальше — по три, потом — по две и впереди — вожак. У всех по десяти собак. В такой запряжке их можно нахлестывать кнутом.

С возрастающим возбуждением громко переговаривались люди, бурно взмахивали руками, спорили, стараясь предугадать исход состязания.

Ильич сутился около нарты своего сына Эрмена, торопливо перепрягая собак с одного места на другое, и давал последние указания. Наконец он дернул вожака за ухо и отбежал в сторону.

Кому не захочется получить такой приз, как новый винчестер и двадцать пачек патронов? Правда, есть второй и третий призы, но все это по сравнению с ружьем мелочь: куль муки, отрезы ситца, табак и разные незначительные вещи.

— Ну, как, Ильич? — весело спросил Лось.

Старик лукаво, но с уверенностью подмигнул, еще раз побежал к вожаку и поправил на нем алык.

— На какую упряжку ставите, Андрей Михайлович? — спросил доктор.

— Я ставлю на Айе.

— А я — на Ярака.

— Ога-ого! Хитер пошел народ,— сказал Лось.— У Айе упряжка Алитета, у Ярака — Томсона.

— Не хотите ли принять участие, Никита Сергеевич, в этом тотализаторе? — спросил доктор.

— Хочу! Я ставлю на Эрмена.

Андрей рассмеялся:

— У него же кошки, а не собаки, Никита Сергеевич.

— Не беспокойся. Смеяться последним буду я. Хочешь условие?

— Какое?

— Придет первым Эрмен — ты отдаешь своего Рыжика. Если Айе — возьмешь любую собаку из моей упряжки.

— Согласен,— сказал Андрей,— но только мне жалко тебя: проиграешь.

— Цыплят считают по осени. Ну, так как? По рукам?

— Идет. Можно давать сигнал!

Андрей выстрелил из винчестера, предназначенного на первый приз.

С шумом, криком, гиканьем, размахивая кнутами, наездники устремились вперед. Одна упряжка, не успев отъехать, запуталась; каюр, под общий хохот, вскочил с нарты, быстро распутал собак и, злобно нахлестывая их, помчался вдогонку. Но вот из-за холма показались первые нарты. Толпа пришла в движение. Все зрители исступленно закричали, взмахивали рукавицами, шапками, будто сами мчались на нартах:

— Ярак! Ярак!

— Айе! Айе!

Как и следовало ожидать, эти две упряжки сильных, рослых псов мчались впереди всех. Собаки бежали рядом вскачь, сверкая обезумевшими, злыми глазами. Стоило одной упряжке хоть немного выдвинуться вперед, другая вырывалась вслед за ней, тут же настигала ее.

В решительный момент Айе привскочил на колени и резко хлестнул собак. Упряжка быстро вышла вперед. Собаки Ярака рванули и с ходу бросились на упряжку Айе. Визг, лай, замелькали клыки. Псы рвали друг друга, не чувствуя ударов кнута.

Ярак и Айе с силой торопливо растаскивали их.

Держась сторонкой, мимо них, стремительно промчался Эрмен. Он стоял в нарте без шапки и, ухватившись за баран, ожесточенно нахлестывал собак.

Толпа неистовствовала.

Ильич бросил рукавицу на снег, сорвал шапку и истощенным голосом завопил:

— Давай! Давай! Эрмен, давай!

Вместе со стариком, взмахивая рукой, кричал и Лось.

Эрмен подкатил первым. Вслед за ним прискакал и Ваамчо.

Запыхавшись, Лось подбежал к Андрею и сквозь смех проговорил:

— Андрюшка! Рыжик с тебя!

Ильич гладил вожака, растянувшегося с высунутым горячим языком. Эрмен тоже лежал на снегу и вытикал потное лицо.

— Я так и знал. Чарли подрался с Алитетом. Я не сказал парням, чтобы они не ехали рядом. Им есть чему поучиться у стариков,— сказал Ильич довольный своей хитростью.

До позднего вечера продолжались всевозможные состязания. Бег молодых охотников, бег девушек, поднимание тяжестей, борьба. Все свои производственные праздники: «Убой моржа», «Китовый праздник», «Поднятие байдар» — страстные любители состязаний — охотники — всегда сопровождают испытанием силы, ловкости, выносливости.

Никогда еще не было таких состязаний, как в этот день около больших деревянных русских яранг. Этот новый праздник, рожденный Октябрьской революцией, был праздником новой жизни и всенародной радости, впитал в себя все лучшее из созданного нацией и создал всеобщее радостное настроение.

Старик Ильич, прищурясь, внимательно вслушивался в то, что говорил «мешочный» человек.

Доктор Петр Петрович разъяснял условия нового вида состязаний — бег в мешках. Его окружила толпа. Принесли сорок мешков.

Ильич вдруг продвинулся вперед и попросил мешок. Влезая в него, он улыбнулся.

— Забыл то время, когда по бегам никто не мог опередить меня. Собирался умирать, не испытав больше счастья и радости участника соревнований. А нет! Теперь вижу я, что и мне придется лезть в мешок.

Стоя в мешке и держа его за верхний край на уровне живота, Ильич настороженно ждал сигнала.

Сильные парни, широко расставив ноги в мешке, с места заспешили. Они тут же падали, торопливо вставали, хохоча до слез, и снова устремлялись вперед. Но чем больше они спешили, тем скорее падали под хохот толпы.

Между тем Ильич, с серьезным выражением на лице, спокойно перебирая ногами, догнал парней, опредил их и, не оглядываясь, как эти парни, первым дошел до установленного знака, ни разу не упав. Здесь он круто повернулся, свалился на снег, ловко вскочил и пошел в обратный путь.

Громкий хохот огласил воздух. Ильич взял приз. Он лежал на снегу и кричал:

— Скорей, скорей стащите с меня мешок, чтобы я смог забрать четыре плитки табаку!

К нему подбежала Тыгрена и стянула мешок.

— Где «мешочный» человек? Спасибо тебе. Лось мне подарил жизнь, а ты возвратил молодость. Давай скорей табак!

Толпа неудержимо хохотала.

— Им, этим парням, есть чему поучиться у стариков,— нравоучительно сказал Ильич.

— Видишь, какой праздник, Тыгрена? Мы вместе с Андреем его устроили. Я помощник его! — гордо сказал Айе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Слух о смерти старика Корауге и бегстве Тыгрыны дошел до Алитета, когда он все еще находился в горах. К смерти отца он отнесся с полным равнодушием: случилось то, что давно должно было случиться. Алитет только сказал: «Я говорил ему, чтобы уходил к верхним людям сам. Теперь смерть его захватила врасплох».

Единственная свидетельница смерти шамана Корауге, старая жена Наргинаут, была рада, что он кончил жить, и хотя она знала настроение Алитета, все же из боязни вызвать его сильный гнев, скрыла истинную причину смерти старика. Она не сказала об этом даже своей сестре — третьей жене — Аттенеут.

После отъезда Тыгрены Наргинаут быстро втащила труп старика в полог и побежала сообщить соседям, что Корауге ушел к верхним людям. Наверно, он умер от того, что сильно разозлился на Тыгрену.

Но бегство Тыгрены привело Алитета вдикую ярость. Он бросил все свои дела в горах и в тот же день помчался домой. Он решил во что бы то ни стало вернуть ее, хотя чувствовал трудности, подстерегающие его. Он хорошо знал, что теперь пришли другие времена, знал, что Тыгрена сбежала не без вмешательства в ее судьбу русских. Он хорошо понимал, что теперь не заберешь ее просто, как сбежавшую собаку. Все это так злило Алитета, что он, как безумный, гнал собак двое суток подряд, не давая им передышки.

О многом передумал Алитет, сидя на нарте, придумывая разные способы возвращения Тыгрены.

Он вспомнил старика Лёка, этого крепкого хозяина, который был его дружком. При проездах Алитет всегда останавливался у него. Но, кажется, и этот человек потерял рассудок и стал артельщиком. Что делается на побережье?!

И Алитет не находил ответа на все эти мучившие его вопросы. Он примчался домой, подробно расспросил Наргинаут о случившемся и, не задерживаясь, выехал в погоню за Тыгреной. Памятую старую дружбу с Лёком, он решил заехать к нему: надо оторвать его от русских, а, может быть, через него забрать и Тыгрену.

«Его ведь русские слушаются. Он расскажет им о нашем законе и о ее постыдном бегстве».

Алитет услышал о большом празднике на берегу залива Лаврентия, куда приглашали людей со всего побережья. Дошла новость, что и Лёка приглашали на этот русский праздник, но он не поехал к русским.

К моменту отъезда на праздник у Лёка разболелась спина, и он, согнувшись и заложив руку на спину, стонал: «И-и-и-и!» Он стонал будто от боли. Но людей не обманешь. Люди знали, что от боли Лёк никогда не станет стонать. Он стонал из-за того, что он не мог поехать на праздник.

И когда Алитет приехал в его ярангу, Лёк обрадовался.

— Ты приехал? — приветствовал его Лёк.

— Да, приехал по важному делу, — сказал Алитет, ободренный радостным приемом.

Он развалился на оленых шкурах, достал трубку, и, чтобы подчеркнуть важность своего приезда, зажег толстую американскую спичку, закурил и повел разговор издалека:

— Переведутся американские спички, если надолго застрянут здесь русские.

— Не будем говорить о спичках. Не в спичках дело, — сказал Лёк словами Лося. — Огонь одинаков и от американской спички, и от русской спички, и от деревянного вертела. Огонь есть огонь. Все огни жаркие.

Алитета так удивило это рассуждение Лёка, что он молча смотрел на старика, не зная, как продолжать разговор.

— Ты артельщиком стал?

— Да, артельщиком. Решил попробовать новой жизни. Жизнь как жизнь, получается хорошо. Много мяса!

— Жизнь пошла хорошая, — в тон Лёку сказал Алитет. — Только эти русские сварливые люди. Они вражду напустили между нашим народом.

— Что-то я не приметил этого, — уставившись на Алитета своим глазом, лукаво сказал Лёк.

— Американцы были лучше.

— Лучше? — переспросил Лёк и тут же ответил: — Русские тоже с понятием. Не все, правда. Которые постарше — с понятием. Вот Лось — он понимающий жизнь человек. Один русский, что помоложе, хотел снять кита. Как на него посмотрел Лось! Не велел снимать! «Ого!..» — подумал я. После того я решил помочь ему переделывать жизнь. Вот она, книжка, называется билет — носитель доброго духа, — и Лёк показал свой партийный билет. — Я человек, «идущий впереди». Вот какая эта книжка!

Алитет взял красную книжку и долго вертел ее в руках, разглядывая фотокарточку Лёка.

— Слышал я, — продолжал Лёк, — Браун опять не

пришел к тебе? Люди говорят: обманщиком он стал. А ведь он американ. А?

Алитет вернул Лёку билет и, сделав глубокую зажку из трубы, долго думал. Ему самому стыдно было признаться в этом. И он сказал:

— Наверное, шкуна поломалась. Пусть. Я решил пушнину привезти к тебе. Пока ты в дружбе с русскими, ты купишь мне товары. Половину возьмешь себе, а половину — мне. Я враждую с ними, и они не хотят торговать со мной.

— О! Это очень много товаров будет. Ведь у тебя пушнина со всей тундры.

— Очень много.

— Половину товаров мне? А что я с ними буду делать? Торговать? Не люблю торговать. Я великий ловец! — гордо сказал Лёк. — Пусть белолицые торгуют, они сами делают свои товары. Я делаю только ремни и меняю их на оленьи шкуры, необходимые мне для жизни. Мне много товаров не нужно.

— Торговать ты не будешь. Товары можно выменять на живых оленей. Или тебе не хочется обзавестись большим стадом? Разве не думает об этом каждый кавралин — береговой человек?

— Стадо оленей? — с любопытством спросил Лёк. — Ты хочешь подарить мне стадо оленей? Что-то я ничего не могу понять. Разве я твой родственник?

— Ты будешь помогать мне, я — тебе.

— Я подумаю. Я посоветуюсь с Лосем. Он понимающий человек. Приятелем стал.

— Не надо советоваться. Я не люблю русских, — сморшившись от неприязни, сказал Алитет. — К ним убежала сейчас Тыгрена. Наверное, они захотят оставить ее вблизи себя. Но все равно я возьму ее. Зачем они портят людей и нарушают обычай наших предков? Сколько зим я кормил ее! Одевал в дорогие одежды!

— Обычай наших предков не надо нарушать, — подтвердил Лёк. — Закон есть закон. Если старый закон, подобно умирающему человеку, уходит — должен родиться новый закон. Человеку без закона нельзя. Собаки живут без закона... А ты сам зачем нарушил закон наших предков? А? — озадачил его Лёк. — Разве

Тыгрена не была женой по обещанию того юноши из Янракенота — Айе? Слышал я, что она с детства была предназначена ему в жены. Ты зачем забрал ее?

— Я богат. У меня много еды. А он, этот Айе, разве мог прокормить ее?

— Говорят, сейчас он стал капитаном маленького железного парохода. Теперь у него достаточно еды.

— Я привык к Тыгрене, я тоскую по ней, и я все равно ее заберу.

— Смотри сам,— неохотно сказал Лёк.

— Но ты мой приятель, Лёк. Тебя слушается народ. Русские тебя слушаются. Ты должен пустить слух по побережью, чтобы Тыгрена вернулась. Пусть этот слух пойдет впереди меня.

Лёк промолчал и вдруг, заложив руку за спину, простонал:

— И-и-и! Спина болит. От работы спина болит. Думаю делать деревянный вельбот. Лось обещал достать мне досок.

Женщина поставила на столик кружки и стала наливать чай.

— Давай лучше чай пить,— сказал Лёк.

Алитет вдруг поднялся и сказал:

— Я не хочу чаю. Тороплюсь. Сейчас поеду.

— Гм, ты думаешь, можно обмануть Лёка? Не обманешь. Так я и поверю тебе, что ты не хочешь чаю! Ну, торопись, торопись!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

После праздника на строительстве Лось провел выездное заседание ревкома. Здесь были приняты решения о ликвидации временной больницы в Лорене и переводе отряда Красного Креста во вновь отстроенную больницу кульбазы. Такое же решение вынесено и о пушной фактории. Решено было ускорить строительство школьного интерната, ветеринарно-зоотехнического пункта.

Задула пурга, но работа не приостанавливалась ни на один час. Андрей Жуков отдавался целиком новой

для него работе начальника строительства. Предстояло построить еще жилые дома. И хотя работа шла хорошо, но Андрей очень нуждался в добром совете Лося.

— Ты почаше нас навещай, Никита Сергеевич: Сам знаешь, что я не ахти какой администратор и хозяйственник.

— Ничего, ничего, Андрюша. Не скромничай. Работа у тебя идет хорошо. Правильная линия у тебя. Нало только чуть-чуть пожестче и понастойчивей проводить ее.

Они стояли в снегу около выраставшего сруба, и Лось, положив руку на плечо Андрея, добавил:

— Смелей, смелей, Андрюша! Уверенней чувствуй себя. Дров не ломай, но и спать не давай прорабу. Требуй выполнения графика, невзирая ни на пургу, ни на что. Ослабишь вожжи — сразу появятся разные объективные причины: Север, пурга, усталость. Вот так, Андрей Михайлович!

Лось многозначительно подмигнул и сказал:

— А через месяц вызову и тебя и прораба в ревком с докладом о ходе строительства.

— Подхлестывать нас? — подмигнул Андрей.

— Да. Теперь о курсах. Имей в виду, что по твоему участку побережья к промысловому сезону нужно во что бы то ни стало подготовить мотористов. Скоро приедет к тебе Осипов. Айе с увлечением отдается этому делу, но помогать ему нужно еще много, хотя он и очень важным стал за последнее время. Человек растет на глазах. Превосходный актив.

— Еще бы! Он теперь «имеющий жену» и даже сына, — весело сказал Андрей.

— А Тыгрену, Андрюша, надо устраивать на работу. Нравится она мне. Из нее выйдет толк. Характер есть.

— Я уже говорил с доктором. В санитарки зачислим ее.

— Пусть начинает хотя бы с этого. Освоится, поймется, а там, к моменту перехода от ревкомовской системы к райисполкомовской, проведем ее в члены райисполкома. Знаешь, как она будет работать! Же-

ление жить по-новому у нее уже теперь в кровь вошло: она выстрадала его, это желание, своей трудной жизнью.

А между тем Тыгрене странной и смешной казалась жизнь в деревянной яранге. Все здесь было необычно. Она с трудом отвыкала от своих привычек. Первые дни она даже уставала от новой жизни и удивлялась, как Айе так быстро ко всему привык. И все же жизнь с Айе, к которому она так стремилась, была очень хороша. С ним можно ко всему привыкнуть.

Как-то Айе привез девочку-подростка и сказал:

— Тыгрена, это Берта. На одну зиму Рультина отпустила ее. Пусть живет у нас и играет с Айвамом. Не надо оставлять малыша одного, когда будешьходить в больницу. Вон крючок на двери. Когда нас нет, можно запереть дверь. Так живут таньги на Большой земле.

Тыгрена рассмеялась и подошла к двери, рассматривая крючок:

— Медведь сюда не придет...

«А если Алитет захочет украсть Айвама?..» — вдруг испуганно подумала она.

— Берта, вот так закрывай дверь. Услышишь мой голос или Айе, тогда открывай.

Айе втащил «подставку» — кровать на высоких ножках — и, как знаток таньгинской жизни, начал устраивать постель.

Он взял Айвама, усадил его в кроватке и сказал:

— Пусть, Тыгрена, и он живет по-своему.

Мальчик смеялся.

— Айе, он не сумеет жить по-новому. Упадет — ногу сломает. Не станет охотником.

— Нет, тут загородки. Это русский мастер мне сделал. Смотри, какочно, Айвам сам не захочет вывалиться. Он теперь все понимает.

Айе часто выезжал в соседние стойбища по каким-то русским делам и каждый раз привозил лучшие куски тюленьего мяса. Иногда Айе не возвращался по два, по три дня. Тыгрена грустила.

— Берта, — сказала она однажды, — скоро вернется Айе. Давай таньгинскую пищу делать.

— Давай. Я видела, как Рультина готовила Чарли особую еду.

— И я видела, американ Джим учил меня.

Тыгрена очень смущалась, когда за приготовлением котлет ее застала Наталья Семеновна. Ей стало стыдно, что ее увидели за такой работой. Тыгрена быстро закрыла оленину и спрятала в угол.

Чтобы не смущать Тыгрену, Наталья Семеновна подошла к Айваму и стала играть с ним. Он, смеясь, тянулся к ней и говорил что-то по-чукотски. Тыгрена, скрывая радостную улыбку, неотрывно следила за ними. Ей нравилось, что Наталья Семеновна любит Айвама. Они все еще плохо понимали друг друга, но смех объединял их взаимной симпатией.

Наталья Семеновна принесла ситец и, показывая на Айвама, объяснила, что мальчику нужно сшить белье. Она скроила рубашку и вместе с Тыгреной стала шить. Они шили и смеялись, чтобы не молчать.

Вечером Наталья Семеновна принесла ванночку, налила теплой воды и посадила в нее Айвама. Мальчик громко расплакался, Тыгрена еле сдерживалась, чтобы не вырвать сына из рук Натальи Семеновны. Но Айвам вдруг перестал плакать и рассмеялся.

Летели брызги, будто в лужице воды хлопал крыльями утенок.

— Хорошо, Наташа, хорошо! — говорила Тыгрена по-русски, хотя в душе не разделяла этой праздной затеи.

И все-таки ребенку от этого не было плохо, словно он и в самом деле рожден для новой жизни. После воды он крепко уснул. Тыгрена ушла на свое дежурство в больницу.

Одетая в белый халат, затянутая в талии поясом, она казалась выше ростом. Вокруг были веселые, простые люди. Весело было и Тыгрене.

«Вот она какая, новая жизнь!» — думала Тыгрена.

Поглядывая на нее, доктор говорил фельдшерице:

— Смотрите-ка на мадам Айе. Что значит одежда для вашего брата! Совсем меняет облик человека.

— Что-то, доктор, вы часто начинаете поглядывать на нее. Придется сочинить телеграмму вашей жене,— сказала фельдшерица.

— А что вы думаете? Она привлекательная женщина.

Доктор разрешил Тыгрене навещать Айвама. Не одеваясь, в одном халате и в белой косынке, в мороз, она часто бегала домой. Айе любил смотреть на нее в такой одежде и называл ее русской шаманкой. Тыгрена смеялась. Она снимала халат, надевала его на Айе, завязывала пояс и неудержимо хохотала. Смеялся и Айвам.

Айе, с важностью надув щеки, разглядывал себя в зеркальце и тоже хохотал.

— Научи скорей меня, Айе, разговаривать по-русски. Скучно работать в больнице только руками и глазами.

Однажды поздно вечером она прибежала из больницы, с шумом распахнула дверь в коридор и столкнулась лицом к лицу с Алитетом.

Тыгрена побледнела и бессознательно отступила назад. С широко раскрытыми глазами, молча, точно одеревянев, она в упор смотрела на озлобленное лицо Алитета.

Маленькие глаза Алитета в узких щелках остановились, и он строго спросил:

— Кто тебя завернул в это белое, как снег, полотнище?

Тыгрена молчала, не в силах сдвинуться с места. Глаза остановились на блестящем медном кольце ножа «ремингтон», висевшего на поясе Алитета.

— Ты перестала быть чукотской женщиной и не боишься нарушить закон нашего народа? Ты думаешь, твой безумный поступок угоден духам?

Тыгрена отступила на шаг. Ей хотелось кричать, но она не могла.

— Не пяться задом от меня. Муж я тебе. Много лет ты ела мясо в моей яранге. И разве Каменват при жизни не получил плату — четыре собаки? Снимай скорей эту дрянную одежду, и уедем из этого гибельного места. Ты погибнешь здесь! Злые духи встрево-

жились от твоего поступка. В моей упряжке шестнадцать собак.

Высоко подняв голову, Тыгрена шагнула к Алитету и, вызывающе глядя ему в лицо, крикнула:

— Нет!.. Не муж ты мне! Мой муж — Айе. Ты украл меня у него. Ты сам нарушил закон нашего народа!

Резко отстранив ее, Алитет подскочил к входной двери.

Неожиданно, собрав все свои силы, Тыгрена оттолкнула Алитета и выбежала на улицу. Не оглядываясь, она добежала до комнаты Натальи Семеновны. Как вихрь, влетела она в комнату с встревоженным, побледневшим лицом. Она бросилась к Наталье Семеновне, прижалась и сквозь слезы прошептала:

— Наташа, хорошо нет!

— Что случилось, Тыгрена? Обидел кто тебя? — взволнованно спросила Наташа.

— Айе нет,—сказала по-русски Тыгрена.

Поглаживая Тыгрену по спине, Наталья Семеновна говорила нежно, участливо:

— Милая моя, да он скоро приедет. Вот дурочка какая! Он уехал только на три дня с начальником милиции. Они сегодня вернутся. Погода хорошая, дорога не задержит их...

В коридоре послышался голос Алитета:

— В которую дверь прошла Тыгрена?

Тыгрена насторожилась и, быстро подбежав к двери, наложила крючок, опустив на него обе руки.

— Алитет,—тревожно прошептала она.

— Алитет? — удивленно спросила Наталья Семеновна.— Ничего, Тыгрена! Пусть входит сюда. Пусть. Не бойся! — И она решительно отстранила Тыгрену, желая открыть дверь, но Тыгрена налегла на крючок всей тяжестью своего тела и озлобленно сказала:

— Ты многоговорливая женщина, когда не видишь Алитета. Теперь, услышав его голос, ты испугалась и хочешь уступить ему дорогу. Ты слабой оказалась, как важенка перед волком. Я не буду причиной твоего пспуга. Пусть входит! — Тыгрена сняла крючок и распахнула дверь.

— Входи сюда! — повелительно крикнула Наталья Семеновна.— Что ты хочешь от Тыгрены?

Не глядя на русскую, Алитет с перекосившимся от злобы лицом сказал:

— Ты, женщина! Напрасно я веду разговор с тобой. На тебя напущена порча. Я возьму тебя в свою ярангу,— и он быстро схватил Тыгрену за руку.

Между ними стала Наталья Семеновна и безуспешно молча вырывала руку Тыгрены.

— Что нужно этой белолицей? — зарычал Алитет и с такой силой толкнул Наталью Семеновну, что она упала на пол.

На шум вбежал подъехавший Айе. Наталья Семеновна крикнула:

— Зови скорей Лось!

— Подожди, Наташа,— сказал Айе и, обращаясь к Алитету, взволнованно проговорил: — Ты забыл, что я теперь не песец, а ты не волк? Отпусти руку Тыгрены! — крикнул он и, не дождавшись, вцепился в шею Алитета.

Но Алитет вывернулся, и оба они упали на пол. Наталья Семеновна выбежала, крича о помощи.

Айе с Алитетом катались на полу, а Тыгрена, схватив Алитета за ногу, тянула его к двери.

Вбежали Лось, Жуков и начальник милиции.

— Арестовать и взять под стражу! — приказал Лось.

Вытирая пот с лица, Алитет стоял посредине комнаты и, задыхаясь, говорил:

— Начальник! Тыгрена — моя жена, ты сам видел ее в моей яранге.

— Вывести его отсюда! — крикнул Лось.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Необычное случилось на побережье. Русские заперли в деревянную ярангу Алитета, и он сидит там, как тюлень в сетке. Эта новость распространилась с неизвестной быстротой, обрастав по пути чудовищными слухами.

Об Алитете шли разговоры в ярангах приморских зверобоев, на охоте, при встречах в дороге, в глубинах тундры и везде, где только собиралось несколько человек.

Шаманы говорили, что русские строят крепкие деревянные яранги, чтобы ловить и запирать в них чукотских людей. Теперь жить по большим рекам нельзя. Летом понаедут русские на своих вельботах-самоходах и будут забирать оленеводов, чтобы уничтожить их. Оленным людям нельзя стоять большими стойбищами. Нужно разбиваться на мелкие стойбища — по две, по одной яранге. Русские хотят уничтожить стада.

Другие говорили, что этого не может быть, потому что Лось и Андрей — друзья чукотского народа.

Создалась сложная обстановка. Даже новость о большом празднике словно померкла.

Лось ходил по комнате и вместе с Андреем, Яраком, Ваамчо и Айе обсуждал создавшееся положение.

— Надо выпустить Алитета. Пусть уезжает отсюда, — предложил Ярак. — Только разговоры идут из-за него.

— Очень плохо, если его отпустить, — сказал с волнением Ваамчо. — Еще хуже пойдут разговоры.

Айе, чувствуя себя виновником переполоха, сидел молча.

Лось, остановившись около Жукова, сказал:

— Видишь, Андрюша, когда начинается здесь революция! Это уже настоящая борьба. Надо умненько вступать в этот бой. Нужно что-то очень серьезное противопоставить этой кулацко-шаманской шумихе.

— Так просто взять да и выпустить Алитета — это, мне кажется, будет большой ошибкой. Надо устроить всенародный разбор хитрой и лживой жизни Алитета. Как вы думаете, товарищи? — сказал Жуков.

— Правильно, правильно, Лось! — воскликнул Айе. — Правду надо рассказать народу и показать ее.

— Вот что, друзья мои, — сказал Лось. — Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что мы разобьем все эти вздорные слухи. И очень скоро. Мы организуем общественный суд. Надо лишь добиться, чтобы на суд съехались как можно больше людей из разных мест.

Правильно говорит Айе: пусть люди сами посмотрят и послушают Алитета. Пусть люди увидят, какой Алитет в действительности. Мы в глаза расскажем ему при всем народе всю его жизнь, построенную на обмане, на насилии. Пусть он сам себя покажет. Мы заставим его говорить. Но судить его должны люди авторитетные, как, например, старик Ильич, как старик Лёк. Это сейчас очень важно. Надо обязательно сделать так, чтобы Лёк приехал.

— Очень хорошо ты придумал, Никита Сергеевич! — восторженно проговорил Айе.

— Вот, товарищи, вам сейчас же придется всем троем разъехаться в разные стороны и пригласить людей на разбор жизни Алитета, — сказал Андрей.

Парни мигом разошлись, и Лось, глядя им вслед, с улыбкой сказал:

— Живые повестки, Андрюша. А ты распорядись, чтобы этого сук이나 сына Алитета кормили вдоволь, чтобы на суд он явился не заморенным. А то слышишь, что говорят? Есть ему не дают.

— Не беспокойся. Жрет, как голодный волк. По целому чайнику выпивает после каждой закуски. Говорит: «Живу в деревянной яранге, и еду давайте таньгинскую, с солью».

— На суде немалую роль должна сыграть Тыгрена. Очень многое от нее зависит. Я думаю, что она не сдаст своих позиций.

— Никита Сергеевич, Тыгрена — непримиримый враг Алитета. Это вопрос всей ее жизни. Я уже говорил с ней. А сейчас у нее Наталья Семеновна. Не отпускает ее от себя Тыгрена. И как они понимают друг друга? — сказал Андрей, разведя руками.

— Иначе, Андрюша, и быть не может. Каждому честному человеку, независимо от степени развития, свойственно стремление к свободе. Зайдем к ней.

И они перешли в соседнюю комнату.

— Ну, как живешь, Тыгрена? — спросил Лось.

— Ты зачем далеко послал Айе? — тревожно спросила Тыгрена. — Алитет ведь здесь. Наверное, он теперь стал совсем злым. Он разломает деревянную ярангу и вылезет. Он сильный. Беда может случиться.

— Не беспокойся, Тыгrena, он не вылезет. Его ми-лиционер караулит.

— Если он придет ко мне, я буду стрелять. Вон ружье мне оставил Айе.

— Передайте ей, что я останусь у нее ночевать,— сказала Наталья Семеновна.

И когда Андрей перевел, Тыгrena посмотрела на Наталью Семеновну и сказала по-русски:

— Хорошо, Наташа.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Не во-время пришла новость о разборе жизни Али-тета: был необычайный набег песца. Песцы забегали даже в стойбища, их ловили собаки. Редко охотники возвращались без добычи. Случалось, что в капканы одного охотника попадало два и три песца. Подъ-езжая к яранге, охотник еще с нарты радостно кричал:

— Еще привез песца!

Промерзшего зверька отогревали в пологе, и охот-ник, разложив песца на коленях, осторожно снимал драгоценную шкурку. Он ловко подпарывал острием ножа кожицу, начиная с губ, и всю шкурку снимал чулком, постепенно оголяя красноватое мясо тушки. Натянув затем шкурку на правила, он весело вкри-кивал:

— Сорок кирпичей чаю!

Как же так? Всюду, где ни бывал Алитет, везде он говорил, что скоро переведутся песцы в чукотской тундре, потому что русские не любят песцов, а аме-риканов не стало.

И вдруг небывалый набег песцов!

Но как же быть теперь? Ярак, покупающий песцов, сказал, чтобы все ехали на разбор жизни Алитета. О, это очень любопытная новость! Конечно, новость по-том придет, но послушать ее самому — это вдвойне любопытней. И, несмотря на разгар промыслового се-зона, охотники решили ехать на кульбазу. Пусть не-сколько дней женщины посмотрят капканы. Вон энма-

кайские бабы всю зиму охотятся. Да и Ярака не стоит обижать, раз он приглашает. Все-таки торгующий человек. Нельзя сердить такого человека.

Женщины с затаенным дыханием прислушивались к новостям, ходившим по побережью. Многих волновала судьба Тыгрены. Одних интересовало, чем все это кончится, у других Тыгрина вызывала чувство сожаления.

Айе рассказывал, что Алитет прискакал, чтобы опять забрать Тыгрену, но новый закон заступился за нее.

В день суда с самого раннего утра на кульбазу со всех сторон подъезжали одна за другой нарты.

В полдень начался разбор жизни Алитета. В большой комнате, где был назначен суд, собралось множество людей. Все с нетерпением ждали:

«Что же будет? Что это за разбор жизни?»

Отдельно за столом, на возвышении, сидел Лось с очень суровым и строгим лицом. По одну сторону его сидел Ильич, по другую — Лёк. Старики преисполнились важностью предстоящего дела. Им нужно было решить: правильная жизнь у Алитета или неправильная. Так сказал Лось, садясь за этот стол.

Вошел Алитет в сопровождении милиционера. Его провели вперед и посадили на отдельную скамью.

Люди привстали, разглядывая Алитета, будто они никогда его и не видели. Все зашептались, и, словно прибой волны в тихую погоду, ворвался шум:

— Смотри, смотри, он совсем не исхудал! Говорили, что русские не давали ему еды. Лживую новость кто-то пустил.

— Хо, ему особый почет! Одному целую скамейку подставили. Отдельно от людей. Не вздумали ли русские помириться с Алитетом?

Лось встал и, держа бумагу в руке, рассказал, в чем обвиняется Алитет. И, обращаясь к Алитету, спросил.

— Обвиняемый Алитет, у тебя есть вопросы к суду?

— А что такое «суд»? — медленно произнес тот.

— Встань, когда разговариваешь с судом.

Алитет помолчал, не вставая с места, и, озираясь кругом, сказал:

— Зачем я буду вставать? Язык во рту одинаково болтается и у стоящего, и у лежащего, и у сидящего. Зачем я буду стоять? Смотри, кругом все сидят.

— Пусть сидит, пусть только уши открытыми держит,— сказал Ильич.

— Товарищ Ильич, потом скажешь свое слово,— перебил его Лось.

— Зачем потом? Мне как раз пришла охота говорить сейчас. Я хорошо знаю этого Чарли. Давно это было, он отнял у меня двух лучших собак! — разгорячился старик.— Даром забрал! Смеясь забрал! — повышая голос, выкрикивал он.

— Товарищ Ильич, потом скажешь об этом,— попросил Лось, стремясь соблюсти хотя бы элементарный порядок.

Но старик разошелся, и уже не было никакой возможности остановить его.

— Нет. Нет! Я сейчас хочу говорить,— упорствовал он.

— Пусть говорит Ильич,— важно сказал Лёк.

Лось вынужден был согласиться.

Алитет, наблюдавший за всеми, проникся уважением к Лосю и злобно посматривал на старика Ильича. Ему показалось, что Лось защищает его от нападок Ильича.

Еще на празднике Большого говоренья Ильич видел, как все те, кто хотел говорить, выходили из-за стола на край возвышения. Несколько торопливо Ильич поднялся со стула, по-стариковски семеня ногами, отошел в сторонку и, обращаясь к людям, заговорил очень тихо.

— Люди! Смотрите на него, на этого человека. Хороший человек Чарли? Нет, нехороший. Собак он у меня забрал? Забрал. Все знают это. У Пананто вожака отнял? Отнял. Да еще имя сменил ему: Чарли назвал собаку. И себя так зовет.

— Я отказался от этого имени. Опять стал Алитетом! — крикнул подсудимый.

— А? — удивился Ильич. — Что-то я не слышал такой новости.

— Правильно,— сказал Лёк.— Американы обманули его, и он опять стал Алитетом.

— Все равно. Пусть Алитет,— растерявшись, проговорил Ильич и, одернув на себе пояс, продолжал: — У Трех Холмов приманку Ваамчо залил таньгинским светильным жиром кто? Вот он, Алитет,— и старик строго показал на него пальцем.— Или он хороший торгующий человек? А кто лучше покупает песцов? Алитет или вот Ярак? А? — и Ильич с выжидательной усмешкой остановился, словно найдя самое тяжкое обвинение.— Он за бесценок брал шкурки. Теперь-то это каждый человек видит. Худой человек Алитет со всех сторон. Он ногами правду топчет, а обман носит высоко в руках. Женщину Тыгрену кто отобрал насильно у Айе? Алитет. Он нарушил обычай нашего народа. Зачем он отнял у Айе Тыгрену? Ведь Айе был ее муж по обещанию с детства. Пусть Тыгрена своим языком скажет: хотела ли она стать женой Алитета?

Ильич сам себе захлопал в ладоши и пошел на свое место.

Алитет встал и, показывая рукой на Ильича, сказал:

— Умкатаген врет!

— Здесь нет Умкатагена,— перебил его Лось.

Ильич засуетился, приподнялся и, уставив на Алитета свои острые глаза, проговорил:

— Ага! Слыхал? Здесь говорил Ильич. Он говорил только правду. Он никогда еще не говорил лжи. Умкатаген был, я его знал, но он тоже не любил говорить неправду.

— Начальник,— обращаясь к Лосю, сказал Алитет,— раньше все говорили, что Алитет хороший. И я сам знаю, что я хороший. И Лёк, мой приятель, знает, что я никому не отказывал в куске мяса и жира, когда наступал голод. Я давал бесплатно товары.

— Я перестал быть твоим приятелем,— подал голос Лёк.

Алитет смущенно помолчал и стал говорить о Тыгрене:

— Она слишком молода, и разум ее не велик. Женщина она. Она не была голодной в моей яранге. Если собака не слушается хозяина, всякий знает, что ее нужно постегать. Поэтому я заберу Тыгрену обратно. У многих охотников нехватало еды на одну жену. В моей яранге еда всегда была в избытке, и я забрал Тыгрену второй женой. Разве плохо ей стало от этого? Или она голодной сидела в моей яранге?

— А почему Тыгрена убегала — и неоднократно — из твоей яранги? — перебил его Лось.

И опять Алитету показалось, что Лось поддерживает его.

— Да, да. Почему убегала? — обрадовавшись, сказал Алитет. — От недостатка разума убегала.

Все знали, что русский начальник не любит Алитета. Все ждали ругательных слов от него, а он говорил с Алитетом спокойно, как охотник, встретивший своего приятеля. Трудно понять русских людей! Удивлялся и сам Алитет, все более и более набираясь смелости. Еще никогда, как думал Алитет, он не разговаривал с Лосем более душевно.

— Садись, Алитет, — сказал Лось. — Тыгрена, объясни суду, почему ты не хотела и не хочешь жить в яранге Алитета?

— Не надо спрашивать женщину! — крикнул осмевший Алитет.

— Сядь на свое место и помолчи! — повысив голос, сказал Лось.

Тыгрена встала. Взглянув с ненавистью на Алитета, она молчала, будто не решалась заговорить. От волнения ее грудь поднималась.

— Говори, говори, Тыгрена. Все говори, — шепотом сказал Айе, сидевший за ее спиной.

Тыгрена заговорила:

— Мой отец Каменват был бедный человек. Он был бедным потому, что старым стал. Он брал у Алитета товары, давно брал, а заплатить шкурками не мог. Он перестал ходить на охоту. Поэтому Каменват боялся Алитета. Сердце Каменвата думало как мое, а язык говорил угодное Алитету. И тогда Алитет меня забрал, насилино забрал. Стала я жить у него. Приехал

его дружок Эчавто — совсем дрянной старик. И ночью Алитет отдал меня ему. Я убежала в ту же ночь к отцу Каменвату. Опять забрал Алитет. Стало хуже. Огонь жег мое сердце. Опять сбежала, и опять забрал Алитет. В яранге прибавилась еще жена — сестра первой. Они были дружны, как пальцы одной руки. И я все время уходила на охоту. Я мерзла, сидя во льдах, а домой не хотелось идти. Я много натащала тюленей. Алитет врет, что он кормил меня. Я сама кормилась да еще собакам его добывала корм. Четыре упряжки собак у него было. Им много нужно было корма. Люди сами знают, сколько я добывала зверя.

— Тыгрена, скажи суду: желаешь ты возвратиться к Алитету? — сказал Лось.

— Нет! Я не хочу! — закричала Тыгрена. — Если и ты хочешь отправить меня к Алитету, я лучше разобьюсь, прыгну со скалы.

— Начальник, — обратился Алитет, — она женщина. Ее не надо спрашивать. Разве хозяин спрашивает собаку, куда он хочет ехать? Язык ее стал сильно болтлив. Ха-ха! Она забыла, что за нее дана плата? Не даром взял я ее. Четыре собаки отдал, и какой большой долг я простил Каменвату — ее отцу!

Тыгрена сильно заволновалась; сердце забилось часто; она порывалась встать, заговорить, но Айе удерживал ее за руку.

— Подожди, подожди! Пусть говорит Алитет. Ему все равно не верит Лось, — шептал Айе.

Но Тыгрене все же казалось, что этот разбор жизни может кончиться тем, что опять ее отдадут Алитету, и она не могла успокоиться.

Лось прервал Алитета и сказал:

— Тыгрена, ты не волнуйся. Насильно теперь никто не заставит тебя вернуться к Алитету.

До вечера тянулся разбор жизни Алитета и Тыгрены. Еще никогда на этом побережье не было такого разбора. Ой, как много здесь всплыло новостей! Очень любопытные новости. Мэри рассказала суду о том, как Алитет привозил Тыгрену к Чарли-Красному Носу и как Айе дрался с ним. Потом выступила как об-

щественный обвинитель жена Лося Наталья Семеновна. Она говорила с возмущением, горячо и взволнованно. Андрей переводил ее слова, и люди слушали и слушали без конца.

— Большие новости! Неслыханные новости! Ради таких новостей стоило приехать. Не напрасно приехали. Вот он какой, новый закон! Этот закон стоит за слабых,— говорили люди.

Суд постановил расторгнуть брак Алитета и Тыгрены, взыскать с Алитета часть имущества в пользу Тыгрены, а самого Алитета из-под стражи освободить.

Взволнованные необычным, люди заспешили в свои стойбища, чтобы скорей рассказать новости о разборе жизни Алитета.

— Ай, какие новости!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Все перепуталось в голове Алитета. Он сам был убежден в том, что он хороший человек, а люди сказали о нем плохое. Что такое? Или у них испортились глаза, что они перестали видеть? Или они забыли, как Алитет помогал всем людям? Он никогда не отказывал людям ни в товарах, ни в еде! Что они? Перестали быть настоящими людьми? А Лёк? Куда девался его разум?

Эти русские, пожалуй, скоро начнут портить и горных людей. Алитет тяжело вздохнул и молча вышел из дома и один, ни с кем не останавливаясь, пошел к своим собакам. Он шел и думал: «Нет, там в горах им будет потрудней. Хозяева больших стад не очень-то будут их слушать. Русские устроили у Эчавто родовой совет из пастухов, а он прогнал этих пастухов. Эчавто — понимающий хозяин!» В стороне Алитет заметил Лёка, рассматривавшего доски, видневшиеся из-под снега. Лёк нагнулся, крякнул и вытащил одну доску. Со знанием дела он оглядел ее своим глазом, попробовал согнуть и решил, что если доску распарить в горячей воде, как это делается с полозьями нарты, она хорошо будет гнуться.

К нему подошел Алитет.

— Лёк,— сказал он,— ты перестал быть моим приятелем?

Лёк вскинул на него свой глаз и с чувством сожаления, серьезно сказал:

— Да, перестал.

— Почему перестал?

— Ты неправильный человек.

— Я тоже перестал считать тебя своим приятелем,— сказал удивленный и обиженный Алитет и направился к собакам.

Тяжела была эта встреча Лёку. Уже без надобности он взялся за доску, нашел упор для конца ее и опять стал гнуть ее. Доска пружинила.

«Вот так и Алитета гнут»,— подумал Лёк.

Еще издали Алитет увидел свою упряжку. Он не видел собак несколько дней и беспокоился, что они до сих пор не кормлены и совсем отошли. Но, подойдя к ним, он сразу успокоился: собаки были в теле. Они бросились к нему, окружили, положив сильные лапы на его грудь, на спину, на бока. Он стоял в окружении собак и гладил их морды.

Молодой парень в тазике принес корм и стал бросать собакам куски нерпичьего мяса. Но собаки не отходили от Алитета.

Алитет узнал парня. Это был Човка из стойбища Янракенот. Алитет спросил:

— Човка, не своими ли ты стал считать моих собак? Зачем ты их кормишь?

— Нет. Чужих собак я не считаю своими. Меня приставил кормить их Андрей.

— Андрей? — недоуменно переспросил Алитет.

— Да, Андрей.

«Что такое?»— подумал Алитет, не находя объяснения поступку Андрея после всего того, что произошло на суде.

Он долго стоял в раздумье. Потом ощупал спину каждой собаки.

— Хорошо кормлены. Дай-ка тазик, я хочу покормить их сам.

Держа в руке таз, Алитет бросал куски прямо в

пасти собак. Сверкая глазами, они мгновенно пожирали мясо и ждали следующего куска.

Алитет решил перед отъездом найти Андрея и поговорить с ним. Почему Андрей все-таки захотел кормить его собак?

Алитет нашел Жукова в просторной светлой-комнате, на стенах которой висело множество бумаг в разных красках. С некоторых бумаг смотрели какие-то неведомые русские люди. В комнате были стулья, как у Чарли-Красного Носа. Алитет молча и привычно сел на стул.

— Ты что пришел? — сухо спросил его Андрей.

— Начальник, — сказал Алитет, — я скоро поеду домой. Ты хорошо поступил с моими собаками, как настоящий человек.

— Поезжай, поезжай. Только имей в виду, что если ты сам не выделишь часть имущества Тыгрене, приедет к тебе усатый милиционер, и тогда будет хуже. Понял?

— Хорошо. Я много отдаю тебе песцов. Я отдаю тебе их все, что есть. Потому что они мне не нужны стали. Обманули меня американцы. Я отдаю их тебе. Только скажи Тыгрене, чтобы она собиралась ехать со мной. Я буду тосковать без нее. Она женщина, но в голове ее заложен разум больше, чем у других женщин. Она мне нужна.

— Она к тебе больше никогда не вернется.

— Если она не вернется, ваша речка к весне пойдет кровью! — угрожающе сказал Алитет.

Андрей усмехнулся, встал и, подойдя к большой карте, висевшей на стене, сказал:

— Смотри, это все реки: Енисей, Лена, Индигирка, Колыма, Чаун, Амгуэма. Это очень большие реки.

— Я знаю Амгуэму. Я много ездил по ней.

— И вот, — продолжал Андрей, — никогда еще они не текли кровью. Мы хорошо знаем, что и наша речка кровью не потечет.

Вошел Лось. Он нахмурился, увидев Алитета.

— Что здесь такое? — строго спросил Лось.

— Пугает, что весной речка кровью пойдет,— сказал по-русски Андрей.

— Вон отсюда! — крикнул Лось Алитету.— И чтобы я тебя не видел здесь никогда.

Лицо Алитета искривилось, он быстро вышел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Алитет понял, что Тыгрена для него потеряна так же, как и торговля, и решил немедленно уехать в Энмакай. На улице он встретил Човку и велел ему запрягать собак.

— Алитет,— сказал Човка,— сейчас я был в яранге Айе. Там сидит Тыгрена. Она сказала: пусть Алитет забирает собак, на которых она уехала из Энмакая. Она сказала, что это собаки твои. Она не хочет, чтобы они оставались здесь.

— Пристегни их к моей упряжке и на дорогу положи в нарту мяса,— сказал Алитет.

В ночь, не дожидаясь утра, оч выехал. Небо было пасмурное, звезды скрылись, нависла тьма над землей. В тишине ночи собаки бежали крупной рысью. Алитет ехал всю ночь. Лишь к утру он подумал, что не мешало бы покормить собак, но тут же решил гнать упряжку без остановки до самого Энмакая и погнал собак, как безумный. Никогда еще так безжалостно он не относился к собакам. Порой он без надобности бросал в собак остол, и легкая нарта, в упряжке которой было двадцать восемь собак, мчалась все быстрей и быстрей.

Ни на суде, ни в разговоре с Андреем и Лосем злость не охватывала его так, как теперь, когда он очутился в одиночестве среди широкого простора. При мысли о русских он загорался такой ненавистью, какой никогда еще не испытывал.

Впереди разливался туман, низко стелясь по земле. Алитет вспомнил обрыв Медвежье ухо, где он хотел погубить Лося и Андрея, и злобно выругал себя:

— Меркичкин я!

Сидя на нарте, он взмахнул остолом и изо всей силы ударили по спине заднюю собаку. Заскулив, собака упала, поволоклась — у нее отнялись ноги. Алитет затормозил нарту, отстегнул собаку и, бросив ее на дороге, помчался дальше.

«Глазам больно смотреть на русских, уши дрожат, слушая их слова. Как я мог проехать тогда острые камни у обрыва Медвежье ухо? — думал Алитет.— А Браун? Обманщик Браун! От луны до луны просидел я в ущелье Птичий Клюв. И не дождался. Все они, таньги, одинаковы. Они испортили людей побережья. Даже Лёк! Теперь он зовет себя «впереди идущим», владельцем красной книжки, в которой заложено одноглазое лицо его. Рушится старая жизнь. Крепкие обычаи остались только в горах. Правда, и в горы русские начали проникать...»

Алитет тяжко вздохнул, размышая в ночной тишине:

«Надо скоро, скоро уходить в горы, подальше от русских, там они все-таки не очень часто бывают. У Эчавто остались еще мои олени. У Папыле. Еще есть олени у мелких хозяев. Надо занять лучшие ягельники».

Прибыв домой, он разбудил Наргинаут и крикнул:

— Старая нерпа! Спишь, вместо того чтобы встречать мужа! Займись собаками!

Не раздеваясь, он бросился на шкуры и тут же крепко уснул.

Рано утром Алек разбудила Дворкина.

— Учитель,— тревожно заговорила она.— Алитет вернулся. Я боюсь его. Один вернулся. А теперь, когда он узнает, что сбежал и мальчик Гой-Гой, он разозлится, напьется огненной воды — плохо будет всем.

— А куда сбежал Гой-Гой?

— Никто не знает. Он услышал от Наргинаут, что Алитет хочет увозить всех в горы, и сбежал. Гой-Гой не хочет в горы.

— Куда же он мог сбежать?

— Не знаю,— ответила Алек.— Может, во льдах где-нибудь сидит.

Учитель улыбнулся.

— Нет, Алек, он хотел убежать во льды, но ведь он маленький и может погибнуть во льдах. Я задержал его,— и учитель тихо добавил: — Гой-Гой спит в моей комнате, Алек. Пусть живет у меня.

Алек молча смотрела на Дворкина, в глазах ее было удивление, потом радостное одобрение, и с волнением она сказала, показывая на свое ружье:

— Я принесла ружье Ваамчо. Поставь его у себя. Пожалуй, сильно злой будет Алитет.

— Ничего, Алек, не беспокойся. Ружье у меня тоже есть. Ты говоришь, один он приехал, без Тыгрены?

— Да, да, один.

— Я знал, Алек, что он вернется один.

— Ты русский шаман? — удивленно спросила Алек. Дворкин улыбнулся.

— Учитель я, Алек.

— Кто знает, о чем думает Алитет? Он погубит нас.

— Не погубит, Алек,— спокойно и уверенно сказал Дворкин.

Алитет спал долго. И все это время Наргинаут волновалась очень сильно:

«Как сказать Алитету об исчезновении Гой-Гоя?»

И когда Алитет пил чай, Наргинаут сказала:

— Три дня что-то не видно Гой-Гоя.

— Почему не видно? — сухо спросил Алитет.

— Не знаю. Может, ему не захотелось уходить с берега в горы. Может, сбежал он.

И, к удивлению Наргинаут, Алитет спокойно сказал:

— Щенок, который не намеревается слушаться хозяина, пусть бежит со двора.

Алитет встал и объявил себя шаманом. Не взяв с собой никакой пищи, он ушел в камни на трое суток общаться с духами. Он голодал три дня и вернулся осунувшийся, в потрепанной одежде. И, несмотря на то что он был голоден, до вечера не попросил еды. Лишь к ночи Наргинаут принесла ему тюленьего мяса.

— Безумная, или и ты думаешь, что я бедным стал: собираешься кормить меня мясом, которое может раздовать только брюха берегового мышееда? Оленьего мяса давай! — крикнул Алитет.

— Алитет, ты теперь шаман. Шаманы говорят тихо,—осторожно напомнила Наргинаут.

— Оленьего мяса давай! — еще громче крикнул Алитет.

— Оленины нет. Надо съездить за оленями.

— Тогда нынче ночью бросим берег и навсегда уйдем в горы.

— Не успеем добро собрать. У нас три нарты остались. Не заберешь все. Яранга, склад железный...

— Безумная! Разве в кочевьях нужно железо?

— Учитель заберет его. Зачем ему оставлять?

— Ого! Пожалуй, ты не худшая советчица, чем Тыгрена, ставшая неразумной и коварной. Возьми пешню, иди на море и начинай долбить лунку около льдины, похожей на собаку. Два шага в длину и полтора в ширину. Ступай,— и Алитет опять развалился на шкурах.

Осунувшиеся скулы его дергались, глаза в узких щелках возбужденно бегали, он ожесточенно теребил редкую, давно не срезавшуюся черную с проседью бороду.

— Столбы от склада и ярангу, доски и все дерево сташи в одну кучу. Заставь это сделать Аттенеут. Много работы будет ночью.

Стойбище крепко спало.

Алитет содрал гофрированное железо, женщины укладывали листы на нарты и отвозили их в море, к лунке.

В темноте напоминая скелет кита, вырисовывался остов торгового склада Алитета. И когда к лунке были доставлены последние листы, сюда торопливо пришел Алитет. Он схватил один лист и долго смотрел на волнистую оцинкованную поверхность его. Наконец, подойдя к самой лунке, бросил в нее железо. Лист скользнул и исчез в пучине моря.

Алитет хватал листы и бросал их в лунку. Наргинаут быстро подавала листы.

Женщины торопливо стаскивали в одно место бревна, доски.

— Зачем сюда таскать? К вышке надо! А то еще будут лазить на нее. Стоймя ставьте дерево около вышки.

Дула поземка.

Всю ночь напряженно работал Алитет. Уже стояли три упряжки и нарты, загруженные домашним скарбом, необходимым в горах.

Алитет притащил к вышке банку с керосином. Он выплеснул керосин на сложенное дерево, бросил зажженную серную спичку, и огромное пламя охватило груду сухого дерева.

Алитет стоял в стороне и злорадно смотрел на невиданный большой костер. Языки пламени заметались, как сторукий сказочный зверь.

Женщины сидели на нартах и испуганно смотрели на страшный огонь. С грохотом упала вышка.

— Все! — сказал Алитет.

Он подбежал к передней нарте, оглянулся на большой костер и, словно боясь длинных языков пламени, взмахнув остолом, дико закричал на собак.

Показались разноцветные лучи беспокойных сполохов. Краешком, робко выглянула луна, но тотчас же скрылась за проходившим облаком. Завывал ветер.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Книга первая

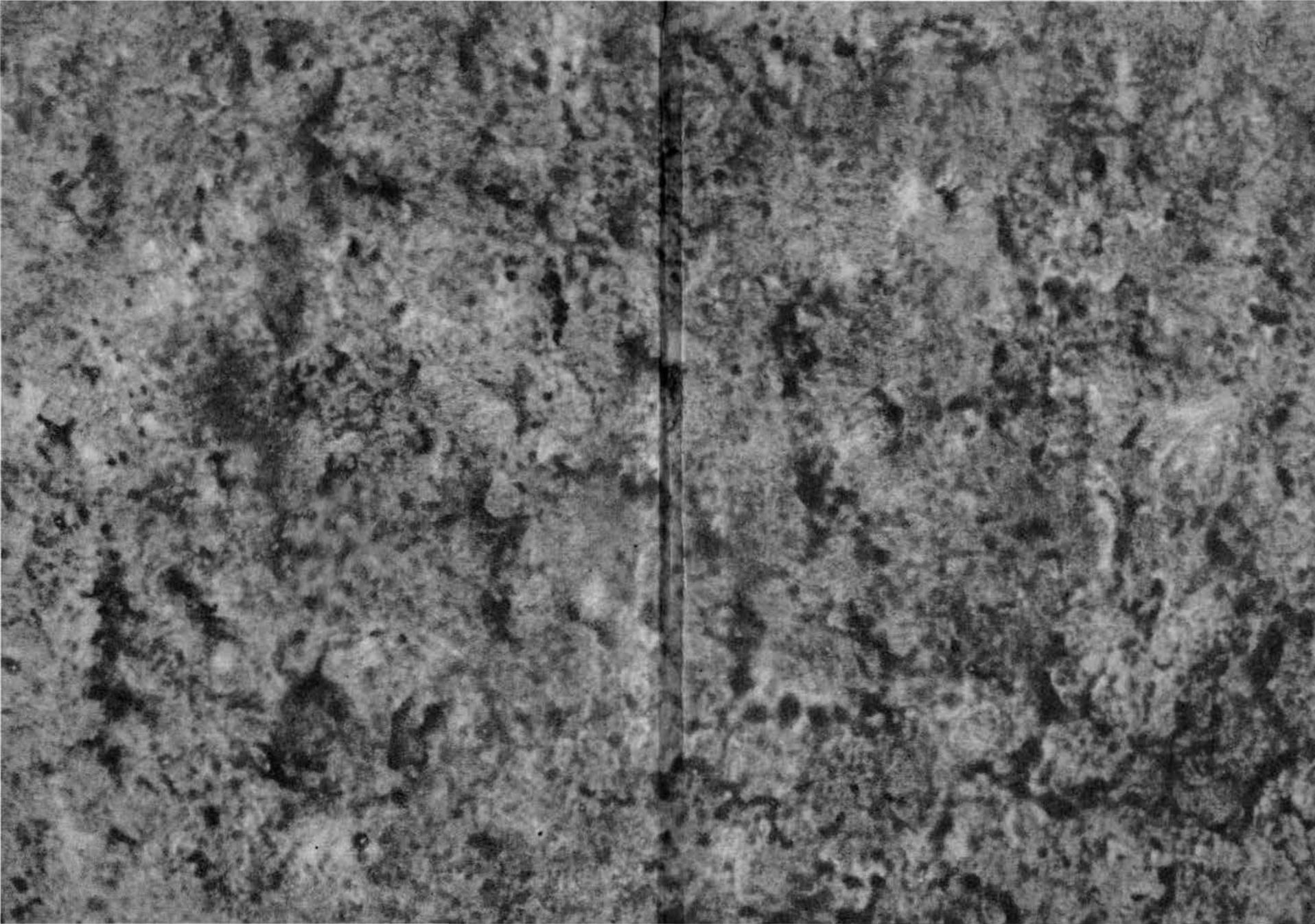
Часть первая	5
Часть вторая	127

Книга вторая

Часть первая	275
Часть вторая	390

Редактор И. Трусов
Художник В. Оффман
Техн. редактор Н. Потемкин

А00889. Подписано к печати 11/VI 1949 г.
Печ. л 32¹/₂. Авт. л. 24,78. Уч.-изд. л. 25,22. Формат бумаги 84×108¹/₂₂.
Отпечатано в тип. М-121, М-306 и М-104 с матриц. Первой Образцовой
типографии имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Мини-
стров СССР. Москва.

Цена 11 руб. 50 коп.